

СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО.

ОСНОВЫ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Ж. СИМОНА

БЫВШАГО ФРАНЦУЗСКАГО КОНСУЛА.

ПЕРЕВОДЪ

В. РАНЦЕВА.

1990

|

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелеева.

1886.

HARVARD-YENCHING LIBRARY

HARVARD UNIVERSITY

2 DIVINITY AVENUE

Subbasement Storage

MAR 9 1970

~~N2470/81~~

DS 719 .S56 1886x

Simon, Jules, 1814-1896.

Sredinnoe tsarstvo

Типографія и Литографія В. А. Тихонова. По Большой Садовой
улицѣ, между Мучнымъ пер. и Гороховой ул. д. № 27.

· ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Часть I.	
Семья.	1
Часть II.	
Трудъ	63
Часть III.	
Государство.	131
Часть IV.	
Правительство.	185
Часть V.	
Семья Уангъ-Мингъ-Це	234
Приложение.	363

ЧАСТЬ I.

С е м ь я.

Многіе геніальныя люди, въ томъ числѣ Паскаль, Лейбницъ и Бэконъ, утверждали, что родъ человѣческій долженъ рассматриваться какъ одинъ человѣкъ, который все время живеть и учится. Это положеніе, высказанное о всемъ человѣчествѣ въ совокупности, можетъ быть применено и къ ограниченной его части, называемой семьей. Факты такъ называемаго атавизма, ежедневно наблюдаемые учеными, дѣйствительно открываютъ такую прочную солидарность между послѣдовательными поколѣніями, что отъ этой солидарности очень недалеко до единства и тождества, какъ понимали ихъ Паскаль, Лейбницъ, Бэконъ и Леру. Если утвержденія ихъ о человѣчествѣ вообще оказываются справедливыми по отношенію къ отдельной семье, то они должны быть истинными также и по отношенію къ народности, являющейся промежуточнымъ звеномъ между отдельной семьей и человѣчествомъ. Всѣ древнія народности, о которыхъ сохранилось у насъ воспоминаніе, исчезли, за исключеніемъ одной, которая оказывается поэтому старѣйшей изъ всѣхъ су-

ществующихъ въ настоящее время. Можно было бы возразить на это, что болѣе юныя народности наслѣдуютъ отъ предшествовавшихъ имъ, а потому начала французской, англійской, русской и т. п. народностей восходятъ ко временамъ самаго отдаленаго прошлаго. На самомъ дѣлѣ, всѣ эти народности являются наслѣдницами древнихъ лишь въ боковой линіи, тогда какъ современная китайская народность—прямая наслѣдница народности древне-китайской. Этимъ и объясняется исконная ея самобытность. Наслѣдственность проявилась у нея совершенно правильнымъ образомъ, не подвергаясь сопротивленіямъ и видоизмѣненіямъ, вызываемымъ перемѣной среды. Прогрессивное развитіе въ области идей и фактовъ не испытывало въ Китаѣ никакихъ потрясеній, которыхъ могли бы нарушить его правильность. Не было вѣнчаний вліяній, задерживавшихъ это развитіе или же измѣнявшихъ его направление. Этому обстоятельству, обуславливающему, какъ уже упомянуто, исконную самобытность китайской народности, слѣдуетъ приписать, быть можетъ, и безпримѣрную въ исторіи долговѣчность китайского государства.

Съ китайской народностью Европа почти незнакома. Между тѣмъ было бы небеззинтесно выяснить результаты, къ которымъ пришло человѣчество, развиваясь въ такихъ условіяхъ какъ въ Китаѣ, узнать достигнутую имъ степень прогресса, выработанный имъ общественный и государственный строй, короче сказать, познакомиться съ китайской цивилизаціей.

Книга эта имѣть цѣлью дать отвѣтъ на относящіеся сюда вопросы. Необходимо, однако, предварительно условиться относительно значенія слова «цивилизація», такъ какъ съ этимъ словомъ могутъ быть соединены

весьма различные понятия. Мы будемъ признавать наиболѣе цивилизованнымъ государствомъ такое, въ которомъ на данномъ территориальномъ пространствѣ возможно большее число людей сумѣло доставить себѣ и распределить между собою наиболѣе равномѣрнымъ и дешевымъ способомъ наибольшее количество благосостоянія, свободы, справедливости и безопасности.

Разсмотрѣвъ съ этихъ точекъ зреінія положеніе «Срединнаго Царства», я укажу, какимъ путемъ, при посредствѣ какихъ именно руководящихъ принциповъ достигнуто было это положеніе.

I.

Сообразуясь съ указаннымъ порядкомъ изслѣдованія, необходимо прежде всего обратить вниманіе на численность народонаселенія. Для всей китайской имперіи численность эта простирается до 537 миллионовъ душъ (включая сюда кочевые монгольскія племена, а также населеніе вассальныхъ Китаю странъ: Тибета, Аннама и т. п.). Эта почтенная цифра составляетъ болѣе трети всего населенія земного шара. Ограничиваюсь, однако, предѣлами настоящей китайской территории, омываемой съ востока и юга моремъ, огражденной съ запада горными кряжами, отдѣляющими ее отъ Тибета, а съ сѣвера—Великою Стѣной, найдемъ тамъ, на пространствѣ 300 миллионовъ десятинъ (т. е. въ 6 или 7 разъ болѣшимъ Франціи), населеніе болѣе чѣмъ въ 400 миллионовъ душъ.

Извѣстно, что Европа, обладающая поверхностью въ четверо или въ пятеро большей собственного Китая, имѣеть всего лишь 280 миллионовъ жителей. Необходимо замѣ-

тить при этомъ, что въ Китаѣ есть области, которыя, не уступая по величинѣ Германіи или Франціи, имѣютъ по 5—6 и даже по 7 жителей на десятину. Въ нѣкоторыхъ округахъ, столь же обширныхъ какъ Бельгія, густота населенія доходитъ до 12 и даже до 16 человѣкъ на каждую десятину поверхности. Изъ европейскихъ мѣстностей можно сравнить по населенности съ Китаемъ развѣ только островъ Джерси и прибрежную полосу Валенсіи. Густота населенія въ «Срединномъ Царствѣ» кажется настолько чрезвычайной, что ее нерѣдко оспаривали, относясь съ незаслуженнымъ недовѣріемъ къ официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Для тѣхъ, кто имѣлъ случай путешествовать по Китаю, она не подлежитъ никакому сомнѣнію. Даже въ 8-ми стахъ миляхъ отъ морского берега, у самыхъ границъ Тибета (гдѣ населеніе сравнительно малочисленнѣй), мнѣ зачастую приходилось проѣзжать черезъ города съ народонаселеніемъ отъ 500 до 1. 500.000 человѣкъ. Въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ нерѣдко встрѣчались мнѣ дорогой громадныя толпы народа, шедшаго на базаръ. Случалось, что 15—20 тысячъ человѣкъ скоплялось такимъ образомъ тамъ, гдѣ за день передъ тѣмъ можно было бы найти лишь нѣсколькихъ трактирщиковъ. На всемъ моемъ пути, изъ конца въ конецъ Китая, лежало такое множество сель, деревень и отдельныхъ хуторовъ, расположенныхъ такъ близко другъ отъ друга, что объ этомъ могутъ дать нѣкоторое понятіе лишь окрестности большихъ европейскихъ городовъ. Поэтому то въ Китаѣ попадаются на нѣкоторыхъ озерахъ сады и огороды, устроенные на плотахъ. Неприступныя на первый взглядъ скалы воздѣланы трудолюбивой рукой землемѣльца. Самый характеръ землемѣльческой культуры отличается преобладаніемъ наиболѣе

цѣнныхъ и нѣжныхъ насажденій, требующихъ особенно тщательного и сложнаго ухода (сахарныя, шелковичныя, восковыя плантаціи и т. п.). Даже и на окраинахъ почва многихъ долинъ доведена до такого плодородія, что съ гектара (91 сотая десятины) даетъ отъ 12 до 14 тысячъ килограммовъ риса, вслѣдствіе чего гектаръ земли имѣеть тамъ цѣнность отъ 25 до 30 тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, относительно численности населенія, китайцы оставили насъ далеко позади себя. Въ то время, какъ мы жалуемся уже на избытокъ народонаселенія и стараемся всячески уменьшить его посредствомъ войнъ, безбрачія, добровольнаго бесплодія, и т. д., китайцы продолжаютъ плодиться и множиться, какъ еслибы въ распоряженіи ихъ состояло безпредѣльное пространство земли. Возрастаніе численности народонаселенія ихъ нисколько не страшить, и я думаю, что они правы. Легко измѣрить пространство поля, но нельзя указать границъ его плодородію. Какъ говорится «по Сенькѣ и шапка», по человѣку и земля. Китай является этому нагляднымъ доказательствомъ. Самыя населенные теперь китайскія области были нѣкогда сравнительно малонаселенными и бесплодными. Пустынныя горы и обнаженные скалы обращены теперь въ террасы, покрытыя цвѣтами и плодовыми деревьями. Необходимо замѣтить, что китайцы не тратятъ по пустому удобренія, которыя могутъ увеличить плодородіе почвы: они не спускаютъ нечистотъ въ рѣки, а считаютъ своею обязанностью возвратить землѣ то, что было отъ нея заимствовано. Это кажется имъ долгомъ справедливости, неисполненіе котораго наказывается, такъ сказать, само собою. Китайцы предполагаютъ также, что возрастаніе народонаселенія—самое надежное средство къ увеличенію общественного и част-

наго богатства. Всѣ общественныя сооруженія, какъ напр. дороги, каналы, и т. п., обходятся несравненно дешевле въ странѣ съ очень густымъ населеніемъ. Административные расходы оказываются тамъ гораздо меньшими, чѣмъ въ малонаселенной странѣ. Въ то же время промышленность можетъ достигнуть тамъ сравнительно большого развитія.

Дѣйствительно, если административные расходы страны прямо пропорціональны ея протяженію, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратно пропорціональны численности ея населенія; немудрено поэтому, что китаецъ платить въ годъ круглымъ числомъ всего лишь 3 франка, тогда какъ во Франціи средняя цифра обложенія составляетъ отъ 90 до 100 франковъ съ человѣка. За то въ Китаѣ, можетъ быть, нѣтъ никакихъ общественныхъ сооруженій? Увы, какъ это ни прискорбно для нашего европейскаго самолюбія, надо сознаться, что всѣ наши каналы, желѣзныя и шоссейныя дороги совершенно исчезаютъ по сравненію съ громадною сѣтью каналовъ, пересѣкающихъ Китай по всѣмъ направленіямъ.

Что такое наши общественныя сооруженія сравнительно съ великолѣпно обдуманной и грандіозной системой оросительныхъ каналовъ, которые, на пространствѣ въ 800 миль шириной, равномѣрно распредѣляютъ воду и предлагаютъ ее къ услугамъ земледѣльца?

Можно ожидать и другого рода возраженій: позволительно допустить, что уровень благосостоянія у каждого китайца въ отдѣльности очень ограниченный? Мнѣ кажется, что такія возраженія уже достаточно опровергаются самою густотой населения. Не очевидно ли, что китайцы, еслибы имъ жилось на самомъ дѣлѣ плохо, сумѣли бы, подобно тому какъ это дѣлается у насъ

въ Европѣ, найти средства для предотвращенія избытка въ народонаселеніи? Къ тому же известно, что точнѣйшою мѣрой благосостоянія какого-либо народа является процентъ такъ называемой преступности. Обращаясь къ фактическимъ даннымъ, могу заявить, что въ городѣ Гань-Кеу, почти съ 2-хъ миллионнымъ населеніемъ, гдѣ я жилъ въ теченіе нѣкотораго времени, было, за 34 года, совершено лишь одно убийство. Въ области Че-Ли, съ 25-ти миллионнымъ населеніемъ, казнено было въ 1866—67 году всего лишь 12 человѣкъ. Необходимо замѣтить, что въ Китаѣ третья кража наказуется смертью, что тамошніе суды не признаютъ смягчающихъ обстоятельствъ и что область Че-Ли включаетъ также столицу «Срединнаго Царства»—Пекинъ. Чтобы читатель могъ, однако, составить себѣ болѣе точное понятіе о благосостояніи китайскаго народа, ему слѣдовало бы самому посѣтить маленькие крестьянскіе хутора и домики, въ которыхъ я столько разъ пользовался радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ удивился бы опрятности помѣщенія, изяществу лакированной мебели и съ интересомъ просмотрѣлъ бы со мною хозяйственныя инвентари китайскихъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ крестьянъ—житель одного изъ наименѣе богатыхъ округовъ, владѣя всего лишь тремя съ половиной гектарами земли, откладываетъ ежегодно 1500—1800 франковъ; другой, хозяйствичая лишь на одномъ гектарѣ, откладываетъ ежегодно 600—800 франковъ. Я хотѣлъ бы, чтобы читатель присутствовалъ на обѣдѣ у этихъ крестьянъ: онъ убѣдился бы, что пища ихъ гораздо обильнѣе и разнообразнѣе той, которою довольствуются наши земледѣльцы. Въ самой скромной хижинѣ подается къ десерту пирожное. Особенно бросается въ глаза легкая, смѣлая походка и развязность

любого китайского крестьянина, сравнительно съ тяжелымъ и какъ бы пристыженнымъ видомъ большинства французскихъ фермеровъ и батраковъ. Смотря на китайскихъ крестьянъ, сознаешь, что въ «Срединномъ Царствѣ» нѣть между богатыми и бѣдными (т. е. менѣе богатыми), между городскими и сельскими жителями такой разницы, какъ у насъ въ Европѣ. Тамъ чувствуется атмосфера давно установившагося равенства, въ которой всѣмъ живется легко. Существование такой атмосферы устанавливается, во взаимномъ отношеніи между китайцами, изумляющую иностранца вѣжливость и благосклонность.

Въ числѣ способовъ передвиженія, употребительныхъ въ Китаѣ, однимъ изъ самыхъ удобныхъ въ горныхъ округахъ, гдѣ сравнительно мало судоходныхъ каналовъ, являются крытые носилки или такъ называемые паланкины. Я лично сдѣлалъ въ такомъ паланкинѣ миль около семисотъ, по расчету 8 или 9 миль въ день, нанимая для паланкина четырехъ носильщиковъ. Нести какой-нибудь грузъ, даже и вчетверомъ, становится подъ конецъ утомительнымъ, и бѣдному люду въ Китаѣ это какъ нельзя лучше извѣстно. Что же дѣлали бѣдняки, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ? «Сударь,— говорили они, подходя къ одному изъ носильщиковъ,— мы сегодня еще ничего не заработали, не позволите ли намъ заступить ваше мѣсто, чтобы вы могли тѣмъ временемъ отдохнуть?»—«Охотно, сударь, но мы не можемъ дорого вамъ заплатить, мы сами зарабатываемъ немного».—«Мы торговаться не станемъ, сударь, мы вполнѣ полагаемся на ваше великодушіе». И такие случайные носильщики заступали мѣсто нанятыхъ мною, давая имъ возможность пройти одну или двѣ мили позади носилокъ и нѣсколько поразмѣять плечи. Замѣчу кстати, что титулъ сударь

«сіенъ-сенъ» употребляется только по отношению къ совершенно незнакомымъ людямъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ лицомъ, находящимся въ томъ же возрастѣ, называютъ его по имени, прибавляя слово братъ. Въ большинствѣ случаевъ такие названные братья и обращаются другъ съ другомъ по-братьски. Замѣчательно, до какой степени доходитъ эта общая благосклонность даже по отношению къ чужеземцу, къ европейцу, сумѣвшему снискать себѣ довѣріе китайцевъ. Не стану утверждать, чтобы было легко снискать ихъ довѣріе. Въ то время, когда я началъ странствованія мои по Китаю, это было дѣломъ довольно труднымъ. Всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Франція и Англія заставили богдыхана заключить унизительный для Китая миръ. Въ продолженіе нѣкотораго времени мнѣ пришлось состоять подъ секретнымъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ, который былъ для меня очень стѣснительнымъ. За то, когда надзоръ этотъ былъ признанъ излишнимъ, т. е. когда мѣстныя власти убѣдились въ полной безобидности возложенной на меня миссіи и когда мнѣ разрѣшено было производить изслѣдованія въ областяхъ, пограничныхъ съ Тибетомъ, знаете-ли вы, читатель, какимъ образомъ эти же власти стали относиться къ нашему покоренному слугѣ. Какая изъ прерогативъ верховной власти кажется вамъ самою высшей и наиболѣе желательной? Безъ сомнѣнія—право помилованія. Вообразите же себѣ, что мнѣ было предоставлено это право. Съ прибытиемъ моимъ въ какой-нибудь городъ, власть управлявшихъ имъ чиновниковъ стушевывалась предъ высокимъ рангомъ, который правительство богдыхана заблагоразсудило за мною признать. Они продолжали исполнять свои административные обязанности и отправлять правосудіе, но

все это дѣлалось отъ моего имени. Выходя изъ дома, я каждый разъ встрѣчалъ у своихъ дверей нѣсколькихъ просителей, ходатайствовавшихъ о помилованіи или же о смягченіи кары, къ которой они были за день передъ тѣмъ приговорены по суду. Несравненно болѣе, чѣмъ всѣ эти почести, трогаѣтъ меня еще и теперь воспоминаніе объ искреннемъ радушномъ гостепріимствѣ, какое оказывали мнѣ въ селахъ и деревняхъ. Зачастую, покинувъ нашу джонку или паланкины и распорядившись, чтобы они ждали нась на слѣдующей станці, мы сворачивали въ сторону по какой-нибудь тропинкѣ, шедшей черезъ поля, совершенно одни, не принимая никакихъ другихъ мѣръ предосторожности, кромѣ того, что одѣвались тогда въ китайскій костюмъ¹⁾). Мы шли или, лучше сказать, прогуливались, останавливаясь на каждомъ шагу, болтая съ каждымъ встрѣчнымъ о погодѣ, обѣ урожаѣ, и т. п. Вижу, какъ теперь, дерево, подъ которымъ однажды, истомленные зноемъ и усталостью, мы расположились отдохнуть. Мелкая травка, настоящая травка, встрѣчающаяся такъ рѣдко въ «Срединномъ Царствѣ», гдѣ такъ дорожать каждымъ клочкомъ земли, дѣлала отдыхъ подъ этимъ деревомъ для нась особенно пріятнымъ. Къ сожалѣнію, мы не замѣтили, что неподалеку оттуда въ маленькомъ садикѣ работали двѣ женщины. Кусты скрывали ихъ отъ нась, да и онѣ, съ своей стороны, не сразу нась увидѣли. Необходимо замѣтить, что въ Китаѣ считается неприличнымъ, со стороны мужчинъ, останавлив-

¹⁾ Меня сопровождалъ въ одномъ изъ этихъ изслѣдованій М. Л. Бурре, командированный по моей просьбѣ французскими негоспіантами въ Шанхаѣ, для ознакомленія съ местными произведеніями малоизвѣстныхъ европейцамъ китайскихъ областей, которыхъ мнѣ предстояло посѣтить.

ваться невдалекъ отъ незнакомыхъ имъ дамъ. Мы сознавали неловкость нашего положенія, но въ то же время намъ жаль было распуститься съ гостепріимной сѣнью дерева, защищавшаго насъ отъ солнца. Мы рѣшились вступить поэтому въ переговоры.—«Здравствуйте, сударыни»,—сказалъ переводчикъ наипривѣтливѣйшимъ своимъ голоскомъ.—«Благодаримъ васъ, здравствуйте, но что вы тутъ дѣлаете? Уходите подальше». — «Какъ вамъ угодно, сударыни, но только мы очень устали, а до другихъ деревьевъ, вы сами видите, очень далеко».—«Что это за невѣжи,—возразила одна изъ сосѣдокъ,—развѣ можно нарушать такимъ образомъ всѣ приличія? Уходите же, говорять вамъ, и не заставляйте насъ повторять вамъ это приглашеніе». Пристыженные и сконфуженные мы поднялись, чтобы итти, когда переводчику пришла мысль указать на свою трубку и заявить:—«по крайней мѣрѣ вы не откажетесь ссудить насъ огнемъ?»—«Ступайте своей дорогой, огня вамъ принесутъ». Мы медленно удалились и, дѣйствительно, насъ вскорѣ нагнали маленький мальчикъ, принесший огня, чтобы закурить трубку. Въ благодарность за это я подарила ему ножичекъ, цѣною въ 8 коп. Затѣмъ, пройдя еще нѣсколько шаговъ, мы опять расположились на отдыхъ. Спустя нѣсколько мгновеній, мальчикъ вернулся и подальше намъ четыре апельсина. Я подарила ему пачку иголокъ, послѣ чего онъ ушелъ, но намъ не пришлось долго оставаться однимъ; онъ вернулся въ третій разъ, въ сопровожденіи старика и двухъ или трехъ взрослыхъ мужчинъ, которые, послѣ нѣсколькихъ обычныхъ привѣтствій, попросили насъ зайти къ нимъ отдохнуть. Мы охотно согласились и часъ спустя чувствовали себя тамъ совершенно какъ дома. Хозяйки, безъ всякихъ церемоній,

занимались въ нашемъ присутствіи каждая своимъ дѣломъ: одна готовила кушанье, другая накрывала на столъ. Тѣмъ временемъ мужчины со всей деревни собирались у нашихъ хозяевъ и принимали участіе въ бесѣдѣ. Мы разсуждали о всевозможныхъ матеріяхъ или, употребляя китайскій терминъ, о востокѣ и западѣ, т. е. обо всемъ, что можетъ интересовать человѣка въ предѣлахъ этихъ противоположностей. Мы толковали объ Европѣ и, разумѣется, о своихъ родственникахъ, такъ какъ съ этого всегда обязательно начинается разговоръ. Наконецъ, распростиившись съ этими хорошими, добрыми людьми, мы вынесли о нихъ воспоминаніе, которое не изгладилось у меня еще и теперь по прошествіи почти двадцати лѣтъ.

Точно также я никогда не забуду гостепріимства, оказанного мнѣ бѣднымъ китайскимъ крестьяниномъ, поселившимся за Великой Стѣной, въ Монголіи, на окраинахъ пустыни Гоби. Выѣхавъ въ пять часовъ утра изъ Чангъ-Кіа-Кеу, по дорогѣ въ деревню Си-Уангъ-Це, мы къ полудню не добрались еще въ этой безлюдной мѣстности ни до какого постоянаго двора, гдѣ могли бы закусить и отдохнуть. На пути намъ попадалось нѣсколько злополучныхъ деревушекъ, но или все населеніе было занято полевыми работами, или по какой-либо другой причинѣ, но только мы не видали тамъ ни одной души. Наконецъ, въ полдень, мы прибыли въ болѣе обширную деревушку, но и тамъ нашли всѣ ворота на запорѣ. Остановившись на площади, мы осматривались кругомъ, обсуждая, не придется ли намъ просто-на-просто промоститься у какого-нибудь забора, когда къ намъ подошелъ крестьянинъ и сказалъ: «напрасно вы ищете, сударь, въ этой деревушкѣ такой домъ, въ которомъ

могли бы прилично остановиться. Деревня наша маленькая, и мы сами слишкомъ бѣдны. Я лично очень плохой человѣкъ, недостойный этой высокой чести, но если вы не откажетесь отдохнуть у вашего маленькаго младшаго братца, онъ постарается принять васъ какъ можно лучше. Вотъ его домъ». Домъ этотъ былъ нѣсколько просторнѣй сосѣднихъ хижинъ и отличался чрезвычайной чистотой. Едва мы тамъ расположились, хозяинъ оставилъ насъ однихъ и побѣжалъ охотиться за курами. Мы просили его пощадить куръ, объясняя, что запаслись провизіей на дорогу и нуждаемся только въ кровѣ, но онъ успѣлъ уже заколоть пару крупныхъ цыплятъ. Пока готовили обѣдъ, у насъ съ нимъ завязалась бесѣда, и я не могъ довольно надивиться скромному и приличному его обращенію, простотѣ и достоинству манеръ.

За обѣдомъ онъ непремѣнно хотѣлъ прислуживать намъ самъ, со своимъ сыномъ, двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, такимъ вѣжливымъ и милымъ ребенкомъ, что, припоминая себѣ нашихъ французскихъ крестьянъ, я невольно долженъ былъ дѣлать сравненія, не особенно пріятныя для моего французского патріотизма.

Передъ отѣзломъ я хотѣлъ оставить что-нибудь на память радушному хозяину, но онъ на это не согласился и просилъ лишь дозвolenія представить мнѣ свое семейство. Кромѣ старшаго сына, помогавшаго прислуживать за столомъ, у него было еще двое дѣтей: дочь—маленькая четырехлѣтняя дѣвочка—и младшій сынъ—двухлѣтній ребенокъ. Малютки привѣтствовали насъ съ вѣжливостью и учтивостью благовоспитанныхъ взрослыхъ людей.

II.

Многіе изъ европейцевъ убѣждены, что Китай находится подъ гнетомъ тягчайшаго деспотизма. Между тѣмъ, позволительно было бы усомниться въ возможности деспотически управлять болѣе чѣмъ 500 миллионнымъ населеніемъ съ помощью всего лишь 25—30000 чиновниковъ, опираясь на постоянную армію изъ какой-нибудь сотни тысячъ манчжуръ, совершенно теряющихся въ многомилліонной народной массѣ. На самомъ дѣлѣ, Китай по преимуществу—страна самоуправлія. Китайцы въ семье управляются всѣми членами таковой, въ городѣ—выборными депутатами, образующими совѣтъ, въ которомъ правительственный чиновникъ является лишь предсѣдателемъ. Въ случаѣ недовольства такимъ предсѣдателемъ, отъ него отдѣляются безъ особыхъ церемоній, довольно оригинальнымъ способомъ. Въ одномъ изъ наиболѣе многолюдныхъ уѣздовъ заявлено было, во время моего пребыванія тамъ, о предстоящемъ прїездѣ новаго уѣзданаго начальника, который пользовался самой дурною репутацией. Народъ взмолновался. Уѣзденый совѣтъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе; къ вице-королю отправлено было множество адресовъ, съ просьбою замѣнить неудачно выбраннаго уѣзданаго начальника другимъ лицомъ. Вице-король оставилъ эти адресы безъ вниманія, и вскорѣ пришло извѣстіе, что новый уѣзденый начальникъ находится всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Уѣзденый совѣтъ собирается снова и приказываетъ разбить у городскихъ воротъ шатель, въ которомъ приготовляютъ обычную поздравительную закуску. Однако, вмѣстѣ съ обычными приготовленіями къ торжественной встречѣ новаго начальника, заготовляютъ на

этотъ разъ также четыре паланкина съ бодрыми, здоровенными носильщиками. По прибытии начальства, его встрѣчаютъ съ самой изысканной вѣжливостью, приглашаютъ отдохнуть и закусить, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ, что онъ неугоденъ народу, а потому не будетъ впущенъ въ городъ, и что трое изъ членовъ уѣзднаго совѣта будуть имѣть честь сопровождать его обратно въ областную столицу.

Дѣло уладилось такимъ образомъ къ общему удовольствію. Могутъ подумать, что это былъ исключительный случай. Нѣтъ! Протестъ былъ облечень въ правильную, узаконенную обычаемъ, форму, вполнѣ согласную съ ученіемъ Конфуцзы—объ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ. Конфуцзы же, или, какъ его у насъ обыкновенно называютъ, Конфуцій является популярнѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ въ Китаѣ философомъ, моралистомъ и законодателемъ.

Мы видѣли образчикъ политической свободы въ «Срединномъ Царствѣ». Замѣтимъ тутъ же, что китайцы пользуются въ широкихъ размѣрахъ не только политической свободой, но и всѣми прочими видами свободы: свободой совѣсти, вѣроисповѣданія, богослуженія. Дѣйствительно, между китайскими чиновниками можно встрѣтить почти во всѣхъ рангахъ не только буддистовъ и людей безъ всякой религіи, кромѣ поклоненія предкамъ, но также мусульманъ, евреевъ и христіанъ. Правительство вышиваетъ въ религиозные вопросы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами нисходять на почву мірскихъ отношений. Отъ времени до времени въ обычныхъ поученіяхъ, съ которыми обращаются къ народу губернаторы, вице-короли и самъ богдыханъ, можно встрѣтить совѣтъ, весьма странный съ европейской точки зренія:

«не слишкомъ довѣряйте религіямъ». Основываясь на этомъ, обвиняли китайцевъ въ атеизмѣ, но, какъ выясняется впослѣдствіи, обвиненіе это лишено всякаго основанія. Точно также правительство не вмѣшиваеться и въ дѣло народнаго образованія. Въ Китаѣ никому не препятствуютъ открывать школу. Каждому предоставляется полная свобода учиться чему заблагоразсудится, или же и совсѣмъ не учиться, а между тѣмъ сомнительно, чтобы нашелся китаецъ, который бы не умѣль, по крайней мѣрѣ, читать, писать, считать и рисовать. Съ причиной такого широкаго распространенія грамотности въ «Срединномъ Царствѣ», мы ознакомимся тоже впослѣдствіи. Что касается до лицъ, посвящающихъ себя ученой дѣятельности, открывающей доступъ къ административной карьерѣ, то они имѣютъ дѣло лишь съ экзаменаторами, которые разсылаются по всей имперіи пекинской академіей наукъ. Академія эта совершенно независима отъ правительства, хотя и содержится на государственный счетъ. Относительно свободы сходокъ и ассоціаций можно замѣтить, что въ теченіе многихъ уже столѣтій китайскому правительству наврядъ-ли приходила мысль о возможности ограничить таковую. Собирая сходку или же организуя какое-нибудь общество, китайцы не извѣщаютъ объ этомъ властей и не исправшаютъ у нихъ предварительного разрѣшенія. Нигдѣ на земномъ шарѣ не составляется такъ много ассоціаций, задающихся самыми разнообразными цѣлями. Нигдѣ онѣ не проявляютъ такой замѣчательной силы и жизненности. Такой же неограниченной свободой пользуется и печать. Въ 1863 году, въ бытность мою въ Се-чуэнской области, я составилъ себѣ коллекцію въ высшей степени рѣзкихъ памфлетовъ противъ богдыхана и членовъ его правитель-

ства, подписавшихъ мирный договоръ съ Франціей и Англіей, послѣ разграбленія лѣтняго дворца и сожженія національной библіотеки. Памфлеты эти вывѣшивались на улицахъ. Мандарины ограничивались тѣмъ, что приказывали ихъ снимать, даже и не помышляя о преслѣдованіи авторовъ. Китайцы не нуждаются ни въ паспортахъ, ни въ патентахъ на право заниматься какой-либо отраслью торговли или промышленности. Заставные сборы сохранились лишь на границахъ областей, иностранные же товары обложены пошлиной, составляющей всего лишь 5—8% объявленной ихъ цѣнности. Такимъ образомъ Китай обладаетъ полной и болѣе дѣйствительной, чѣмъ мы это можемъ представить, свободой промышленности, ремесль, торговли, передвиженія товаровъ и капиталовъ.

Въ довершеніе я упомяну еще объ одномъ видѣ свободы, съ мыслью о которой для насъ, европейцевъ, трудно освоиться. А между тѣмъ это благороднѣйшая и самая возвышенная свобода, способная болѣе чѣмъ что-либо другое поднять уровень народной совѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключающая, такъ сказать, въ зародыши всѣ остальные виды свободы. Я говорю о свободѣ самосуда, т. е. о принадлежащемъ самимъ гражданамъ правѣ суда. Въ своемъ мѣстѣ будетъ объяснено, какимъ образомъ китайцы пользуются этимъ правомъ. Теперь же я ограничусь лишь констатированіемъ его и замѣчу, что государство вмѣшиваются и тутъ лишь когда его непосредственно къ этому приглашаютъ. Необходимость въ такомъ вмѣшательствѣ встрѣчается рѣже, чѣмъ можно было бы это предположить, принимая въ расчетъ многочисленность населенія Срединнаго Царства. Это указывается между прочимъ также и отсутствиемъ особыхъ спеціально-судебныхъ учрежденій. Вообще же въ Китаѣ нѣть никак-

кихъ касть: ни юридической, ни духовной, ни ученой, ни военной. Какого же лучшаго доказательства можно было бы пожелать полнотѣ гражданскихъ и политическихъ правъ китайского народа.

Я высказалъ уже, что право судебнай власти, принадлежащее самимъ гражданамъ, способствуетъ повышению уровня народной совѣсти и развитію въ народѣ чувства справедливости. Это теоретическое соображеніе подтверждается также и фактами. Извѣстно, что въ Китаѣ землѣдѣліе и непосредственно съ ней связанныя отрасли промышленности являются, такъ сказать, национальной профессіей. Китайцы рождаются, собственно говоря, земледѣльцами и главнымъ образомъ воздѣлывателями риса, подъ который отводится у нихъ двѣ трети земель, пригодныхъ для обработки. Извѣстно также, что воздѣлыванье риса возможно лишь съ помощью искусственного орошенія. Необходимая для этого вода можетъ быть легко отведена и похищена. Какимъ же образомъ воздѣлыванье риса было бы возможно у народа, среди которого не было бы развито чувство справедливости? Правильность въ распределеніи воды служить поэтому вскимъ доказательствомъ честности народнаго характера. Мишеле совершенно справедливо замѣтилъ: «гдѣ нѣть порядка, тамъ не можетъ быть земледѣлія». Правосудіе возникло изъ борозды, проведенной плугомъ. Церера, въ Аениахъ и Оивахъ, сблизившая людей и давшая имъ законы, Церера, которую можно, повидимому, отождествить съ Фемидой, являются воплощеніемъ идеяного строя земледѣльческихъ народовъ. Китайцу приходится, впрочемъ, быть правосуднымъ не только при воздѣлываніи риса, но и при всѣхъ прочихъ видахъ земледѣльческой своей промышленности. Онъ съ малолѣтства пріучается

воздавать должное землѣ, которую обрабатываетъ, и животнымъ, пособляющимъ ему въ обработкѣ. Въ китайскихъ законахъ, какъ и въ древне-персидскихъ, заявляется: «воздавай должное растенію, буйволу и коню. Берегись, чтобъ корова не возвысила на тебя голосъ, не будь неблагодаренъ передъ собакой. Земля имѣть право быть засѣянной; оставленная безъ призора, она проклинаетъ, оплодотворенная же—воздаетъ сторицей. Человѣку, взрывшему ее справа нальво и слѣва направо, она скажетъ: «да будуть поля твои обильны всѣмъ, что пригодно въ пищу». Въ другомъ мѣстѣ говорится также: «воздѣлывай землю и засѣвай ее. Трудящійся такъ съ чистотой сердца исполняетъ чрезъ это весь законъ».

Честность и основывающееся на ней довѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ являются тѣмъ же правосудіемъ, только въ другой формѣ. Приведу нѣсколько фактovъ. Не разъ, во время путешествій моихъ по Китаю, приходилось мнѣ отказываться отъ денежныхъ ссудъ безъ процентовъ, просто на слово, которыя предлагались мнѣ богатыми частными лицами и мандаринами. «Сударь,—говорили мнѣ эти люди,—вы живете теперь давно уже вдали отъ своихъ соотечественниковъ. Быть можетъ, вамъ нужны деньги; располагайте нами въ такомъ случаѣ». Однажды я отослалъ обратно мандарину кругленькую сумму въ восемь тысячъ франковъ, которую онъ оставилъ въ темномъ уголкѣ моей квартиры послѣ отказа моего взять ее въ долгъ. Я былъ для китайцевъ просто чужеземецъ, и, если они относились такимъ образомъ ко мнѣ, то это дѣжалось лишь вслѣдствіе установившейся у нихъ привычки къ взаимному довѣрію. У насъ, въ Европѣ, иностранцы наврядъ ли будутъ имѣть часто слу-

чай отклонять подобного рода предложенія. Въ Китаѣ же такія предложенія въ порядкѣ вещей, особенно между хорошими знакомыми. Немудрено поэтому, что китайскіе банки придерживаются обычая кредитовать своимъ клиентамъ суммы, вдвое большія цифры ихъ вкладовъ, на сроки отъ трехъ дней и до шести мѣсяцевъ, не повышая нормы процентовъ. Взаимное довѣріе вошло въ обычай въ Китаѣ до такой степени, что тамъ ежедневно возникаетъ множество такъ-называемыхъ «Гоей-Цинъ», т. е. обществъ для выдачи ссудъ безъ процентовъ, или со взиманіемъ самыхъ ничтожныхъ процентовъ. Къ обществамъ этимъ обращается студентъ, не имѣющій средствъ продолжать образованіе, крестьянинъ, задумавшій прикупить себѣ буйвола, мелкій торговецъ, открывающій лавочку, мать семейства, выдающая замужъ дочь, и т. п.

Помощь обездоленнымъ является также одною изъ существенныхъ формъ правосудія. Обездоленные встречаются и въ Китаѣ, хотя, сравнительно, въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Европѣ. Въ Срединномъ Царствѣ, какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ обществѣ, встречаются калѣки, глухіе, слѣпые, нѣмые. Ихъ тамъ не оставляютъ безъ призора. Могу даже сказать, что частныя и казенные заведенія, въ которыхъ ихъ содержать, могли бы, во многихъ отношеніяхъ, служить образцами для странъ, гдѣ до сихъ поръ хлопочать менѣе объ удобствахъ больныхъ, чѣмъ о блестящей внѣшности, существующей пустить пыль въ глаза посѣтителямъ. Такъ, я видѣлъ въ Китаѣ богадѣльни, въ которыхъ каждому призрѣваемому отводится маленький садикъ и двѣ комнаты, съ правомъ содержать при себѣ ухаживающаго за нимъ родственника. Такъ же хорошо обставлены и воспитательные дома для дѣтей, покидаемыхъ родителями.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по этому поводу, тѣмъ болѣе что о юныхъ китайцахъ, покидаемыхъ родителями, рассказываютъ въ Европѣ несообразности самаго ужасающаго свойства.

Агенты общества «Святого Младенца», утверждаютъ, будто дѣтоубійство въ Китаѣ возведено на степень учрежденія не только терпимаго, но даже разрѣшаемаго закона. Человѣческая жизнь въ Китаѣ цѣнится, по словамъ ихъ, такъ низко, что родители, сплошь и рядомъ, выбрасываютъ дѣтей, безъ которыхъ могутъ обойтись, на съѣденіе свиньямъ. Недавно еще, въ подвѣдомственныхъ духовенству французскихъ народныхъ школахъ, можно было встрѣтить иконы, на которыхъ изображалось чудесное избавленіе китайскихъ младенцевъ отъ гибели, уготованной имъ безсердечными родителями. Хоругви съ такими изображеніями имѣются еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ католическихъ церквяхъ и употребляются, при случаѣ, въ религіозныхъ процессіяхъ. Однако же, и въ прошлыхъ и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, многіе миссіонеры неоднократно протестовали противъ вопіющей клеветы, взводимой обществомъ «Святого Младенца» на китайскіе права. Могу сослаться между прочимъ на письмо іезуитскаго патера Аміо, обнародованное, кажется, въ 1790 году, въ IV томѣ «Мемуаровъ о китайцахъ». Письмо это должно было бы вызвать краску стыда у избрѣтателей легенды о маленькихъ китайцахъ, пожираемыхъ свиньями; но означенная легенда приносить обществу «Святого Младенца» отъ 5 до 6 миллионовъ франковъ ежегоднаго барыша, а потому отказаться отъ нея не такъ-то легко.

Я лично прожилъ десять лѣтъ въ Китаѣ и за это время изѣздилъ Срединное Царство вдоль и поперекъ.

За все это время до свѣдѣнія моего не дошло ни одного случая дѣтоубийства въ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ пришлось проживать, или же по сосѣдству. Но смѣю утверждать, чтобы въ Китаѣ никогда не совершились дѣтоубийства, но, во всякомъ случаѣ, преступленіе это встрѣчается тамъ сравнительно гораздо рѣже, чѣмъ во Франціи. Безъ сомнѣнія, могло случиться, что когда-нибудь какого-нибудь китайского младенца сѣли свиньи, но обобщать этотъ несчастный случай и дѣлать изъ него нѣчто въ родѣ общаго правила является презрѣнной, низкой клеветой. Называя ее настоящимъ ея именемъ, я не опасаюсь быть опровергнутымъ кѣмъ-нибудь изъ европейцевъ, дѣйствительно знакомыхъ съ Китаемъ, а не почерпнувшихъ свѣдѣнія о немъ изъ росказней поверхностныхъ наблюдателей или же людей, умышленно искажающихъ истину. Къ тому же существуютъ материальные факты, прямо опровергающіе упомянутую клевету, если только обратить на нихъ должное вниманіе.

Во-первыхъ, какимъ образомъ согласовать организованное дѣтоубийство съ быстрымъ приращеніемъ народонаселенія въ Срединномъ Царствѣ. Въ 1812 г. въ Китаѣ было всего лишь 360 миллионовъ жителей, тогда какъ теперь число жителей доходитъ до 537 миллионовъ. Не правда-ли, что фактъ этотъ краснорѣчиво говорить самъ за себя? Затѣмъ, каковы вообще причины дѣтоубийства? Не правда-ли, что оно обусловливается въ большинствѣ случаевъ крайнею бѣдностью и рожденiemъ дѣтей виѣ брака? Между тѣмъ китайцы пользуются, какъ мы видѣли, сравнительно высокой степенью благосостоянія, и если-бъ надо было привести въ подтвержденіе этого какіе-нибудь другіе факты, можно было бы указать, что въ Китаѣ меныше чѣмъ гдѣ-либо встрѣчается нищихъ. Въ Пекинѣ

ихъ, безспорно много, и навязчивость ихъ крайне непріятна; но и тамъ численность ихъ значительно уступаетъ четыремстамъ тысячамъ официальныхъ парижскихъ неимущихъ, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить огромное количество неофициальныхъ нищихъ. Въ провинціальныхъ городахъ Срединнаго Царства, по личнымъ моимъ справкамъ и наблюденіямъ, наврядъ-ли наберется 20 — 25 нищихъ на 150 — 200 тысячъ жителей. Въ деревняхъ, нищихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Вторая обычная причина дѣтоубійства, какъ мы сейчасъ убѣдимся, совершенно отсутствуетъ въ Китаѣ, гдѣ бракъ съ тройной точки зрењія — соціальной, политической и религіозной—оказывается на столько священнымъ и обязательнымъ долгомъ, что холостяковъ старше 24-хъ лѣтняго возраста днемъ съ фонаремъ не отыщешь. Правда, какія-либо непредвидѣнныя бѣдствія, обрушившіяся на семью, могутъ сдѣлать для нея тягостнымъ содержаніе новаго, только что появившагося на свѣтъ, члена. Но даже и при такихъ исключительныхъ условіяхъ родителямъ нѣтъ ни малѣйшей надобности убивать ребенка: они могутъ его покинуть, и это не преслѣдуется закономъ, признающимъ, что родители могутъ рѣшиться на такую тяжкую для нихъ мѣру лишь въ случаѣ крайней необходимости. Къ тому же въ Китаѣ, съ самыхъ незапамятныхъ временъ, существуютъ дѣтскіе пріюты и воспитательные дома, гдѣ покинутыя дѣти пользуются самыми щательными и разумными уходомъ. Заведенія эти посылаютъ, такъ сказать, на домъ за дѣтьми, которыхъ родители почесту либо не могутъ держать при себѣ. Таково дѣйствительное положеніе дѣль, совершенно не согласующееся съ разсказами, будто, до прибытія католическихъ миссіонеровъ въ Китай, дѣти

умирали тамъ, какъ собаки, на улицахъ. Приходится по неволѣ убѣдиться въ ложности взгляда о томъ, что въ католической, апостольской и римской церкви не можетъ быть милосердія, состраданія и спасенія. Читателю предоставлена будетъ возможность составить по этому предмету собственное свое мнѣніе; но, прежде чѣмъ излагать сравнительныя достоинства китайскихъ и католическихъ воспитательныхъ домовъ и сиротскихъ пріютовъ, позволю себѣ замѣтить, что причины, вслѣдствіе которыхъ дѣтоубійства въ Китаѣ такъ рѣдки, обусловливаютъ также и ничтожность процента дѣтей, покидаемыхъ родителями. Во всякомъ случаѣ, процентъ этотъ оказывается въ Китаѣ гораздо меньшимъ, чѣмъ во Франціи. Миссіонеръ Шеррье (или Шевріе), завѣдывавшій воспитательнымъ домомъ въ Тіенъ Цзинѣ, городѣ болѣе чѣмъ съ трехсотъ тысячнымъ населеніемъ, разсказывалъ мнѣ въ 1862 г., что въ теченіе трехъ лѣтъ, со времени открытия этого заведенія, ему ни разу еще не удавалось помѣстить въ таковое хотя бы одного младенца.

Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что оставленіе дѣтей родителями не имѣть въ Китаѣ такого окончательного характера, какъ у насъ въ Европѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно является временной мѣрой, преходящей съ исчезновеніемъ вызвавшей ее причины. Какъ только имущественное положеніе родителей немного улучшается, они берутъ дѣтей, оставленныхъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ, обратно домой. Въ китайскихъ заведеніяхъ не представляется этому ни малѣйшихъ препятствій, но въ католическихъ не считаются возможнымъ возвращать окрещенныхъ дѣтей родителямъ, не исповѣдующимъ христіанство. Всѣмъ понятна исторія съ еврейскимъ мальчикомъ Мортарой. Эта злополучная

ревность, къ распространенію христіанства путемъ обращенія малолѣтнихъ дѣтей, вызвала въ 1870 г. избіеніе французовъ, въ Тіень-Цзинѣ, когда, вслѣдствіе наводненія отъ разлива Желтой рѣки, миссіонерамъ удалось добыть для своего воспитательного дома нѣсколько китайскихъ младенцевъ, которыхъ они потомъ отказались возвратить родителямъ. Общество во имя Святого Младенца поступало въ данномъ случаѣ совершенно послѣдовательно, такъ какъ оно задается главнымъ образомъ цѣлью спасать дѣтей не отъ тѣлесной смерти, а отъ смерти духовной. Для этого учрежденія было бы всего лучше, еслибы каждый ребенокъ, поступающій на его попеченіе, умираль тѣтчашъ послѣ крещенія. Дѣти, остающіеся въ живыхъ, являются, такъ сказать, нежелательной обузой. Одинъ изъ епископовъ, Делапласъ, передавалъ мнѣ, что другой епископъ, Балдю, лично заявилъ ему: «хорошая эпидемія была бы для насъ очень кстати; она избавила бы насъ покрайней мѣрѣ отъ лишнихъ сиротъ». Разумѣется, это была шутка, но подобная шутка могла прійти на умъ только католическому миссіонеру. Положимъ, что мальчиковъ, когда они подрастутъ, можно отдать въ ученіе или услуженіе на условіяхъ, достаточно выгодныхъ для того, чтобы общество Святого Младенца не осталось въ накладѣ, но воспитаніе дѣвочекъ—дѣло совершенно безвыгодное. Для нихъ трудно отыскать сколько нибудь подходящее занятіе, а выдавать замужъ ихъ можно лишь за католиковъ. Между тѣмъ, дѣвочекъ поступаетъ въ воспитательные дома больше, чѣмъ мальчиковъ, и къ тому же далеко не все окрещенные мальчики остаются по достижениіи возмужалости христіанами. Поэтому общество Святого Младенца имѣть полное основаніе считать своихъ питомцевъ серьезной для себя помѣхой. Совершенно

въ иномъ положеніи оказываются китайскіе воспитательные дома, откуда мѣстные бездѣтные богачи часто берутъ себѣ питомцевъ въ пріемыши. Нерѣдко также состоятельные китайцы выдаютъ своихъ дочерей замужъ и женять своихъ сыновей на сиротахъ воспитательного дома. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ затраты на воспитаніе сиротъ возвращаются съ лихвой. Благодаря этому, воспитательные дома обладаютъ громадными средствами и могутъ доставлять дѣтямъ, поступающимъ на ихъ попеченіе, необходимый уходъ и комфортъ. Миссіонеръ іезуитскаго ордена, патерь Даржи, завѣдующій католическимъ воспитательнымъ домомъ въ городѣ Су-Чеу, гдѣ считается отъ 500 до 600 тысячъ жителей, жаловался мнѣ на трудности конкурировать съ китайскимъ воспитательнымъ домомъ. «Онъ гораздо богаче,—говорилъ почтенный патерь,—и можетъ хоронить дѣтей въ гробикахъ, тогда какъ мы должны завертывать своихъ покойниковъ въ солому. Поэтому намъ очень трудно добыть себѣ питомцевъ». Миссіонеръ не счѣлъ нужнымъ прибавить, что въ католическихъ воспитательныхъ домахъ дѣти мрутъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ китайскихъ, гдѣ уходъ за ними гораздо лучше и разсудительнѣе. Въ китайскихъ воспитательныхъ домахъ положительно воспрещается давать кормилицѣ болѣе одного ребенка, тогда какъ въ католическихъ заведеніяхъ даютъ зачастую трехъ и четырехъ младенцовъ, а иногда, по словамъ моего пріятеля врача, имѣвшаго случай убѣдиться въ этомъ въ Макао, даже и болѣе. Точно также въ китайскихъ воспитательныхъ домахъ не случается хоронить по ошибкѣ живыхъ дѣтей, принимая ихъ за мертвыхъ, между тѣмъ подобный фактъ чуть не произошелъ у христіанскихъ миссіонеровъ въ округѣ, сосѣднемъ съ тѣмъ, гдѣ я жилъ, и только лишь

неожиданное прибытие епископа Делапласа спасло злополучного младенца. Въ виду плохого ухода за дѣтьми въ католическихъ воспитательныхъ домахъ, такие факты могутъ случаться тамъ нерѣдко. Дѣйствительно, общество Святого Младенца заботится о томъ, чтобы маленькие китайцы могли попасть въ рай: чѣмъ скорѣе они туда попадутъ, тѣмъ лучше.

Я упустилъ два обстоятельства, объясняющія до извѣстной степени преувеличенные разсказы о дѣтоубийствахъ въ Китаѣ; на эти обстоятельства указываетъ между прочимъ также и патерь Даржи. Во-первыхъ, общество Святого Младенца вынуждено безусловно полагаться на показанія христіанскихъ повивальныхъ бабокъ, уполномоченныхъ совершать таинство крещенія надъ младенцами, жизнь которыхъ кажется имъ находящейся въ опасности. За каждого окрещенного младенца онъ получаютъ 20—25 сантимовъ; понятно, что, за отсутствіемъ всякаго контроля, повивальная бабки склонны преувеличивать число окрещенныхъ ими дѣтей и сваливать на дѣтоубийство оказывающейся вслѣдствіе этого фиктивный избытокъ смертности надъ обыкновенною нормой. Во-вторыхъ, неимущія семьи въ Китаѣ зачастую выставляютъ умершихъ своихъ дѣтей на улицу, послѣ чего китайские воспитательные дома принимаютъ на себя погребеніе таковыхъ. Общество Святого Младенца, считаетъ умѣстнымъ заключить, что эти малютки умерли насильственной смертью. Очевидно, что подобная гипотеза лишена всякаго основанія.

Дѣтоубийство и общество Святого Младенца заставили меня до извѣстной степени выйти изъ предположенныхъ рамокъ, но трудно было говорить о дѣтоубийствѣ въ Китаѣ, не возбуждая массы вопросовъ, на которые я хо-

тѣль отвѣтить разъ навсегда. Надѣюсь, что подробности, въ которыхъ мнѣ пришлось вдаваться, окажутся съ этой точки зрењія не безцѣльными. Сообразуясь съ постановленной мной программой, я долженъ былъ говорить теперь о состояніи общественной безопасности въ Китаѣ; но что я могу сказать объ этомъ предметѣ такого, что не было уже мной сказано теперь или не будетъ сказано впослѣдствіи? Не останавливаясь на общественной безопасности, я перехожу поэтому къ слѣдующему отдѣлу.

III.

Въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ, основами общественного зданія являются собственность и семья. Главная роль выпадаетъ, однако, на долю собственности, подъ которой я понимаю землевладѣніе. Государство зиждется на семейномъ очагѣ, за отсутствіемъ котораго все погибаетъ. Но этотъ очагъ, въ свою очередь, стоитъ на почвѣ и рушится, если она не прочна. Съ другой стороны, земля—кормилица человѣка. Отсутствіе свободнаго доступа къ ней равносильно смертному приговору. Вкладывая въ землю свой трудъ и свое умѣнье, человѣкъ дѣлаетъ ее, такъ сказать, сопричастной своей личности. Насиліе надъ землей является кражей.

Землевладѣніе въ Китаѣ претерпѣло уже нѣсколько послѣдовательныхъ преобразованій, соотвѣтствовавшихъ, какъ и вездѣ, послѣдовательнымъ состояніямъ цивилизациіи. Оно было общиннымъ въ то время, когда сравнительно малочисленное населеніе еще не вышло изъ пастушескаго или полуzemледѣльческаго быта. Когда же населеніе возросло и должно было перейти къ интенсивному земледѣлію, землевладѣніе измѣнилось изъ общин-

наго въ частное. Затѣмъ, въ періодъ времени съ V вѣка до Р. Х. по III вѣкъ послѣ Р. Х. дѣлались во многихъ мѣстностяхъ Китая попытки возврата къ общинному землевладѣнію, обусловленныя злоупотребленіями правомъ частной собственности, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Управленіе обширными землями поручено было довѣреннымъ лицамъ, которые, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, съ теченіемъ времени вообразили себя собственниками довѣренныхъ имъ земель и вождями населенія, жившаго на этихъ земляхъ и оказавшагося по отношенію къ владельцамъ въ чрезвычайно тяжкой вассальной зависимости. Наконецъ, послѣ многихъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ, землевладѣніе подверглось, въ періодъ между 300 и 700 годомъ христіанской эры, дальнѣйшему преобразованію. Оно сдѣлалось заразъ и коллективнымъ и частнымъ. Въ этой формѣ оно сохранилось и по настоящее время.

Прежде чѣмъ говорить объ организаціи китайского землевладѣнія, необходимо объяснить, какимъ образомъ понимается въ Китаѣ колективизмъ. Для китайцевъ, человѣческий родъ представляетъ собой одно цѣлое, единоличность котораго не нарушается фактомъ существованія умершихъ, живущихъ и грядущихъ еще поколѣній. Настоящее прошедшее и будущее не въ силахъ прервать вѣчной солидарности и вѣчныхъ интересовъ человѣчества, понимаемаго такимъ образомъ. Подобное единство и солидарность не отрицаются до извѣстной степени также и другими цивилизациами, но встрѣчаются тамъ противорѣчие въ предвзятыхъ идеяхъ о смерти и загробной жизни, тогда какъ у китайцевъ они признаются положительно вѣчными. Чтобы лучше выяснить свой взглядъ на солидарность и единство че-

ловъческаго рода, китайцы желали бы даже ослабить рѣзкое различіе между настоящимъ, прошедшимъ и будущемъ человѣчествомъ. Говоря о нынѣшихъ и грядущихъ поколѣніяхъ, они называютъ ихъ будущими предками.

Не довольствуясь этимъ, китайцы, для большаго выясненія солидарности между послѣдовательными поколѣніями, стараются свести ее, если можно такъ выразиться, къ тождественности, подъ каковою формой она представлялась имъ, кажется, наиболѣе понятной. Въ прежнее время существовалъ сохранившійся еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай, чтобы, при чествованіи памяти умершаго, мѣсто его заступалъ ребенокъ, долженствовавший служить какъ бы воплощеніемъ усопшаго. Земля принадлежитъ поэтому не однимъ только нынѣ живущимъ. Китайцы не признаютъ, чтобы трудъ, приложенный къ землѣ и увеличившій ея стоимость, могъ бы полностью поглотить въ себя право владѣнія землей. Считая нынѣ живущихъ лишь преходящею частью человѣчества, китайцы не признаютъ за ними права растрачивать попусту то, что было скоплено трудомъ предшествовавшихъ поколѣній. Живущіе считаются лишь пожизненными собственниками земли, отвѣтственными за хозяйничанье на ней передъ потомствомъ. Въ прежнее время, землю, которая плохо обрабатывалась, просто-напросто конфисковали, да и теперь поземельная собственность въ Китаѣ является на самомъ дѣлѣ лишь правомъ пользованія. Одно лишь это право и можетъ подлежать отчужденію и передачѣ отъ одного частнаго лица къ другому. Оно называется у китайцевъ «тіеннъ-міеннъ»: Что касается до права собственности, то это право сохраняется на вѣчныя времена коллективнымъ китайскимъ .

людомъ, представителемъ котораго служить государство. Это государственное право проявляется видимымъ образомъ во взиманіи поземельной ренты.

Когда китайскій землевладѣлецъ продаеть или же отдаеть въ наймы участокъ земли, то вырученая имъ за нее плата представляеть всегда лишь капиталъ или процентъ съ капитала, вложенного въ этотъ участокъ собственнымъ его трудомъ или же трудомъ его предковъ. Съ другой стороны, необходимо замѣтить, что колективная единица, или государство, не считало себя въ правѣ взышать ренту по мѣрѣ увеличенія цѣнности земельныхъ участковъ.

Поземельная рента въ Китаѣ взимается не съ цѣнности земель, а съ занимаемой ими площади. Установленная разъ навсегда, она не подвергалась затѣмъ никакимъ колебаніямъ. Эта рента является въ Китаѣ почти единственнымъ налогомъ *). Тамъ имѣютъ такое уваженіе къ труду и его результатамъ, что считаются совершенно неумѣстнымъ нарушать ихъ интересы возведеніемъ земельной ренты или установлениемъ другихъ податей, въ концѣ концовъ ложащихся всегда на трудъ. Правда, что и поземельная рента взимается собственно съ труда, но необходимо принять во вниманіе, что лишь благодаря ей государство имѣло возможность предпринять и завершить грандиозныя публичныя работы, какъ напримѣръ: проведеніе каналовъ, дорогъ, и т. п.,

---

*) Прочие государственные китайскіе доходы состоять изъ таможенныхъ сборовъ, горныхъ и соляныхъ пошлинъ. На содержаніе бодыханского двора пдутъ частію соляная пошлина, частію же доходы со стадъ, принадлежащихъ ему въ Монголіи, и съ даней, выплачиваемыхъ Китаю вассальными государствами.

которая впослѣдствіи обусловили такое блестящее развитие производительности частного труда.

Я уже сказалъ, что поземельный налогъ взимается не съ цѣнности земельныхъ участковъ, а съ занимаемыхъ этими участками площади. Необходимо замѣтить однако, что при этомъ принята была во вниманіе большая или меньшая пригодность означенныхъ участковъ къ усовершенствованной культурѣ. Такъ, участки, лежащіе на равнинахъ и въ горныхъ мѣстностяхъ, не приспособленныхъ къ искусственному орошенню, уплачиваются меньшую ренту, чѣмъ земли орошаемаго района. Точно такъ же земли, завоеванныя у воды, какъ напримѣръ осушенные болота, и т. п., не причисляются сразу къ одной изъ четырехъ большихъ категорій, а остаются въ теченіе извѣстнаго времени свободными отъ налога.

Въ сѣверныхъ областяхъ Китая воздѣлываются растенія, свойственные умѣренному климату, а въ южныхъ— болѣе нѣжныя тропическія растенія. Но вообще говоря, доходность земель на сѣверѣ и на югѣ Китая оказывается почти одинаковою, вслѣдствіе чего географическое положеніе участковъ могло быть не принято въ расчетъ при опредѣленіи размѣра взимаемой съ нихъ ренты. Правда, что съ данной площади обработанного поля получается по вѣсу меныше пшеницы, чѣмъ рису, но за то пшеница имѣеть большую продажную стоимость, такъ что поле, на которомъ она произрастаетъ, можетъ, безъ всякаго ущерба, уплачивать въ казну такой же налогъ, какъ и рисовое поле.

Короче сказать, китайское государство, сдѣлавъ на своей территории усовершенствованія, благопріятствующія интенсивной культурѣ, распорядилось со своей

землей, какъ владѣлецъ многоэтажнаго дома, который взимаетъ съ жильцовъ квартирную плату соотвѣтственно съ этажемъ, въ которомъ находятся ихъ квартиры, не принимая въ расчетъ денежныя средства жильцовъ и родъ ихъ занятій. Поземельный налогъ въ Китаѣ измѣняется, смотря по разряду земель, въ предѣлахъ отъ полутора до пяти франковъ съ гектара (0,91 десятинъ). Отнесенный къ численности народонаселенія, налогъ этотъ составляетъ лишь около 3 франковъ съ души. Уплативъ эту сравнительно ничтожную сумму, каждый китаецъ воленъ заниматься, безъ всякихъ стѣсненій, какою ему угодно отраслью торговли или промышленности на всемъ протяженіи обширнаго Срединнаго Царства. Ему не приходится платить никакихъ дополнительныхъ податей и сборовъ. Онъ не нуждается въ исходатайствованіи себѣ разрѣшенія заниматься ремесломъ или торговлей. Онъ такъ же свободенъ, какъ воздухъ, которымъ дышить. Въ виду всего этого, можно сказать, что поземельный налогъ обусловливаетъ свободу китайца. Немудрено, что уплата его считается какъ мы это сейчасъ увидимъ, священнымъ долгомъ.

Всѣ прочіе налоги стали бы въ Китаѣ рассматриваться, какъ незаконныя покушенія на право труда. Фактъ существованія такихъ налоговъ въ другихъ странахъ до крайности удивляетъ поэтому китайцевъ. Всѣ капиталы и сбереженія создаются трудомъ, всѣ доходы служать къ поощренію и развитію такового. Налогъ на нихъ уменьшаетъ производительную ихъ силу, ослабляетъ средства къ обработкѣ сырья, сокращаетъ размѣры торговыхъ оборотовъ и промышленнаго производства, понижаетъ цѣнность продукта для продавца, или же искусственно повышаетъ ее для покупателя.

Китайскій поземельный налогъ, освобождая торговлю и промышленность отъ всѣхъ податей, которыя могли бы взиматься съ нихъ при другихъ системахъ обложенія, доставляетъ этимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности несравненную энергию и могущество. Дѣйствительно, найдется очень мало продуктовъ промышленного труда, которые не могли бы производиться въ Китаѣ дешевле, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи. Большинство европейскихъ товаровъ продается въ Китаѣ дешевле ихъ стоимости въ Европѣ. Англійскіе, французскіе и германскіе товары можно купить въ китайскихъ магазинахъ за цѣну на 30% менѣшую той, по которой они продаются на европейскихъ рынкахъ. Что касается до туземныхъ китайскихъ продуктовъ, то мнѣ самому приходилось платить всего лишь одинъ франкъ и даже только 75 сантимовъ за длинныя гамаши или войлочную шляпу, которая въ Европѣ стоила бы по менѣшей мѣрѣ три франка.

Китайскій поземельный налогъ является поэтому не только орудіемъ свободы, но также орудіемъ прогресса. Можно сказать, что земледѣльческій классъ, принимая на себя уплату этого налога, возмѣщаетъ его затѣмъ, благодаря общему благосостоянію, обеспечивающему земледѣльческимъ продуктамъ сборъ болѣе широкій, вѣрный и выгодный, чѣмъ при всякой другой системѣ податнаго обложенія. Кроме того, этотъ налогъ, постепенно распредѣляясь въ массѣ населенія, становится для всякаго китайца въ отдѣльности почти нечувствительнымъ.

Китайскій налогъ способствуетъ также упроченію въ народныхъ массахъ чувства справедливости. Основной принципъ этого налога—уваженіе къ труду—проводится также и во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ между поземель-

ными собственниками и арендаторами. До тѣхъ поръ, пока земледѣлецъ обрабатываетъ какой-нибудь участокъ, владѣлецъ этого участка не можетъ требовать съ него никакой надбавки къ первоначально установленной арендной платѣ. Если земледѣлецъ, по какой-либо причинѣ, отказывается отъ аренды, то владѣлецъ земли обязанъ вознаградить его за всѣ сдѣланныя улучшенія, увеличившія цѣнность участка.

Въ этомъ отношеніи китайская система привела къ замѣчательнымъ результатамъ, которые я, къ сожалѣнію, долженъ только перечислить, такъ какъ не могу вдаваться въ подробныя ихъ обсужденія.

Система эта облегчила доступъ къ землѣ для тѣхъ, кто желалъ самъ заняться ея обработкою, отстраняя отъ земли всѣхъ спекуляторовъ или же ищущихъ помѣщенія для капитала. Налогъ, взимаясь съ площади земельного участка, дѣлаетъ невыгоднымъ обладанія землей, если оно не соединено съ ея обработкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ, кто лично обрабатываетъ землю, налогъ этотъ является совершенно нечувствительнымъ. Онъ представляетъ собою не болѣе, какъ разъ навсегда установленную аренду, которая уплачивается государству и обеспечиваетъ земледѣльцу спокойное пользованіе результатами труда, вложенного ими въ землю. Поощряя такимъ образомъ земледѣльческій трудъ, китайская система налоговъ привела къ такому увеличеннюю плодородія почвы и къ такой интенсивной культурѣ, при которыхъ съ одного и того же участка снимается въ годъ нѣсколько жатвъ, и каждый гектаръ земли приобрѣтаетъ цѣнность отъ 4000 до 15.000 и даже до 20.000 франковъ.

Въ то время, какъ европейскія системы налоговъ не благопріятствуютъ земледѣлію и скучиваютъ населеніе въ

городахъ, китайская система стремится удержать его въ селахъ. Она благопріятствуетъ при этомъ, какъ это сей-часъ увидимъ, развитію мелкой поземельной собственности. Раздѣливъ всю площадь китайской имперіи на чи-слово обитающихъ тамъ семействъ, приблизительно около 90 миллионовъ, найдемъ, что на каждую семью приходится всего лишь $3\frac{1}{2}$ гектара земли. Таковъ дѣйствительно средній размѣръ частной земельной собственности въ Китаѣ. Многія семьи, однако, владѣютъ всего лишь $1\frac{1}{2}$ гектаромъ или даже $\frac{1}{2}$ гектаромъ земли. Съ другой сто-роны, существуютъ и болѣе крупныя помѣстія. Не ду-маю, однако, чтобы можно было найти много помѣстіевъ, большихъ чѣмъ въ 20 гектаровъ. Участки земли, дохо-дящіе до 100 гектаровъ, чрезвычайно рѣдки; болѣе же обширныя помѣстія почти не встрѣчаются. Въ каждой изъ областей, съ населеніемъ въ 30—40 миллионовъ душъ, можно встрѣтить всего лишь 3 или 4 помѣстія въ 300—500 гектаровъ. Наибольшая величина обрабатываемыхъ участковъ земли ни въ какомъ случаѣ не превосходить 12 гектаровъ.

Поземельная собственность въ Китаѣ, какъ мы уже видѣли, отличается колективнымъ общенароднымъ харак-теромъ, который обусловливается установленной тамъ си-стемой налоговъ. Однако же, во избѣжаніе тѣхъ заблу-ждений, благодаря которымъ прежніе администраторы об-щественныхъ земель конфисковали въ свою пользу эти земли, или же по какой либо другой причинѣ, китайское законодательство нашло умѣстнымъ признать въ извѣст-ныхъ предѣлахъ также и неотчуждаемость частныхъ зе-мель, т. е. собственно говоря, неотчуждаемость права поль-зованія результатами труда, вложенного въ нихъ вла-дѣльцами и предками владѣльцевъ. Каждое отдельное

лицо или каждая семья, получивъ въ собственность участокъ земли, пріобрѣтаетъ надъ всѣмъ этимъ участкомъ, или надъ нѣкоторой его частью, право неотчуждаемаго владѣнія. Коллективно-народное право перешло, такимъ образомъ, до извѣстной степени къ семье, ставшей хранительницей земли, поскольку сама семья представляла собой частицу народа. Размѣры неотчуждаемаго участка, доходившіе прежде до 30 гектаровъ, въ настоящее время уменьшены до трехъ четвертей гектара, составляющихъ такъ-называемое вотчинное поле. Изъ 330 миллионовъ гектаровъ, составляющихъ территорію самого Китая, отъ 70 до 75 миллионовъ гектаровъ являются неотчуждаемыми вотчинами. Онѣ не только обезпечиваютъ народную свободу, ограждая ее противъ возврата къ прежнему деспотизму, но имѣютъ также и философско-религіозное значеніе. Въ одной изъ священныхъ китайскихъ книгъ прямо заявляется: «поклоненіе небу имѣть цѣлью одухотворить землю». Не стану вдаваться теперь въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли цѣль эта вполнѣ достигнута въ современномъ Китаѣ, но замѣчу лишь мимоходомъ, что китайцы по крайней мѣрѣ стоять, сколько можно судить, на пути, ведущемъ къ означенной цѣли. Неотчуждаемое и неприкосновенное вотчинное поле, такъ сказать, очеловѣчилось. Оно стало столь же священнымъ, какъ человѣческая личность, и точно такъ же, какъ эта личность, не подлежитъ продажѣ.

На этомъ вотчинномъ полѣ зиждется домъ, семейный очагъ, фамильный замокъ, какъ его понимаютъ французы. У состоятельныхъ семей устраиваютъ на вотчинномъ полѣ семейное кладбище; тамъ же воздвигается семейное зало, въ которое дважды въ мѣсяцъ собирается семья, чтобы почтить память предковъ и, въ случаѣ на-

добности, рѣшать тяжебныя дѣла, судить проступки и преступленія, совершенныя ея членами. Тамъ же хранятся семейные архивы и метрики. Рядомъ съ этой залой или семейнымъ храмомъ помѣщается библіотека и школа.

Теперь нетрудно себѣ представить общій характеръ китайского землевладѣнія и видъ, который должна была получить китайская сельская природа. Лѣса совершенно исчезли подъ совокупными усилиями направившаго на нихъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно густого населенія. Ихъ замѣнили деревни, столь же многочисленныя и такъ же тѣсно расположенные другъ возлѣ друга, какъ въ окрестностяхъ нашихъ большихъ городовъ. Промежутки между деревнями усыяны множествомъ хуторовъ или маленькихъ мызъ, расположенныхъ на участкахъ въ какихъ нибудь три гектара. Каждая мыза стоитъ обыкновенно въ серединѣ такого участка, на вотчинномъ полѣ, покрытомъ сплошь деревьями и кустарниками. Можно сказать безъ особенного преувеличенья, что мызы почти прикасаются одна съ другой. Но, кромѣ такой фактической близости, между ними существуетъ еще болѣе тѣсная нравственная связь. Почти всѣ сосѣднія мызы принадлежатъ членамъ одной и той же семьи. Обитатель самой ничтожной лачужки естественно находить въ родственной емусосѣдней большой мызѣ необходимую помощь и содѣйствіе. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ прекрасно организованной ассоціаціей. Каждая маленькая деревушка, каждая группа мызъ представляетъ собой законченную систему, въ которой можно навѣрное найти школу, мѣстную управу, камеру семейнаго суда, рабочихъ буйволовъ, мельницу, водоподъемную машину, и т. п., которыхъ нельзя было бы завести для маленькихъ мызъ въ

отдѣльности. А между тѣмъ каждый у себя дома чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ, такимъ же самостоятельнымъ и независимымъ отъ государства и отъ своихъ со-сѣдей, какимъ былъ у насъ въ Европѣ самый могущественный средневѣковой феодалъ, съ той лишь разницей, что нынѣшній китайскій крестьянинъ пользуется гораздо большей безопасностью въ своей неприкосновенной маленькой мызѣ.

Съ чисто художественной точки зрења можно, разумѣется, представить себѣ болѣе живописные и величественные пейзажи, но нигдѣ въ мірѣ природа не проявляетъ красоты такой трогательной, такой симпатичной человѣческому сердцу. Мѣстами, по отлогимъ скатамъ холмовъ, высятся, одна надъ другой, бамбуковые рощицы съ грациозной и легкой листвой. Вокругъ домовъ и полей зеленѣютъ древесныя насажденія, которые въ ровныхъ мѣстностяхъ напоминаютъ очаровательный характеръ луарскихъ пейзажей, а въ гористыхъ странахъ— еще болѣе прелестные виды горныхъ виноградниковъ. Въ окрестностяхъ пагодъ, а также на нѣкоторыхъ горныхъ вершинахъ, уцѣлѣли еще кое-гдѣ остатки лѣсовъ, но то, что встрѣчается вездѣ и повсюду—такъ это цвѣты, цвѣты всевозможныхъ сортовъ. Пурпурояя азалии, рододенды, душистая гарденія и глициніи одѣваютъ обрывистые склоны. Розы, ноготки и множество другихъ растеній, извѣстныхъ въ Европѣ лишь благодаря тому, что ихъ удалось вывести изъ Китая, наполняютъ ароматами воздухъ и веселятъ взоры во всякое время года въ окрестностяхъ мызы.

Нигдѣ въ мірѣ человѣкъ не проникся такъ глубоко сокровеннымъ смысломъ окружающей его природы. Въ пѣсняхъ, которая я слышала вечеромъ, по окончаніи

работать, проѣзжая черезъ китайскія деревни, я напрасно ищу отголосокъ грустныхъ, покорныхъ судѣй, а иногда дышащихъ глубокимъ отчаяніемъ, мелодій нашихъ европейскихъ (особенно же съверно-французскихъ) рабочихъ. Въ китайскихъ легендахъ ничто не напоминаетъ также объ ужасахъ дремучихъ лѣсовъ, уединенныхъ, суровыхъ горныхъ вершинъ. Все это можно встрѣтить развѣ лишь за Великой Стѣной или еще далѣе, къ съверному полюсу, гдѣ нибудь въ Сибири. Самая популярная китайская народная пѣсня «Синъ-фа» имѣеть очень пріятную, веселую мелодію, отъ которой такъ и вѣтъ миромъ и спокойствіемъ. Ни въ «Синъ-фа», ни въ какой другой китайской народной пѣсни или легенды не сохранилось даже и слѣдовъ борьбы съ безпощадными стихійными силами. Нигдѣ не сохранилось также отголосковъ страданій нашего крѣпостного права, жестокости и ужасовъ религіозныхъ войнъ. Тѣ, кто поютъ эти пѣсни и пересказываютъ эти легенды, пользуются въ теченіе уже болѣе двѣнадцати вѣковъ миромъ и спокойствіемъ, которые для насъ будуть еще долго недосягаемыи. На этомъ фонѣ мира и тишины, не нарушаемыи ни воспоминаніемъ о прежнихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ, ни надеждами на возмездіе и отмщеніе, создался нравственный строй, наиболѣе приспособленный къ обеспеченію всѣмъ и каждому такого количества благосостоянія, до какого, я опасаюсь, намъ европейцамъ еще очень далеко. Необходимо, однако, вернуться къ дѣлу.

Можно сказать, что въ Китаѣ почти нѣтъ семьи, которая не обладала бы вотчиннымъ полемъ. Оно неприкосновенно. Китаецъ, по винѣ котораго кто-нибудь чужой получаетъ возможность вторгнуться въ священную ограду этого поля, становится какъ бы святотатцемъ.

Членъ семьи, беззаконный дѣйствія котораго вызвали вмѣшательство правительственной власти, отлучается отъ семьи и предается проклятию. Имя его вычеркивается изъ семейной книги. Губернаторъ или полководецъ, попустившій непріятеля овладѣть однимъ изъ семейныхъ очаговъ, безопасность которыхъ онъ долженъ былъ охранять, лишаетъ себя жизни. Такова почва, на которой зиждется въ Китаѣ семейный очагъ, семья и государство. Перейдемъ теперь къ организаціи самой семьи.

IV.

Выяснивъ себѣ бессмертіе души путемъ вѣчной со-
лидарности всѣхъ послѣдовательныхъ поколѣній человѣ-
ческаго рода, китайцы сочли бы противорѣчіемъ утвер-
ждать, что душа, съ отдѣленіемъ отъ тѣла, можетъ утра-
тить какія либо изъ отличительныхъ своихъ свойствъ.
Она сохраняетъ свои воспоминанія и привязанности. Въ
ожиданіи случая къ новому воплощенію, она, вмѣстѣ съ
другими домашними душами, посится надъ семьей, стра-
ждеть при ея бѣдствіяхъ и радуется ея радостями. Чув-
ствуя себя забываемой, душа грустить, жалуется, и жа-
лобы ея являются вмѣстѣ съ тѣмъ предостереженіями.
Бѣда тому, кто не обратить на нихъ вниманія, кто не
почитаетъ душу своего отца, не будетъ помышлять также
и о собственной душѣ, и въ ней угаснетъ тогда чувство
справедливости. Безъ справедливости же не можетъ быть
и благоденствія. Надо сохранять память о душахъ пред-
ковъ. Не слѣдуетъ о нихъ забывать. Какимъ же обра-
зомъ достигнуть этого, если семья могла бы угаснуть?
Надо позаботиться о сохраненіи семьи. Въ виду этихъ

соображеній, бракъ является для китайцевъ священнымъ первѣйшимъ долгомъ.

Вмѣсто того, чтобы приковывать живыхъ къ мертвымъ, какъ это не разъ утверждали совершенно иеосновательнымъ образомъ, религія предковъ является, напротивъ того, источникомъ прогресса и самымъ энергическимъ поощреніемъ къ таковому. Дѣйствительно, она возлагаетъ прежде всего на живущихъ обязательства заботиться о будущемъ. Прошедшее, которое для насъ фактически уже не существуетъ, мимолетное настоящее и воображаемое будущее, сливаясь для китайцевъ въ одну и ту же идею, становится самой удивительной и животворной дѣйствительностью. Отовсюду слышится человѣку настоятельная и трогательная мольба: «поступай такъ, чтобы память о насъ не угасла, чтобы мы могли снова воплотиться и въ свою очередь почтить твою душу, благословить твою память». Гробница является преддверiemъ колыбели. Изъ той и другой возносится непрерывное призываніе къ жизни. Въ какой религіи, въ какой цивилизациі можно было бы найти болѣе могущественное поощреніе къ прогрессу и производительному труду? Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣчто большее неясныхъ стремленій, подсказываемыхъ совѣстью. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ миѳами какихъ-либо индійскихъ, египетскихъ или сирійскихъ вѣрованій: тутъ человѣкъ самъ обязанъ заботиться о своемъ спасеніи. Онъ убѣжденъ въ возможности одержать побѣду надъ смертью и надъ забвениемъ. Передъ нами непрерывное воскрешеніе человѣчества, сознующаго самого себя и свои судьбы. Такое спокойствіе и миръ вносить въ умы это міросозерцаніе! Такимъ образомъ, семья становится въ Китаѣ основой религіи, которая, хотя и не утрачиваетъ землю изъ виду,

тѣмъ не менѣе, не лишена своеобразнаго величія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ этой домашней религіей, стоитъ другая, болѣе общая и возвышенная религія, связывающая созданное существо съ Творцомъ. Объ ней я упомяну впослѣдствіи.

Необходимо принять во вниманіе, что для китайца нѣть болѣе тяжкой, болѣе ужасной кары, какъ исключение изъ семьи. Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на его воображеніе. Что станетъ съ его душой, если имя его будетъ предано въ семью проклятию? Чтобы избавиться отъ такой злополучной участіи, онъ готовъ пожертвовать всѣмъ и даже жизнью. Это обстоятельство не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду. Прогнанный отъ семейнаго очага, затерявшись въ толпѣ, тѣснящейся въ приморскихъ городахъ, этотъ несчастливецъ будетъ работать, какъ воль, жить, какъ попало, добровольно подвергать себя самимъ тяжкимъ лишеніямъ. Онъ за-продастъ себя въ рабство, въ отдаленныя, чуждыя страны, согласится выносить самое обидное обращеніе и всѣ страданія, какимъ можетъ подвергнуться въ изгнаніи, и будетъ жить одной лишь надеждой—добиться упорнымъ трудомъ возстановленія доброго своего имени въ семье. Эта надежда, воодушевляетъ большинство эмигрантовъ, направляющихся изъ Китая въ Америку и въ Европу. Дѣйствительно, почти всѣ безъ исключенія китайцы, удаляющіеся, хотя бы временно, за предѣлы Китая, въ собственномъ смыслѣ этого слова,—люди, выгнанные изъ семьи. Число такихъ изгнаний, по приблизительному раз-счету, простирается ежегодно до 130 тысячъ. Изъ нихъ около 50 тысячъ возвращается впослѣдствіи на родину. Такимъ образомъ, многіе изъ совратившихся съ пути истиннаго возвращаются снова на этотъ путь. Многіе,

однако, умираютъ, не добившись возвращенія своего въ семью, и частью, быть можетъ, не заслуживая еще этого возвращенія. Бываютъ, однако, и такие, которые, убѣдившись, что получили уже прощеніе, чувствуя себя слишкомъ несчастными въ чужомъ краю, добровольно лишаютъ себя жизни, чтобы скорѣе вернуться въ свою вѣчную семью.

Перейду теперь къ положенію, занимаемому въ семье отцомъ, матерью и дѣтьми. Въ древности власть отца семейства была почти неограниченной. Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ отецъ имѣлъ надъ всѣми членами семьи право жизни и смерти. Еще за 600 лѣтъ до христіанской эры, въ царствованіе династіи Танговъ, отеческая власть стояла на такой чрезмѣрной высотѣ. Съ этого времени, рядомъ съ законами, подтверждающими эту власть, встрѣчаются также и другіе, которые ее смягчаютъ. Родители, дѣти которыхъ умерли отъ побоевъ, подвергаются судебной отвѣтственности. Во всякомъ случаѣ, времена неограниченной отеческой власти теперь уже минули. Уже при Конфуціі, т. е. за 400 лѣтъ до Р. Х., эта неограниченная власть исчезла и замѣнилась коллективной семейной властью. Глава семьи сталъ, такъ сказать, лишь ея представителемъ, облеченымъ исполнительной властью. Всѣ важныя рѣшенія принимаются не иначе, какъ общимъ семейнымъ собраніемъ. Конфуцій предписываетъ даже дѣтямъ обращаться до трехъ разъ къ родителямъ съ представленіями, если видѣть, что родителямъ угрожаетъ опасность впастъ въ какую-либо ошибку или вину. Поэтому, хотя въ старинныхъ китайскихъ священныхъ книгахъ и сохранились еще древніе законы о родительской власти (китайцы вообще не любятъ дѣлать какія-либо измѣненія въ своемъ

законодательствѣ), законы эти давно уже исчезли изъ обычаевъ. Отецъ одинъ своею властью не можетъ постановить судебный приговоръ. Точно также не можетъ онъ одинъ совершать установленные обряды поклоненія предкамъ. Мать семейства можетъ, при отсутствіи мужа, заступать его мѣсто во всѣхъ случаяхъ, кроме исполненія религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ она принимаетъ участіе даже и въ этихъ обрядахъ въ качествѣ помощницы мужа: она подносить жертвы, предлагаемыя имъ на алтарѣ душамъ предковъ. Въ древности, присутствіе ея при жертвоприношеніяхъ считалось положительно необходимымъ. Теперь же признаютъ возможнымъ замѣнять ее кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ. Она можетъ, однако, за отсутствіемъ мужа, предсѣдательствовать въ семейномъ собраниі, семейномъ судѣ, и т. п. Вдовствующая императрица провозглашается регентшей до совершеннолѣтія наслѣдника престола. Впрочемъ, даже достигнувъ совершеннолѣтія, бывшанъ продолжаетъ оказывать своей матери такие же знаки уваженія, какіе употребляются всѣми китайцами по отношенію къ своимъ матерямъ. Въ большинствѣ семействъ завѣданіе финансовой частью возлагается на жену. Безъ вѣдома ея не дѣлается никакихъ расходовъ. Она выдаетъ мужу каждое утро деньги, необходимыя ему на содержаніе, если онъ уходитъ куда нибудь изъ дома.

По смерти отца, главою дома становится, какъ уже упомянуто, мать семейства, которой, впрочемъ, представляется право передать свою власть сыну, достигшему совершеннолѣтія. Въ случаѣ раздѣла имущества, она получаетъ въ пожизненное владѣніе часть, вдвое большую той, которая приходится на долю каждого изъ дѣтей, но при вступленіи въ новый бракъ лишается всѣхъ правъ

на наследство послѣ первого мужа. Оставшись бездѣтной вдовой, жена сохраняетъ въ пожизненномъ владѣніи все имущество покойного мужа, но имущество это переходитъ въ полную ся собственность только въ томъ случаѣ, если мужъ оставилъ ей по завѣщанію. Если жена остается бездѣтной или рожаетъ мужу однѣхъ лишь дочерей, онъ имѣетъ право взять себѣ вторую или младшую жену, такъ какъ обязанъ прежде всего обеспечить непрерывность семьи или семейного культа; но дѣти отъ этой второй жены считаются дѣтьми первой жены, которая одна признается вполнѣ законной. Нечего и говорить, что дѣти младшей жены признаются совершенно полноправными. Въ бездѣтныхъ семьяхъ, гдѣ не хотятъ взять на себя расходы по содержанію младшей жены (или выплачивать ей пожизненную пенсию въ случаѣ возвращенія ея къ родителямъ) зачастую прибегаютъ къ усыновленію.

Дѣти мужескаго и женскаго пола не занимаютъ въ семье совершенно одинакового положенія. Совершеннолѣтній старшій сынъ, по смерти отца, заступаетъ его мѣсто при совершении религіозныхъ обрядовъ и въ прочихъ случаяхъ, если мать даетъ ему на это полномочіе. При отсутствіи совершеннолѣтнихъ сыновей, обязанность старшаго сына исполняетъ дядя или ближайшій родственникъ. Старшему сыну довѣряется завѣданіе вотчиннаго поля, но онъ дѣлится доходами съ него съ прочими дѣтьми, которыхъ продолжаютъ жить тамъ, какъ жили при отцѣ. Если кромѣ вотчиннаго поля осталось какое-либо другое имущество, его дѣлятъ на равныя части между всѣми сыновьями (выключая предварительно материнскую долю наследства, равную двумъ сыновьямъ долѣ). Если кто-либо изъ дѣтей уходитъ изъ дома на за-

работки, то полученный имъ доходъ вносится въ общую семейную кассу, если только не состоялось раздѣла. Въ послѣднемъ случаѣ, взаимные обязательства между членами семьи прекращаются. Должно присовокупить, что раздѣлы, вообще говоря, откладываются до возможно отдаленного срока. Они не совершаются къ тому же никогда раньше достижения всѣми дѣтьми совершеннолѣтія. При такихъ обстоятельствахъ, семьи состоять зачастую изъ 3 или 4 поколѣній. Есть много семейств, существующихъ такимъ образомъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ вѣковъ. Раздѣль признается обязательнымъ лишь въ случаѣ общаго на то согласія. Къ тому же, какъ самый раздѣль, такъ и переходъ имущества къ наслѣдникамъ, совершается безъ всякихъ судебныхъ издержекъ и пошлинъ. Одни лишь женатые сыновья имѣютъ право рѣшающаго голоса въ семействѣ совѣтѣ. Всѣ прочія совершеннолѣтнія дѣти имѣютъ только совѣщательный голосъ.

Предоставленіе женщинамъ правъ на наслѣдство могло бы подорвать прочность семейного очага и подвергнуть опасности непрерывность китайской семьи. Наслѣдство по женской линіи могло бы передать этотъ очагъ въ чужую семью или же, уменьшивъ наследственные доли сыновей, помѣшать основанію новыхъ семейныхъ очаговъ. По этимъ соображеніямъ, за дочерьми не признается никакихъ правъ на отцовское наслѣдство. При вступленіи въ бракъ, онѣ получаютъ однако отъ отца или братьевъ приданое деньгами и вещами. Размеры этого приданаго зависятъ отъ щедрости и состоятельности отца или братьевъ, но, въ самомъ худшемъ случаѣ, невѣста получаетъ въ приданое шкатулку съ бѣльемъ и необходимой домашней утварью. Если родители невѣсты не могутъ дать ей даже и такого приданаго, то его долженъ доставить женихъ. Во всякомъ

случаѣ, приданое остается неотъемлемой собственностью молодой хозяйки. Кровать съ постельнымъ бѣльемъ долженъ всегда доставить женихъ. Лишенная правъ на отцовское наслѣдство, женщина въ Китаѣ вознаграждается за это многими преимуществами, не выпадающими на ея долю въ другихъ странахъ. До выхода въ замужество, дочь пользуется въ семье такими-же правами, какъ неженатый сынъ. Замужняя дочь, утрачивая права въ прежней своей семье, пріобрѣтаетъ эти же права въ семье своего мужа. Уже одинъ фактъ обрученія, если женихъ умретъ раньше заключенія брака, обезпечиваетъ за ней эти права въ семье, сколько-нибудь заботящейся о своей чести. Нерѣдко тесть и теща выдаютъ сами замужъ невѣсту или вдову своего сына, какъ будто она была ихъ родная дочь, за какого-нибудь небогатаго человѣка и усыновляютъ ребенка, родившагося отъ этого брака. Принимая въ расчетъ, что въ Китаѣ, по статистическимъ даннымъ, разница между числомъ рождающихся мальчиковъ и девочекъ превышаетъ 2—3%, причемъ въ одиѣхъ областяхъ перевѣсь оказывается на сторонѣ мальчиковъ, а въ другихъ—на сторонѣ девочекъ, понятно, что культь предковъ, возлагающій на каждого мужчину непремѣнную обязанность жениться, тѣмъ самымъ вполнѣ обезпечиваетъ положеніе женщины въ Китаѣ.

Упомянувъ о важномъ значеніи, которое придаютъ китайцы обряду обрученія, я скажу, кстати, нѣсколько словъ о первоначальномъ воспитаніи, которое дается детямъ въ семье. Замѣчу, что въ Срединномъ Царствѣ обручение совершается нерѣдко еще въ детствѣ. Малюткамъ напоминаютъ съ самаго ранняго возраста обязательства, принятые за нихъ родителями. Они привыкаютъ къ этимъ обязательствамъ и впослѣдствіи охотно имъ подчи-

няются. Еще за много лѣтъ до женитьбы, молодой человѣкъ чувствуетъ себя уже женатымъ. Въ то время, когда въ другихъ системахъ цивилизациі предста-
вляется для ребенка развѣ лишь мерцающая въ отда-
леніи, совершенно неопределенная и неясная цѣль жизни, эта
цѣль для малолѣтняго китайца имѣеть характеръ
осозаемой дѣйствительности. Она проникаетъ его
умъ и придаетъ мысли своеобразное освѣщеніе. Все
окружающее пріобрѣтаетъ отъ нея особую, ничѣмъ не
замѣнимую, цѣнность. Такимъ образомъ китаецъ съ
дѣтства сознаетъ дѣйствительную жизнь съ ея обязан-
ностями, жертвами, отвѣтственностью и радостями. Моло-
дая девушка въ Китаѣ избавлена, въ свою очередь, отъ
безпокойства, горя и разочарованія, подавляющихъ ее въ
другихъ цивилизацияхъ, где она такъ часто остается
беззащитная, на жертву искушеніямъ.

Китайцы считаютъ необходимымъ съ малолѣтства пріучать ребенка учиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ малюткамъ стараются указать дѣйствительное значение вещей, ни въ какомъ случаѣ не маскируя и не парализуя это зна-
ченіе лживыми объясненіями. Поэтому то у маленькихъ китайцевъ и развивается такая ранняя разсудительность,
часто изумляющая европейцевъ, но вовсе не производящая
непріятного впечатлѣнія. Во многихъ, сравнительно серьез-
ныхъ, случаяхъ эта ранняя разсудительность возбуждала
во мнѣ искреннее удивленіе. Она какъ нельзя лучше
мирится съ обычными чарующими свойствами дѣтства и
молодости. Китайцы не считаютъ невѣдѣніе самимъ на-
дежнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію невинности—са-
мого чуднаго изъ этихъ свойствъ. Они стараются при-
искать для воспитанія болѣе прочное основаніе и полагаютъ,
что самымъ наилучшимъ можетъ быть лишь взаимное

уваженіе. Никогда не говоря дѣтямъ лжи, не обманы-
вая ихъ ни въ чёмъ, родители выказываютъ тѣмъ самымъ
уваженіе свое къ дѣтямъ. Отъ дѣтей, въ свою очередь,
требуется скромность, какъ форма необходимаго уваженія
къ родителямъ. «Хорошо воспитанное дитя,—говорять
они—подойдетъ къ ровеснику своего отца лишь въ томъ
случаѣ, когда его позовутъ, будеть говорить лишь для
того, чтобы отвѣтить на вопросы, и уйдетъ только тогда,
когда получитъ на то дозволеніе. Того, кто вдвое старше
васъ, вы обязаны уважать, какъ отца, а того, кто на
десять лѣть васъ старше—какъ старшаго брата.

Между родителями и дѣтьми тамъ нѣть такой фамиль-
янности, какъ въ нашихъ европейскихъ семьяхъ, но
вместо нея, замѣчается гораздо большее фактическое
равенство правъ. Это выражается, между прочимъ, даже
въ уваженіи, съ которымъ китайцы относятся къ мнѣ-
ніямъ дѣтей. Ихъ часто приглашаютъ высказать свое
мнѣніе. Чувствуя себя такимъ образомъ наравнѣ со
взрослыми, дѣти, сами того не замѣчая, относятся съ
большимъ уваженіемъ и къ собственной своей личности.
Достигнувъ этого главнаго результата, китаецъ вну-
шаетъ своимъ дѣтямъ принципы человѣчности, спра-
ведливости, прямодушія и откровенности; а также пови-
новеніе обрядамъ и обычаямъ. Такова сущность перво-
начального домашняго воспитанія. Принципы эти внѣд-
ряются съ самого ранняго возраста и всячески упрочи-
ваются впослѣдствіи. Человѣкъ, у котораго они достаточ-
но развились и окрѣпли, обладаетъ, по мнѣнію китайцевъ,
достаточной зрѣлостью, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ
семьяниномъ и гражданиномъ. Онъ обладаетъ уже всѣми
необходимыми качествами для того, чтобы надлежащимъ

образомъ выполнять гражданскія и семейныя свои обязанности.

Чтобы указать, какъ выполняются семейныя обязанности, лучше всего будетъ ввести читателя безъ дальнѣйшихъ приготовленій въ семейное зало въ то время, когда тамъ собралась уже семья. Позволю себѣ, однако, сказать предварительно нѣсколько словъ о религіозныхъ особенностяхъ, которыхъ, не составляя существенной части семейнаго культа, примѣшиваются къ нему тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ.

Какъ уже замѣчено, китайцы не считаютъ, чтобы смерть разрывала всѣ связи, соединявшия человѣка съ его семьей. Они не признаютъ также возможности внезапнаго быстрого отданенія души отъ тѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, разлука между душой и тѣломъ лишь кажущаяся. Даже и тогда, когда наступило уже трупное оцѣпеніе, душа находится еще неподалеку отъ тлѣнной своей оболочки, оставляемой ею лишь съ сожалѣніемъ. Она носится надъ этой оболочкой и можетъ, пожалуй, еще въ нее вернуться. Поэтому-то китайцы хоронятъ своихъ покойниковъ очень поздно, обыкновѣнно не раньше, какъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Въ первые дни послѣ смерти вся семья сообща умоляетъ душу покойника вернуться. Ее приглашаютъ къ этому самыми трогательными мольбами, доходящими даже до упрековъ, указываютъ оставленное ею опустѣлое мѣсто въ семье. Дѣйствительно, мѣсто покойнаго остается не занятымъ всюду, по меньшей мѣрѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и разъ каждыя двѣ недѣли въ продолженіе всего года. Наконецъ тѣло усопшаго предается землѣ въ семейной гробницѣ или же, когда у семьи нѣтъ еще вотчиннаго поля—на общемъ кладбищѣ, гдѣ оно остается лишь до тѣхъ поръ, пока вотчинное

поле не будетъ пріобрѣтено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имя покойнаго, со днемъ его рожденія и смерти, записывается на лакированной дощечкѣ и тотчасъ послѣ похоронъ, происходящихъ всегда въ день семейнаго собранія, дощечка эта устанавливается на подставкѣ въ залѣ предковъ. Тамъ, дважды въ мѣсяцъ, и не менѣе какъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, бываетъ торжественное собраніе семьи.

Въ глубинѣ залы стоять у стѣны длинный, лакированный деревянный столъ, почти во всю стѣну, заступающій мѣсто алтаря. На этомъ алтарѣ помѣщаются подставки, на которыхъ расположены въ порядкѣ маленькия лакированныя дощечки съ именами предковъ. На стѣнѣ, надъ алтаремъ—символическое изображеніе божества; передъ дощечками—свѣтильники и курильницы.*⁾ Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ алтаря—простой столъ квадратной формы, обставленный со всѣхъ сторонъ стульями; посерединѣ этого стола—семейная книга, по обѣимъ сторонамъ которой лежать другія книги.

Всѣ члены семьи, въ праздничныхъ платьяхъ, ожидаютъ появленія отца и матери, подготовлявшихся къ собранію еще съ вечера постомъ. Они входятъ наконецъ въ сопровожденіи двухъ родственниковъ и, вставъ передъ алтаремъ, обращаются къ Небу съ краткой молитвой, послѣ чего всѣ присутствующіе поютъ гимнъ въ честь предковъ.... Къ чѣму, однако, описывать извѣстный уже всѣмъ молитвенный церемоніаль? Воззванія къ Божеству, молитвы, колѣнопреклоненіе, священное пѣніе и музыка—все это встрѣчается также въ молитвенныхъ обрядахъ дру-

---

*⁾) Въ семьяхъ, слишкомъ бѣдныхъ для того, чтобы обзавестись особой залой для торжественныхъ собраній, алтарь предковъ устанавливается въ лучшей изъ комнатъ занимаемаго ими жилья.

гихъ религій. Въ Китаѣ эта обрядовая сторона установлена, такъ сказать, съ незапамятныхъ временъ. Характерической особенностью китайскаго культа является къ тому же не обрядовая сторона, а собственно предметъ культа. Какъ уже упомянуто, предметомъ китайскаго культа является само человѣчество, а именно духовная и бессмертная ея часть, душа предковъ, къ которымъ присоединяется современемъ и нынѣ живущіе и будущіе предки. Въ другихъ религіяхъ, предметъ культа—внѣ предѣловъ сознанія, у китайцевъ же предметомъ культа является само сознаніе. Мы будемъ имѣть случай тотчасъ же въ этомъ убѣдиться. Во всемъ остальномъ, религіозная идея та же, какъ и въ другихъ вѣрованіяхъ, что впрочемъ и совершенно естественно, такъ какъ она возвышается къ тому же матафизическому пониманію Божества.

Когда молебствіе началось, отецъ семейства или лицо, заступающее его мѣсто, обращается во время гимна въ честь предковъ къ ихъ душамъ. «Мы очень хорошо знаемъ,—говорилъ императоръ Кангъ-Хи польскому легату, кардиналу Турону,—что души предковъ не живутъ въ дощечкахъ или бумажкахъ, украшенныхъ ихъ именами, но мы стараемся увѣрить себя, что находимся въ ихъ присутствіи».

Душамъ предковъ посвящаютъ и приносятъ въ жертву разные предметы, смотря по мѣстности и временамъ года: голубей, курь, плоды, вино, рисъ, пшеницу, и т. п. Можно ограничиться даже приношеніемъ риса или пшеницы и вина. Два родственника, сопровождавшие отца и мать, идутъ за предметами, назначенными для жертвоприношенія. Мать семейства, взявъ у нихъ жертвы, передаетъ эти жертвы мужу, который, стоя возлѣ нея, подымаетъ ихъ вверхъ и кладетъ на ал-

тарь, въ знакъ благодарности предкамъ. Затѣмъ онъ читаетъ написанныя на дощечкахъ имена предковъ и, напоминая семейство объ ихъ дѣяніяхъ, заставляетъ ихъ какъ бы выходить изъ могиль и говорить съ потомками. Посвященные предкамъ жертвы, являющіяся символомъ результатовъ труда и достигнутаго уже прогресса, возвращаются отъ ихъ имени присутствующимъ, какъ символъ неразрывной связи предковъ съ потомками. Затѣмъ священное действующій увѣщеваетъ семью помышлять о значеніи этого общенія съ предками и обязательствахъ, которыя оно влечетъ за собой и которыхъ всѣ клянутся исполнить. Церемонія эта заканчивается молитвою, послѣ которой подаютъ обѣдъ, состоящій главнымъ образомъ изъ предметовъ, только что фигурировавшихъ въ жертвоприношеніяхъ. Такова въ действительности обрядовая сторона семейнаго культа, церемоніаль которой составляетъ впрочемъ лишь первый отдѣлъ программы торжественнаго семейнаго собранія.

Второе отдѣленіе этой программы начинается съ того, что отецъ семейства, сидя между своей женой и двумя старшими послѣ него членами семьи за квадратнымъ столомъ, на которомъ лежать упомянутыя уже книги, открываетъ прежде всего среднюю, т. е. семейную книгу. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ тетрадей, изъ которыхъ—въ однѣхъ содержатся записи, относящіяся до семейной метрики: о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ; въ другихъ—приговоры, постановленные семейнымъ судомъ, похвальные слова усопшимъ, ихъ жизнеописанія, завѣщанія, и т. п. Это поистинѣ священная семейная книга: она не только является доказательствомъ священного и духовнаго существованія семьи, но служить вмѣстѣ съ тѣмъ

также каждому китайцу свидѣтельствомъ о его происхожденіи. Никакихъ другихъ документовъ для этого не полагается. Во всѣхъ случаяхъ, когда къ этому представляется надобность, китаецъ ссылается на свою семейную книгу, запись въ которой признается повсюду имѣющей силу официального документа. Я лично вижу въ этомъ блестящее и очевидное доказательство независимости и самостоятельности человѣка и гражданина. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что семейная книга ведется въ Китаѣ съ величайшей тщательностью, устраниющей надобность въ какомъ бы то ни было контролѣ или вообще вмѣшательствѣ со стороны правительства, которое лишь собираетъ время отъ времени статистическую свѣдѣнія о числѣ семействъ и заключающихся въ нихъ душъ мужескаго и женскаго пола.

Семейная книга, которую рано или поздно долженъ будетъ вести каждый китаецъ, предполагаетъ у него известную степень образованія. Чтобы вести ее надо неизменно умѣть читать и писать. Это необходимое условіе становится, въ силу семейнаго культа, непреложнымъ долгомъ. Поэтому то во всѣхъ случаяхъ, когда представляется къ тому возможность, пріобщается къ залѣ предковъ школа и библіотека. Зала эта становится тогда настоящимъ семейнымъ храмомъ, расходъ по содержанию которого принимаютъ на себя сообща богатые члены семьи.

Возвратимся однако къ семейному собранію. Открывъ первую изъ тетрадей семейной книги, отецъ записываетъ туда события, измѣнившія составъ семьи; при этомъ отецъ и мать даютъ по правиламъ торжественнаго церемоніала свое согласіе на вступление членовъ семьи въ брачные союзы, и т. п. Затѣмъ, переходя къ другой

тетради, отецъ читаетъ или заставляетъ кого-либо изъ присутствующихъ читать жизнеописаніе одного изъ предковъ. Чтеніе это сопровождается словесными поясненіями, въ которыхъ, настаивая на заслугахъ предка, вслѣдствіе которыхъ память его должна быть дорога потомству, отецъ увѣщеваетъ членовъ семьи слѣдоватъ добруму примѣру этого предка.

Такимъ образомъ въ каждомъ семейномъ собраніи читается новая біографія до тѣхъ поръ, пока не будуть прочтены по порядку жизнеописанія всѣхъ предковъ, послѣ чего снова начинаютъ читать жизнеописаніе старѣшаго изъ предковъ. Съ теченіемъ времени, каждый китаецъ выучиваетъ наизусть большую часть этихъ біографій и знаетъ въ подробности жизнь всѣхъ своихъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающихся, предковъ. Немногіе развѣ, даже и между простыми крестьянами, не знаютъ въ подробности исторіи своей семьи за нѣсколько послѣднихъ вѣковъ.

Послѣ жизнеописанія одного изъ предковъ, берется книга дѣяній китайскихъ великихъ мужей и прочитывается въ ней біографія какого-нибудь знаменитаго гражданина, родившагося въ той же или въ другой области (такихъ книгъ имѣется очень много во всѣхъ библіотекахъ). Затѣмъ читается глава изъ какого нибудь философскаго или нравственнаго сочиненія и нѣсколько статей свода законовъ; по окончаніи этихъ чтеній и сопровождающихъ ихъ поясненій, семейное собраніе переходитъ къ слѣдующему отдѣлу своей программы. Оно обращается въ семейный совѣтъ, а въ случаѣ надобности — въ семейное судилище. Отецъ раскрываетъ снова семейную книгу и, обращаясь ко всѣмъ членамъ семьи, спрашивается уплачена ли ими поземельная подать. Вопросъ

этотъ ставится прежде всего, такъ какъ вся семья считала бы себя словно обезчещеной, если бы кто-либо изъ ея членовъ не уплатилъ въ срокъ эту подать и даль бы тѣмъ самыи чиновнику право требовать платежа. Если кто-либо долженъ сборщику податей, прочие члены семьи тотчасъ-же ссужаютъ ему сумму, потребную для уплаты долга. Затѣмъ отецъ обращается къ членамъ своей семьи со вторымъ вопросомъ: нѣть ли у кого изъ нихъ тяжебнаго или спорнаго дѣла съ другой семьей, чтобы уладить это дѣло полюбовной сдѣлкой или передать его на разсмотрѣніе третейскихъ судей.

Послѣ всего переходять къ обсужденію несогласій и споровъ между самими членами семьи. Обвиняемый въ проступкѣ или въ преступленіи членъ семьи отдѣляется тотчасъ же отъ прочихъ и предается семейному суду. Въ тѣхъ случаяхъ однако, когда надо навести предварительныя справки, вызвать свидѣтелей, и т. п., разбирательство дѣла отлагается до слѣдующаго семейнаго собранія. Иногда же созывается для этого и чрезвычайное собраніе. Я уже говорилъ, что недовольные приговоромъ семейнаго суда могутъ предъявлять на него апелляціонную жалобу правительенному суду; но уваженіе къ семейному суду таково, что обвиненные въ очень рѣдкихъ лишь случаяхъ пользуются правомъ апелляціи, которое предоставляется имъ закономъ. Я зналъ 32-лѣтняго китайца, женатаго и отца троихъ дѣтей, приговореннаго семейнымъ судомъ, состоявшимся подъ предсѣдательствомъ родной его матери, къ заключенію на три мѣсяца въ кандалы. Онъ самъ придерживалъ свои ноги, пока ихъ заковывали въ цѣпи европейскій кузнецъ, приглашенный чтобы не поручать столь непріятной работы одному изъ младшихъ родственниковъ. Даже государственные чинов-

ники въ поступкахъ, относящихся до публичной ихъ дѣятельности и ускользающихъ отъ руки закона, подлежать семейному суду.

Судъ этотъ можетъ приговорить къ довольно тяжкимъ карамъ, въ томъ числѣ къ бичеванію, изгнанію и отлученію отъ семьи. Что касается до преступлений, за которыхъ по государственнымъ законамъ полагается смертная казнь, то они принципіально подлежать государственнымъ судамъ. Подобное виѣшательство правительственной власти было бы однако нарушеніемъ семейной самостоятельности, а потому на предварительномъ семейномъ судѣ виновнымъ предоставляется выборъ между отлученіемъ отъ семьи или самоубійствомъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпочтеніе отдается этому послѣднему.

Такова въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ система, которой Китай обязанъ, сколько могу я судить, нравственнымъ своимъ и материальнымъ благосостояніемъ. Для болѣе подробнаго изученія этой системы я долженъ буду войти въ разсмотрѣніе основныхъ принциповъ—первоначальныхъ источниковъ китайской цивилизациі. Я долженъ буду указать величія учрежденія, болѣе общія чѣмъ тѣ, о которыхъ только что упомянуто, и которыхъ изъ нихъ вытекаютъ: культь человѣчества, относительно котораго семейный культь является только частицей, и трудъ,озвѣденный также на степень религіознаго культа. Мнѣ придется наконецъ говорить о государствѣ и о роли, выпадающей ему на долю въ общей системѣ китайской цивилизациі. Это будетъ предметомъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь же я приведу нѣсколько заключительныхъ соображеній.

Мы видѣли уже, каково дѣйствительное положеніе женщины въ Китаѣ. Оно вовсе не таково, какъ пред-

ставляютъ его многіе путешественники, утверждающіе, будто китайскіе законы и обычаи стремятся подавить личность женщины. Эти путешественники, не замѣчая того сами, впадаютъ въ прямое противорѣчіе со своими собственными показаніями. Дѣйствительно, они осмѣиваются китайцевъ, находя манеры ихъ слишкомъ мягкими и вѣжливыми, однимъ словомъ слишкомъ женственными, а это именно и доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ всю громадность вліянія тамъ женщины. Дѣло въ томъ, что въ Китаѣ женщина играетъ, если не такую видную, то, по меньшей мѣрѣ, столь же вліятельную роль, какъ въ Европѣ. Въ Срединномъ Царствѣ, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и даже гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, она является основой семьи. Лишь вступая въ бракъ съ нею мужчина становится вполноправнымъ гражданиномъ. Ее не окружаютъ такой лестью и такими знаками внѣшняго уваженія, какъ во Франціи, но почитаются на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе и доказываютъ это фактически тѣмъ, что на ней женятся и несравненно рѣже оставляютъ ее на жертву нищеты и одиночества. Китайцы не требуютъ для женщины абсолютного уравненія съ мужчиной въ правахъ, которая она по своей природѣ и слабости не въ состояніи выполнять и отстаивать; но каждый мужчина въ Китаѣ привыкъ уже съ малолѣтства считать себя непосредственно и лично отвѣтственнымъ за участъ одной изъ нихъ. Предоставляю самому читателю судить, который изъ двухъ способовъ рѣшенія женского вопроса заслуживаетъ предпочтенія.

Предметъ, къ которому я теперь перейду, кажется мнѣ также первостепенной важности. Китайцы разсматриваютъ, какъ это уже было замѣчено, человѣческий

родъ какъ одну и ту же личность, которая непрерывно живеть и увеличиваетъ запасъ свѣдѣній. Такимъ образомъ можно разсматривать и весь человѣческій родъ и отдѣльную семью. Представимъ же себѣ человѣка, который, переживъ множество вѣковъ, сохранилъ бы воспоминаніе о всѣхъ происшедшихъ за это время событіяхъ, измѣненіяхъ и переворотахъ. Какимъ запасомъ опытаности обладаль бы такой человѣкъ? Насколько выше оказался бы онъ нынѣ живущихъ обыкновенныхъ смертныхъ? До какого могущества и какой интенсивности развилась бы въ немъ его личность, его индивидуальность? Представьте же себѣ цѣлый народъ, состоящій изъ такихъ людей? Чѣмъ отличаются отъ него китайцы съ ихъ культомъ предковъ,—китайцы, у которыхъ каждое семейное торжество сопровождается чтеніемъ жизнеописаній кого-либо изъ предковъ и великихъ гражданъ Срединнаго Царства? Можно смѣло сказать, что понимаемый такимъ образомъ культъ традицій является самымъ могущественнымъ средствомъ къ упроченію национального единства и солидарности. Часто говорять: «счастливы народы, у которыхъ нѣть исторіи». Это невѣрно. Настоящее всегда только слѣдствіе прошедшаго. Какъ взрослый человѣкъ немыслимъ безъ предшествующаго ему ребенка и отрока, такъ немыслимъ и народъ безъ исторіи. Такой народъ не былъ бы народомъ. Необходимо знать отечественную исторію, такъ какъ безъ этого она окажется какъ бы не существующей и не принесетъ ожидаемаго плода. Не знать исторіи своей родины равносильно отрѣшенію отъ отчизны—утратѣ своей национальности. Необходимо поднять исторію на степень религіознаго культа. Какое можно найти для этого лучшее и болѣе удобное средство, какъ принятное въ Китаѣ сохра-

неніе въ каждой семье собственныхъ ея традицій! Развѣ найдется въ странѣ какая-либо даже и самая скромная семья, лѣтописи которой не отождествлялись бы съ национальной исторіей, если только онѣ ведены съ должнымъ тщаніемъ? Знаете ли вы исторію Франціи, которая была бы истиннѣе, глубже, возвышеннѣе, епеціальнѣе и общнѣе, человѣчнѣе и интереснѣе, чѣмъ исторія одного крестьянина? Это еще не все. Немногие лишь на закатѣ своихъ дней, оглядываясь назадъ, не видятъ, что жизнь, вообще говоря, состоить изъ поперемѣнной смѣны счастія и несчастія, успѣховъ и неудачъ. Не было бы никакого исключенія изъ этого общаго правила, еслибы воспоминанія, вмѣсто такого сравнительно короткаго срока, охватывали періодъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ вѣковъ, какъ это дѣлается въ китайскомъ семействѣ культа. Помышляя о предкахъ и потомкахъ, китайцы пріучаются жить въ прошедшемъ и будущемъ почти столько же, какъ и въ настоящемъ. Личное счастіе или бѣдствіе не ослѣпляетъ ихъ и не приводить въ отчаяніе: они сознаютъ невозможность постояннаго счастія и могущества, точно такъ же, какъ и постояннаго несчастія и бѣдности. Даже и тѣ изъ китайцевъ, у которыхъ культь предковъ не доходитъ до полнаго отождествленія съ предшествовавшими и будущими поколѣніями, черпаютъ изъ своихъ семейныхъ традицій такое понятіе о превратности судьбы, которое, въ концѣ концовъ, устанавливаетъ нѣчто въ родѣ равенства между сильными и слабыми, устранивъ самую мысль о кастахъ и сословныхъ раздѣленіяхъ. Въ любой китайской семье были и будутъ опять, впослѣдствіи, важные мандарины, вице-короли, крестьяне и чернорабочіе. Поэтому-то, вмѣсто зависти и тщеславія, вмѣсто ненависти и надменности, отношенія

между китайцами, даже наиболѣе различающимися по общественному положенію, характеризуются такою взаимной благосклонностью, такою мягкостью и такимъ братскимъ радушіемъ, какъ я имѣль уже случай объ этомъ упомянуть.

Наконецъ, въ то время, когда у насъ во Франціи всѣ заняты необходимостью и трудностью судебной реформы, совершенно умѣстно обратить особое вниманіе читателя на китайскую систему семейного самосуда, которая, отличаясь быстротой дѣйствія, правильностью и дешевизной, значительно превосходитъ всѣ европейскія системы судопроизводства. Очень можетъ быть, что многіе изъ читателей станутъ сожалѣть, что нынѣшнее состояніе нашихъ нравовъ, столь далекое отъ китайскихъ порядковъ, не позволяетъ даже и мечтать о какомъ-либо отъ нихъ заимствованіи.

ЧАСТЬ II.

Трудъ.

Въ большинствѣ религіозныхъ ученій, трудъ разсматривается какъ наказаніе, ниспосланное человѣку за грѣхи. Въ этомъ отношеніи древне-греческое многобожіе совершенно согласуется съ индійскимъ, еврейскимъ и мусульманскимъ деизмомъ. Въ цивилизацияхъ, построенныхъ на этихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, каждый помѣрѣ силь и возможности хлопочетъ о томъ, чтобы избѣгнуть труда; но такъ какъ въ концѣ концовъ трудъ является необходимымъ условіемъ существованія, то сильнѣйшіе сваливаютъ его на слабѣйшихъ. Жрецы, обучая презрѣнію къ труду, вступаютъ въ естественный союзъ съ притѣсняющими трудъ воинами. Эти двѣ высшія касты создаютъ цѣлый рядъ другихъ—низшихъ, изъ которыхъ для осужденныхъ на трудъ нѣть болѣе выхода. Трудъ становится не только униженіемъ, но также и мученіемъ, что, въ свою очередь, порождаетъ протесты, возстанія и кровавыя возмездія, которыми переполнена также исторія и западно-европейскихъ народовъ. Слѣдуетъ замѣтить

однако, что въ умахъ привилегированныхъ кастъ проявилось слабое мерцаніе здраваго смысла и справедливости, если только онъ не руководились исключительно лишь политическими соображеніями, выдѣливъ изъ массы рабочихъ особую категорію ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Во всякомъ случаѣ трудъ земледѣльца и ремесленника сталъ послѣ этого считаться еще болѣе унизительнымъ. Въ настоящее время такое отношеніе къ труду является у насъ на западѣ существующимъ фактамъ. Пагубное ученіе о трудѣ какъ наказаніи должно было вредно повліять на рабочихъ и крестьянъ. У всѣхъ только одна цѣль, одна мечта—избѣгнуть труда. Чтобы достигнуть ее, не отступаютъ ни передъ какими жертвами. Тѣ, кто не успѣваетъ въ этомъ сами, хотятъ по крайней мѣрѣ умирая унести съ собой надежду, что дѣти ихъ будутъ въ этомъ отношеніи счастливѣе.

Ужасающій догматъ презрѣнія къ труду повлекъ за собою однако много другихъ еще болѣе вредныхъ послѣдствій. Легко было бы доказать, что онъ служить истиннымъ источникомъ войнъ, преступленій и всевозможныхъ насилий, до сихъ поръ еще позорящихъ европейскія общества.

Не все человѣчество однако впало, по отношенію къ труду, въ столь пагубное заблужденіе. Нашелся народъ, у котораго, при отсутствіи всякаго откровенія свыше, цивилизациѣ, основанная на однихъ лишь естественныхъ принципахъ, не только могла избѣгнуть кастъ и другихъ разлагающихъ факторовъ, внѣдрившихся въ прочія цивилизациіи, но стала настолько могущественной, что была въ силахъ съ успѣхомъ противостоять всѣмъ религіознымъ, военнымъ и торговымъ покушеніямъ со стороны этихъ, чуждыхъ ей цивилизаций. Дѣйствительно,

всѣ такія покушенія оканчивались въ сущности каждый разъ полнѣйшимъ фiasco.

Я разсмотрю прежде вкратцѣ эту сторону китайской цивилизациі, а затѣмъ укажу значеніе и высокую роль, какую играетъ трудъ у китайцевъ; послѣ чего, наконецъ, перейду къ организаціи труда въ Срединномъ Царствѣ, къ ея средствамъ и способамъ дѣйствія.

Въ Европѣ вообще считаютъ буддизмъ национальной китайской религіей и полагаютъ, что эта религія оказывала и оказываетъ до сихъ поръ на китайскія учрежденія и умственный строй вліяніе, подобное тому, какое имѣли прочія вѣроученія на исповѣдовавшіе ихъ народы. Это однако большое заблужденіе. Громадное большинство китайского народа, начиная съ бодхисаттвы и кончая простымъ крестьяниномъ, дѣйствительно исповѣдуетъ буддизмъ, но для каждого китайца религія эта является, такъ сказать, дѣломъ личного усмотрѣнія, не состоящимъ ни въ какой связи съ национальными учрежденіями. Эта религія отреченія и воздержанія, которая со своею вѣрой въ личное спасеніе или въ послѣдовательное поглощеніе душъ блаженствомъ небытія, никогда не могла бы создать идею той полной солидарности, которая воплощается уже въ китайской семье, и которой суждено впослѣдствіи выразиться съ еще большей полнотой и опредѣленностью. Точно также, не могли возрасти на почвѣ буддизма коллективное землевладѣніе, служащее основой национального китайского строя, и учрежденіе вотчиннаго поля, на которомъ зиждется вся организація китайской семьи. Я не отрицаю вліянія буддизма на отдѣльныхъ лицъ. При разсмотрѣніи слабыхъ сторонъ китайской цивилизациіи и представляющихъся въ ней исключ-

ченій изъ общаго правила, указано будеть на суевѣріе, порожденное буддизмомъ. Какъ бы ни было, можно съ увѣренностью сказать, что религія эта повліяла даже на отдѣльные личности гораздо слабѣе, чѣмъ это вообще предполагаютъ.

«Вѣрите ли вы въ спасительную силу вашихъ религіозныхъ обрядовъ? спрашивалъ я не разъ у китайцевъ, съ которыми случалось короче познакомиться. «Это очень щекотливый вопросъ—отвѣчали они мнѣ,—иной разъ вѣришь, а иной разъ нѣть. Случается, что смигнешься надъ тѣми, кто пускается въ паломничество, а потомъ и самъ идешь ко святымъ мѣстамъ. Все зависитъ отъ расположения духа».

Однажды, вскорѣ послѣ моего прибытія въ Китай, я остановился позавтракать въ деревнѣ, лежавшей въ сторонѣ отъ большой дороги. Тамъ не было гостиницы, а потому, какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ, меня привели прямо въ пагоду. Замѣчу, кстати, что пагода въ большинствѣ случаевъ служить поперемѣнно театромъ, клубомъ, караванъ-сараемъ и лавкой. Къ несчастью, въ ней нѣть другой мебели, кромѣ жертвенника и кресель, въ которыхъ возсѣдаютъ изображенія Будды въ разныхъ воплощеніяхъ. Плиты, которыми вымощенъ былъ дворъ пагоды, показались мнѣ слишкомъ жесткими, и я невольно почувствовалъ вожделѣніе усѣсться въ кресло одного изъ достопочтенныхъ истукановъ: Чтобы достигнуть цѣли, пущена была въ ходъ маленькая хитрость. «Я бы съ удовольствиемъ пригласилъ ихъ высочества позавтракать съ собой»,— сказалъ я окружавшей меня толпѣ крестьянъ, указывая пальцемъ на деревянныя воплощенія Будды.—«Развѣ это люди?—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ, отличавшійся довольно простодуш-

ной наружностью;—они ѿсть не могутъ».—«Въ такомъ случаѣ, что же они дѣлаютъ за столомъ? спросилъ я. Какъ теперь еще помню общій гомерической хохотъ, которымъ былъ встрѣченъ мой вопросъ. Вѣроятно мгновенно сташили своихъ боговъ съ кресель и предоставили жертвенный столъ безъ всякихъ околичностей въ мое распоряженіе. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось останавливаться въ пагодѣ, я просто обращался къ кому-либо изъ присутствовавшихъ съ просьбою очистить мнѣ мѣстечко за жертвеннымъ столомъ, и мнѣ всегда оказывали эту услугу. Другой разъ, во время большой засухи, прибыль я въ маленькой городѣ, почти все населеніе которого вышло въ поле, чтобы участвовать въ религіозной процессіи. Отправляясь съ визитомъ къ помощнику уѣзднаго начальника и не застаю его дома. Вечеромъ онъ посыаетъ сказать, что будетъ у меня и, дѣйствительно, является, идя медленной походкой усталаго человѣка. Извинившись, что не былъ дома при моемъ посѣщеніи, онъ заявилъ мнѣ, указывая на своихъ спутниковъ.—«Всѣ они глупы, какъ гуси. Что только не влѣзть имъ въ голову? Вообразили же себѣ, что вымолять дождь, если устроить въ полѣ религіозную процессію, и заставили меня ити съ ними вмѣстѣ. И сами они, и я—всѣ мы знаемъ, что это нелѣпо, а что прикажете дѣлать? приходится отъ времени до времени подчиняться ихъ фантазіямъ». Все это было сказано совершенно добродушнымъ тономъ и возбудило въ слушателяхъ такой же добродушный смѣхъ.—«Кстати,—прибавилъ чиновникъ,—чѣмъ вы здѣсь будете питаться? Они дали обѣть не ѿсть мясного, пока не окончится засуха, а потому мясные лавки теперь закрыты. Несправедливо, чтобы вамъ приходилось страдать отъ этихъ причудъ. Я пришлю вамъ

поэтому быка». И онъ, дѣйствительно, прислалъ намъ быка, .нѣсколькихъ барановъ, изрядное количество домашней птицы, муки, яицъ и т. п. съѣстныхъ припасовъ.

Изъ этихъ фактовъ видно, что буддизмъ въ Китаѣ довольно податливъ и что китайцы далеки отъ религіознаго фанатизма. Обстоятельства, при которыхъ какъ увѣряютъ буддизмъ, водворился въ Китаѣ, къ тому же довольно оригинальны.

Буало былъ совершенно правъ, заявляя: что

„De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme *)“.

Дѣйствительно, повсюду и во всѣхъ стадіяхъ развиція, начиная отъ первобытнаго и до цивилизованнаго состоянія, человѣкъ, будь онъ длинноголовый, прямо-головый или короткоголовый, съ прямыми или курчавыми волосами, съ бѣлой, черной, красной или фиолетовой кожей, чувствуетъ отъ времени до времени потребность вѣрить во что-нибудь сверхъестественное. Истинная мудрость политическихъ дѣятелей и заключается, быть можетъ, лишь въ искусствѣ сдерживать эту потребность въ должныхъ предѣлахъ и дѣлать ее такимъ образомъ безвредной. Таково было, покрайней мѣрѣ въ I вѣкѣ христіанской эры, мнѣніе китайскихъ философовъ и государственныхъ сановниковъ. Въ теченіе 400 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Конфуція, разныя суевѣрія, отъ которыхъ ему удалось очистить национальную китайскую религію, успѣли, по крайней мѣрѣ отчасти, забраться въ нее снова. Чтобы устранить угрожавшую отсюда опасность, рѣшено было отыскать для

*) Отъ Парижа до Перу, отъ Японіи и до Рима не найдется я думаю животнаго, глупѣе человѣка.

потребностей суевърія какой-нибудь иной исходъ. Съ этой цѣлью предпринято было всестороннее изслѣдованіе другихъ религій. Отправленныя для этого комиссіи объѣхали весь свѣтъ, известный тогда китайцамъ, изучая повсюду религіозныя вѣрованія. По здравому обсужденію, преимущество было отдано буддизму и его сектамъ въ особенности же сектѣ Фо. Ученіе Фо многими изъ своихъ сторонъ прекрасно мирилось съ древней китайской цивилизаціей. Оно отвергаетъ дѣленіе на касты, проповѣдуетъ равенство всѣхъ людей передъ Богомъ и весьма возвышенныя нравственные правила, но признаеть вмѣстѣ съ тѣмъ священство. У китайцевъ до того времени никогда не было жрецовъ, а потому самый принципъ священства казался имъ очень страннымъ. Никто не хотѣлъ итти въ жрецы, такъ что правительство вынуждено было выпустить изъ тюрьмъ нѣкоторое число преступниковъ, которыхъ и обязали исполнять необходимыя требы въ новооткрытыхъ буддійскихъ капищахъ. Преданіе это какъ бы подтверждается тѣмъ, что бонзы, или буддійские жрецы, всегда называютъ себя сами *приговоренными къ смерти* и ходятъ въ колпакѣ и желтомъ халятѣ каторжниковъ. Служба, отправляемая ими въ капищахъ на общенародномъ китайскомъ языке, походить своей вѣнчаніей стороной и облаченіемъ жрецовъ на католическое богослуженіе, но почти не привлекаетъ молящихся. Въ дѣйствительности, буддизмъ остался именно тѣмъ, для чего онъ предназначался философами. Храмы его являются какъ бы приемниками, куда каждый сваливаетъ духовные свои нечистоты, какъ только почувствуетъ въ этомъ потребность.

Послѣ буддистовъ, многочисленнѣе всего въ Китаѣ тауисты, которыхъ, какъ говорять, считается до ста

милліоновъ. Но тауизъ въ сущности не религія; у него нѣть ни жрецовъ, ни храмовъ. Это лишь толкованіе, философское объясненіе древнихъ священныхъ или, лучше сказать, освященныхъ временемъ книгъ, истинное значеніе которыхъ утратилось или же смѣшалось со множествомъ заблужденій. Первое философское истолкованіе древнихъ ученій предложено было приблизительно за 550 лѣтъ до Р. Х. знаменитымъ Лао-Цзе въ его Тао-те-Кингѣ, т. е. книгѣ вѣчного закона, и немедленно пріобрѣло себѣ довольно большое число послѣдователей. Впослѣдствіи оно распространилось бы еще болѣе, если бы полвѣка спустя не появилось другое истолкованіе древнихъ книгъ, предложенное Конфуціемъ. Вмѣстѣ съ прекрасными и весьма возвышенными принципами, которые сдѣлали Тао-те-Кингъ классической книгой и поставили ее на ряду съ древними шестью книгами, содержатся въ ней очень темные и запутанные мистическая ученія о сокровенныхъ свойствахъ чиселъ, о бессмертіи души и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. Ученія эти не замедлили породить столь же фантастическая вѣрованія, какъ тѣ, противъ которыхъ ратовалъ самъ Лао-Цзе. Нынѣшніе его послѣдователи убѣждены, что человѣческая душа можетъ, въ послѣдовательныхъ своихъ воплощеніяхъ, переходить въ тѣла людей или разныхъ животныхъ, но что, по достижени извѣстной степени совершенства, она не будетъ подвержена дальнѣйшимъ преобразованіямъ и останется навѣки соединенной съ однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Говорятъ даже, будто нѣкоторые тауисты воображаютъ, что такое тѣлесное бессмертіе можетъ быть достигнуто уже и въ этой жизни и занимаются отысканіемъ соотвѣтственнаго элексира. Эти мистическая бредни объясняютъ сравнительную малоуспѣшность тауизма. Необходимо впро-

чемъ присовокупить, что они, равно какъ и буддійское ученіе, остаются безъ всякаго вліянія на общественную дѣятельность своихъ послѣдователей. Тауисты, какъ и всѣ остальные китайцы, исполняютъ обряды поклоненія предкамъ и принимаютъ наравнѣ со всѣми участіе въ національныхъ празднествахъ; короче сказать, они по стольку же тауисты, по скольку нѣкоторые христіане бывають спиритами.

Іудейство, ісламъ и христіанство имѣютъ въ Китаѣ своихъ представителей, но пропаганда ихъ въ сущности неувѣнчалась успѣхомъ. Христіанство проповѣдано было впервые въ Китаѣ несторіанами, приблизительно въ VI вѣкѣ. Въ настоящее время католицизмъ считается тамъ отъ 400 до 500 тысячъ послѣдователей. Міссионеры утверждаютъ, будто цифра эта доходитъ даже до 600 тысячъ, но показанія ихъ преувеличены и опровергаются собственными ихъ объясненіями при обстоятельныхъ вопросахъ.

Такъ, іезуиты утверждаютъ, будто въ двухъ областяхъ, Кіангъ-Су и Нгань-Хоей, гдѣ они проповѣдуютъ, имѣется до ста тысячъ христіанъ; но точность этой цифры отрицаются лазаристами и проповѣдниками общества «Missions étrangères». Эти послѣдніе утверждаютъ, будто у нихъ въ Сэ-Чуенѣ число христіанъ доходитъ до 70 тысячъ, въ чёмъ іезуиты, въ свою очередь, считаютъ возможнымъ сомнѣваться. Затѣмъ, въ Куэй-Чеу было въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ 25 до 30 тысячъ христіанъ, но теперь ихъ осталось тамъ всего лишь отъ 6 до 8 тысячъ. Въ четырнадцати другихъ областяхъ и въ Манджуріи найдется съ трудомъ по 4, 5 и много 8 тысячъ христіанъ въ каждой. Качество этихъ христіанъ еще сомнительнѣе ихъ количества. «Всѣмъ известно — говорилъ мнѣ Нингъ-Пойскій епископъ Делапласъ — какъ іезуиты фабрикуютъ

здесь христианъ. Они изготавляют христианина въ 2-хъ недѣльный ерокъ и затаскивают къ себѣ на исповѣдь, но за то этимъ почтеннымъ патерамъ наврядъ-ли удается залучить его къ себѣ въ другой разъ. Мы, сударь, дѣйствуемъ совершенно иначе: мы употребляемъ на обращеніе китайца въ христианство цѣлыхъ два года». Нельзя сказать однажды, чтобы такое продленіе срока предварительного ознакомленія съ христианскимъ вѣроученіемъ приводило къ особенно блестящимъ результатамъ. По крайней мѣрѣ самъ епископъ, хвалившійся строгостью и продолжительностью искусствъ, которые онъ возлагалъ на оглашенныхъ, рассказывалъ мнѣ однажды съ негодованіемъ о скандальномъ, случившемся между его прихожанами. Старѣйший, самый богатый и до послѣдняго времени самый образцовый изъ его христианъ вступилъ во второй бракъ, даже не разведясь съ первой женой. Будучи уже самъ лѣтъ подъ шестьдесятъ и отчаяваясь имѣть сына отъ законной супруги, христианинъ этотъ оказался настолько китайцемъ, что рѣшился во что бы то ни стало приобрѣсти такового. Угрозы адскими муками и окончательнымъ отлученіемъ отъ церкви не могли поколебать этого рѣшенія. Что могла значить для него церковная кара, когда онъ считалъ самымъ страшнымъ для себя наказаніемъ умереть, не оставивъ потомства,—утратить возможность къ возрожденію здѣсь на землѣ, въ своей семье? Фраза «чтобы вамъ никогда не возродиться» считается въ Китаѣ самымъ ужаснымъ проклятиемъ. Поставленный въ необходимость выбирать между угрозами епископа—лишиться благъ загробной жизни, ожидающихъ истинаго христианина,—и спасеніемъ въ возрожденіи по древне-китайской вѣрѣ, христианинъ-китаецъ отдалъ предпочтеніе этому послѣднему, которое показалось ему проще и осознательнѣй. Сами

миссионеры сознаются, что если бы оставить китайских христіанъ въ теченіе всего лишь двухъ лѣтъ безъ поученія, то, по прошествіи этого времени, не осталось бы во всемъ Срединномъ Царствѣ ни одного христіанина. Даже и священники изъ туземцевъ, обученіе которыхъ сопряжено съ такими хлопотами, не могутъ быть оставлены безъ надзора. Христіанскіе проповѣдники, появившиеся снова въ Китаѣ въ XIV столѣтіи, не нашли уже и слѣдовъ несторіанской проповѣди. Въ свою очередь, вернувшись въ 1842 году послѣ тридцатилѣтняго изгнанія, миссионеры имѣли случай убѣдиться, что католичество въ Китаѣ за это время успѣло почти совершенно исчезнуть. Протестанство, появившееся въ Китаѣ позже католичества, ведеть тамъ свои дѣла столь же малоуспѣшно. Число протестантовъ, я думаю, не превышаетъ нѣсколькоихъ тысячъ.

Исламъ появился въ Срединномъ Царствѣ въ XIII вѣкѣ, при Чингисъ-Ханѣ, при которомъ онъ былъ такъ или иначе принятъ нѣсколькоими татарско-монгольскими племенами, вошедшими съ тѣхъ поръ въ составъ китайской имперіи. Впослѣдствіи, мусульманскіе проповѣдники обратили въ исламъ часть населенія пограничныхъ съ Индіей юго-западныхъ странъ. Мусульманство насчитываетъ теперь отъ пятнадцати до восемнадцати миллионовъ послѣдователей. Хотя оно стоитъ на болѣе прочной почвѣ, чѣмъ христіанство, такъ какъ не нуждается въ чужеземцахъ для пополненія рядовъ своего духовенства, но уже не дѣлаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и неудача, постигшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Юн-нанѣ попытку проповѣди съ оружиемъ въ рукахъ.

Что касается до іудейства, проникшаго въ Китай, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, въ VI вѣка до Р. Х.

а по мнѣніи другихъ—въ I вѣкѣ по Р. Х., оно сохранилось лишь въ потомствѣ переселенцевъ, принесшихъ съ собою это вѣроученіе. Теперь іудейство исповѣдуется въ Китаѣ лишь нѣсколькими тысячами окитаившихся евреевъ, большинство которыхъ живетъ въ Кай-Фонгъ-Фу, въ области Чень-Си. Они отличаются отъ остальныхъ китайцевъ лишь тѣмъ, что имѣютъ своихъ особыхъ рѣзниковъ, поставляющихъ имъ каширное мясо. Поглощеніе еврейства китайской цивилизаціей представляетъ собою фактъ, заслуживающій вниманія. Въ другихъ странахъ евреи поставлены, или же ставятъ себя сами, въ тузыной цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ, они занимаютъ тамъ особое положеніе, издавна и неоднократно возбуждавшее противъ нихъ зависть и ненависть. Въ Китаѣ же нельзя указать на профессію, которой евреи предавались бы предпочтительно предъ другими своими согражданами. Какъ бы ни было, можно считать выясненнымъ, что еврейство, подобно мусульманству и христіанству, не находить въ китайской цивилизаціи удобной почвы для своего распространенія. Китайцы упрекаютъ всѣ эти чуждыя имъ вѣроученія въ томъ, что они разрушаютъ семейную связь, облекая постороннихъ властью, которая должна была сохраняться въ самой семье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти религіи приносятъ съ собою готовый нравственный кодексъ, существование котораго несомнѣнно съ обязательнымъ для каждого, по мнѣнію китайцевъ, исканіемъ истины и справедливости путемъ критической, разумной провѣрки собственной своей совѣсти. «Что думаете вы о насъ?» спрашивалъ я иногда у китайскихъ ученыхъ, довѣrie которыхъ мнѣ удалось пріобрѣсти.—«Вы не заботитесь сами о своей душѣ» отвѣчали они мнѣ.

II.

Война и воинское званіе въ Китаѣ далеко не пользуются такимъ обаяніемъ, какъ въ Европѣ, и не имѣютъ для государственного и гражданского слоя такого существенного значенія. Вся регулярная китайская армія состоять изъ какой нибудь сотни тысячъ татаръ, но въ нѣкоторыхъ областяхъ имѣется известное число китайскихъ семействъ, ведущихъ свой родъ отъ поселенныхъ тамъ въ давнишнія времена военныхъ колонистовъ. Они, въ случаѣ войны, могутъ выставить ополченіе, численностью приблизительно въ 400.000 человѣкъ. Всѣ эти военные силы состоять въ распоряженіи военного министерства. Офицерамъ въ мирное время не предоставляется никакого преимущества надъ чиновниками гражданского вѣдомства. Считаю долгомъ присовокупить, что и сами они, повидимому, не имѣютъ преувеличенного понятія о высокомъ своемъ званіи. Въ одну изъ первыхъ моихъ поѣздокъ по Срединному Царству, китайское правительство и французское посольство навязали мнѣ нѣчто въ родѣ конвоя изъ четырехъ человѣкъ, подъ командой полковника. Представьте, что я въ жизнь свою не видѣлъ полковника, который менѣе бы тщеславился своимъ чиномъ и своей властью. Мы подымались вверхъ по Янь-Цзѣ-Кіангу, гдѣ теченіе мѣстами было настолько сильно, что съ помощью однихъ парусовъ и весель его нельзя было преодолѣть. Экипажъ сходилъ тогда на берегъ и, пробираясь по колѣна въ грязи и водѣ, ташилъ судно бичевой. Полковнику, казалось, доставляло истинное удовольствіе пособлять судовщикамъ. Шлепаясь въ водѣ и грязи вмѣстѣ съ ними, онъ тянулъ лямку наравнѣ съ про-

стымъ лодочникомъ. Отъ времени до времени на его долю приходились легкіе удары тросточкой, которые кормчій, для поощренія, распредѣлялъ между судовщи-ками, и самолюбіе почтенного воина отъ этого нимало не страдало. Что касается до народной массы, то воинское званіе кажется китайцамъ настолько незавиднымъ, подневольнымъ, что даже и самый бѣдный людь счи-таетъ для себя послѣднимъ дѣломъ ити въ солдаты.

Очевидно, что китайская армія можетъ имѣть развѣ лишь оборонительное значеніе. Принявъ во вниманіе ея слабую численность и отсутствіе поддержки со стороны общественного мнѣнія, нѣть ничего удивительнаго, если армія эта оказывалась такъ часто не въ состояніи защи-тить страну противъ татарского, монгольского или манд-журского вторженія и противъ внутреннихъ смутъ, не говоря уже о неспособности ея противостоять западно-европейскимъ войскамъ. Я не могу входить теперь въ подробное разсмотрѣніе этихъ соображеній, такъ какъ это слишкомъ отвлекло бы меня отъ предмета. Я упо-мянулъ о китайской арміи лишь для того, чтобы поста-вить вопросъ, какимъ образомъ съ такой ничтожной военной силой, Китай, имѣя пограничную черту въ 3 или 4 тысячи миль длиной, принадлежить все-таки ки-тайцамъ и сохранилъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій свои учрежденія, законы и нравы? Правда, что манд-журы и монголы неоднократно вторгались въ Китай и овладѣли китайскимъ престоломъ, но удалось-ли имъ при-своить себѣ хотя бы частицу китайской территории, вы-кроить себѣ въ Срединномъ Царствѣ что-нибудь въ родѣ герцогствъ и княжествъ, ввести новые законы, измѣнить систему налоговъ или землевладѣнія? Пытались-ли они хотя бы даже ввести въ Китай свой языкъ? Ничего та-

кого не было сдѣлано съ ихъ стороны. Случилось даже нечто совершенно противоположное: сами они обратились въ китайцевъ.

Вступивъ въ Китай и усѣвшись на престолъ, который не защищалъ отъ нихъ никто, кроме вассаловъ царствовавшей династіи, павшей скорѣе вслѣдствіе народнаго равнодушія, чѣмъ подъ ударами завоевателей, манджуры оказались охваченными со всѣхъ сторонъ Китаемъ, который постепенно поглощалъ ихъ и усвоилъ ихъ себѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ перешагнулъ черезъ границу и вытѣснилъ манджуръ изъ Манджуріи. Она стала теперь, собственно говоря, китайскою областью, въ которой боярханамъ съ трудомъ лишь удается сохранить въ школахъ обученіе манджурскому языку, вытѣсненному уже изъ употребленія китайскимъ.

Могутъ возразить на это, что монголы и манджуры были варварами. Однако же германскія племена, вторгавшіяся въ Галлію въ V вѣкѣ и позднѣе, были тоже варвары, а въ цивилизаціи нашей сохранились до сихъ порть слѣды ихъ варварскаго вліянія. Притомъ, не однѣ лишь азіатскія орды вторгались въ Китай. Подобныя вторженія производились также и великими европейскими державами. Извѣстно, между прочимъ, что Россія неоднократно присоединяла къ своимъ владѣніямъ довольно обширныя пространства съверо-западной и съверо-восточной китайской территории. На съверо-востокѣ это были въ сущности обширныя пустыни, едва населенные племенами, которые имѣютъ столь же мало общаго съ Китаемъ или Манджуріей, какъ и съ Россіей или Сибирью. Россія могла сохранить за собой такія приобрѣтенія. Тамъ же, гдѣ Китай утвердился уже издавна, гдѣ у него заведены свои исправительныя колоніи, Рос-

сія не можетъ сдѣлать никакихъ серьезныхъ завоеваній. Ей пришлось бы встрѣтиться тамъ съ силой, несравненно болѣе могущественной, чѣмъ ея армія и централизація власти. Тамъ оказались бы противъ нея не только люди, но и нравы, совершенно для нея непонятные или несогласующіе съ ея собственными.

Что касается до французовъ и англичанъ, то недавнія событія въ Тонкинѣ дозволяютъ мнѣ не упоминать о войнѣ 1860 года. Несмотря на превосходство французской арміи и ея вооруженія, извѣстно, какой цѣнной заплатили мы за свои успѣхи надъ китайцами. Откуда же шло сопротивленіе, которое они намъ противостояли и о которое мы подъ конецъ должны были бы разбиться. Ихъ бюджетныя средства и военное могущество, очевидно, не могли равняться съ нашими, но передъ нами оказалась живая стѣна, болѣе прочная и устойчивая, чѣмъ любая крѣпостная ограда. Стѣна эта была воздвигнута цивилизацией, которая, будучи основана на принципахъ труда и справедливости, имѣла за собой уже двадцать или тридцать столѣтій существованія.

Бросимъ теперь взглядъ на заграничную китайскую торговлю.

III.

Первый торговый договоръ между Китаемъ и европейской державой заключенъ былъ 350 лѣтъ тому назадъ португальцами. Теперь, въ теченіе по меньшей мѣрѣ 50 лѣтъ, европейскіе народы поддерживаютъ съ Китаемъ непрерывныя сношенія и имѣютъ тамъ, ради торговыхъ цѣлей, дипломатическихъ агентовъ и купцовъ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ имъ открыть доступъ во внутреннія области Китая, такъ что теперь не най-

дется быть можетъ никакого уголка въ обширномъ Срединномъ Царствѣ, куда не могли бы проникать европейскіе товары совершенно свободно, свободнѣе даже, чѣмъ во многія европейскія и американскія страны, такъ какъ таможенная пошлина взимается съ цѣнности товара и не превышаетъ 5%—8% таковой; лишь одинъ опіумъ оплачивается 33% цѣнности. Однакоже, несмотря на такія благопріятныя условія и всѣ усиленія европейскихъ державъ, торговыя сношенія Европы и Америки съ Китаемъ достигаютъ гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ можно было бы предположить. Въ отчетахъ китайскихъ таможенъ значится довольно крупная цифра ежегоднаго оборота въ 1600 — 1700 миллионовъ франковъ, но сюда включены также и туземные китайскіе товары, перевозимые изъ одного китайскаго порта въ другой на европейскихъ судахъ.

Исключивъ стоимость этихъ транзитныхъ грузовъ, найдемъ, что действительная цифра торговыхъ оборотовъ между Китаемъ и Европой, въ общей сложности ввоза и вывоза, не превышаетъ 1100 или 1200 миллионовъ франковъ. До этой же цифры они достигали приблизительно и въ 1860 году; такимъ образомъ, заключеніе торговыхъ договоровъ и открытие нѣсколькихъ новыхъ портовъ не привело ни къ какому практическому результату. Розовыя надежды европейскихъ торговцевъ оказались совершенно тщетными. Съ увеличеніемъ числа открытыхъ портовъ имъ пришлось лишь нести нѣсколько большія издержки безъ всячаго за то вознагражденія. Вывозъ китайскихъ товаровъ представляетъ собой теперь цѣнность въ 600 миллионовъ и такую же цѣнность имѣютъ товары, ввозимые въ Китай. Каковы же спрашивается эти товары? Важнѣйшимъ предметомъ вво-

за служить опiumъ, который, собственно говоря, нельзя даже причислять къ европейскимъ товарамъ, такъ какъ онъ доставляется изъ Индіи. Ввозъ этого яда въ китайские порты, открытые для европейской торговли, представляетъ изъ году въ годъ цифру отъ 280 до 300 миллионовъ франковъ. Цифру эту я привожу лишь для памяти, такъ какъ не нахожу для европейцевъ никакого повода ею хвастаться. Затѣмъ идутъ бумажные ткани, на сумму отъ 200 до 220 миллионовъ франковъ. Остатокъ, цѣнностью въ нѣсколько миллионовъ, состоитъ изъ небольшого количества англійскихъ и русскихъ шерстяныхъ тканей, полосового и подѣлочного желѣза, часовъ швейцарского и американского производства, немногихъ парижскихъ и вѣнскихъ бездѣлушекъ и разныхъ продуктовъ, потребляемыхъ живущими въ Китаѣ европейцами. Такимъ образомъ, соединенные усилия европейскихъ дипломатовъ и купцовъ въ продолженіе трехъ столѣтій, всѣ правыя и неправыя войны, которыя ведены были для открытия китайскаго рынка европейской торговлѣ, привели въ концѣ концовъ къ ежегодному ввозу въ Китай полезныхъ европейскихъ товаровъ на сумму всего лишь 275—290 миллионовъ франковъ. Ужъ вотъ можно сказать поистинѣ, что гора родила мышь. Европа, т. е. совокупность народовъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя цивилизованнѣе другого; и самый отсталый признаетъ себя несравненно выше китайцевъ,— Европа, подъ руками которой могущественнѣйшие дѣятели въ мірѣ—паръ и электричество — жертвуетъ громадныя субсидіи пароходнымъ обществамъ, поддерживающимъ сношенія съ Китаемъ, и когда это оказывается недостаточнымъ, посыаетъ на подмогу своимъ купцамъ многіе дѣсятки тысячъ солдатъ и цѣлыхъ тысячи орудій, наглядно

доказывая Китаю свое превосходство, и въ результатѣ всего этого добивается лишь того, что каждый китаецъ покупаетъ у нея среднимъ числомъ на 60 сантимовъ такого товара, о которомъ можно говорить безъ краски стыда на лицѣ! Развѣ это не унизительно?

Говорили, и до сихъ поръ еще нерѣдко утверждаютъ, будто ничтожность достигнутыхъ Европой результатовъ слѣдуетъ приписать бѣдности китайскаго народа и ничтожности его потребностей. Это совершенно несправедливо; напротивъ того, народъ въ Китаѣ богаче, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ, такъ какъ нигдѣ нѣть народа такого трудолюбиваго и такъ мало отягощенаго налогами. Высокій уровень народнаго благосостоянія въ Китаѣ именно и обусловливается прежде всего существующей тамъ системой налоговъ умѣренныхъ, справедливыхъ и равномѣрно распределенныхъ, въ противоположность подавляющему гнету налоговъ, введенныхъ въ европейскихъ странахъ. Въ Китаѣ нѣть заставныхъ пошлинъ, за исключеніемъ умѣренныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ товаровъ, которые перевозятся изъ одной области въ другую. Тамъ нѣть также акцизныхъ и патентныхъ сборовъ, гербовыхъ пошлинъ, и т. п. Никто не испрашиваетъ разрѣшенія, чтобы заняться той или другой отраслью промышленности и торговли и не нуждается для этого въ соблюденіи какихъ бы то ни было формальностей. Поэтому то, въ противоположность общепринятому въ Европѣ мнѣнію, въ Китаѣ не только земледѣліе, но также торговля и промышленность достигли грандиознаго развитія. Это не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю, потому что въ Срединномъ Царствѣ нѣть нашихъ громадныхъ фабрикъ съ высокими трубами, нѣть громадныхъ скопищъ ра-

бочаго люда, не раздается оглушительныхъ свистковъ паровыхъ машинъ и стукотни паровыхъ молотовъ, но эти отрицательные признаки являются въ высшей степени обманчивыми. Каждый китаецъ изучилъ, быть можетъ, отъ пяти до шести ремесль и превращается по желанію въ земледѣльца, корзинщика, ткача, башмачника или даже кузнеца. Въ сарайхъ, которые вы оцѣните всего лишь въ нѣсколько франковъ, вами отольются по заказу громадныя пушки, снаряды къ нимъ и статуи въ 60 футовъ вышиной. Вотъ противъ чего разбиваются усилия вашей торговли, вашихъ миллиардовъ, армій, машинъ и всего остального. Мы, видите ли, слишкомъ обременены налогами и всякими административными стѣсненіями, чтобы могли сколько-нибудь успѣшно конкурировать съ китайцами. Кроме того, знаете ли, что они сдѣлали бы въ случаѣ, еслибы ввозъ европейскихъ товаровъ къ нимъ принялъ сколько нибудь серьезные размѣры? То же самое, что они сдѣлали съ опіумомъ, который прежде не производили, а теперь производятъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ заставили покупать его у англичанъ: они обзавелись бы различными механическими станками, прядильными машинами и паровыми двигателями. Начало этому положено уже въ двухъ или трехъ областяхъ, гдѣ шерстяныя и шелковыя ткани выдѣлываются теперь по европейскимъ образцамъ. Въ первоначальномъ обзаведеніи помогли бы сами европейцы (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), и китайскій рынокъ оказался бы запертымъ для Европы. Дай Богъ еще, чтобы китайцы ограничились вытѣсненіемъ европейскихъ товаровъ съ внутреннихъ своихъ рынковъ, потому что, еслибы они вошли во вкусъ нашихъ западныхъ способовъ производства, то Европа оказалась бы

на рубежъ самой ужасной катастрофы. Представьте себѣ только отсутствіе налоговъ, безчисленное множество дешевыхъ рабочихъ, обилие сырья на мѣстѣ производства и усовершенствованныя паровые машины! Кто могъ бы конкурировать съ такой совокупностью благопріятныхъ условій? Паръ замѣняетъ собой рабочую силу и уменьшаетъ число рабочихъ, необходимыхъ для производства, а потому Китай наводнилъ бы весь миллионы рабочихъ, которыхъ оказалось бы у него въ избыткѣ. Еслибы вы вздумали отражать это вторженіе ружейными выстрѣлами—онъ наводнилъ бы ваши рынки своими фабричными издѣліями, которыхъ оказались бы гораздо дешевле нашихъ. Что противопоставите вы этому? Опасность, о которой я говорю, быть можетъ, вовсе не такъ далека. Я указалъ на нее впервые уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ *), но тогда на это не обратили вниманія. Увѣренъ, что и теперь найдутся лишь немногіе, у которыхъ мое предостереженіе не вызоветъ улыбки. Посмотримъ, что скажутъ невѣрующіе лѣтъ черезъ двадцать?

Можетъ случиться, впрочемъ, что все дѣло ограничится сокращеніемъ ввоза европейскихъ товаровъ, и что въ крайнемъ случаѣ намъ придется современемъ покупать за наличные деньги потребные намъ чай и шелкъ. Если китайцы не будутъ побуждены къ тому дѣйствиемъ особенно могущественныхъ причинъ и если не совершится у нихъ переворотъ, при которомъ они безъ сомнѣнія гораздо больше потеряютъ чѣмъ выиграютъ, китайская промышленность наврядъ ли пріобрѣтетъ такой харак-

*) „Bulletin de la Soci  t   de g  ographie 1869.“ (Карта земледѣльческой промышленности въ Китаѣ.)

терь, при которомъ ей пришлось бы искать за-границей сбыта для своихъ произведеній. Китайцы признаютъ нынѣшнее свое положеніе настолько удовлетворительнымъ, что наврядъ ли будуть расположены отвергнуть свои основы цивилизациіи и замѣнить ихъ нашими. Между тѣмъ, это было бы необходимо для преобразованія китайского производства на европейской ладѣ.

Я часто расхваливалъ китайцамъ чудеса нашей промышленности, наши машины, быстроту передвиженія по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Они удивлялись всему этому, но, когда я спрашивалъ, почему же не хотятъ они завести все это у себя, то получалъ какъ разъ тотъ же отвѣтъ, какъ и миссионеры, которые, послѣ долгой бесѣды съ китайцами, воображаютъ, что обратили ихъ въ христіанство и предлагаютъ имъ принять крещеніе.

«Все это очень хорошо,—говорять они—и даетъ у васъ, быть можетъ, прекраснѣйшіе результаты, но для насъ не годится и было бы очень дурнымъ нововведеніемъ. Мы унаследовали отъ предковъ превосходные, многочисленные каналы, которые обошлисъ въ свое время очень дорого, но давно уже окупились. Благодаря вѣтрамъ и теченіямъ, перевозка грузовъ по этимъ каналамъ обходится у насъ очень дешево. Грузовое движеніе по нашимъ водянымъ путямъ очень дѣятельное, но товары проходятъ обыкновенно очень небольшое разстояніе, такъ какъ производство необходимыхъ продуктовъ распределено повсюду очень равномѣрно. Земледѣліе наше стоитъ вездѣ на такой степени развитія, при которой оно обильно снабжаетъ народъ разнообразной пищей: тамъ, гдѣ нѣть риса, растетъ пшеница, сорго, кукуруза, просо и т. п.; что касается до менѣе

необходимыхъ продуктовъ, то они тоже производятся вездѣ въ достаточномъ количествѣ и, во всякомъ случаѣ, не нуждаются въ дорого стоящей быстрой перевозкѣ. Короче сказать, у насъ повсюду производство и потребленіе стоять другъ къ другу въ опредѣленныхъ точныхъ отношеніяхъ, которыхъ нарушаются лишь изрѣдка непредвидѣнными случайностями. Правда, частенько бываютъ наводненія, но развѣ не случаются они также и у васъ? Наводненія эти бываютъ обусловлены расположениемъ нашихъ рѣкъ, русла которыхъ мѣстами выше уровня лошинъ, черезъ которыхъ онѣ протекаютъ. Мы старались по возможности пособить горю грандиозною системой плотинъ и каналовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, такъ сказать, съ каждымъ днемъ подымаемъ уровень низменныхъ нашихъ полей. Теперь наводненія случаются у насъ сравнительно рѣже, чѣмъ прежде. Думаете ли вы, что желѣзныя дороги могли бы предотвращать пагубныя послѣдствія наводненій успѣшнѣе и лучше, чѣмъ это дѣлается у насъ теперь, съ помощью запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, имѣющихъся вездѣ, гдѣ можно опасаться такого бѣдствія?

«Что же касается вашей крупной промышленности, то у насъ съ вами на этотъ счетъ мнѣнія совершенно расходятся. Мы не желаемъ, чтобы промышленный трудъ перерабатывалъ большее количество сырья, чѣмъ сколько его у насъ производится. Благодаря этому, народъ нашъ остается земледѣльческимъ, т. е. въ тѣсной связи съ родной землей, отъ которой онѣ живетъ и кормится. Производство, которое нуждалось бы въ заграничномъ сырьѣ, чтобы перерабатывать его и опять продавать за-границу, утратило бы въ нашихъ глазахъ национальный характеръ: оно отрывало бы гражданъ отъ родной земли; ихъ интересы

были бы уже не на родинѣ, а на чужеземныхъ рынкахъ. Измѣненія условій и разныя потрясенія на заграничныхъ рынкахъ лежащихъ въ сферы нашего вліянія, неминуемо стали бы отражаться тогда и на насъ. Намъ пришлось бы тогда, подобно тому какъ вы это дѣлаете теперь, покровительствовать за-границей нашей торговлѣ и нашимъ купцамъ, поддерживать дипломатическія сношенія съ иностранными государствами и, въ случаѣ надобности, посыпать за-границу войска. Все это стоило бы очень дорого, а между тѣмъ какія изъ этого получились бы для насъ выгоды? Скажите на милость, сударь, большіе ли барыши наживаете вы отъ вашей торговли съ нами, ради которой вы приносили и приносите столько жертвъ, не говоря уже о войнахъ, которыхъ изъ-за нея вамъ приходилось съ нами вести. Мы знаемъ, что такой взглядъ на вещи кажется вамъ эгоистичнымъ и неправильнымъ. Утверждаютъ, будто мы отгородились отъ остального міра своей стѣной и, не желая знать съ другими народами, выдѣляемъ себя изъ общечеловѣческой семьи. Это совершенно невѣрно. Мы признаемъ обязанности свои по отношенію къ человѣчеству въ большей степени, чѣмъ это дѣлается у васъ. Отъ этого то населеніе у насъ многочисленнѣе и гуще, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ. Въ чертѣ нашей китайской стѣны живетъ третья часть всего человѣчества, съ которымъ мы будто-бы не хотимъ знать съ. Чего же вамъ еще нужно?

«Есть также и другія соображенія, вслѣдствіе которыхъ введеніе европейской системы производства было бы у насъ нежелательно. Орудія этого производства стоять вамъ очень дорого и ваша сравнительно небольшая фабрика представляетъ капиталъ въ 200—300 тысячъ франковъ. У насъ нѣтъ такихъ богачей, которые могли

бы порознь выложить изъ кармана такую сумму. Пришлось бы устраивать фабрики вскладчину, а многолюдная товарищества у нась не въ модѣ. Въ нихъ бываетъ всегда много подчиненныхъ и мало начальствующихъ, которые притомъ оказываются на практикѣ не несущими никакой отвѣтственности за свои дѣйствія. Такіе порядки намъ не по нутру ни въ промышленности, ни въ политикѣ. Мы предпочитаемъ вездѣ небольшія группы. Замѣтьте тоже, что, помѣстивъ въ какое нибудь промышленное предпріятіе очень большой капиталъ, нельзя уже сообразовать размѣры производства съ дѣйствительной текущей потребностью. Надо, чтобы капиталъ во чтобы то ни стало приносилъ надлежащій процентъ. Приходится выдѣлывать продукты даже при отсутствії на нихъ заказовъ. Отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ необходимость искать для нихъ сбыта и рынковъ за границей, а затѣмъ заботиться о сохраненіи этихъ рынковъ. Съ другой стороны, крупное производство въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у васъ, слишкомъ специализируетъ рабочихъ: они становятся сами какъ бы машинами и утрачиваютъ способность заниматься чѣмъ либо-другимъ. Когда фабрика останавливается, имъ по неволѣ приходится сидѣть сложа руки и умирать съ голоду. У нась, напротивъ того, каждый знаетъ нѣсколько ремеселъ. Если ему не везетъ въ одномъ, онъ тотчасъ принимается за другое. Безработицы у нась поэтому не бываетъ. Къ тому же, правда ли, что ваша система производства дѣйствительно уже настолько совершеннѣе нашей? Такъ ли ужъ дешевы произведенія вашихъ фабрикъ? Не угодно ли вамъ составить сравнительный списокъ цѣнъ на предметы первой необходимости у васъ и у насъ.

«Наконецъ, сударь, мы руководствуемся въ Китаѣ двумя такими принципами, которые, пока мы придерживаемся ихъ, не дозволяютъ намъ перейти къ вашей системѣ крупнаго производства. Принципы эти—уваженіе къ труду и уваженіе къ человѣческой жизни. Никогда китайское правительство не осмѣлится взыскать налоги для покрытія расходовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и разныя другія издержки, необходимости которыхъ не представляется для каждого изъ насъ въ отдѣльности вполнѣ очевидной. Никогда, ни правительство, ни отдѣльная личность не рѣшатся принять на себя страшную отвѣтственность за увѣчья и смертные случаи, причиняемые прямо или косвенно употребленіемъ вашихъ машинъ, начиная съ тѣхъ, которыя сокращаютъ жизнь вашихъ рабочихъ въ рудникахъ, и кончая тѣми, которая увѣчать и убивають вашихъ машинистовъ и кочегаровъ.

«У насъ нѣтъ парламентовъ и представительныхъ собраний по вашему образцу. Никто у насъ не въ правѣ навязать другому, въ качествѣ полезнаго нововведенія, то, что не признается таковымъ уже всѣми. Во всякомъ случаѣ, никто не можетъ насъ заставить платиться за нихъ хотя бы даже лишнимъ грошемъ. Положимъ, что это сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, но мы убѣждены, что означенныя неудобства перевѣшиваются большими преимуществами. Представительное собраніе можетъ быть увлечено и согласится на какую-нибудь невыгодную мѣру, цѣлый же народъ, въ которомъ столько же парламентовъ, сколько и семействъ, не можетъ увлечься подобнымъ образомъ».

Всѣ приведенные здѣсь доводы, почерпнуты мною изъ многочисленныхъ бесѣдъ, которыхъ мнѣ приходилось

имѣть и по собственной охотѣ, и по обязанностямъ службы, съ китайцами. Доводы эти воспроизведены здѣсь мною лишь въ сжатомъ видѣ.

IV.

Иногда мнѣ доставляло удовольствіе заходить въ моихъ бесѣдахъ съ китайцами за предѣлы результатовъ, достигнутыхъ уже нашей цивилизаціей. Я говорилъ имъ о мечтахъ, которыми она наскъ ласкаетъ, указывалъ имъ въ будущемъ человѣчество, освобожденное, благодаря машинамъ, отъ тяжести труда, избавленное наукой отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ, вольное посвятить себя исключительно лишь занятіямъ, болѣе сообразнымъ съ его вкусами, разумомъ и судьбами.

Китайцы слушали меня и улыбались, какъ люди, которые не вѣрятъ или же не понимаютъ хорошенько въ чёмъ дѣло. «У насъ,—возражали они,—трудъ справедливъ, пріятелъ и легокъ. Далѣе этого мы и не заходимъ въ своихъ мечтахъ». Однажды, одинъ изъ нихъ присовокупилъ еще слѣдующее соображеніе, которое меня поразило и заставило вдуматься. Какъ различно мы смотримъ на вещи, сударь! Вы хотѣли бы уничтожить трудъ, мы же считаемъ, что это было бы величайшимъ несчастьемъ, еслибъ могло оказаться на самомъ дѣлѣ возможнымъ, и сочли бы святотатствомъ даже и самую мысль объ этомъ».

Впослѣдствіи слова эти нерѣдко приходили мнѣ на умъ въ сопровожденіи многого другого, на что я до тѣхъ поръ не обращалъ должнаго вниманія. Я вспомнилъ между прочимъ и фразу, такъ поразившую меня вскорѣ послѣ прибытія въ Срединное Царство: «не довѣрайте религіямъ». Изъ этого сближенія вытекалъ для меня

съ такой очевидностью фактъ существеной разницы въ предметѣ и чувствѣ религіознаго вѣрованія, что я счелъ долгомъ вникнуть въ дѣло глубже. Я говорилъ себѣ: «вотъ народъ, и притомъ многочисленный народъ, сжигающій то, чмѣу поклоняются другіе, и поклоняющійся тому, чмѣу другіе сжигаютъ. И этотъ народъ живеть самостоятельной жизнью уже въ теченіе 50—60 вѣковъ». Только съ этого времени я и началъ дѣйствительно понимать Китай и его цивилизaciю и, признаюсь, что лишь съ тѣхъ порь и собственныя мои наблюденія приобрѣли сколько-нибудь серьезное значеніе. Передъ тѣмъ, напримѣръ, я не понималъ хорошенъко торжества, празднуемаго въ честь земледѣлія, въ день весеннаго равноденсія, и смыслъ участія въ этомъ торжествѣ самаго богдыхана и высшихъ его сановниковъ. Извѣстно, что въ этотъ день богдыханъ и тѣ, которые заступаютъ его мѣсто въ областяхъ, пашутъ сами землю, держа рукоятки плуга. Проведя нѣсколько бороздъ, они высѣваютъ въ нихъ пять сортовъ хлѣбныхъ зеренъ, произрастающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Китая. Мнѣ рассказывали, правда, что это дѣжалось съ цѣлью почтить земледѣліе, и я долженъ былъ довольствоватьсь, за неимѣніемъ лучшаго, этимъ объясненіемъ, хотя мнѣ и казалось, въ виду общепризнаваемаго символического значенія зеренъ, что упомянутое празднество имѣть болѣе возвышенный, сокровенный смыслъ. Когда я сталъ лучше понимать китайскую цивилизaciю, это сдѣжалось для меня совершенно очевиднымъ. Разспрашивая китайцевъ и сопоставляя ихъ отвѣты, я былъ наведенъ постепенно на такія изслѣдованія, которыя раскрыли мнѣ основные принципы этой цивилизaciи и философскій ея смыслъ. Принципы эти изложены всѣ въ первыхъ главахъ сочиненія, называе-

маго Чи-Пень-Ти-Кангъ, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Это сокращенная энциклопедія въ десяти томахъ, изданная въ 1747 году, о которой одинъ изъ бывшихъ тогда въ Китаѣ іезуитовъ пишеть. «Миссіонеры считаютъ Чи-Пень-Ти-Кангъ очень опаснымъ и вреднымъ для евангельской проповѣди, такъ какъ вѣроученіе его ограничивается лишь деизмомъ и естественной религіей, причемъ онъ держится всюду на уровнѣ разума и совѣсти, удовлетворяя ихъ обоихъ настолько, что они не столь легко уже чувствуютъ потребность въ откровеніи свыше». Такой отзывъ со стороны іезуитскаго патера является для китайской энциклопедіи лестной рекомендаціей, заставляющей желать, чтобы энциклопедія эта была переведена на европейскіе языки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отзывъ этотъ объясняетъ и причину, по которой до сихъ поръ не было сдѣлано такого перевода. Чи-Пень-Ти-Кангъ не оказался даже въ библіотекѣ улицы Ришелье, гдѣ, однако, прежніе іезуиты, надо отдать имъ въ этомъ справедливость, собрали такъ много замѣчательныхъ книгъ. Въ наше время во Франціи, Англіи, Германіи и Россіи найдется не мало ученыхъ, хорошо знающихъ китайскій языкъ. Недостаточно, однако, знать языкъ, и даже знать его въ совершенствѣ (если только это можно сказать о знаніи китайскаго языка европейскими учеными), чтобы быть въ состояніи какъ слѣдуть передать всякую вещь, написанную на этомъ языкѣ. Для этого необходимъ особый талантъ или, по меньшей мѣрѣ, предрасположеніе, вполнѣвшая безпритягательность, а также извѣстная степень простоты ума и сердца. Поэтому то, быть можетъ, Чи-Пень-Ти-Кангъ не переведенъ еще до сихъ поръ ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ. Сколько мнѣ извѣстно, изъ европей-

цевъ о немъ упоминаетъ только патеръ Аміо, отзывъ котораго приведенъ уже выше. Другой іезуитскій патеръ Премаръ, тоже читавшій китайскую энциклопедію, но не сознающійся въ этомъ, усматриваетъ въ ней совсѣмъ не то, что тамъ написано. Не обладая такой независимостью мысли, какъ его сотоварищъ, онъ читалъ энциклопедію, какъ долженъ быть это сдѣлать католикъ, желающій сообразовать религіозныя свои убѣжденія съ весьма авторитетными текстами. Онъ почерпнулъ, такимъ образомъ, изъ Чи-Пень-Ти-Канга и Тао-те-Кинга матеріаль записки, составленной имъ на латинскомъ языкѣ. Эта записка, посланная во Францію въ серединѣ XVII столѣтія, озаглавлена: «Слѣды главнѣйшихъ догматовъ христіанской вѣры, сохранившіеся въ древне-китайскихъ книгахъ» *). Достаточно однако пробѣжать эту записку, чтобы увидѣть, какихъ трудовъ и натяжекъ стоило ея составленіе. Такъ, напримѣръ, авторъ считаетъ букву, обозначающую у китайцевъ единаго всеобщаго человѣка или все человѣчество въ совокупности, символомъ личности Христа Спасителя. Ему приходится постоянно оспаривать Конфуція и его послѣдователей, ученіе которыхъ именно излагается въ Чи-Пень-Ти-Кангѣ. Мистицизмъ Лао-Тзе очевидно болѣе нравится іезуитскому патеру. Несмотря на это, онъ позволялъ себѣ иногда увлекаться очевидностью естественного значенія словъ и этимъ навлекалъ на себя тогда порицаніе издателей.

Мнѣ лично не доводилось прочесть Чи-Пень-Ти-Кангъ, такъ какъ я, къ несчастью, не настолько знакомъ съ китайскимъ языккомъ, но я неоднократно заставлялъ разныхъ лицъ

---

*) Записка эта была переведена, снабжена комментаріями и обнародована въ 1878 году гг. Боннетти и Перни въ Парижѣ.

прочитывать, объяснять и комментировать мнѣ интересовавшія меня книги и энциклопедіи. Это, можетъ быть, было и наилучшимъ способомъ понять ихъ какъ слѣдуетъ. Къ тому же, китайская цивилизація не такова, какъ мертвая египетская и ассирийская цивилизаціи, для уясненія которыхъ приходится поневолѣ ограничиться лишь толкованіемъ памятниковъ и надписей. Чтобы познакомиться съ китайской цивилизаціей, достаточно не закрывать себѣ умысленно глаза и уши. Можно сказать даже, что ее гораздо легче изучить, чѣмъ всякую другую современную цивилизацію. Ни въ одной не встрѣчается большаго единства плана и меньшаго количества противорѣчій въ частностяхъ. Все въ ней стремится къ одной цѣли, все приведено въ согласованіе съ этой цѣлью. Китайскіе законы, нравы, философія, земледѣліе, искусство, промышленность, все это направлено къ уясненію абсолютнаго единства человѣческаго рода и семьи, какъ группы, въ которой принципъ этого единства проявляется самымъ непосредственнымъ образомъ.

Я лично познакомился съ китайской цивилизаціей черезъ посредство китайскаго земледѣлія. Читатель вскорѣ увидитъ, что счастливый случай натолкнулъ меня на самый удобный путь для достижения желанной мною цѣли.

Безъ сомнѣнія, отъ меня не должны ждать здѣсь полнаго или хотя бы сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія принциповъ китайской энциклопедіи. Это могъ бы сдѣлать только ученый специалистъ. Я приведу лишь въ возможно краткихъ словахъ то, что почерпнулъ изъ нея самъ, а именно: понятное объясненіе фактовъ, совершившихся ежедневно передъ моими глазами. Читатель будетъ имѣть возможность свѣрить самъ эти объясненія.

нія съ фактами и останется, надѣюсь, доволенъ резуль-татами, къ которымъ придется.

Замѣчу еще, что система философскихъ ученій, изложенная въ Чи-Пенъ-Ти-Кингъ имѣть одну особенность, являющуюся, быть можетъ, характеристично-китайской. У нея, во всей ея совокупности, не было опредѣленного автора, творца или основателя. Она не упала, какъ снѣгъ на голову, сразу, совершенно готовой. Утверждаются, будто вся эта система содержится полностью въ Кингахъ *). Дѣло въ томъ, что эти книги написаны знаками или, лучше сказать, іероглифами, смыслъ которыхъ былъ такъ теменъ, что множество философовъ и государственныхъ сановниковъ ломали себѣ надъ ними голову, предлагая различные толкованія, которыхъ принимались или же отвергались общественнымъ мнѣніемъ. Подъ покровомъ этихъ книгъ, освященныхъ уваженіемъ къ древнимъ традиціямъ, высказаны были многими толкователями идеи, возникшія, безъ сомнѣнія, въ ихъ собственныхъ умахъ. Какъ бы ни было, всѣмъ этимъ толкованіямъ недоставало единства. Къ истинамъ было примѣщано въ нихъ много заблужденій. Конфуцій рѣшился исключить изъ этой нестройной груды толкованій все бесполезное и опасное. Взамѣнъ ложныхъ толкованій, онъ предложилъ свои собственные и, такимъ образомъ, построилъ гармоническую, простую и удобопри-

---

*) Всѣхъ Кинговъ считается шесть. Первый и самый древній И-Кингъ, или книга преобразованій (несомнѣнно очень замѣчательное заглавіе); вторая—Шу-Кингъ, или историческая книга, напоминаетъ нѣкоторыя книги библіи; третья Ши-Кингъ, или книга стиховъ; четвертая—Ли-Кингъ, книга обрядовъ; пятая Ио-Кингъ, книга о музыкѣ или гармоніи и, наконецъ, шестая Чунь-Тціеу, книга весны и осени. Дѣвъ изъ этихъ книгъ, четвертая и пятая, утрачены.

мѣнимую систему, которой придерживаются уже болѣе 2200 лѣтъ не только китайцы, но и многіе другіе народы крайняго азіатскаго востока. Европейцы, незнакомые съ этой системой, называютъ ее вѣроученіемъ Конфуція.

Китайцы полагаютъ, что, говоря о вселенной, не слѣдуетъ забывать, что она обнимаетъ собой видимое и не-видимое, явное и скрытое. По менѣшай мѣрѣ столь же важно помнить, что даже и въ мысляхъ не слѣдуетъ отдѣлять явное отъ скрытаго, видимое отъ невидимаго. Нельзя, напримѣръ, отдѣлять вещество отъ силы или же идею какой-либо вещи отъ свойственной ей формы. Форма эта можетъ и не быть явной, но все-таки существуетъ. Такъ, существуютъ духовныя тѣла *). Вещество, дѣлающее ихъ для насъ видимыми, наполняетъ лишь эти тѣла какъ вода, принимающая форму сосуда, въ который она влита **). Въ этомъ смыслѣ тѣло и духъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Точно также нельзя отдѣлять міръ отъ мирового разума ***). Непризнаніе этой истины было бы величайшимъ заблужденіемъ.

Съ этой точки зренія, вселенная, со всѣми своими мірами, образуетъ одно цѣлое, части котораго являются какъ бы частицами одной и той же сферы. Всѣ онѣ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Однако, вся вселенная, въ своей совокупности, имѣетъ другіе законы и отношенія, чѣмъ тѣ, которые воплощены въ ея частяхъ. Поэтому, каждая изъ частей подчиняется, отношенію или закону, являющемуся для нея до извѣстной степени внѣшнимъ.

---

* Лao-Тзе.

**) Ли-Тсе, за 390 лѣтъ до Р. Х.

***) Ю-Чинъ, 1600 лѣтъ по Р. Х.

Такъ какъ мы не можемъ составить себѣ идею о формѣ, протяженіи и движеніи вселенной, мы говоримъ, что она безконечна. Въ ней содержатся всѣ законы, но сама она управляется собственнымъ своимъ закономъ или разумомъ, безконечнымъ, какъ она сама.

Спрашивается теперь, сознательный-ли этотъ разумъ? Небо и земля велики, они имѣютъ однако цвѣтъ форму, число и количество. У человѣка есть нѣчто, не имѣющее ни цвѣта, ни формы, ни числа, ни количества, и это нѣчто—сознательное. Поэтому, если въ вселенной было только одно сознательное существо—человѣкъ, все-таки же она была бы одухотворена человѣческимъ сознаніемъ. Но сознаніе это, будучи ограниченнымъ, не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть безконечнымъ сознаніемъ вселенной. Отсюда явствуетъ, что у вселенной свое особое безконечное сознаніе *).

Китайцы не называютъ никакимъ именемъ этотъ сознательный и безконечный разумъ или законъ; они обозначаютъ его лишь метафорами. Въ обыкновенномъ разговорномъ языке Небо они называютъ *Тіенъ Ханіэ-ти*. На философскомъ языке Разумъ вселенной именуется просто *Безконечное (Таи-ки)* или же Могущество, Невидимая энергія, существующая сама по себѣ, безъ образа, числа и мѣры.

Одна эта энергія, сама по себѣ, непостижима и не можетъ быть мыслима безъ земли или вещества, въ которомъ она проявляется. Отсюда вытекаетъ другая сила, пассивная энергія, называемая также Землей.

Первая изъ этихъ энергій, т. е. Разумъ вселенной, должна для проявленія своего перейти изъ скрытаго по-

---

*) Куангъ-юнъ-це. 604 года до Р. Х.

тенциального своего состоянія въ дѣйствующее. Въ этомъ дѣйствующемъ своемъ состояніи она является третьимъ видомъ міровой энергіи, а именно, дѣйствующей разумной энергіей; это и есть человѣкъ, но не тотъ видимый, неполный и несовершенный, котораго мы знаемъ, а это человѣкъ, совмѣщающій въ себѣ всѣхъ людей, къ какому бы полу они ни принадлежали и въ какое бы время ни жили. Это духовное тѣло всего человѣчества—единый человѣкъ, Человѣкъ-людъ (И-генъ), котораго китайцы называютъ также отцомъ-матерью (*Фу-му*), человѣкъ сокровенный, невидимый, небесный, совершенный, такъ какъ онъ чистъ отъ всякаго порока, неизбѣжно связанного съ каждой вещественной формой, однимъ словомъ—святой. Въ обыкновенномъ разговорѣ его обозначаютъ словомъ *Tienz-Goanъ*.

Три міровыхъ силы, будучи неразлучными, образуютъ одно цѣлое, которое называютъ Тай-И, т. е. великое-одно Онъ обладаютъ предвѣчнымъ существованіемъ.

Святой служить посредникомъ между землею и небомъ, которыя соединяются въ немъ воедино. Онъ—животворящее Слово; чрезъ него посредство проявляется и дѣйствуетъ Небо или Тай-Ки *). Въ природѣ святого двигать, преобразовать и совершенствовать. Ничего другого сотворено не было. Каждый человѣкъ существуетъ лишь въ немъ или черезъ него, по его образу и подобію, съ такимъ же духовнымъ тѣломъ, какъ его собственное. Въ немъ содержатся всѣ люди и всѣ твари, нераздѣльно соединяемые имъ съ небомъ и землей.

Закономъ для каждого земного человѣка является подражаніе святому. Достигаютъ этого подраженія, сообра-

*) Человѣкъ, по словамъ Гете, есть первая бесѣда природы съ Богомъ.

зуясь съ міровымъ единствомъ, никогда не нарушая его ни однимъ поступкомъ, приближаясь къ нему болѣе и болѣе, несмотря на состояніе слабости и несовершенства, обусловленныхъ для насъ соединеніемъ нашего разума съ вещественнымъ тѣломъ. Подражаютъ *святому*, постоянно преобразуя и совершенствуя себя самого и все окружающее, непрерывно стремясь къ объединенію вещества и духа, т. е. непрерывно работая. Здѣсь лежитъ весь законъ, и каждый носить этотъ законъ въ себѣ; тотъ, кто его понимаетъ и соблюдаетъ, будетъ награжденъ сообразно съ своими усилиями, и дѣйствительно получаетъ награду. Нельзя вообразить себѣ преступленія и бѣдствія большихъ, чѣмъ нарушеніе этого закона. Трудъ, составляющій непрерывное условіе природы и сущности человѣка, остается для него все-таки необходимостью, воспоминаніе о цѣляхъ его утрачивается, а потому онъ дѣлается для человѣка мученіемъ.

Міровое единство, понимаемое такимъ образомъ, т. е. полнѣйшая солидарность всѣхъ людей другъ съ другомъ и солидарность человѣка со всѣми прочими тварями является безспорнымъ фактамъ. Смерть, въ томъ видѣ, какъ рассматриваютъ ее въ другихъ религіяхъ, т. е. въ окончательномъ отдѣленіи души отъ тѣла и въ раздѣленіи людей на предопределенныхъ къ вѣчному блаженству и осужденныхъ на вѣчныя муки, равно какъ идея о мірѣ, лежащемъ виѣ этой вселенной и содержащемъ въ себѣ рай и адъ, кажутся китайцамъ совершенной нелѣпостью.

По ихъ мнѣнію нѣть другихъ міровъ, кроме тѣхъ, которые заключаются во вселенной. Точно также и для земного человѣчества нѣть другой жизни, кроме какъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока земля эта будетъ суще-

ствовать. Въ непрерывномъ ряду земныхъ своихъ воплощений человѣкъ найдеть себѣ награду или наказаніе, смотря по тому, какъ поступаетъ онъ со своей душой въ этой жизни. Если человѣкъ старается развивать и совершенствовать свою душу, онъ возродится съ болѣе совершенными способностями и даже съ болѣе совершенными тѣлесными и физическими свойствами, которыхъ обезпечать ему счастье или же облегчать возможность достиженія такового. Напротивъ того, если человѣкъ не заботится о своей душѣ, то въ слѣдующемъ воплощеніи онъ не сознаетъ того, что могло бы сдѣлать его счастливымъ, и все въ мірѣ окажется противъ него. Эти преобразованія или воплощенія будутъ для каждого изъ насъ непрерывно повторяться до тѣхъ поръ, пока обитаемая нами частица вселенной не преобразуется въ свою очередь. Тогда земной шаръ распадется на составные свои части, которые вернутся къ хаотическому состоянію и пребудутъ въ немъ, пока не войдутъ въ составъ новыхъ міровъ. Душа человѣчества, разставшись со своимъ тѣломъ, перейдетъ въ другой міръ, гдѣ опять, соединившись съ веществомъ, будетъ жить по тѣмъ же законамъ, но въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, соображаясь какъ съ достигнутой уже ею степенью единства, такъ и съ тѣми измѣненіями, которыми вещество окажется подчиненнымъ въ этихъ новыхъ мірахъ. Вообще же, между людьми будетъ тамъ больше согласія, органы и чувства будутъ совершеннѣе, жизнь—легче, счастливѣе и могущественнѣе въ своихъ проявленіяхъ.

Вотъ краткій очеркъ философской и нравственной системы, известной въ Европѣ подъ именемъ Конфуціева ученія. Предоставляю самому читателю судить, заслужи-

ваетъ ли она похвального отзыва, сдѣланнаго о ней патеромъ Аміо, и дѣйствительно ли она держится всегда въ предѣлахъ, дозволяемыхъ разумомъ. Прибавлю только, что въ Китаѣ система эта вошла до такой степени въ плоть и кровь всего общественнаго и государственнаго строя, что принципы ея сдѣлались, въ сущности, законами и правами, которыми существуетъ и живеть болѣе двухъ тысячъ лѣтъ народъ, достигающій теперь уже численности болѣе чѣмъ въ 500 миллионовъ душъ.

Никакая другая языческая религія не можетъ указать ничего подобнаго. Да и можно ли было бы достигнуть другимъ путемъ такихъ результатовъ? Какое вѣроученіе въ состояніи было бы дать отвѣты столь ясные, отчетливые и вмѣстѣ съ тѣмъ столь сообразные съ самыми дорогими надеждами человѣка, на вопросы, которые имѣютъ для него такое громадное значеніе? Нѣтъ, неправда, что «на этой землѣ поколѣнія смѣняютъ другъ друга случайно, не оставляя послѣ себя слѣда, каждое само по себѣ нарождаясь, страдая и умирая безъ всякой связи другъ съ другомъ, что ни одинъ голосъ отъ угасшихъ поколѣній не доходитъ до нынѣ живущихъ и что голосъ нынѣ живущихъ долженъ будетъ вскорѣ кануть въ то же вѣчное молчаніе» *)! Послѣдовательныя поколѣнія солидарны другъ съ другомъ въ пространствѣ и времени, безусловно и вѣчно. Они составляютъ одно бессмертное цѣлое, такъ какъ если бы были смертны, то не могли бы соединяться въ общей солидарности. Смерть есть только преобразованіе.

«Не мечтайте о жизни внѣ жизни,—говорятъ китайцы,

---

*) Бенжаменъ Констанъ „О религії“.

такъ какъ жизнь вездѣсуща. Не мечтайте о Небѣ виѣ вселенной, такъ какъ вселенная безпредѣльна и вездѣсуща.

«Земля помѣщается въ небѣ, а рай на землѣ. Устроить его себѣ зависить отъ самого человѣка. Заботьтесь о своей душѣ, почитайте предковъ, уважайте преданіе, да будетъ для васъ прошедшее и будущее какъ бы настоящее, отождествляйте то и другое въ единствѣ человѣческаго рода. Не забывайте о своей солидарности съ землей и вселенной, не погрѣшайте никакимъ поступкомъ противъ этой солидарности, стремитесь, напротивъ того, ее упрочить. Трудиться значитъ преобразовывать и создавать; преобразовывайте все окружающее, создавайте почву, животное и растеніе, создавайте себя самихъ».

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ заключается весь китайскій катехизисъ или религіозный кодексъ. Онъ, какъ уже упомянуто, до такой степени вошелъ въ плоть и кровь населенія, что устранилъ необходимость также и въ болѣе подробномъ гражданскомъ кодексѣ. Существуетъ однако же празднество, въ которомъ все китайское міросозерцаніе выражается въ еще болѣе скатой формѣ. Это празднество земледѣлія. Въ день весеннаго равноденствія, богдыхана ведутъ въ храмъ Земли. Тамъ, передъ алтаремъ, окруженный верховными своими совѣтниками и народомъ, онъ подносить Небу пять сортовъ хлѣбныхъ зеренъ, которыя воздѣлываются въ различныхъ мѣстностяхъ китайской имперіи, и призываетъ на эти зерна благословеніе свыше. Изъ храма онъ идетъ въ доле, находящееся во виѣшней оградѣ храма. Тамъ ожидаетъ богдыхана серебряный плугъ, которымъ онъ вспахиваетъ землю и проводитъ въ ней пять бороздъ. Ему подаютъ тогда пять сортовъ освященныхъ зеренъ, которыя онъ

и высѣвается въ этихъ бороздахъ, чѣмъ и завершается священная церемонія. Торжественный посѣвъ зеренъ свидѣтельствуетъ о солидарности между человѣкомъ, Землею и Небомъ. Зерно, само по себѣ, является въ этой церемоніи символомъ возрожденія, т. е. единства во времени. Пять сортовъ зеренъ, произрастающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ китайского государства—символъ единства въ пространствѣ; что касается до плуга, то это символъ труда, безъ котораго не было бы ни возрожденія, ни единства. Тутъ мы имѣемъ передъ собою синтезъ основопачаль китайской цивилизациі. Празднество земледѣлія считается самымъ торжественнымъ и важнымъ изъ всѣхъ. Кромѣ него имѣется еще три другихъ общенародныхъ официальныхъ празднества, одно изъ которыхъ должно также напоминать собой о солидарности человѣческаго рода. Это—поминовеніе усопшихъ, совершающееся нѣсколько позднѣе празднества въ честь земледѣлія. Оно не только соблюдается частными лицами, но въ празднованіи его официально участвуютъ и государственные сановники. И тѣ, и другіе не ограничиваются въ этотъ день посѣщеніемъ семейныхъ своихъ гробницъ, а идутъ на общее кладбище и совершаютъ надъ могилами усопшихъ, не взятыхъ еще оттуда своими семьями (а также надъ могилами казненныхъ преступниковъ) погребальная церемоніи, предписываемая обычаемъ.

Два другія празднества во дни лѣтняго и зимняго солнцестоянія учреждены, чтобы испрашивать у Неба обиліе плодовъ земныхъ и приносить ему благодарность за таковые.

Въ прежнее время церемоніаль этихъ празднствъ совершался въ полѣ, теперь же онъ совершается въ хра-

макъ, а именно: въ храмъ Неба, храмъ Земли, храмъ Свѣта и храмъ Грома. По поводу этого послѣдняго не безинтересно замѣтить, что буква, которой въ И-Кингѣ выражается громъ, означаетъ въ то же время двигать, измѣнять, начинать что-либо. Нечего и говорить, что при этихъ храмахъ не состоять никакихъ жрецовъ. Императоръ, являясь туда для совершенія обрядовъ установленного церемоніала, дѣйствовать не въ качествѣ священнослужителя, но какъ представитель китайского человѣчества. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, впрочемъ, также обычный титулъ богдыхана—отецъ-мать народа *Фу-му*. Читатель, вѣроятно, не забылъ, что такимъ образомъ называется въ Китаѣ міровой Человѣкъ или Человѣкъ-люди.

Можно было бы сообщить еще много интересныхъ подробностей, напримѣръ, по поводу символического значенія разноцвѣтныхъ полосъ, окаймляющихъ въ извѣстныхъ случаяхъ облаченіе богдыхана, о бѣломъ цвѣтѣ, какъ знакѣ траура по драконѣ *Лонгъ*, представляющемъ духовное человѣчество, и т. д., и т. д. Все это, хотя и не выходитъ въ сущности изъ рамокъ программы, увлекло бы меня слишкомъ далеко. Лучше будетъ вторично отмѣтить факты, въ которыхъ еще въ болѣшей степени, чѣмъ въ системѣ налоговъ, системѣ землевладѣнія и другихъ народныхъ китайскихъ учрежденіяхъ, выказывается, до какой степени умы и привычки китайцевъ прониклись духомъ философіи Конфуція. Мы упоминали уже обычай при погребальной церемоніи—назначать младшаго изъ дѣтей въ семье представителемъ покойнаго. Въ ребенкѣ видѣть при этомъ воплощеніе души усопшаго, чѣмъ возстановляется опять временно прерванное единение между всѣми членами семьи. Обычай этотъ попол-

няется другимъ, о которомъ также было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, а именно: раннимъ обрученіемъ, совершающимся иногда при самомъ рожденіи дѣтей. Обручение это не только имѣть цѣлью подготовить будущихъ супруговъ къ болѣе полному сближенію въ области мысли и чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ также стремленіе сдѣлать дѣтей по возможности болѣе полными участниками единства, символически выражавшагося и въ міровомъ человѣкѣ слияніемъ обоихъ половъ.

Принципъ единства и солидарности человѣческаго рода, такъ глубоко запечатлѣвшійся въ сердцахъ китайцевъ, начертанъ у нихъ повсюду также и на стѣнахъ. Куда бы вы ни вошли: въ публичное ли зданіе, въ домъ ли пріятеля, повсюду встрѣтите вы въ числѣ другихъ надписей на лакированныхъ дощечкахъ, украшающихъ стѣны, также и фразы въ такомъ родѣ: «Никто да не назоветъ себя счастливымъ, пока есть на свѣтѣ хоть одинъ несчастливецъ». «Кто живеть не трудясь, тотъ заставляеть ближняго своего умирать съ голоду».

Тѣмъ не менѣе, философія эта выразилась глубже всего, проявила духъ свой самымъ характеристическимъ образомъ, принесла достойнѣйшіе и наилучшіе плоды во внушенному ею всему китайскому народу прилежаніи и воззрѣніи на трудъ. Тамъ именно, въ общемъ направленіи, данномъ ею всему, относящемуся до труда, тамъ и заключается полнѣйшее и величайшее торжество ея принциповъ.

V.

Не признавая для себя другого міра внѣ этой земли, не ставя себѣ идеаловъ счастья внѣ тѣхъ, которые осу-

ществимы на землѣ, имѣя глубокую увѣренность, что единственнымъ средствомъ къ достижению этихъ идеаловъ является трудъ, понятно, что китайцы должны были отнестись къ нему съ особымъ уваженiemъ и обставить его возможно благопріятными условіями. Человѣкъ по своей природѣ—творецъ и рабочій, но не слѣдуетъ противодѣйствовать этимъ прирожденнымъ его свойствамъ, устраивая такъ, чтобы осуществленіе ихъ было сопряжено для него съ униженiemъ или же невыгодой. Какъ справедливо замѣтилъ Каннингъ, вѣрнѣйшимъ средствомъ для облагороженія труда является указаніе отношеній его къ естественнымъ законамъ природы. Необходимо, однако, чтобы при этомъ человѣческие, т. е. гражданскіе и политическіе законы, не противорѣчили естественнымъ законамъ. Китайцы сумѣли избѣгнуть такого противорѣчія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ умѣренность существующихъ у нихъ налоговъ, система поземельной собственности, предоставляющая рабочему всѣ права на избытокъ цѣнности, вложенный имъ въ землю, и, наконецъ, право государства отбирать отъ владѣльцевъ земли, остающейся необработанными. Отсюда вытекаетъ также полная свобода труда и личности рабочаго, уваженіе къ труду и рабочему, отсутствіе касть, богачей, не трудящихся, рабовъ и крѣпостныхъ людей. Всѣхъ китайцевъ можно разсматривать какъ рабочихъ и притомъ занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ непрерывнаго усовершенствованія, подъема земли и всѣхъ материальныхъ вещей ко благу или, выражаясь китайской фразой, «непрерывнаго болѣе и болѣе полнаго объединенія Земли и Неба *). Китайцы

*) И-Кингъ. Объединеніе это символически выражается двумя треугольниками—блѣзкимъ и чернымъ,—которые проникаютъ другъ въ друга однимъ изъ своихъ угловъ.

не имѣютъ даже и представлениія объ унизительномъ труде. Профессіи, которыя называются у насъ либеральными, и чернорабочій трудъ уважаются тамъ одинаковою образомъ *). Каменщикъ, земледѣлецъ, плотникъ и т. п. пользуются въ Китаѣ не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ врачъ или художникъ, и получаютъ почти такую же плату за трудъ. Врачу платятъ за визитъ 25 сантимовъ, иногда же и менѣе, а самое большее 50 сантимовъ; рисовальщикъ или живописецъ получаетъ поденno отъ 50 до 60 сантимовъ; мастеръ, художественно выполняющій свое дѣло—50 сантимовъ, причемъ они должны содержать себя на свой счетъ. Въ деревняхъ имъ даютъ всего лишь отъ 25 до 30 сантимовъ, но за то на полномъ хозяйствѣ содержаніи. Простому земледѣльческому рабочему обыкновенно платятъ всего лишь отъ 15 до 20 сантимовъ въ день на хозяйствѣ содержаніи. При разсадкѣ риса они получаютъ въ день копейкой больше, а при молотьбѣ, обычная поденная плата увеличивается восьмью сантимами. Такимъ образомъ равенство профессій существуетъ въ Китаѣ не на однихъ лишь словахъ. Это, безъ сомнѣнія, не особенно выгодно для тѣхъ, кто желалъ бы сдѣлать себѣ изъ свободной профессіи предлогъ или средство къ освобожденію отъ труда. Для такихъ лѣнивцевъ, китайскіе порядки были бы разумѣется очень не по душѣ, но дѣйствительный талантъ уживается и съ этими порядками. Во всякомъ случаѣ, помимо эстетической стороны дѣла, не имѣющей прямого отношенія къ денежному вознагражденію, можно признать, что упомянутые порядки, съ точки зрѣнія общественнаго ин-

*) За тремя исключеніями, которыя, какъ будеть указано въ своемъ мѣстѣ, не касаются въ дѣйствительности характера профессіи.

тереса, приносять также и кое-какую пользу. Такъ, напримѣръ, актеры въ Китаѣ получаютъ не больше вознагражденія чѣмъ другіе рабочіе, а потому театръ является тамъ удовольствіемъ вполнѣ общедоступнымъ. За какиенибудь полтараста франковъ труппа изъ тридцати актеровъ, обладающая въ большинствѣ случаевъ превосходными костюмами, играетъ цѣлыхъ двое сутокъ какіе угодно драмы, водевили и комедіи. Правда, что декорацій и сценической постановки на китайскихъ театрахъ почти нѣтъ. Воображенію зрителей приходится работать больше, чѣмъ на европейскихъ театрахъ, но за то мѣста стоять всего лишь отъ 2 до 3 сантимовъ, а въ первомъ ряду не болѣе 15—20 сантимовъ. Въ виду многочисленности и густоты сельскаго населенія, кочевая театральная труппы заходятъ и въ самыя отдаленные деревушки, такъ что и самому бѣдному люду предоставляется нѣсколько разъ въ мѣсяцъ возможность переживать замѣчательныя события національной китайской исторіи или доставлять себѣ развлеченіе менѣе серьезными, подчасъ даже довольно грубыми и не вполнѣ скромными шутками китайскихъ комедій и водевилей.

Я только что сказалъ, что всѣ профессіи въ Китаѣ пользуются одинаковымъ уваженіемъ. На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, одна изъ этихъ профессій—ученая и учительская—играетъ преобладающую роль. Впослѣдствіи, говоря о правительствѣ и значеніи его въ общемъ строѣ народной жизни, я упомяну о привилегіяхъ и почестяхъ, которыми пользуется ученая профессія. Теперь я укажу лишь, какъ относятся къ ней народныя массы. Нигдѣ науки и литература не стоять такъ высоко въ общественномъ уваженіи, какъ въ Китаѣ, гдѣ наравнѣ съ ними почитается единственно лишь старость. Когда

меня иногда окружала толпа, враждебно относившаяся къ иностранцу, я тотчасъ же отыскивалъ въ ней какого-нибудь старика, приглашалъ его къ себѣ въ гости, выходилъ къ нему навстрѣчу и усаживалъ его на почетномъ мѣстѣ. Брань и насмѣшки мгновенно прекращались, а взамѣнъ того водворялось самое глубокое молчаніе. Мнѣ сразу удавалось отыскать между мной и окружающей толпой первую общую связь, отсутствіе которой въ большинствѣ случаевъ и обусловливается для иностранца всѣ испытываемыя имъ непріятности. Этю общей связью служило уваженіе къ старости. Оно дѣлало меня для китайцевъ уже не чужеземцемъ, а гостемъ. Такое же практическое значеніе имѣла и дань уваженія къ ученымъ. По прибытии въ городъ, я всегда справлялся о тѣхъ изъ нихъ, которые считались тамъ наиболѣе выдающимися, дѣлалъ имъ визиты и вслѣдствіе этого, взамѣнъ равнодушія и недовѣрія, встрѣчалъ повсюду самое дружественное и благосклонное гостепріимство.

Преподаватель, выучившій кого-нибудь грамотѣ, сохраняетъ право дѣлать выговоры своему питомцу, даже когда тотъ достигнетъ самыхъ высокихъ государственныхъ должностей. Случается, что народъ, недовольный какимъ-нибудь сановникомъ, выписываетъ издалека бывшаго его учителя, который и является для управляемыхъ посредникомъ между ними и уѣзднымъ начальникомъ, губернаторомъ или вице-королемъ. Посредника этого всегда выслушиваютъ съ величайшимъ уваженіемъ.

Къ несчастью, если ученая карьера одна лишь пользуется такимъ чрезвычайнымъ почетомъ, она одна также и порождаетъ классъ людей, находящихся, какъ говорится, не у дѣль. Государственные экзамены очень трудны, и немногіе лишь изъ учащихся выдерживаютъ

ихъ вполнѣ удовлетворительно. Къ тому же число вакантныхъ должностей очень ограничено, такъ что, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ для выжиданія болѣе благопріятнаго случая, кандидаты на должность, не выдержавши экзамена или даже выдержавши его не особенно блестящимъ образомъ, должны отыскивать себѣ иные средства къ существованію. Одни изъ нихъ становятся учителями, писателями, профессорами, другие же бросаются совсѣмъ ученую карьеру и начинаютъ заниматься торговлей, земледѣліемъ, и т. п., что весьма содѣйствуетъ повышенію общаго интелектуального уровня въ народѣ. Многие, однако, предпочитаютъ оставаться въ выжидательномъ положеніи, расчитывая, что для нихъ можетъ открыться ваканція вслѣдствіе выхода въ отставку или увольненія отъ службы какого-нибудь чиновника. Интригая, подобно совсѣмъ состоящимъ не удаѣль, такие ученые становятся истиннымъ бичемъ страны.

Изъ только что сказаннаго не слѣдуетъ однако заключать, чтобы общественные должности были въ Китаѣ въ такой же большой степени, какъ и въ другихъ странахъ, почти единственной цѣлью всѣхъ, посвящающихъ себя научнымъ занятіямъ. Это справедливо для Китая лишь до извѣстной степени. Китайскіе ученые стремятся къ общественнымъ должностямъ, такъ какъ назначеніе на таковыя является официальнымъ признаніемъ таланта, высшою почестью, которая отражается на всей семье; но многіе изъ должностныхъ лицъ, прослуживъ два или три года, выходятъ въ отставку и возвращаются въ частную жизнь. Я самъ зналъ уѣзднаго начальника, который на 35 или 36 году отъ роду отказался уже отъ административной карьеры и взялъ мѣсто школьнаго учителя. Подобные факты въ Китаѣ не рѣдкость, тѣмъ болѣе, что

государственные должности тамъ далеко не синекуры и оказываются для многихъ, въ концѣ концовъ, очень утомительными. Кроме добровольного и окончательного сложенія съ себя должности, бываютъ также временные обязательные отставки. Такъ, по случаю смерти матери или отца, чиновникъ увольняется отъ службы на все время траура, т. е. на цѣлыхъ три года.

Читатель можетъ составить себѣ теперь бѣглый взглядъ на общественные и экономические условія, въ которыхъ стоитъ у китайцевъ трудъ. Ему известно уже, что нѣть никакихъ предразсудковъ, никакихъ особо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, искусственно искажающихъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ (употребляя терминъ, принятый въ политической экономіи) или, другими словами, побуждающихъ общество производить больше или меньше рабочихъ, чѣмъ это дѣйствительно требуется въ тѣхъ или въ другихъ профессіяхъ. Читателю известно, что система налоговъ и землевладѣнія въ Китаѣ ограждаютъ повсюду равномѣрно права труда, и что крестьянинъ тамъ не отвлекается отъ родной почвы даже и при манкой такихъ удовольствій, которыя въ другихъ странахъ являются привилегіей, исключительно предоставленной жителямъ большихъ городовъ. Все остальное оказывается только естественнымъ слѣдствіемъ этихъ основныхъ принциповъ.

Солидарность земли и человѣческаго рода становится фактическою дѣйствительностью въ каждой семье, для каждой отдельной личности. Неприкосновенная и священная гарантія свободы—поземельная собственность— стала для человѣка сокровищницей, въ которую онъ вкладываетъ всѣ свои сбереженія. Человѣкъ, создавъ почву, полюбилъ ее и никогда не удаляется отъ нея больше,

чѣмъ это слѣдуетъ для преобразованія собственныхъ ея произведеній. Не возвращать землѣ возвращенныя ею богатства и употреблять таковыя на созданіе порядка вещей, который основывался бы не на отечественномъ производствѣ, а выписывалъ бы свое сырье изъ-за-границы и продавалъ бы обработанный продуктъ туда-же, считается, по мнѣнію китайцевъ, дѣломъ совершенно неосновательнымъ, несправедливымъ и опаснымъ. Такая политико-экономическая теорія вызоветъ, вѣроятно, у многихъ улыбку. Тѣмъ не менѣе, теорія эта привела къ тому, что почва въ Китаѣ стала богатѣйшей и плодороднѣйшей въ свѣтѣ. Предположивъ, что на ней производились бы только рисъ, пшеница, кукуруза, сорго и просо, все-таки же она представляла бы собою цѣнность не менѣе, какъ 1100—1200 миллиардовъ франковъ *). Если же принять въ расчетъ сравнительно большую цѣнность земель, занятыхъ подъ шелковичныя, чайныя, сахарныя, апельсинныя и др. плантациі, подъ воздѣлываніе пеньковой пальмы, восковыхъ деревъ и т. п., то цѣнность эта въ общей сложности несомнѣнно превзойдетъ 1800 миллиардовъ. Такимъ образомъ, десятина земли въ Китаѣ представляетъ собою втрое большій капиталъ, чѣмъ во Франціи. Еслибы распределить капиталъ, заключающійся въ поземельной собственности равномѣрно между всѣми жителями страны, то каждый китаецъ оказался бы въ полтора раза богаче француза. Можно ли послѣ этого говорить о бѣдности китайскаго населенія. Необходимо принять также въ расчетъ, что приведенная мною общая стоимость земли въ Китаѣ

---

*) „Bulletin de la Soci  t   de g  ographie, 1869“. (См. Земледѣльческая карта Китая.)

выражена на французскія деньги и должна, вслѣдствіе этого, казаться значительно меныше дѣйствительной своей стоимости. Припомнимъ только, что въ Китаѣ за одинъ франкъ можно купить гораздо больше, чѣмъ во Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стоимость китайской земли является не условной, а дѣйствительной цѣнностью, представляющей запасъ производительной силы, скопившейся въ почвѣ, общую сумм усбереженій, приготовленныхъ предшествовавшими поколѣніями для своего потомства. Это сокровище не поѣдается червями и не истребляется тлѣніемъ. Оно не можетъ быть похищено ни ворами, ни банковыми катастрофами, ни сокращеніемъ процентовъ по облигациямъ государственного долга. Оно постоянно возрастаетъ. Да и понятно. Земля является самыемъ надежнымъ и тароватымъ государственнымъ банкомъ. Поэтому то китайцы и, не обзавелись до сихъ порь никакимъ другимъ. Какой то великий мыслитель сказалъ, что о народѣ можно судить по цѣнности, какую имѣеть у него земля. Признавъ вѣрность этого положенія, предоставляю самому читателю вывести вытекающее отсюда логическое слѣдствіе. Читатель можетъ, однако, остановить меня вопросомъ: «вы только что сказали, что за одинъ франкъ въ Китаѣ можно купить гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи. Денегъ тамъ, слѣдовательно меныше и значить сбереженія»... «Помѣщаются, какъ уже сказано, полностью въ почвѣ». Что касается до свободныхъ, обращающихся капиталовъ, которые могутъ быть отданы въ наемъ, то въ Китаѣ ихъ дѣйствительно меныше, чѣмъ во Франціи, что впрочемъ совершенно естественно, такъ какъ тамъ нѣть капиталистовъ, живущихъ своими доходами. Китаецъ, у которого есть капиталъ, работаетъ имъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Денежное обращеніе въ Китаѣ

очень оживленное; денегъ тамъ въ обращеніи такъ мало и на нихъ существуетъ тамъ такой спросъ, что обыкновенно платится за нихъ 30%. Прибавлю, впрочемъ, что такие проценты платятся лишь въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего на обязанности должника остается лишь возвращеніе капитала. Мнѣ могутъ возразить на это; «гдѣ же, въ такомъ случаѣ, свободный кредитъ, о которомъ вы передъ тѣмъ толковали?» Настаивая на томъ, что такой кредитъ существуетъ, я въ свое время объясню его организацію; теперь же возвращусь къ организаціи труда.

Мы уже видѣли, что промышленность въ Китаѣ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ земледѣльческаго производства и держится въ рамкахъ такового. Такъ какъ земля въ Китаѣ плодороднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ и зачастую приносить отъ 4 до 5 урожаевъ въ годъ, промышленныя производства достигли тамъ замѣчательно мощнаго размѣра. Зачастую, промышленная дѣятельность прямо соединена съ земледѣлемъ. Самъ земледѣлецъ перерабатываетъ свой сахарный тростникъ и конопли, выжимаетъ масло, прядетъ шелкъ или по менѣшей мѣрѣ разматываетъ коконы шелковичныхъ червей. Чѣмъ многочисленнѣе его семья, тѣмъ все это для него легче. Если количество собранныхъ продуктовъ, какъ это зачастую случается, слишкомъ мало для того, чтобы ихъ стоило отдельно обрабатывать, онъ присоединяетъ свой продуктъ къ продукту сосѣдей и дѣлится съ ними полученными результатами, послѣ чего выжидаетъ удобнаго случая продать обработанные уже продукты. Менѣе состоятельные крестьяне вынуждены иногда продавать сырье, чтобы поскорѣе выручить за него деньги. Всѣ эти торговые обороты производятся на большихъ ярмаркахъ, которыхъ въ уѣздахъ, имѣющемъ, напримѣръ, про-

тяжение въ 10 кв. миль, собираются оть 8 до 10 разъ въ мѣсяцъ, то въ одной мѣстности, то въ другой. Туда съезжаются для производства закупокъ купцы и фабриканты, специально занимающіеся промышленнымъ трудомъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что и они также не разрываютъ связи своей съ кормилицей землей. Живя въ городахъ, они поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ деревенской своей семьей, а въ случаѣ выдѣленія изъ семьи, получаютъ въ наслѣдство или покупаютъ себѣ въ деревнѣ участокъ земли, на которомъ расчитываютъ поселиться впослѣдствіи и сдѣлать изъ него вотчинное поле. Это любимая мечта каждого китайца. Читателю извѣстно уже, что въ Срединномъ Царствѣ нѣть крупной промышленности. Капиталы тамъ очень раздроблены и сосредоточиваются въ крупныя единицы только для краткосрочныхъ торговыхъ или иныхъ оборотовъ.

Есть нѣсколько китайскихъ фирмъ, работающихъ съ капиталомъ въ 10—12 миллионовъ франковъ. Это почти во всѣхъ случаяхъ товарищество. Впрочемъ самое могущественное пароходное товарищество въ Китаѣ, съ капиталомъ въ 25—30 миллионовъ франковъ, тоже национальное китайское товарищество. Я слышалъ также о китайцѣ, лично обладающемъ капиталомъ въ 100 миллионовъ франковъ, который помѣщенъ у него въ разныхъ землемѣльческихъ, финансовыхъ, торговыхъ и разныхъ другихъ т. п. предпріятіяхъ. Богачъ этотъ считается китайскимъ Ротшильдомъ. Такія значительныя скопленія капиталовъ являются лишь рѣдкими исключеніями. Промышленные предпріятія, которыя у насъ въ Европѣ нуждаются въ особенно большихъ основныхъ и оборотныхъ капиталахъ, какъ, напр., чугунно-плавильные и желѣзо-дѣлательные заводы, обходятся въ Китаѣ всего

лишь съ сравнительно ничтожной суммой въ 50—100 тысячъ франковъ. Сумма эта въ большинствѣ случаевъ доставляется въ складчину тремя или четырьмя товарищами. Я самъ знаю въ Сэ-Чуенѣ чугунно-плавильный заводъ, основанный съ капиталомъ въ 50—60 тысячъ франковъ и выплавляющій отъ 40 до 70 тысячъ килограммъ въ день. Когда суточная выплавка достигаетъ 40 тысячъ килограммъ, вывѣшиваются на доменной печи красный флагъ, при 45 тысячахъ—прибавляется къ жалованью рабочихъ по двѣ унціи мяса на каждого, при 50 тысячахъ килограммъ суточной выплавки, каждый рабочій получаетъ четыре добавочныхъ унціи, а при шестидесяти тысячахъ—сверхъ того еще два стакана вина *). На этомъ чугунно-плавильномъ заводѣ имѣется, впрочемъ, всего лишь двѣнадцать рабочихъ, получающихъ такія награды. Кромѣ нихъ до 300 чернорабочихъ занято частью добываніемъ руды, частью же доставкой ее на заводъ. Прибавлю, кстати, что заводъ этотъ платить въ казну налогъ отъ 500 до 600 франковъ въ годъ; но этотъ налогъ взимается не съ заводской дѣятельности, которая въ Китаѣ не подлежитъ никакому обложенію, а за разрѣшеніе добывать руду, такъ какъ всѣ рудныя богатства считаются государственной собственностью. Такова китайская крупная промышленность. Обыкновенно же промышленность въ Китаѣ имѣеть чисто кустарный характеръ. Въ производствѣ участвуетъ или одна семья предпринимателя или, кромѣ того, еще нѣсколько наемныхъ рабочихъ, не болѣе восьми человѣкъ, съ однимъ или двумя учениками. Рабочіе вообще не живутъ у нанимающей ихъ семьи, а въ гостиницѣ или у себя дома, если собственные ихъ семьи находятся пососѣдству (какъ это

*) Или, лучше сказать, водки, приготовленной изъ риса или сорго.

и бываетъ въ большинствѣ случаевъ). Во многихъ отрасляхъ семейного труда хозяева зачастую вступаютъ въ товарищество со старшими рабочими или выдѣляютъ имъ часть прибылей. И хозяева, и рабочіе въ Китаѣ отдаютъ во всѣхъ случаяхъ, когда имъ это возможно, предпочтеніе поштучной работѣ и работѣ съ подряда. Батрачество не составляетъ поэтому въ Китаѣ обычной формы промышленного и земледѣльческаго труда. Промышленное производство организовано тамъ по образцу поземельной собственности. Батраковъ въ немъ гораздо меньше, чѣмъ людей, работающихъ за собственный счетъ или на компанейскихъ началахъ. Я упоминалъ уже о размѣрахъ заработной платы. Необходимо теперь привести также и цѣны нѣкоторыхъ наиболѣе употребительныхъ предметовъ.

Большая чашка варенаго рису стоитъ три сантима (на обѣдъ необходимо двѣ или три такія чашки); фунтъ говядины—отъ 10 до 15 сантимовъ, свинины—30 сантимовъ, баранины—20 сантимовъ, рыбы—отъ 10 до 15 сантимовъ. Курица стоитъ отъ 35 до 50 сантимовъ, утка—40 сантимовъ. Большая чашка чаю—1 сантимъ, чашка просяннаго или рисового вина—10 сантимовъ, фунтъ табаку—отъ 25 до 75 сантимовъ, почлегъ въ гостиницѣ—4 сантима; пара бархатныхъ башмаковъ—отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 франковъ, касторовая шапка—отъ 50 сантимовъ до 1 франка, зимній халатъ на ватѣ—отъ 7 до 10 франковъ, лѣтній халать—отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ франковъ. Накидка стоитъ отъ 6 до 7 франковъ, высокіе штиблеты—отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 франковъ, жилетъ—отъ 50 сантимовъ до 1 франка, барашковая шуба, крытая,—отъ 8 до 10 франковъ, соломенная шляпа—отъ 5 до 10 сантимовъ, пара плетеныхъ веревочныхъ лаптей для полевыхъ работъ—отъ 8 до 15 сантимовъ.

Отдельные отрасли производства образуют корпорации, въ которыхъ хозяева составляютъ особыя, и рабочие, со своей стороны, тоже особыя товарищества. Всѣ недоразумѣнія между тѣми и другими улаживаются третейскимъ судомъ. Каждая корпорація обладаетъ особымъ фондомъ, образующимся изъ добровольныхъ взносовъ; изъ него выдаются вспомоществованія нуждающимся въ томъ членамъ. Поступить въ члены корпораціи довольно легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является положительно необходимымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ рискуешь остаться безъ работы. Несчастные случаи, обусловливающіе необходимость въ выдачѣ пособій, оказываются въ Китаѣ несравненно болѣе рѣдкими, чѣмъ у насъ: дома тамъ, за очень немногими исключеніями, одноэтажные, паровыя машины не введены еще въ употребленіе, а рудники и копи никогда не разрабатываются на большую глубину. Къ тому же китайцы работаютъ методически, не торопясь, и такимъ образомъ избѣгаютъ ошибокъ, которыя могли бы повлечь за собой несчастныя послѣдствія. У каждой ремесленной корпораціи, (какъ это водится и въ католическихъ странахъ) есть свой патронъ. Посвященная ему пагода является сборнымъ пунктомъ для членовъ корпораціи, отправляющихся туда сравнительно нерѣдко въ паломничество. Паломничество это обязательно для ученика, выдержавшаго испытаніе на подмастерье, и для подмастерья, переходящаго въ мастера. Тамъ пробныя ихъ работы выставляются на болѣе или менѣе долгое время всенародно на разсмотрѣніе. Я забылъ упомянуть, что въ ученикахъ необходимо пробыть обыкновенно года три. Нетрудно убѣдиться, что между китайскими ремесленными корпораціями и западно-европейскими цехами существуетъ въ обычаяхъ значительная аналогія,

если только не тождество. Одинъ изъ этихъ китайскихъ обычаевъ по виѣшности какъ нельзя больше напоминаетъ обычай, соблюдаемый еще и теперь французскими рыбаками и матросами. Въ Сэ-Чуенѣ и Че-Кіангѣ, рыбаки и матросы выбрали себѣ покровительницей молодую дѣвушку, которой, шесть или семь вѣковъ тому назадъ, приснилось, что ея отцу и братьямъ, выѣхавшимъ въ море на рыбную ловлю, грозить опасность погибнуть отъ бури. Пробужденная матерью, слышавшей, что она бредить вслухъ, молодая дѣвушка рассказала видѣнныи сонъ. Мать и дочь призвали тогда сосѣдей и упросили ихъ выѣхать въ лодкахъ на помощь рыбакамъ, которые дѣйствительно подвергались большой опасности, но были благополучно спасены. Въ часовнѣ Божьей Матери-Заступницы (*Notre Dame de la garde*) наврядъ-ли найдется больше приношеній по обѣту, чѣмъ въ китайской пагодѣ, гдѣ стоять изображеніе этой молодой дѣвушки.

Китаянки рѣдко нанимаются работать на сторонѣ. Когда имъ приходится дѣлать это, онѣ поступаютъ въ услуженіе въ другія семьи, гдѣ обращаются съ ними какъ съ родственницами. Въ Шанхаѣ, однако, довольно много китаянокъ работаетъ на шелкопрядильныхъ фабрикахъ, устроенныхъ лѣтъ двадцать тому назадъ европейцами. Туземное населеніе смотритъ на это, вообще говоря, неблагопріятно. Что касается до полевыхъ работъ, то, сколько мнѣ известно, женщины нанимаются для нихъ всего лишь въ трехъ или четырехъ областяхъ и образуютъ тогда маленькия артели (изъ двухъ или трехъ женщинъ), работающія отдельно отъ мужчинъ.

Въ Европѣ много говорять объ уродованіи ногъ у китаянокъ. Моду эту считаютъ нерѣдко доказательствомъ

подчиненного положенія женщинъ въ Китаѣ. Я часто обращался къ китайцамъ съ разспросами по этому поводу, но никогда не могъ добиться сколько-нибудь серьезнаго объясненія. Одни отвѣчали мнѣ какой-нибудь изъ такихъ шутокъ, какія во всѣхъ странахъ мужчины зачастую позволяютъ себѣ насчетъ женщинъ. Другіе точно такъ же не знали о причинахъ уродованія ногъ у своихъ согражданокъ, какъ и мы не знаемъ причинъ уродованія череповъ у населенія окрестностей Тулусы или же причинъ уродованія бюста у дамъ, прибѣгающихъ для того къ употребленію корсета. Утверждаютъ, будто мода уродованія ногъ возникла семь или восемь столѣтій тому назадъ въ подражаніе богдыханшѣ, которая родилась уже съ такимъ уродствомъ. Какъ бы ни было, въ деревняхъ этой модѣ слѣдуютъ лишь очень немногія женщины, а при дворѣ богдыханши она положительно воспрещена почти уже триста лѣтъ тому назадъ. Оказывается, однако, что въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ, столь же трудно искоренить какую-нибудь хотя бы и самую нелѣпую моду, какъ и ввести новую моду въ сто кратъ болѣе сообразную со здравымъ смысломъ и требованиями гигіиены.

Въ Китаѣ мастеру довольно легко сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ. Это объясняется укоренившимся въ народѣ привычкой къ порядку, бережливости и взаимному кредиту. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ учрежденіяхъ, развивающихъ эти привычки и благопріятствующихъ таковымъ.

Читателямъ можетъ быть извѣстно, что въ Китаѣ нѣть другихъ денегъ, кромѣ мелкой мѣдной монеты съ дырочкой по срединѣ. Эта монета называется у европейцевъ чохомъ или сапекой и вѣситъ около семи граммъ.

Тысяча сапекъ, нанизанныхъ на шнуръ, образуютъ связку и представляютъ собой цѣнность приблизительно въ пять франковъ. Серебряный таэль внутри страны не обращается и не имѣть значенія официальной монеты. Принимая таэль, необходимо удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ вѣсить ровно китайскую унцію, т. е. 96 граммъ чистаго серебра; поэтому, кромѣ провѣрки вѣса, необходимо также провѣрить и пробу таэля. Что касается до сапеки или тсіе-нна, то она была, какъ увѣряютъ, изобрѣтена за 2600 лѣтъ до Р. Х. Это, очевидно, очень тяжелая и неудобная монета, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, и вызвало въ Срединномъ Царствѣ съ незапамятныхъ временъ кредитное денежное обращеніе. Первые китайские банки учреждены были, сколько известно, одновременно съ введеніемъ сапекъ. Понятно, что значительный вѣсъ мѣдныхъ денегъ долженъ былъ навести на мысль о средствахъ къ избѣжанію переноски таковыхъ. Можетъ быть также, что непрочность китайскихъ домовъ, равно какъ пожары, которымъ они подвергаются, вслѣдствіе употребленія значительного количества дерева при ихъ постройкѣ, побудили уже въ глубокой древности китайцевъ складывать свои сбереженія въ особо приспособленныя для того прочныя зданія подъ охраной отвѣтственного лица, ведущаго запись всѣмъ поступающимъ вкладамъ и производящаго платежи по сдѣлкамъ между членами, посредствомъ переводовъ съ одного счета на другой. Такимъ образомъ изобрѣтено было банковое дѣло.

Нынѣшніе китайскіе банки почти не отличаются отъ прежнихъ. Это по преимуществу депозитные и учетные банки. Если операции ихъ не стали особенно разнообразнѣе, за то самое банковое дѣло развилось настолько, что наврядъ ли найдется теперь въ Китаѣ купецъ,

крестьянинъ или даже порядочный рабочій, у котораго не было бы текущаго счета въ какомъ-либо банкѣ. Тамъ производятся всѣ платежи черезъ посредство банкировъ съ одинаковой предупредительностью обслуживающихъ негоціанту по сдѣлкамъ, доходящимъ до 500 или 600 тысячи франковъ, и мелкому ремесленнику, вносящему въ банкъ сбереженія, сдѣланныя имъ за недѣлю или даже за текущій день. Банки въ Китаѣ, занимаясь главнымъ образомъ депозитными операциами, стараются расширить таковыя всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Они не только выплачиваютъ по вкладамъ проценты, расчитанные по сutoчному балансу, но принимаютъ на себя также обязательства выдавать своимъ клиентамъ въ случаѣ надобности ссуды на самыхъ выгодныхъ для этихъ клиентовъ условіяхъ. Обыкновенно принято, что каждый изъ клиентовъ банка можетъ получить изъ него взаймы сумму вдвое большую той, которая имѣется у него на текущемъ счету, уплачивая банку по этой ссудѣ почти такой же процентъ, какой самъ банкъ платить по вкладамъ. Ссуда эта выдается безъ всякихъ формальностей, просто подъ расписку клиента. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый клиентъ можетъ во всякое время безъ предварительного извѣщенія взять изъ банка принадлежащую ему сумму, причемъ проценты расчитываются ему по самый день выплаты вклада. Кромѣ того, при совершенніи сдѣлокъ съ малознакомыми лицами, какъ напримѣръ съ обитателями другой провинціи и т. п., клиентъ можетъ потребовать, чтобы банкиръ выступилъ за него поручителемъ. За всѣ эти услуги банкиръ разумѣется взимаетъ себѣ нѣкоторый процентъ, но онъ, безъ сомнѣнія, пособляютъ заключенію многихъ сдѣлокъ, которыя безъ ихъ содѣйствія оказались бы совершенно

немыслимыми. Благодаря такимъ порядкамъ, рабочий, который вель скромную жизнь, достигнувъ двадцати двухъ лѣтняго возраста имѣть всегда въ банкѣ капиталъ, по меньшей мѣрѣ, въ 300—400 франковъ, и сверхъ того— еще право требовать, чтобы банкиръ ссудилъ ему такую же сумму. Между тѣмъ въ Китай на 700—800 франковъ можно сдѣлать уже многое. Если этотъ рабочій владѣеть хотя небольшимъ клочкомъ земли, онъ можетъ заложить ее также безъ соблюденія всякихъ формальностей. Заемодавцу передается для этого документъ, удостовѣряющій право собственности; на обратной сторонѣ этого документа владѣлецъ пишетъ, что онъ дѣйствительно долженъ такую-то сумму. Существуетъ также множество ссудныхъ кассъ, выдающихъ деньги подъ залогъ изъ семи или восьми процентовъ въ годъ. Хотя всѣ эти кассы— частныя учрежденія, не подчиненные никакому правительенному контролю, китаецъ вполнѣ увѣренъ, что залогъ его тамъ не пропадетъ. Я не стану распространяться здѣсь о товарныхъ складахъ, выдающихъ ссуды подъ такъ-называемые варранты, такъ какъ склады эти существуютъ не во всѣхъ областяхъ и служить только для цѣлей крупной торговли.

Допустимъ, однако, самый худшій случай: возьмемъ молодого китайца, у котораго нѣть ничего, кроме личной энергіи и надежного пріятеля. Онъ идетъ къ этому пріятелю и высказываетъ ему свои планы на будущее; пріятель обращается къ третьему, третій—къ четвертому, пока не наберется въ общей сложности десять человѣкъ. Молодой китаецъ, который становится уже одиннадцатымъ по счету, пригласивъ всѣхъ десятерыхъ себѣ на чашку чаю, излагаетъ свои намѣренія и предположенія. Если они будутъ одобрены, то одиннадцать пріятелей вступаютъ между

собой въ товарищество. При этомъ однако не имѣется въ виду эксплоатировать проекты молодого человѣка сообща.

Акционерные общества въ Китаѣ вообще сравнительно рѣдки, хотя мелкія товарищества изъ 2—8 и не болѣе какъ десяти человѣкъ составляются очень часто. Большихъ акционерныхъ обществъ китайцы, какъ уже упомянуто, не долюбливаютъ. Участвующіе въ такихъ обществахъ утрачиваютъ, говорятъ они, личный починъ, личную отвѣтственность и независимость, не приобрѣтая соотвѣтственныхъ выгодъ. Въ разматриваемомъ нами случаѣ считается необходимымъ предоставить все это молодому человѣку, желающему самостоительно начать дѣло. Товарищество имѣеть цѣлью только доставить необходимый ему капиталъ, который долженъ быть затѣмъ погашенъ въ опредѣленный срокъ годичными уплатами. Такъ какъ эта цѣль слишкомъ безкорыстна для того, чтобы служить достаточно сильнымъ побудительнымъ поводомъ къ оказанию помощи незнакомцу, то китайцы изобрѣли нѣсколько комбинацій, обеспечивающихъ каждому изъ сотоварищей не только возвратъ его капитала и процентовъ, но также и пользованіе въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока суммою, равной всей совокупности складочнаго капитала; всѣ сотоварищи обязуются поэтому производить дополнительные взносы до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не будетъ поочередно имѣть въ рукахъ всей условленной суммы, которая по истеченіи срока пользованія возвращается опять въ общую кассу. Товарищество заключается обыкновенно на столько лѣтъ, сколько лицъ принимаетъ въ немъ участіе. Затѣмъ вынимаются по жребію десять нумеровъ, указывающихъ для каждого уча-

стника порядокъ пользованія складочнымъ капиталомъ. Иногда условливаются не приращать складочный капиталъ процентами, иногда-же, напротивъ, проценты причисляются къ этому капиталу. Точно также договариваются иногда, чтобы лицо, пользовавшееся уже въ теченіе данного срока складочнымъ капиталомъ, выходило-бы вмѣстѣ съ тѣмъ изъ товарищества, иногда-же дѣлаютъ для него обязательнымъ дальнѣйшее участіе въ таковомъ. Самый порядокъ исключенія изъ товарищества можетъ быть обставленъ тѣми или другими условіями, соотвѣтственно съ которыми опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ доля ежегодного взноса для каждого изъ товарищей. Само-собою разумѣется, что доля эта зависитъ отъ очереди пользованія складочнымъ капиталомъ.

Всѣ эти общества основываются на добросовѣстности и взаимномъ довѣріи. Тотъ, кто отнесся разъ недобросовѣстно къ принятому такимъ образомъ обязательству, не принимается никогда въ члены подобнаго общества. Примѣры этому чрезвычайно рѣдки. Прибавимъ кстати, что если кто-либо изъ сотоварищей затрудняется уплатить слѣдующій съ него взносъ, онъ можетъ помѣняться очередью съ другимъ участникомъ, на долю котораго выпадаетъ въ этомъ году пользованіе складочнымъ капиталомъ; необходимо только предупредить объ этомъ за нѣсколько дней до срока, установленного для уплаты взноса.

Такова въ краткихъ словахъ организація товариществъ, встрѣчающихся чаще всего въ Китаѣ. Можно сказать, что не найдется китайца, который не принадлежалъ бы къ подобному товариществу, такъ какъ цѣли этихъ товариществъ самыя разнообразныя. Иногда имѣется въ

виду доставить возможность студенту достигнуть ученой степени, иногда же помочь крестьянину обзавестись участкомъ земли или же буйволомъ. Матери семействъ составляютъ товарищества для устройства приданаго своимъ дочерямъ. Даже уличные мальчишки, выпросившіе нѣсколько сантимовъ у прохожихъ, вносятъ обыкновенно эти деньги въ какое-нибудь товарищество.

Китаецъ, который настолько несчастливъ, что не пользуется даже на родинѣ личнымъ довѣріемъ и вслѣдствіе этого не можетъ пристроиться ни къ какому товариществу, прибѣгаєтъ къ послѣднему средству уладить свои дѣла. Онъ эмигрируетъ въ Америку, въ Австралию или вообще куда бы то ни было, съ небольшимъ запасомъ рису и сушеной рыбы, купленными на деньги, полученные въ задатокъ отъ нанявшаго его общества. Прибывъ на мѣсто, онъ старается какъ можно скорѣе скопить изъ заработной своей платы, доходящей отъ двухъ до трехъ франковъ въ день, сумму, необходимую для того, чтобы вернуться на родину и заняться тамъ торговлей или ремесломъ. Это обыкновенно ему и удается. Да и не мудрено. Жизнь въ Китаѣ вѣдь такъ дешева! Какихъ-нибудь 500 франковъ у китайца, на его родинѣ, пожалуй равнозначны 4000 или 5000 франковъ въ Европѣ. Подумайте только о безхитростности и дешевизнѣ употребляемыхъ въ Китаѣ ремесленныхъ инструментовъ и вообще орудій производства. Въ этомъ именно и заключается, безъ сомнѣнія, одна изъ причинъ, дѣлающей китайцевъ такими грозными конкурентами для американскихъ рабочихъ. Это же даетъ китайцу возможность одержать верхъ надъ любымъ европейскимъ рабочимъ. Утверждаютъ, будто онъ слишкомъ ужедержанъ въ пищѣ. Правда! Но онъ это дѣлаетъ лишь потому, что въ умѣ

его свѣжо воспоминаніе о родной странѣ, гдѣ земля не-сравненно плодороднѣе, налоги гораздо легче и нравы гораздо мягче, чѣмъ въ чужомъ краю, куда злой рокъ вы-нудилъ его временно пріютиться. Принявъ все это во вниманіе, неудивительно, что китайцы, гдѣ бы они ни жили за-границей, чувствуютъ всегда стремленіе вер-нуться на родину.

Общія условія китайской цивилизациі особенno благопріятны молодому крестьянину, желающему самостоятельнo заняться земледѣлемъ. Въ чемъ именно нуждается крестьянинъ, приступая къ своей карьерѣ? Въ кредитѣ? Владѣлецъ, у которого онъ нанимаетъ землю, какъ нельзя лучше знаетъ, что она не пропадетъ. Онъ можетъ, правда, потребовать обезпеченія въ платежѣ аренды, но съ какими-нибудь двадцатью-пятью франками въ рукахъ крестьянинъ можетъ арендовать участокъ земли, вполнѣ достаточный для начинаящаго фермера. Извѣстно, вѣдь, что земля въ Китаѣ истинное сокровище. Дорого стоящихъ орудій для обработки ея не нужно. Достаточно обладать однимъ заступомъ. Покупать удобреніе крестьянину тоже незачѣмъ. Земля питается его собственными ежедневными отбросами. Ждать до первого урожая не долго, такъ какъ земля ежемѣсячно приносить какую-нибудь жатву. Правда, ее можетъ побить градомъ, но на этотъ случай у него посѣяны, гдѣнибудь въ уголкѣ, и подросли уже молодыя растеніца для подсадки взамѣнъ тѣхъ, которыя могли бы погибнуть. Въ худшемъ случаѣ, у него пропадетъ мѣсяцъ и никакъ не болѣе шести недѣль. Какая громадная разница между китайскимъ земле-дѣлемъ и европейскимъ! Какое заблужденіе думать, будто можно замѣнить тщательное воздѣлыванье хитростью, справедливость—насилиемъ и удобреніе—громадностью зе-

мледѣльческихъ орудій. У китайцевъ земледѣльческія орудія далеко не такъ могущественны, не такъ тяжелы и не такъ грубы, какъ наши. Плугъ у нихъ весь деревянный, съ деревяннымъ же отваломъ. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, когда въ полѣ можетъ попасться камень, наѣвается на отвалъ маленький желѣзный наконечникъ. Даже и рѣзакъ у плуга въ большинствѣ случаевъ деревянный. Употребляемые китайцами способы, методы и системы веденія земледѣльческаго хозяйства не отличаются столь изумительной глубиной премудрости, какъ наши. Китайцы смотрятъ на дѣло гораздо проще. Они не насилиютъ землю, какъ это дѣлаемъ мы, не обижаютъ ее, не прибѣгаютъ къ чрезвычайнымъ принудительнымъ мѣрамъ организованного грабежа, чтобы извлечь изъ нея послѣдніе соки. У нихъ не придумано съ этой цѣлью никакихъ мудреныхъ системъ плодоперемѣннаго хозяйства. Они обращаются съ землей вѣжливо и мягко. Все взятое отъ земли немедленно возвращается ей назадъ. Ни одного зернышка риса не отнимается у ней безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Земледѣліе въ Китаѣ имѣть не только характеръ священнодѣйствія, но является вмѣстѣ съ тѣмъ и ласкою. Земля не можетъ противостоять такому нѣжному съ ней обращенію. Она всецѣло отдается человѣку. Непрерывной своей нѣжной заботливостью, справедливостью и тщательнымъ уходомъ за землей, китайцы добиваются отъ нея всего, чего имъ угодно. Земля платить имъ за трудъ несравненно большими урожаями, чѣмъ намъ. Таково китайское земледѣліе. Нельзя сказать, чтобы оно не было построено на научныхъ началахъ, а между тѣмъ, это не наука. Можно сказать, впрочемъ, что въ немъ есть нѣчто большее, чѣмъ наука, нѣчто обозначающееся всего лучше малопримѣни-

мымъ теперь словцомъ: «мудрость». Наука есть нѣчто вѣнѣшнее, благопріобрѣтенное, мудрость же накапляется гораздо медленнѣе. Если вы не одарены отъ природы благоразуміемъ, предусмотрительностью, трудолюбіемъ, добротой и справедливостью, не посвящайте себя земледѣлію: свойства эти являются наслѣдіемъ вѣковъ и не могутъ быть пріобрѣтены сразу. Если у васъ нѣть семейнаго очага, или если вы, обладая таковыми, не сумѣли установить въ своей семье порядокъ, миръ, взаимное довѣріе и добросовѣстность—земледѣліе не пойдетъ у васъ успѣшно. Если у васъ нѣть традицій, если вы не про видите въ будущемъ грядущее поколѣніе, къ которому перейдутъ вмѣстѣ съ вашимъ именемъ также и плоды вашихъ трудовъ, вы, несмотря на всѣ ваши научные формулы и хитропридуманныя машины, никогда не подымитесь до уровня самого малоразвитого и безхитростнаго китайского земледѣльца.

Таково, повторяю, земледѣліе у китайскаго народа. Вся его тайна заключается въ двухъ принципахъ: въ трудѣ и справедливости. Принципы эти глубоко запечатлѣны въ сердцѣ каждого китайца и вполнѣ обеспечиваютъ ему успѣхъ. Что ему дѣйствительно надо, кроме этого? Земледѣльческія орудія такъ малочисленны, что ихъ у крестьянина почти и не видать; но то, что извѣстно слишкомъ мало намъ европейцамъ, и на что я хотѣлъ бы указать всему миру—это рвеніе къ труду, которымъ одушевлены миллионы земледѣльческихъ китайскихъ рабочихъ. Самый противный для насъ трудъ исполняется ими охотно. Даже вечеромъ, когда вся природа какъ бы почietъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, устанавливаются въ деревняхъ передъ хижинами ткацкіе станки, зажигаются лампы, при свѣтѣ которыхъ китайскій крестья-

нинъ прибавить еще нѣсколько часовъ къ дневному своему труду. Нерѣдко бываетъ также, что, съ наступлениемъ темноты, крестьянинъ нацѣпляетъ себѣ фонарь на шляпу, и возвращается опять на поле продолжать свою работу. Въ особенности, стоило бы намъ европейцамъ поглядѣть, съ какой заботливостью китаецъ относится къ воздѣлываемымъ имъ растеніямъ. Иная мать не такъ внимательна къ нуждамъ своего ребенка, не удовлетворяетъ ихъ съ такой поспѣшностью. Самый легонькій признакъ болѣзnenного состоянія, малѣйшая блѣдность зелени, являются для земледѣльца совершенно понятными предупрежденіями. Когда видишь, какъ весело и охотно несетъ китаецъ противное, воинчее удобрение, необходимое, чтобы возвратить здоровье дорогому его растеніцу, сознаешь, что здѣсь работаютъ не однѣ только руки, что здѣсь проявляется искренняя, сердечная привязанность, которую не можетъ пересилить даже естественное отвращеніе. Между прочимъ нельзя не удивляться чистотѣ и опрятности китайскихъ воздѣланныхъ полей, подымающихся террасами съ низменнымъ равнинъ на самыя вершины горъ. Они производятъ, особенно издали, впечатлѣніе такой тщательной и мелкой отдѣлки, какъ еслибы передъ глазами была самая художественная, чеканная или мозаичная работа.

Отъ земли и растенія справедливость въ Китаѣ распространяется также и на животныхъ. Мулы и буйволы, отличающіеся у насъ такимъ упрямствомъ, являются у китайцевъ кроткими и послушными. Даже дикие звѣри и птицы не бѣгутъ передъ китайцемъ. «Всѣ побывавшіе въ Китаѣ европейцы знаютъ, что въ болѣе удаленныхъ округахъ, куда имъ рѣдко случается заходить на охоту, фазаны и зайцы такъ довѣрчивы, что

ихъ можно бить палками. Сами китайцы ихъ не убиваютъ *). «Всѣ животныя въ союзѣ съ человѣкомъ—говорить Мишле въ своей Библіи;—орелъ и ястребъ привѣтствуютъ его на разсвѣтѣ первымъ своимъ клекомъ, собака слѣдуетъ за нимъ и сопровождаетъ его, конь, при видѣ его, ржетъ отъ радости, могучий быкъ охотно влѣчить плугъ, прорѣзая въ землѣ глубокую борозду. Съ земли воздымается паръ, являющійся какъ бы животворнымъ дыханіемъ, порукою въ ея плодородіи. Всѣ согласуются вмѣстѣ, всѣ знаютъ, что человѣкъ праведенъ и работаетъ для нихъ».

Такую картину въ дѣйствительности представляетъ внутри страны китайская цивилизациѣ. Такимъ образомъ китайцы сумѣли, выражаясь терминомъ, котораго читатель безъ сомнѣнія не забылъ, одухотворить землю, такимъ образомъ поняли они свой религіозный культь неба.

---

*) Посѣвъ у китайцевъ дѣлается не такъ какъ у насъ. Зерна высѣваются сперва очень часто на особыхъ грядкахъ въ углы, откуда не трудно прогонять птицъ, а затѣмъ, когда растенница достигли уже нѣсколькихъ дюймовъ въ вышину и птицы не могутъ уже имъ повредить, они высаживаются на мѣсто. Благодаря такому способу разведенія растеній, китайцы имѣютъ возможность собирать съ одного и того же участка земли нѣсколько урожаевъ.

ЧАСТЬ III.

Государство.

I.

По мнѣнію китайцевъ, политическій организмъ, называемый государствомъ, основывается существеннымъ образомъ на тѣсномъ единеніи земли и населяющаго ее человѣка, которые оба сохраняютъ при этомъ свою свободу!

Никакое государство не можетъ считаться правильнымъ, если сліяніе это не осуществлено для каждого изъ его жителей. Тогда только каждый человѣкъ въ отдѣльности является въ дѣйствительности гражданиномъ, полноправной политической особью, въ которой воплощается частица верховной власти. Движимая, а до известной степени также и промышленная собственность, не могутъ вслѣдствіе своей непрочности считаться равноцѣнными землевладѣнію, а потому не могутъ сами по себѣ создавать политическую особь. Понимаемое такимъ образомъ государство китайцамъ удалось устроить у себя уже назадъ тому четырнадцать или пятнадцать столѣтій. Передъ тѣмъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, Китай пережилъ

нѣсколько различныхъ формъ правленія, начиная съ деспотической, при которой, какъ нѣдра земли, такъ и ея поверхность, *тіеннъ-міеннъ* и *тіеннъ-ти*, или, если угодно, собственность землей и право пользованія ею, совмѣстно находились въ рукахъ главы государства. Затѣмъ установилось въ Китаѣ олигархическое государство, въ которомъ вся земля была собственностью немногихъ князей. Извѣстно, что, соотвѣтственно съ философскими принципами китайской религіи, земля остается въ сущности собственностью всего народа, но переходить къ отдѣльному лицу вслѣдствіе права пользованія, создаваемаго трудомъ въ пользу того, кто ее обрабатываетъ. При такихъ обстоятельствахъ землевладѣніе въ нынѣшнемъ Китаѣ раздробилось такъ, что тамъ, можно сказать, всеѣ стали землевладѣльцами. Правда, что не всеѣ китайцы пользуются политическими правами, но ограничению правъ подлежать только тѣ, кто предпочитаетъ не разрывать семейной связи и какъ бы передаетъ пользованіе своими правами старшему представителю семьи. Каждый изъ членовъ семьи, вступивъ въ бракъ или же достигнувъ совершеннолѣтія, можетъ, если угодно, самъ пользоваться политическими правами. Для этого ему стоитъ только потребовать раздѣла и устроить свой собственный семейный очагъ. Что касается до членовъ семьи, предпочитающихъ жить вмѣстѣ, то политическое вліяніе ихъ далеко не такъ ничтожно, какъ это можно было бы предположить. Они, разумѣется, не избираютъ своего политического представителя: таковыи совершенно естественно является глава семьи; но, какъ уже извѣстно, всеѣ интересующіе семью вопросы разсматриваются сообща на семейномъ собраніи всѣми ея членами мужскаго и женскаго пола. Точно

также всегда предварительно обсуждаются въ семейныхъ собранихъ и политические вопросы, по которымъ представителю семьи надо будетъ гдѣ-либо высказаться. По сравненію съ французскими порядками, всѣ члены китайской семьи могутъ рассматриваться какъ первая категорія избирателей. Еще правильнѣй было бы сказать, что въ Китаѣ политической единицей является семья, дѣйствующая черезъ посредство естественного своего представителя. Этотъ представитель, которымъ можетъ быть также и женщина, является какъ бы алгебраическимъ коэффицентомъ семейной группы. Онъ настоящій гражданинъ въ китайскомъ значеніи этого слова. Применивъ себѣ организацію земли и собственности, не трудно убѣдиться, что нигдѣ, дѣйствительно, единеніе человѣка съ землей не представляется болѣе полнымъ, болѣе прочнымъ и болѣе всеобщимъ. Нигдѣ оно не обеспечиваетъ гражданину такой истинной независимости. Необходимо принять также во вниманіе, что китайская основная политическая единица не представляетъ собою отвлеченной сущности. Это, если можно такъ выразиться, живое существо, снабженное всѣми потребными для государства органами религіозной, судебной и гражданской власти, способное, путемъ размноженія въ самомъ себѣ, возсоздать государство. «Каждая семья,—говорятъ китайцы,—должна быть маленькимъ государствомъ». Самоуправлѣніе доходитъ у нихъ до крайнихъ своихъ предѣловъ. Китайцы настолько привыкли видѣть въ семье естественную и необходимую для себя государственную единицу, что, оказываясь въ положеніи эмигрантовъ въ чужомъ kraю, они, даже и не будучи связаны другъ съ другомъ узами родства, прежде всего организуютъ совмѣстно искусственную или, какъ они назы-

ваютъ ее, братскую семью. Выборный совѣтъ этой семьи обладаетъ всѣми правами и обязанностями главы семейства, всѣ члены которой клянутся исполнять поставленныя имъ рѣшенія. Китайскіе законы и обычаи, которыми руководствуется семейный совѣтъ, однако же гораздо строже законовъ и обычаевъ Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ чаще всего селятся китайскіе эмигранты. Можно было бы легко уклониться отъ выполненія этихъ строгихъ законовъ или обычаевъ, но китайцы предпочитаютъ лучше подчиняться имъ, чѣмъ прибѣгать къ шумному, унизительному и въ большинствѣ случаевъ неловкому вмѣшательству чужого правосудія. Такимъ образомъ они, вслѣдствіе глубокой искренней своей преданности свободнымъ отечественнымъ учрежденіямъ, навлекаютъ на себя упрекъ въ винѣ, которая кажется очень тяжкой даже и такимъ либеральнымъ правительсткамъ, какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ: они образуютъ государство въ государствѣ.

Въ Китаѣ это не только признается преступленіемъ, но даже, напротивъ того, полнѣйшая независимость и самостоятельность гражданина считается тамъ условіемъ, необходимымъ для существованія государства. Самое государство и его правительство не должны быть слишкомъ тѣсно слиты другъ съ другомъ. Не слѣдуетъ, чтобы заблужденія и ошибки правительства могли компрометировать свободу и цѣлостность государства. Какія гарантіи прочности представляла бы нація, если бы она подвергалась риску погибнуть отъ удара, нанесенного ея правительству. Франція и Англія въ 1860 году могли одержать победу надъ китайскимъ правительствомъ и принудить его къ заключенію мира на такихъ условіяхъ, какія пред-

ставились имъ желательными, но этотъ мирный договоръ нельзя было навязать китайскому народу. Его никогда даже и не обнародовали внутри государства. Каждый разъ, когда правительство боярхана пытается выполнить статью договора, несомнѣнную съ народными взглядами, народъ протестуетъ и настаиваетъ на своихъ правахъ посредствомъ демонстрацій, подобно тому, какъ это дѣлалось въ Кантонѣ, въ Тіенъ-Цзинѣ и т. п. При такихъ демонстраціяхъ опасность угрожаетъ не только европейцамъ, но также китайскимъ чиновникамъ и самому китайскому правительству.

Право гражданъ собираться на сходки не подлежитъ въ Китаѣ никакимъ ограничениямъ. Граждане собираются всякий разъ, когда находять это нужнымъ, безъ приглашенья къ тому со стороны правительства или его агентовъ, но не нуждаются также и въ испрашиваніи чьего бы то ни было разрѣшенія. На этихъ собраніяхъ выбираются члены совѣтовъ, которымъ поручается управление общиной, волостью, уѣздомъ или же областью. Полномочія даются членамъ совѣта на трехлѣтній срокъ и могутъ быть затѣмъ возобновлены снова. Въ теченіе этого трехлѣтняго срока граждане нисколько не отказываются впрочемъ отъ своихъ правъ. Они могутъ, если заблагорасудятъ, созвать опять общее собраніе и держать своихъ уполномоченныхъ подъ постояннымъ контролемъ, такъ какъ могутъ ежеминутно ихъ отослать. Члены совѣта не получаютъ никакого содержанія. У предсѣдателя общинаго совѣта приблизительно тѣ же права и обязанности, какія имѣеть во Франціи мэръ. Общинный совѣтъ не имѣеть особой и постоянной delegaciіи при волостномъ управлѣніи, какъ и волостное управлѣніе—при уѣздномъ, уѣздное при—губернскомъ и

губернское—при генераль-губернаторскомъ. Совѣты, стоящіе во главѣ каждого изъ этихъ административныхъ подраздѣленій, свободно и непосредственно сносятся другъ съ другомъ. Если надо перенести какое-нибудь дѣло въ высшую административную инстанцію, совѣтъ коман-дируетъ для этого двухъ или трехъ своихъ членовъ, которые объясняютъ и отстаиваютъ дѣло передъ компетентными высшими административными совѣтами или правительственные чиновниками. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда дѣло передается на разсмотрѣніе правительственного чиновника, депутаты, посланные для непосредственныхъ съ нимъ сношеній, получаютъ всяческую поддержку отъ выборныхъ совѣтовъ того округа, гдѣ находится этотъ чиновникъ. Такое гражданское или, лучше сказать, земское представительство завершается генераль-губернаторскимъ совѣтомъ. Центральное правительство въ Пекинѣ не имѣть возлѣ себя никакого выборного собранія, ни даже чего-либо подобнаго такимъ специальнымъ постояннымъ учрежденіямъ, какъ законодательное собраніе, палата пэровъ, палата лордовъ или сенатъ. Мы увидимъ сейчасъ, чѣмъ именно все это замѣщается.

Китайские выборные совѣты или земства исполняютъ весьма разнообразныя функции. Они распредѣляютъ налоги, взимаютъ ихъ и передаютъ правительенному чиновнику. Они обсуждаютъ вопросы о необходимости производства тѣхъ или другихъ публичныхъ работъ въ своемъ округѣ, распредѣляютъ дополнительные сборы на производство этихъ работъ между населеніемъ, побуждаютъ болѣе богатыхъ гражданъ къ добровольному пожертвованію на такія работы, уменьшая тѣмъ самымъ расходъ, падающій на менѣе состоятельныхъ гражданъ. Въ случаѣ, если въ выполненіи работъ заинтересовано

нѣсколько общинъ, то члены административныхъ ихъ совѣтовъ условливаются вести дѣло сообща, а въ случаѣ необходимости правительственного вмѣшательства— докладываютъ дѣло специально назначенному для того правительственному чиновнику своего уѣзда. Выборнымъ совѣтамъ поручается также наблюденіе надъ системой орошениемъ. Они рѣшаютъ споры, возникающіе за пользованіе водой между частными лицами; недоразумѣнія же между общинами рѣшаются третейскимъ судомъ и только въ болѣе важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ правительственной юрисдикціи. Этимъ же земскими совѣтами поручается завѣданіе публичными богоугодными заведеніями. Нерѣдко приходится имъ также рѣшать, въ качествѣ третейскихъ судей, недоразумѣнія между хозяевами и рабочими, если недоразумѣнія эти не могли быть улажены распорядительными совѣтами ремесленныхъ корпораций.

Въ пограничныхъ областяхъ, подверженныхъ набѣгамъ воинственныхъ непокорныхъ племенъ, возлагается на земскіе совѣты наборъ и организація настоящей національной гвардіи, которая содержится на счетъ богатыхъ людей. Офицерскія должности замѣщаются тамъ по усмотрѣнію земства, безъ всякаго вмѣшательства мандариновъ. Необходимо замѣтить, что это народное ополченіе, мужество котораго коренится въ домашнемъ очагѣ, дерется гораздо храбрѣе и лучше солдатъ богдаханской регулярной арміи.

Въ административныхъ пунктахъ, гдѣ находится какое-либо правительственное должностное лицо, какъ напримѣръ, помощникъ уѣзднаго начальника, уѣздный начальникъ, губернаторъ или вице-король, выборный земскій совѣтъ группируется вокругъ этого должностного лица, и

кромъ выполненія всѣхъ прочихъ своихъ обязанностей, образуетъ при немъ совѣщательный комитетъ, присутствие которого смягчаетъ и облегчаетъ сношенія должностного лица съ гражданами. Земскій совѣтъ обсуждаетъ мѣры, исходящія отъ правительственной инициативы, одобряетъ ихъ или же, напротивъ, совѣтуется не приводить въ исполненіе, самъ предлагаетъ мѣропріятія, которыя считаются выгодными, контролируетъ дѣйствія должностного лица и обсуждаетъ тяжбы между общинами.

Таково въ своей сущности и своихъ проявленіяхъ народное китайское самоуправлѣніе. Что касается до административнаго подраздѣленія, то въ Срединномъ Царствѣ считается 18 областей, 182 губерніи, 544 уѣзда, 1293 волости и неопределенное число общинъ. Принимая населеніе Китая круглымъ счетомъ въ 537 миллионовъ душъ, найдемъ, что на каждую губернію приходится около 2.800.000, на уѣздъ—900.000 и на волость—430.000 жителей. Волость, какъ уже упомянуто, является наименьшимъ административнымъ округомъ, въ которомъ административная власть имѣть еще своего представителя. Въ общинахъ непосредственно распоряжаются выборные мэры, *Янъ-йо*, которыхъ европейцы зачастую ошибочно принимаютъ за мандариновъ. Въ волости правительственное должностное лицо называется *Че-иенъ*: въ уѣздѣ—*Че-чезу*; въ губерніи—*Че-фу*; въ области—*Донъ-ту*. Съ точки зрењія французской административной іерархіи, они и соответствуютъ подпрефектамъ, префектамъ, губернаторамъ и вице-королямъ. Иногда нѣсколько губерній соединяются въ одинъ округъ. Управлѣніе правительство поручаетъ генералъ - губернатору, *Тао-ти*, которому и подчинены губернаторы его округа.

Бываетъ также, что управлѣніе двумя областями за-

разъ поручается одному и тому-же вице-королю. Такимъ образомъ 18 областей управляются всего лишь 11-ю вице-королями. Есть вице-королевства съ населенiemъ въ 70—80 миллионовъ душъ. Всѣ китайскія правительственные должностные лица облечены заразъ и административною и судебною властью. Административныя и судебныя ихъ рѣшенія подлежать обжалованію предъ непосредственно высшей инстанціей. Поэтому каждое дѣло можетъ дойти въ послѣдовательномъ порядкѣ до центрального правительства и наконецъ до самого боярхана. Къ вице-королямъ назначаются помощники *Фу-юены*, по одному на каждую область, вслѣдствіе чего при 11 вице-короляхъ состоять 18 *Фу-юеновъ*. При всѣхъ другихъ чиновникахъ, смотря по важности занимаемыхъ ими административныхъ должностей, состоять двое, троє или четверо помощниковъ или совѣтниковъ отъ правительства (*Цо-эль*) способныхъ замѣнить ихъ въ случаѣ надобности. Кроме этихъ правительственныхъ должностныхъ лицъ имѣется въ каждой области главный сборщикъ податей—*Пу-ченъ-се*, генераль-прокуроръ—*Ганъ-ча-се*, главный инженеръ публичныхъ работъ—*Фенъ-чесу* и троє или четверо инженеровъ путей сообщенія—*Фенъ-сіунъ-тао*. Всѣ эти должностные лица подчинены центральному пекинскому правительству.

II.

Центральное пекинское правительство состоять изъ шести министерствъ: *Ли-пу*, или министерство личного состава гражданской службы, *Ху-пу*—министерство финансъ, другое *Ли-пу*, название которого обозначается

по-китайски не тою буквою, какъ первое *Ли-пу*—министерство обычаевъ и обрядовъ. Его можно сравнить до извѣстной степени съ нашимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но въ то же время въ вѣдѣніи его находятся также иностранныя дѣла, специально подвѣдомственные одному изъ его департаментовъ, *Цонгъ-ми-яменъ*. Затѣмъ идутъ: военное министерство, *Пингъ-пу*, назначающее само офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства; *Хинъ-пу* или министерство юстиціи и *Конгъ-пу*—министерство публичныхъ работъ. При каждомъ изъ этихъ министерствъ состоить совѣщательный комитетъ, назначаемый изъ членовъ совѣта *Луи-ко*, соотвѣтствующаго нашему государственному совѣту. Министерства дѣлятся на департаменты. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ министерствъ, рѣшаются въ совѣтѣ министровъ, который собирается или подъ предсѣдательствомъ одного изъ министровъ, или же, въ важныхъ случаяхъ, подъ предсѣдательствомъ самого богдыхана. При богдыханѣ состоить особый императорскій совѣтъ, — *Кьюнгъ-ки-чу*; существуетъ также министерство императорскаго двора, но завѣдующій имъ министръ не считается принадлежащимъ къ составу правительства и не участвуетъ въ засѣданіяхъ совѣта министровъ.

Всѣ правительственные должностныя лица въ Китаѣ, начиная съ помощника уѣзднаго начальника и кончая самимъ богдыханомъ, признаются отвѣтственными и притомъ не только въ сферѣ ихъ собственной публичной дѣятельности, но также и за поступки гражданъ, управление которыми имъ ввѣрено, и даже за события, вызванныя обычными явленіями природы, если только события эти нарушаютъ миръ и тишину Срединнаго Царства. Убийство, совершенное въ какой-либо волости, влечетъ

за собой и отрѣшеніе отъ должности не только для мэра общинъ, гдѣ найденъ бытъ трупъ убитаго, но также для помощника уѣзднаго начальника и самого уѣзднаго начальника. Подобнымъ же образомъ, въ случаѣ продолжительныхъ засухъ и чрезмѣрныхъ наводненій, правительственные чиновники увольняются отъ занимаемыхъ ими должностей. На первый взглядъ трудно уяснить себѣ причины такой строгости по отношенію къ должностнымъ лицамъ, однако же не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ упомянутыя естественные бѣдствія могли быть предотвращены своевременнымъ принятіемъ надлежащихъ мѣръ. Такъ, зачастую засухи и наводненія въ Китаѣ зависятъ отъ недостаточно хорошаго присмотра за каналами и плотинами. Надзоръ же за главными каналами и водоемами, равно какъ и за содержаніемъ въ порядкѣ береговыхъ плотинъ, лежитъ въ высшей инстанціи на правительственныйхъ чиновникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность, тяготѣющая надъ чиновниками, не дозволяетъ имъ впадать въ равнодушіе по отношенію къ судьбамъ ввѣренного имъ населенія. Она создаетъ между управляющими и управляемыми извѣстную солидарность, которая имѣеть существенное нравственное значеніе. Наконецъ она же доставляетъ народу случай избавиться законнымъ порядкомъ отъ администраторовъ, которые, не совершивъ никакихъ особенно важныхъ преступковъ, тѣмъ не менѣе не заслужили его довѣрія. Положимъ, напримѣръ, что въ Срединномъ Царствѣ случилась продолжительная засуха. Кого, думаете вы, стануть винить въ ней китайцы? Во всякомъ случаѣ не небо и не землю, а прежде всего самихъ себя. Каждый начинаетъ помышлять о совершенныхъ имъ грѣахъ; назначается общій постъ и публичное исповѣданіе грѣ-

ховъ. Чиновники излагаютъ исповѣдь свою въ печатныхъ листкахъ, которые вывѣшиваются на улицахъ. Сами они указываютъ въ этихъ листкахъ совершенные имъ промахи и недосмотры, принимая на себя отвѣтственность также и за грѣхи народа, которому плохо служили своимъ примѣромъ и совѣтомъ. Такія официальные исповѣди заканчиваются всегда обѣщаніемъ на будущее время лучше исполнять свои обязанности, но зачастую обѣщанія эти не принимаются во вниманіе. Отрѣшенія отъ должности сыплются тогда какъ градъ. Иногда они падаютъ сверху, иногда же исходять отъ самого народа.

Въ одну изъ такихъ засухъ, оставшуюся мнѣ какъ нельзя болѣе памятной, потому что мнѣ пришлось тогда дорогой поститься вмѣстѣ со всѣми окружающими, я самъ былъ свидѣтелемъ увольненія или отсылки въ отставку трехъ или четырехъ уѣздныхъ начальниковъ и помощниковъ ихъ. Продлилась засуха еще недѣлю,—и губернаторъ слетѣлъ бы въ свою очередь съ должности. Къ счастію для него и для вице-короля, которому безъ того тоже пришлось бы плохо, своевременно выпалъ обильный дождикъ. Если естественные бѣдствія тянутся очень долго или же случаются очень часто, то самого богдыхана и всю его династію низводятъ съ престола. Такимъ образомъ сильный неурожай, который влечетъ за собой для народа утрату благосостоянія, является бѣдствіемъ также и для чиновниковъ и даже для самого богдыхана. Понятно, что если, при такихъ случаяхъ, народъ отдаляется отъ чиновниковъ, не сумѣвшихъ заслужить его любовь и довѣріе, онъ приглашаетъ, напротивъ того, оставаться въ должности тѣхъ, которые сумѣли ему понравиться. Вообще, отвѣтственность чиновниковъ за все поза вся является для управляемыхъ, въ крайнемъ случаѣ,

удобнымъ средствомъ разстаться съ ними приличнымъ образомъ. На землѣ нѣть совершенства, а потому напрасно было-бы искать его и между чиновниками. На нихъ даже жалуются чаще, чѣмъ на кого бы то ни было. Народъ въ теченіе долгаго времени терпитъ мелкіе грѣшки администраторовъ, члены земскаго совѣта обращаются къ нему съ представленіями. Наконецъ, если все это не помогаетъ. крестьяне отказываются платить пошлины, а горожане закрываютъ свои лавки. Всѣ дѣла пріостанавливаются. Если въ теченіе трехъ дней администратору не удастся войти въ соглашеніе съ управляемыми, его увольняютъ въ отставку. Все это происходитъ безъ малѣйшаго нарушенія тишины и спокойствія. Для генерала, который даль непріятелю захватить частицу китайской территории, для губернатора, впустившаго врага въ городъ, для посланника, не сумѣвшаго избѣжать войны или согласившагося на уступку клочка родной земли, отвѣтственность не ограничивается уже простымъ отрѣшеніемъ отъ должности. Вина ихъ можетъ быть искуплена развѣ только самоубійствомъ. Искупленіе это можетъ показаться опять-таки очень тяжкимъ, но по крайней мѣрѣ китайскій народъ пользуется за то уѣренностью, что его не вовлекутъ съ легкимъ сердцемъ въ политику приключеній, за которую народъ долженъ платиться своимъ потомъ и кровью. Китайцы знаютъ поэтому, что если правительство объявило войну, то было вынуждено къ ней неизбѣжной необходимости законной самообороны.

Чиновники въ Китаѣ дѣлятся на девять разрядовъ или ранговъ, въ каждомъ изъ которыхъ считается по два класса. Они получаютъ опредѣленное жалованье. Чиновники первого ранга получаютъ по 1620 франковъ деньгами и 180-ти мѣрь рису, но имъ предоставляется

сверхъ того право на известную часть налога, уплачиваемаго управляемыми ими округомъ или областью. При этомъ берется въ расчетъ богатство управляемаго края и важность поста, занимаемаго администраторомъ. Вице-король получаетъ такимъ образомъ прибавку къ жалованью, достигающую иногда до 30.000 франковъ. Это добавочное содержаніе, взимаемое чиновниками, является обычной причиной недовольства, питаемаго противъ нихъ народомъ. Впрочемъ, недовольство чиновниками встрѣчается въ Китаѣ вовсе не такъ часто, какъ объ этомъ говорятъ европейцы. Прибавимъ кстати маловажный, но весьма характеристичный фактъ: всѣ министерства и присутственныя мѣста открываются тамъ на разсвѣтъ и закрываются лишь съ закатомъ солнца.

Какъ уже упомянуто, въ Китаѣ нѣть ни законодательного корпуса, ни вообще чего-либо подобнаго выборному или иному собранію, въ родѣ сената или палаты лордовъ, которое имѣло бы специальной обязанностью издавать законы. Въ сущности тутъ нѣть ничего удивительнаго. Такое старинное государство какъ Китай должно было давно уже выработать и, дѣйствительно, выработало себѣ полный кодексъ общихъ законовъ. Теперь можетъ представиться надобность лишь въ частныхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ временнуу, мѣстный характеръ и видоизмѣняющихся сообразно съ обстоятельствами. Общія и существенныя формулы, дѣйствительно заслуживающія названія законовъ, не могутъ, по мнѣнію китайцевъ, рассматриваться какъ выраженія воли одного лица или даже всего народа. Они думаютъ, что законъ вытекаетъ изъ необходимыхъ условій существованія отдѣльной личности и всего общества. Законъ этотъ—въ самомъ человѣкѣ. Надо только способствовать ему сво-

бодно выясниться. Свобода признается поэтому основнымъ закономъ или, лучше сказать, основнымъ принципомъ всякаго закона. Второе условіе существованія—взаимная солидарность. Безъ нея нѣтъ общества, а безъ общества немыслимъ и самъ человѣкъ. Третье условіе существованія—равенство, безъ которого солидарность была бы только пустымъ звукомъ. Свобода, взаимная солидарность и равенство служать основными столпами семьи, китайской семьи, этого подобія государства и первой его фазы. То, что влечетъ за собой ослабленіе семьи, не можетъ быть закономъ, а развѣ лишь противозаконіемъ. Для китайцевъ немыслимъ иной законъ, кромѣ такого, который, вытекая изъ семьи, служить къ ея огражденію и развитію. Само государство, по словамъ китайцевъ, только большая семья. Условія существованія семьи, т. е. нравственные принципы свободы, взаимной солидарности и равенства, обеспечивающія ея цѣлостность, всюду одинаковы, а потому каждый законъ необходимо является всеобщимъ. При такомъ взгляде на законодательство, какое значеніе могли бы имѣть въ такой обширной странѣ какъ Китай постановленія, принятые большинствомъ депутатовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Срединнаго Царства. Ихъ стали бы рассматривать не какъ законы, а какъ простыя предписанія, имѣющія характеръ непрошенного и вреднаго вмѣшательства. Съ китайской точки зрѣнія не можетъ быть ничего хуже и зловреднѣе учрежденія съ исключительно законодательной дѣятельностью. При этомъ случаѣ позволю себѣ спросить: на какомъ основаніи, исходя изъ этого образа мыслей и этихъ принциповъ, европейцы позволяютъ себѣ предполагать, говорить и писать, будто общественный строй въ Китаѣ воспрещаетъ китайцамъ всякия сношенія съ чу-

жеземцами? Напротивъ того, нельзя было прискать другой общественный строй, столь же простой, всюду примѣнимый и, слѣдовательно, болѣе научный, болѣе человѣчный и гостепріимный.

III.

На ряду съ этими основными законами или, лучше сказать, степенью ниже, можетъ ощущаться необходимость въ другихъ дополнительныхъ законахъ. Участь государства и самое существованіе общества могутъ зависѣть отъ внѣшнихъ фактovъ, явленій и вопросовъ, рѣшеніе которыхъ нельзя предоставить случаю или же благоусмотрѣнію первого встрѣчнаго. Необходимо, чтобы это рѣшеніе согласовалось съ основными законами и не стояло съ ними въ противорѣчіи. Второстепенные законы должны быть въ надлежащемъ отношеніи съ основными и обладать столь же научнымъ характеромъ. Чтобы удовлетворить этому условію, законодательную функцию надо было возложить на людей науки, а не на какое-либо избирательное или иное собраніе. Поэтому-то въ Китаѣ пекинская академія наукъ и словесности является единственной законодательной властью. Вообще же законы создаются тамъ слѣдующимъ порядкомъ. Если какой-либо администраторъ замѣчаетъ въ управляемомъ имъ округѣ обычай, который, по его мнѣнію, полезно было бы ввести во всеобщее употребленіе, онъ заявляетъ объ этомъ по начальству центральному пекинскому правительству. Министерство обычаевъ и обрядовъ переносить дѣло на разсмотрѣніе академіи наукъ. Если обычай одобренъ академіей, то о немъ сообщается во всѣ областные управлѣнія съ пред-

ложениемъ ввести его временно въ областяхъ для испытания. Если испытание окажется удачнымъ, то обычай, освященный уже опытомъ и принятый повсюду населениемъ, вносится въ кодексъ и становится закономъ. Это дѣлается, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не раньше, какъ со вступлениемъ на престоль новаго императора. Законъ успѣлъ, следовательно, уже получить къ тому времени право гражданства. Въ случаѣ, если законопроектъ не нравится народу, его отвергаютъ. Такому же предварительному испытанию подвергаются всѣ законопроекты, отъ кого бы они ни исходили: отъ частныхъ лицъ или же отъ правительственной инициативы. Прибавлю кстати, что, несмотря на давность существованія Срединнаго Царства, число какъ основныхъ, такъ и второстепенныхъ законовъ весьма ограниченное. Весь гражданскій кодексъ умѣщается поэтому на нѣсколькихъ страницахъ. Что касается до уголовнаго кодекса, о которомъ я буду говорить впослѣдствіи, то онъ въ Китаѣ гораздо обширнѣе гражданскаго.

Нечего и говорить, что редактированье законовъ не представляетъ собою преимущественного занятія достопочтенной академіи Ханъ-Линъ. Въ числѣ отправляемыхъ ею функций имѣется одна, которая ставить академію выше центральной правительственной власти, но и эта функция еще не самая существенная. Прежде чѣмъ говорить о различныхъ обязанностяхъ, лежащихъ на китайской академіи наукъ и литературы, необходимо сказать нѣсколько словъ о личномъ ея составѣ. Всѣхъ академиковъ 232. Они сами пополняютъ свой составъ, замѣщая открывающіяся вакансіи наиболѣе выдающимися учеными и литераторами. Въ число академиковъ не разъ попадали уже и женщины. Каждый академикъ получаетъ

оть правительства небольшую денежную пенсію, а также домъ съ садомъ въ пожизненное пользованіе. Кроме того, академія пользуется весьма солидными доходами съ государственныхъ имуществъ, отданныхъ уже въ давнишнія времена ей въ вѣчное владѣніе, не считая ежегодно поступающихъ случайныхъ пожертвованій. Несмотря на получаемое ею оть государства пособіе, которое правительство не вправѣ оть нея отнять, академія совершенно независима оть правительственной власти. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно было бы сравнить ее съ прежними западно-европейскими университетами. Она замѣняетъ собою отсутствующее въ Китаѣ министерство народного просвѣщенія, удовлетворяя потребность высшаго и средняго образованія, причемъ, однако, миссія эта не составляетъ ея монополіи. Никто не обязанъ учиться въ академической гимназіи и каждому предоставляетъ право открывать гимназіи или другія среднія и высшія учебныя заведенія съ какой угодно программой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, впрочемъ, всѣ желающіе занять какую-либо офиціальную должность, обязаны выдержать академическій экзаменъ. Лица, обладающія академическими степенями, а также агенты академіи наукъ, пользуются рангомъ и почетными прерогативами государственныхъ чиновниковъ. Сколько можно судить, привилегіи эти имѣютъ цѣлью содѣйствовать академіи въ выполненіи главнѣйшей ея обязанности, заключающейся въ возможно большемъ развитіи народнаго образования. Въ этой сферѣ дѣйствія она непосредственно располагаетъ слѣдующимъ штатомъ должностныхъ лицъ: 18-ю попечителями учебныхъ округовъ (по одному на область). Эти попечители, или *Гіо-Шенъ-та*, признаются чиновниками четвертаго класса. Имъ подчинены 189 гу-

бернскихъ инспекторовъ, *Kia-Shen* (въ шестомъ классѣ), 210 директоровъ уѣздныхъ гимназій, *Gio-Shen* (въ седьмомъ классѣ), 1,111 директоровъ волостныхъ гимназій, *Kiao-ho* (въ восьмомъ классѣ)*), 1,521 завѣдующій разными учеными учрежденіями, библиотеками и т. п., *Giong-tao* (въ восьмомъ классѣ). Не вдаваясь пока въ дальнѣйшія подробности относительно организаціи дѣла народнаго образованія, вернемся прежде къ тѣмъ функціямъ китайской академіи наукъ, которыя ближе соприкасаются съ занимающимъ насъ предметомъ. Мы видѣли уже, какимъ путемъ создаются въ Китаѣ законы, но недостаточно еще составить таковые и внести ихъ въ кодексъ. Необходимо озабочиться, чтобы законы эти выполнялись на самомъ дѣлѣ. Для этой цѣли существуетъ въ Китаѣ съ самой глубокой древности особое учрежденіе, подобного которому не встрѣчается ни въ какомъ другомъ цивилизованномъ государствѣ. Это—верховный цензорскій судъ изъ сорока академиковъ. Одни изъ цензоровъ состоять при особѣ богдыхана и контролируютъ не только публичную его дѣятельность, но смотрять также и за тѣмъ, чтобы онъ въ частной своей жизни не дозволялъ себѣ нарушенія основныхъ принциповъ китайского государства. Строже всего преслѣдуется цензорами не выполнение обязанностей семейнаго культа и непочтение къ предкамъ. Каждый другой проступокъ цензора умѣютъ, впрочемъ, свести на неуваженіе къ семьѣ и къ предкамъ. Можно представить для назиданія образчикъ выговоровъ, которые даются ими богдыхану. Дѣло было

*) Число уѣздныхъ и волостныхъ гимназій не вполнѣ совпадаетъ съ числомъ административныхъ подраздѣленій. Несоответствіе это объясняется неодинаковой густотой населенія въ разныхъ мѣстностяхъ.

въ 1860 году, когда соединенные англо-французскія арміи угрожали китайской столицѣ. Богдыханъ, по совѣту придворныхъ, старавшихся попасть ему въ тонъ, собирался покинуть дворецъ Юенъ-мингъ-юенъ и уѣхать въ Монголію въ Гехольскій дворецъ. Чтобы замаскировать свое бѣгство приличнымъ предлогомъ, онъ отдалъ приказъ устроить большую охоту за Великой стѣной. Одинъ изъ цензоровъ написалъ ему по этому поводу: «Я, Цао-Юнгъ-Янгъ, цензоръ Ху-Куангской области, представляю богдыхану слѣдующую замѣтку». Изложивъ въ краткихъ словахъ политическое положеніе, онъ продолжаетъ. «Намѣреніе богдыхана взять на себя главное начальство надъ войсками встрѣчаетъ, по слухамъ во дворцѣ, серьезную оппозицію. Безпорядокъ достигъ уже высшей степени, но ничто не производило еще такого пагубнаго впечатлѣнія, какъ распространившійся сегодня слухъ, будто Ваше Величество предполагаете уѣхать въ Гехоль. Слухъ этотъ, которому я отказываюсь вѣрить, возбудилъ всюду глубокій ужасъ. Многіе сановники тщетно уже умоляли Ваше Величество вернуться въ столицу. Всѣ умы объяты смутнымъ опасеніемъ, отъ котораго никто не можетъ отдѣлаться. Если богдыханъ, дѣйствительно, уѣзжаетъ, то отъѣздъ его можетъ причинить непоправимыя бѣдствія. Какимъ окомъ взираете вы въ такомъ случаѣ, Ваше Величество, на народъ? Какую цѣнность придаете вы праху своихъ предковъ? Неужели вы рѣшились покинуть оставленное ими наслѣдіе, какъ еслибы это было старое изношенное платье? Что скажеть о васъ современемъ исторія? Никогда еще не видывали государя, который выбралъ бы минуту опасности и народнаго бѣдствія, чтобыѣхать на охоту подъ предлогомъ, будто отъѣздъ его предотвратить излишнія усложненія. Пусть

Ваше Величество позволить убѣдить себя этими доводами и безотлагательно вернется въ столицу»... Другой цензоръ предсказывалъ богдыхану, что, въ случаѣ отъѣзда въ Гехоль, его не пустятъ, пожалуй, назадъ въ Китай. Третій предупреждалъ своего монарха, что если онъ вздумаетъ убѣжать, то народъ осквернить гробницы его предковъ. Въ одной изъ многочисленныхъ докладныхъ запискахъ, посланныхъ при этомъ случаѣ богдыхану, министръ Ціунгъ-Кингъ и двадцать три другихъ сановника, цензора и т. п. умоляютъ богдыхана вернуться въ столицу и говорять ему: «Государь долженъ быть слугой народа, а вѣрный слуга въ минуту бѣствія долженъ быть готовъ умереть на своеемъ посту»: Ограничиваюсь этими выдержками.

Другіе члены цензорскаго суда посылаются отъ времени до времени въ особыя командировки по областямъ. Тамъ имъ поручается ревизовать публичную и частную дѣятельность правительственныхъ должностныхъ лицъ и выслушивать жалобы, которыя могутъ быть представлены земскими выборными учрежденіями. Затѣмъ нѣсколькимъ цензорамъ поручается собирать документы и материалы для исторіи текущаго царствованія, которые, по мѣрѣ собираанія, укладываются въ большой запертой на замокъ сундуку, отпиравшій послѣ смерти богдыхана. Особенно важные случаи, какъ напримѣръ перемѣна въ престолонаслѣдіи, внутреннія смуты, распри съ иностранными державами, представляются на разсмотрѣніе великаго совѣта, состоящаго изъ всѣхъ академиковъ, министровъ и вліятельныхъ лицъ, которыхъ академія сочтетъ нужнымъ пригласить.

IV.

Такимъ образомъ Китай управляетъ въ дѣйствительности въ первой инстанціи самимъ народомъ, а въ высшей инстанціи—академіей наукъ и, вмѣстѣ съ ней, всѣмъ ученымъ сословіемъ. Сословіе это имѣеть во всѣхъ областяхъ многочисленныхъ представителей, пользующихся въ народѣ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, благодаря чему между академіей и народомъ устанавливается полная общность мнѣній и взглядовъ, относительно всѣхъ текущихъ вопросовъ. Мнѣнія академіи наукъ доходятъ въ самые отдаленные округа со скоростью, совершенно изумительной для страны, не обладающей электрическими телеграфами. Повсюду народъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію и руководству. Такимъ образомъ возникаютъ иногда (какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кантонѣ) грозныя народныя движенія, обращающіяся не только противъ тѣхъ, чьи дѣйствія вызвали подобное вмѣшательство со стороны ученаго сословія, но и противъ самого правительства, оказывающагося тогда въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Испытывая съ одной стороны давленіе отъ представителей иностранныхъ державъ, бомбардирующихъ грозными нотами, китайскіе министры и чиновники стараются во чтобы то ни стало выгадать время, придумываютъ разныя дипломатическія уловки, чтобы какъ-нибудь избѣжать войны или же унизительного и слишкомъ убыточного мира, на условія котораго народъ не согласится. Европейцы, незнакомые съ политическими условіями Китая, не понимаютъ критического положенія китайскихъ чиновниковъ и позволяютъ себѣ обвинять

ихъ въ коварствѣ и лицемѣріи. Упреки эти совершенно неосновательны. Они недостойны ни Европы, ни Китая. Мы убѣдимся въ этомъ сами, когда, ставъ на точку зрѣнія настоящаго демократического государства, не станемъ придавать правительству преувеличенаго значенія. Если-бъ европейскіе народы были такъ же мощно организованы, какъ напримѣрь китайскій народъ, то правительства у нихъ не могли бы обладать большей инициативой и большимъ вліяніемъ, чѣмъ нынѣшнее китайское правительство, и европейскія войны стали бы фактически немыслимыми. Къ несчастью, намъ до этого еще очень далеко. Наши цивилизациі, возникшія изъ смѣшенія самыхъ разноплеменныхъ элементовъ, обработанныхъ умами, отличительной чертой которыхъ было стремленіе не къ синтезу, а къ анализу, настолько нестройны и безсвязны, что для огражденія ихъ полнаго распада мы всегда стремились замѣнить недостающее единство и солидарность искусственнымъ единствомъ, обусловленнымъ мощной административной и политической централизацией. На этой почвѣ выросла у насъ такая привычка сознавать себя управляемыми, что мы не можемъ даже вообразить общества, обходящагося безъ правительства, и мечтаемъ только о хорошемъ, могущественномъ правительствѣ. Это высшій для насъ идеалъ. Мы настолько слѣпы, что не въ состояніи даже подозрѣвать существованія у другихъ того, чего у насъ нѣтъ. Могущественное и правильное дыханіе объемистыхъ легкихъ китайскаго народа, оживляющее всѣ его органы, энергическая и здравая мысль, которая, исходя изъ академіи наукъ какъ изъ мозгового центра, вносить всюду одухотворяющее сознаніе, кажутся намъ какими то непонятными, таинственными

вліяннями, какою то загадочною силой, которой должно всегда опасаться, тѣмъ болѣе, что дѣйствія ея нельзя предвидѣть. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ цивилизaciя достигла уже такой степени синтеза, всѣ учрежденiя состоять въ такой гармонической связи другъ съ другомъ, что правительственная и государственная власть почти не существуютъ. Это необходимо себѣ уяснить прежде всего. Пока мы не проникнемся такимъ взглядомъ, нельзя расчитывать на поддержанiе съ Китаемъ сколько-нибудь прочныхъ или выгодныхъ сношений. Напротивъ того, можно расчитывать, что насы будутъ всегда водить за носъ, но не по винѣ китайскихъ властей, а вслѣдствiе невѣжества и легкомыслiя собственныхъ нашихъ правительствъ. Между тѣмъ легко понять, какое существенное значенiе могла бы имѣть для насы дружба такого государства какъ Китай, если бъ дружба эта была основана на обстоятельномъ знакомствѣ съ его интересами и порядками *).

Китай не военная держава, но обладаетъ такимъ многочисленнымъ населенiемъ, что малѣшее движение съ его стороны обезпокоиваетъ Европу и заставляетъ ее вооружаться. Какiя громадныя услуги могъ бы при случаѣ оказать Китай французамъ несмотря на то, что онъ лежитъ какъ разъ на противоположной оконечности европейско-азиатского материка. Подумайте только, какiя затрудненiя можетъ онъ создать иначе другой державѣ, болѣе близкой къ Францiи и болѣе способной оказать ей

---

*) Повидимому между европейскими и китайскими государствами существуетъ такая же разница, какъ между европейской и китайской письменностью. Первая изъ нихъ—буквенная или аналитическая, а вторая—идеографическая или синтетическая. Эта точка зренiя могла бы выяснить, пожалуй, многое.

материальное содѣйствіе. Тѣ, которымъ удалось поссорить насъ съ Китаемъ, знали очень хорошо, что они дѣлаютъ.

Какъ бы ни было, со стороны демократического французского правительства было бы разумно и умѣстно принять, по крайней мѣрѣ хоть на будущее время, къ руководству въ сношеніяхъ-своихъ съ китайскимъ народомъ сообщенные нами факты, относительно дѣйствительной организаціи китайского правительства. Если теперь даже окажется и невозможнымъ заключить союзъ съ Китаемъ, то мы избавимъ себя по крайней мѣрѣ отъ множества пагубныхъ ошибокъ въ собственныхъ своихъ расчетахъ. Вообразить, что мы выиграли дѣло, когда, приставивъ ножъ къ горлу, заставили китайскихъ министровъ подписать какой-либо договоръ—идея самая ребяческая, надъ которой расхохотались бы сами китайскіе министры, если бы она не приводила ихъ въ трепетъ.

Въ дѣйствительности договоръ, заключенный съ китайскимъ правительствомъ, не имѣть ровно никакого значенія, если онъ черезъ посредство ученаго сословія не одобренъ самимъ народомъ. Посламъ нашимъ слѣдовало бы представлять вѣрительныя свои грамоты не только бодыхану, но также и членамъ пекинской академіи наукъ. Я упоминалъ уже, что визиты, сдѣланные наиболѣе выдающимся ученымъ различныхъ городовъ, въ которыхъ я останавливался по дорогѣ, обеспечивали мнѣ радушный приемъ повсюду въ гораздо большей степени, чѣмъ это могли бы сдѣлать самыя настоятельныя предписанія пекинского правительства.

Считаю тѣмъ болѣе умѣстнымъ напирать на эти соображенія, что по поводу договора, который француз-

ское правительство расчитывает заключить съ Китаемъ, ему приписывають совершенно не тѣ соображенія, какими слѣдовало бы въ данномъ случаѣ руководиться. Утверждаютъ, будто правительство наше разсуждаетъ приблизительно такъ: «Китай не можетъ на насъ напасть, не можетъ внести войну въ наши предѣлы; мы же въ состояніи будемъ это сдѣлать. Объявимъ поэтому китайскіе порты въ блокадѣ. Тогда Англія, клонившаяся до сихъ порь на сторону Китая, вынуждена будетъ произвести въ Пекинѣ давленіе, чтобы избѣжать громадныхъ убытковъ, которые понесеть въ противномъ случаѣ ея торговля. Нашъ полномочный посолъ, съ заготовленнымъ уже мирнымъ договоромъ въ рукахъ, выяснить китайскимъ министрамъ всѣ выгоды, проистекающія для Срединнаго Царства отъ непосредственного присоединенія къ нему изрядной части сѣвернаго Тонкина и, улучивъ удобную минуту, уговорить ихъ подписать договоръ, въ сущности еще довольно выгодный для Китая».

Оставлю въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени правильны расчеты воздѣйствовать на политику Англіи и, безъ сомнѣнія, другихъ державъ, такъ заинтересованныхъ въ торговлѣ съ Китаемъ. Предположу даже, что вмѣшательство Англіи приведетъ къ желаемому результату и что китайское правительство подпишетъ требуемый нами договоръ. Позволю себѣ однако спросить: «найдетъ ли китайскій народъ умѣстнымъ подтвердить этотъ договоръ? Завоевавъ Тонкинъ, будемъ ли мы на самомъ дѣлѣ владѣть имъ? Уже въ теченіе пятнадцати или шестнадцати столѣтій Тонкинъ носить китайскій отпечатокъ на своихъ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ. Право собственности, система налоговъ, общественный и административный строй, права

и привилегии семьи, почитаніе предковъ—все это организовано тамъ по китайскому образцу. Тонкинские ученые пишутъ по-китайски. Народный языкъ—нарѣчіе китайского языка. Короче сказать, китайцы и тонкинцы принадлежать къ одной и той же народной семье, къ одной и той же политической группѣ. Если Тонкинъ былъ до сихъ поръ лишь вассальнымъ владѣніемъ Китая, то это слѣдуетъ лишь приписать нежеланію китайского правительства расширять предѣлы Срединнаго Царства безъ крайней къ тому необходимости. Китай хотѣлъ только предотвратить на будущее время набѣги тонкинцевъ на свою территорію. Для этого, занявъ Тонкинъ, китайцы внесли туда свою цивилизацио и предоставили затѣмъ тонкинскій народъ самому себѣ. Тонкинъ обязанъ Китаю прежнимъ своимъ благоденствіемъ. Какъ только китайцамъ угодно будетъ вступить въ Тонкинъ, все населеніе окажется на ихъ сторонѣ.

При такомъ положеніе вещей, наврядъ ли удастся подкупить китайцевъ кусочкомъ территоріи, которую они могутъ считать своею собственностью. Можетъ случиться, однако, что мы какъ нибудь добьемся согласія китайскихъ министровъ подписать договоръ. Вместо того, чтобы обезпечить такимъ путемъ миръ съ Китаемъ, мы очутимся тогда хронически на военномъ положеніи и будемъ вынуждены держать въ Тонкинѣ изъ года въ годъ 50—60 тысячную армію. Изъ китайскихъ областей пограничныхъ, съ неуловимой, такъ сказать, полосою, отдѣляющей ихъ отъ Тонкина, будутъ постоянно прибывать вооруженные добровольцы для замѣщенія убыли въ рядахъ тѣхъ, съ которыми мы должны будемъ сражаться. Китайское правительство отклонить отъ себя всякую ответственность за эти послѣдствія, такъ какъ оно оду-

шевлено искреннимъ желаніемъ жить съ нами въ мирѣ. Въ дѣйствительности мы окажемся тогда въ войнѣ съ самой колоссальной и могущественной націей въ мірѣ. Вотъ къ чему мы идемъ. Можно представить себѣ съ точностью опасности и денежныя издержки, навѣрное ожидающія насъ на этомъ пути. Что касается до гадательныхъ вы-годъ, то онѣ, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, ока-жутся далеко не соотвѣтствующими ожиданіямъ. Такъ какъ мнѣ пришлось уже заговорить о жгучемъ вопро-сѣ, разъединяющемъ теперь Францію съ Китаемъ, то вѣроятно можно будетъ сдѣлать еще маленькое отсту-пленіе отъ программы, чтобы представить, по возможно-сти вкратцѣ, относительно этого вопроса нѣкоторыя со-ображенія, ускользнувшія, повидимому, отъ вниманія . нашихъ правительственныхъ сферъ.

V.

Завоеватели всегда приводятъ въ защиту своихъ пред-пріятій самые вѣскіе доводы. Они задаются цѣлью рас-ширить сферу отечественаго вліянія, сдѣлать родную страну болѣе могущественной, открыть новые рынки для ея промышленности и торговли, увеличить тѣмъ самымъ количество труда и хлѣба для рабочихъ въ ея городахъ, распространить блага цивилизациіи на отсталые народы, освободить ихъ отъ гнетущаго деспотизма, возвратить имъ одновременно свободу и чувство собственного до-стоинства. Если открываемыя такимъ образомъ блестящія перспективы не представляются современникамъ достаточно заманчивыми, завоеватели указываютъ на блестящее бу-дущее, приготовляемое будто бы ими грядущимъ поко-лѣніямъ. Въ данномъ случаѣ, однако, будущее на са-

момъ дѣлъ уже разоблачено и самыи откровеннымъ образомъ высказываетъ свои тайны. Чтобы познакомиться съ ними и узнать всю подноготную, стоитъ только открыть уши. Надежды, которыми себя убаюкиваютъ не тѣ жели самыя, которыми мы ласкали себя наканунѣ войнъ съ Кохинхиной и Китаемъ въ 1858 и въ 1860 годахъ? Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго четверть столѣтія. Въ какой степени осуществились эти надежды? Кохинхинская торговля ушла изъ нашихъ рукъ; что же касается до Китая, то въ одной изъ предшествовавшихъ главъ выяснено уже, что цѣнность ввоза европейскихъ товаровъ остается приблизительно та же, какой она была до злополучной войны 1860 года, тогда какъ вывозъ изъ Китая увеличился вдвое. Каждый китаецъ покупаетъ ежегодно среднимъ числомъ всего лишь на 60 сантимовъ европейского товара. Нѣть никакихъ причинъ предполагать, чтобы тонкинцы стали покупать больше. Ихъ считается всего лишь около 12 миллионовъ душъ, что составить въ общей сложности для ввоза европейскихъ товаровъ всего лишь 6—7 миллионовъ франковъ, да и то къ тому времени, когда страна совершенно успокоится и придетъ въ нормальное состояніе. Не слѣдуетъ также забывать, что Франція не можетъ захватить въ свои руки монополію торговли съ Тонкиномъ и что наши товары составятъ, какъ и въ Китаѣ, лишь ничтожную часть общей цифры ввоза. Вывозъ изъ Тонкина въ Европу будетъ сравнительно значительнѣе. Китай посылаетъ западнымъ варварамъ на 600 или 700 миллионовъ франковъ чаю, шелку и т. п. Изъ Тонкина можно будетъ также получать чай и шелкъ, преимущественно же шелкъ. Замѣтьте, что уже и теперь землевладѣльцы на югѣ Франціи жалуются на то, что въ Ліонѣ китайские шелка яв-

ляются опасными конкурентами ихъ собственному производству. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ по существу, отмѣчу лишь въ нихъ доказательство того, что даже и ожидаемыя гадательныя выгоды имѣютъ свою оборотную сторону. Правда, что во всемъ этомъ я рассматривалъ только торговые обороты съ самимъ Тонкиномъ. Внѣ предѣловъ нашего протектората мы, очевидно не будемъ уже у себя дома. Хозяйничать тамъ мы не станемъ, считать заранѣе въ своемъ карманѣ барыші, которые можно было бы тамъ получить, было бы съ нашей стороны большими легкомысліемъ, особенно же въ случаѣ, когда отношенія наши къ Китаю, т. е. къ самому китайскому народу, а не исключительно къ одному лишь правительству бодыхана, будутъ не вполнѣ дружественными. Наши воздушные замки разлетятся въ прахъ, какъ только Срединное Царство, по собственному почину, или же подчиняясь чьему-либо вліянію, закроетъ намъ южную свою границу. Тонкинъ, на который мы расчитывали какъ на проходную улицу, обратится тогда въ глухой переулокъ. Утверждали, будто торговля черезъ Тонкинъ съ юго-западными китайскими областями: съ Ю-наномъ, Куей-чесу, Куангъ-си, частью Сэ-чуена и т. д. дастъ въ общей сложности до двухсотъ миллионовъ франковъ. Цифра эта слишкомъ велика для 50 миллионного пограничного населенія, такъ какъ для всѣхъ 500 миллионовъ китайцевъ общая сложность торговыхъ оборотовъ съ Европой (считая тутъ и ввозъ и вывозъ) не превышаетъ 1100—1200 миллионовъ.

Напомнимъ еще разъ, что изъ этой гадательной цифры въ 200 миллионовъ пришлась бы на долю Франціи лишь самая ничтожная часть.

Утверждаютъ: «мы передѣлаемъ все это», Нѣть! мы

не въ состояніи будемъ всего этого передѣлать. Тонкинь не какая-нибудь пустыня въ африканскомъ вкусѣ. Населеніе тамъ по меньшей мѣрѣ такое же густое, какъ у насъ, и мы не въ состояніи будемъ замѣнить его ничѣмъ другимъ. Привычки у народа перемѣнить такъ же трудно, какъ и климатъ обитаемой имъ страны. Нѣсколько фабрикантовъ и капиталистовъ, нѣсколько акціонерныхъ компаний, скорѣе даже иностранныхъ, чѣмъ французскихъ, расчитывая на дешевизну хлопка, шелка, желѣза, мѣди, олова и др. тонкинскихъ продуктовъ, низкую плату на трудъ, и т. п., введутъ тамъ безъ сомнѣнія европейскія паровыя машины. Но скажите на милость, кому это будетъ выгодно, за исключеніемъ развѣ самихъ предпринимателей? Прислушайтесь только къ тревожнымъ воплямъ манчестерской и другихъ англійскихъ торговыхъ палатъ. Что привело ихъ въ такое отчаяніе? Недавнее открытие въ Калькуттѣ нѣсколькихъ фабрикъ, устроенныхъ по европейскому образцу. Этого уже совершенно достаточно, чтобы англійские фабриканты стали предвидѣть утрату азіатскихъ своихъ рынковъ, гибель отечественной промышленности, нищету англійскихъ рабочихъ, и т. д. Приподымаю завѣсу будущаго, что найдете вы тамъ съ этой точки зрѣнія? Перемѣщеніе на крайній востокъ промышленныхъ центровъ, находящихся теперь во Франціи, Англіи и вообще въ Европѣ. Я, съ своей стороны, не вижу въ этомъ ничего для насъ утѣшительного. Чего доброго, наступить даже, пожалуй, время, когда тонкинские и китайские рабочіе, оставшись не у дѣла, явятся въ Европу конкурировать съ нашими соотечественниками, которые и безъ того будутъ помирать съ голоду.

Мы до сихъ поръ рассматривали вопросъ только съ

нашой французской точки зре́нія. Быть можетъ, завоеваніе Тонкина Франціей принесеть больши барыши са-
мимъ тонкинцамъ?

При нынѣшнихъ порядкахъ они, разумѣется, далеко не чувствуютъ себя счастливыми, но имъ кажется, что во всѣхъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствіяхъ виноваты аннамцы, которые грабятъ ихъ до-чиста, оставляя бѣдняжкамъ лишь глаза, чтобы оплакивать такое бѣдствие. Тонкинцы убѣждены, что будуть вполнѣ счастливы, освободившись отъ разбойниковъ—аннамцевъ. Дѣйствительно, они останутся совершенно довольными, если ихъ оставить въ покоѣ, дозволивъ ввести правительство и администрацію на китайскій образецъ, т. е. назначать, собирать и расходовать налоги по собственному усмотрѣнію. Но между этими порядками и нашими европейскими правительственныеими принципами, разница можетъ оказаться настолько серьезной, что ихъ нельзя будетъ совмѣстить другъ съ другомъ. Къ тому же позорительно ли предполагать, что тонкинцы отнесутся съ особеннымъ энтузіазмомъ къ дорого стоящему протекторату, при которомъ они должны будутъ платить не только за огражденіе ихъ противъ аннамцевъ, но и за огражденіе самого протектората отъ внѣшнихъ враговъ. Это сопряжено съ громадными непредвидѣнными расходами, которые имъ придется очевидно не по вкусу.

Въ Тонкинѣ, какъ и въ Китаѣ, нѣть крупныхъ капиталистовъ, но за то нѣть также и ужасающей нищеты, не принимая въ расчетъ, разумѣется той, которую могло причинить аннамское владычество.

Тонкинъ, какъ и Срединное Царство—страны мелкой поземельной собственности и кустарной промышленности. Тамъ очень мало батраковъ и много хозяевъ, занимаю-

щихся у себя на дому однимъ или нѣсколькими мастерствами. Они живутъ мирно и счастливо въ своей семье какъ люди, которымъ нечего бояться завтрашняго дня. Неужели вы думаете, что все это населеніе безъ неудовольствія будетъ смотрѣть на завоеваніе родной страны крупными капиталами, сосредоточенными въ немногихъ рукахъ. Наврядъ ли тонкинцамъ придется по вкусу переворотъ, который неминуемо произведутъ у нихъ эти капиталы. Напротивъ того, можно съ увѣренностью сказать, что превращеніе кустарей въ батраковъ, отвлеченіе ихъ отъ семьи, чтобы сосредоточить въ большихъ мастерскихъ на крупныхъ заводахъ и фабрикахъ, гдѣ они съ теченіемъ времени окажутся въ такомъ же непрочномъ положеніи, какъ европейскіе рабочіе, не можетъ понравиться тонкинцамъ.

При такихъ обстоятельствахъ позолительно, кажется, не будучи пессимистомъ, предсказать, что въ Тонкинѣ, съ теченіемъ времени, возникнетъ противъ чужеземцевъ нѣчто въ родѣ нынѣшняго антисемитического движенія въ Европѣ. Быть можетъ, я и ошибаюсь, но всѣ размышленія мои по этому предмету болѣе и болѣе усиливаются во мнѣ убѣжденіе, что мы въ Тонкинѣ ничего путнаго не добьемся. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что намъ нечего тамъ дѣлать. Это было бы ошибочно. Вникнувъ въ суть дѣла, убѣдимся, что тамъ не все фикція, но есть также осозаемая, положительная дѣйствительность. Правда, что эта дѣйствительность находится не въ самомъ Тонкинѣ, а въ предѣловъ настоящей тонкинской территории. Я говорю о рудныхъ богатствахъ на границахъ Китая и въ югозападныхъ китайскихъ областяхъ. Къ нимъ можно добраться лишь черезъ Тонкинѣ, т. е. по Красной рѣкѣ. Точно также, хотя и

въ меньшей степени, надо признать дѣйствительностью торговлю, которая можетъ производиться при посредствѣ этого водного пути. Все остальное въ наилучшемъ случаѣ только иллюзія. Неужели, однако, Китай терпѣливо выжидаль, пока Франція укажетъ на богатства, скрывающіяся въ его нѣдрахъ, и на средства къ пользованію этими богатствами? Честь открытия этихъ сокровищъ принадлежить развѣ Франції? Починъ первыхъ развѣдокъ дѣйствительно принадлежитъ французу, но китайское правительство, узнавъ отъ этого француза о результатахъ развѣдокъ, тотчасъ же командировало для болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій цѣлую комиссию, начальникомъ которой назначенъ былъ онъ самъ. Правительство это, постоянно упрекаемое за апатичность, нелюбовь къ прогрессу и слѣпую вражду къ европейцамъ, поручило нашему соотечественнику открыть съ помощью пароходовъ судоходство по Красной рѣкѣ, прерванное назадъ тому уже сто лѣтъ, и внести туда европейскую промышленность, которая нашла бы себѣ вполнѣ достаточное представительство въ трехъ или четырехъ акціонерныхъ компаніяхъ. Встрѣтивъ со стороны аннамцевъ неожиданныя препятствія, Дюпюи успѣшно ихъ преодолѣлъ. Безъ сомнѣнія онъ получилъ бы отъ Китая дальнѣйшую поддержку и приличное вознагражденіе за труды, еслибы не предпочелъ обратиться къ Франціи, которая неожиданно вмѣшалась въ дѣло. Китайское правительство сочло тогда долгомъ временно отстраниться. Можно, однако, сказать съ увѣренностью, что если бы Дюпюи не сдѣлалъ этой ошибки, обусловленной впрочемъ избыткомъ патріотизма, правительство боярьхана само уладило бы дѣло къ общему удовольствію, или же выгнало бы аннамцевъ изъ Тонкина. Во всякомъ случаѣ, четыре

или пять европейскихъ акционерныхъ обществъ для разработки тамошнихъ рудныхъ богатствъ давно уже работали бы теперь на полныхъ парахъ. Ничего другого въ сущности и не было нужно. Полагаю, что прямое вмѣшательство Франціи въ тонкинскія дѣла было серьезной политической и финансовой ошибкой. По крайней мѣрѣ я, лично, жалѣю отъ души, что французскіе солдаты и миллионы французскихъ денегъ запутаны въ предпріятіе, которое лишь косвеннымъ образомъ и притомъ въ самой ничтожной степени затрагиваетъ истинные интересы націи и плательщиковъ податей. Быть можетъ, что читатель, дѣлая логическій выводъ изъ всего мною сказанного, придетъ къ заключенію объ умѣстности вернуть, если можно, тонкинскій вопросъ къ первоначальному положенію. Я же пока вернусь къ разсмотрѣнію китайского государственнаго строя *).

VII.

Затрудненія, съ которыми пришлось бы бороться китайскому правительству, еслиъ оно пожелало вовлечь народъ въ какое нибудь предпріятіе, не соотвѣтствующее народнымъ воззрѣніямъ и интересамъ, обусловливаются не однимъ лишь демократическимъ строемъ китайского общества и солидарностью, установившеюся между различными органами этого строя. Есть другое препятствіе такимъ предпріятіямъ и притомъ непосредственно бросающееся въ глаза. У правительства богыхана, собственно говоря, нѣть ни арміи, ни денегъ. Въ газетныхъ статьяхъ опредѣляютъ иногда численность китай-

---

*) Это было писано въ концѣ 1882 г.

скихъ императорскихъ войскъ болѣе чѣмъ въ два миллиона солдатъ, но цифры эти принадлежать къ области чистой фантазіи. Въ манжурскихъ войскахъ состоять на лицо не болѣе 80 тысячъ человѣкъ, китайская же регулярная милиція, которою можетъ распоряжаться военное министерство, выставить въ поле никакъ не болѣе 400 тысячъ человѣкъ. Правда, что въ случаяхъ крайней необходимости, когда народъ готовъ оказать полную поддержку, правительство богдыхана можетъ созвать подъ свои знамена и несравненно болѣе многочисленную армію, но армія эта будетъ на самомъ дѣлѣ не войскомъ, а ополченіемъ, состоящимъ изъ людей, взятыхъ отъ сохи и совершенно незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Но вобранцы, особенно же въ первое время, будутъ несомнѣнно очень плохими солдатами. Во всякомъ случаѣ, китайское правительство чрезвычайно бѣдно, несмотря на то, что сами китайцы богатѣйшій народъ въ мірѣ. Дѣйствительно, государственные китайские доходы не превышаютъ 1400—1500 миллионовъ франковъ, и правительство лишено возможности сколько-нибудь увеличить эту сумму. Каждый разъ, когда государственные расходы превышаютъ цифру доходовъ, оно поставлено въ необходимость обращаться къ гражданамъ съ просьбой о покрытии дефицита путемъ добровольныхъ пожертвованій. Если расходы эти одобряются земствами, а въ особенности же въ случаяхъ законной обороны, добровольные пожертвования достигаютъ громадныхъ суммъ. Правительство богдыхана находить тогда вмѣсть съ тѣмъ и достаточное число добровольцевъ, готовыхъ умереть за отечество. Напротивъ того, когда политика богдыхана не одобряется земствами, народъ безжалостно отказываетъ ему въ содѣйствіи. Необходимо присовокупить, что ки-

тайцамъ тѣмъ легче контролировать все государственное свое хозяйство, что у нихъ нѣть заграничныхъ колоній и на правительствѣ лежитъ только обязанность защищать собственно китайскую территорію. Что касается до государственныхъ заемовъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ европейскія правительства для покрытія своихъ дефицитовъ, то двадцать лѣтъ тому назадъ они были въ Китаѣ еще неизвѣстны. Къ тому же, основанія, на которыхъ займы эти введены теперь въ китайское государственное хозяйство самими европейцами, таковы, что этимъ путемъ правительство бодыхана не можетъ получить въ свое распоряженіе особенно значительныхъ денежнѣхъ средствъ. Извѣстно, что въ китайскихъ портахъ, открытыхъ для европейскихъ судовъ, завѣдываніе таможнями поручено европейцамъ. Правительство бодыхана получаетъ отъ нихъ ежегодно около 150 миллионовъ франковъ, оказывающихся въ безконтрольномъ его распоряженіи. Англійскіе, французскіе и германскіе банкиры охотно даютъ китайскому правительству взаймы по 9 и 10% со ста подъ залогъ этихъ доходовъ.. Займы эти и являются единственнымъ источникомъ для покрытія безконтрольныхъ чрезвычайныхъ расходовъ китайского правительства. Очевидно, что эти источники въ значительной степени уже исчерпаны и представляются довольно гадательными. Все это могло бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поставить верховную власть въ очень затруднительное положеніе. Обыкновенные государственные расходы покрываются въ Китаѣ поземельнымъ налогомъ, горными и соляными пошлинами. Содержаніе императорскаго двора, какъ уже сказано, обеспечивается доходомъ со стадъ, принадлежащихъ бодыхану въ Монголіи, нѣкоторой частью соляной пошлины и данью

съ вассальныхъ Китаю государствъ. Располагая такимъ государственнымъ бюджетомъ, не подвергающимся, собственно говоря, никакимъ измѣненіямъ, китайское правительство было въ состояніи удовлетворять, болѣе чѣмъ въ продолженіи пятнадцати вѣковъ, всѣмъ потребностямъ государственного управления, несмотря на то, что за это время численность населенія въ Китаѣ значительно возросла.

VII.

Мы дошли теперь до вопроса, не разъ уже возбуждавшагося по поводу сношеній между Европой и Китаемъ. Вопросъ этотъ теперь именно становится болѣе жгучимъ, чѣмъ когда-либо. Откуда возникло нежеланіе китайцевъ входить въ сношения съ чужеземцами? Слѣдуетъ ли приписать это нежеланіе формальному запрещенію, постановленному китайскими религіозными законами, которые, будто бы, подобно законамъ еврейской и мусульманской религіи, воспрещаютъ правовѣрнымъ близкія сношения съ иновѣрцами? Ужъ не объясняется ли означенное нежеланіе узкимъ национальнымъ эгоизмомъ, суевѣрными предразсудками или, наконецъ, болѣе или менѣе заслуженнымъ недовѣріемъ. Читатель можетъ самъ составить теперь основательное мнѣніе по этому предмету. Сказанное мною по поводу государственныхъ займовъ раскрываетъ отчасти истинную сущность нелюбви китайцевъ къ европейцамъ. Правительства всюду не безъ грѣховъ. Въ самомъ Китаѣ правительство ведетъ себя прилично лишь благодаря надежнымъ мѣрамъ предосторожности, которыми оградилъ себя отъ него китайскій общественный строй. Много вѣковъ понадобилось на то,

чтобъ отыскать достаточныя гарантіи противъ посягательствъ со стороны правительства на верховную власть народа. Даже и теперь, еслибъ правительству боядъхана предложили средства избавиться отъ этихъ стѣснительныхъ для него гарантій и лежащаго на немъ строгаго контроля, оно, пожалуй, охотно воспользовалось бы такими средствами. Безъ сомнѣнія, государственные займы будуть заключаться сперва лишь съ цѣлью выпутаться изъ затрудненій, созданныхъ самими же тароватыми европейцами, но кто можетъ поручиться, что когда-нибудь государственный заемъ не послужить правительству орудіемъ къ порабощенію гражданъ, спокойствие и безопасность которыхъ оно обязано защищать? Китайские государственные сановники сознаютъ это, а потому, понимая, что въ данную минуту заключеніе займовъ необходимо для Китая, искренно негодуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на европейцевъ за тѣ опасности, которыя могутъ угрожать въ будущемъ китайскому государству отъ подобныхъ финансовыхъ операций. Ученое сословіе, въ свою очередь, прекрасно понимаетъ будущую опасность и заблаговременно выясняетъ ее народу, который предчувствуетъ ее по инстинкту. Это одна изъ причинъ нелюбви китайцевъ къ европейцамъ. Существуетъ, однако, много и другихъ причинъ. Европейская торговля, не снабжая Китай никакими предметами первой необходимости, нарушаетъ, однако, установившіяся вѣками отношенія между производствомъ и потреблениемъ, и производить беспорядокъ въ народномъ хозяйствѣ, построеннымъ на туземной политической экономіи, результаты которой могутъ смѣло помѣриться съ добытыми нашей европейской наукой. Кроме того, европейская торговля вносить въ китайскій общественный строй страшный разлагающій

элементъ, а именно—употребление опіума. Хотя курильщиковъ этого яда и не такъ много въ Китаѣ, какъ вообще думаютъ (537 миллионное населеніе потребляетъ ежегодно опіума всего лишь на сумму 400 миллионовъ франковъ), куреніе опіума успѣло уже неблагопріятно отразиться на китайскомъ земледѣліи. Воздѣлываніе мака было до 1860 года запрещено китайцамъ, но съ тѣхъ поръ, какъ правительство бодыхана вынуждено было допустить ввозъ опіума въ Китай, пришлось по необходимости допустить воздѣлываніе мака и въ самомъ Китаѣ. Въ настоящее время нѣсколько тысячъ гектаровъ ежегодно засѣваются макомъ, и народъ съ негодованіемъ видѣтъ, что земля, вмѣсто необходимыхъ для человѣка продуктовъ, производить пагубный ядъ.

Утверждаютъ, будто китайцы уже задолго до 1860 г. усвоили себѣ привычку курить опіумъ. Несомнѣнно, что каждое общество содержитъ въ себѣ зародышъ всевозможныхъ пороковъ. Укажу впослѣдствіи нравственныя причины, способствовавшія преимущественно развитію въ Китаѣ привычки курить опіумъ. Во всякомъ случаѣ, физическая послѣдствія этой привычки таковы, что китайское правительство имѣло не только право, но и обязанность заботиться о возможномъ ея подавленіи. Китайцы имѣютъ поэтому полное основаніе упрекать европейцевъ въ томъ, что не было принято во вниманіе ни это право, ни эта обязанность. Прибавлю кстати, что въ 1861 году, въ бытность мою въ Японіи, поговаривали въ Нагасаки, будто туда прислано изъ Шангъ-хая одной европейской торговой фирмы судно съ сотнею курильщиковъ опіума, чтобы ввести въ моду употребленіе этого зелья и въ Японіи.

Даже и бросающаяся въ глаза роскошь, которую

позволяютъ себѣ проживающіе въ Китаѣ мелкіе европейскіе коммерсанты, имѣть какъ бы характеръ оскорбительного вызова простотѣ и скромности туземныхъ нравовъ.

Также и офиціальные сношенія, которыя въ Европѣ отличаются такою вѣжливостью и деликатностью, принимаютъ въ Китаѣ нѣсколько другой характеръ. Наши дипломатическіе агенты зачастую держать себя по отношенію къ китайскимъ чиновникамъ свысока и помидому слишкомъ проникнуты сознаніемъ преимущества европейской цивилизаціи надъ китайскою.

Какъ бы ни было, но главными виновниками самыхъ серьезныхъ столкновеній между нами и китайцами были, безъ сомнѣнія, миссіонеры. Мы не говоримъ теперь объ ихъ проповѣдяхъ, но о личномъ поведеніи и о тѣхъ средствахъ, къ которымъ они прибегали для поддержанія своего авторитета. Спѣшу оговориться однако, что не всѣ миссіонеры заслуживаютъ подобный упрекъ: между ними есть и такие, которые сами порицаютъ избытокъ усердія своихъ сотоварищѣй, неосторожный ихъ образъ дѣйствій и злоупотребленіе поддержкой европейскихъ державъ. Эта благоразумная часть миссіонеровъ мало-по-малу покидаетъ безнадежное въ Китаѣ дѣло христианской проповѣди и предается изученію китайскаго языка и китайской литературы.

Мирные обитатели деревень, въ которыхъ они поселились, исполняя обязанности своего званія въ средѣ маленькихъ своихъ христіанскихъ общинъ и занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ научными изслѣдованіями, миссіонеры эти пользуются уваженіемъ, съ которымъ народъ и мандарины въ Китаѣ привыкли вообще относиться къ ученыму сословію. Отъ времени до времени такие миссіонеры

посылаютъ въ Европу обстоятельный ученые труды, значеніе которыхъ во всей ихъ совокупности не слѣдуетъ впрочемъ ни отрицать, ни преувеличивать. Какъ бы ни было, труды эти много содѣйствуютъ расширению свѣдѣній нашихъ о Китаѣ. Къ этой группѣ миссіонеровъ приналежало много іезуитовъ, которые были отправлены въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ своимъ орденомъ въ Китай. Имена такихъ іезуитскихъ патеровъ, какъ Аміо, Риччи, Премаръ, Вербье, Гобиль, и т. п., сохранились въ архивахъ науки. Это были истинные ученые и, во всякомъ случаѣ, хорошо образованные люди, которые гораздо лучше своихъ преемниковъ поняли грозныя препятствія, стоящія въ Срединномъ Царствѣ на пути христіанской пропаганды. Они думали обойти эти препятствія, примиривъ христіанство съ двумя вліятельнѣйшими національными китайскими религіями, а потому старались выставить эти религіи въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Тѣ, кто раздѣляетъ воззрѣнія этихъ патеровъ, увѣряютъ, что если-бы имъ предоставили полную свободу дѣйствій, то весь Китай исповѣдалъ бы теперь католицизмъ. Здѣсь необходимо однако сдѣлать маленькую оговорку. Если хотять этимъ сказать, что католическая религія въ концѣ концовъ стала бы исключительной религіей большинства китайцевъ, то самъ читатель какъ нельзя лучше пойметъ неосуществимость подобной мечты. Если же, напротивъ того, имѣется въ виду утверждать, что католицизмъ, подобно буддизму, могъ бы пріискать къ основнымъ руководящимъ принципамъ китайской цивилизаціи, то съ этимъ можно было бы еще согласиться, допустивъ, что католическая церковь, подобно буддистской іерархіи, отказалась бы отъ всякаго вмѣшательства въ мірскія дѣла и отъ всякихъ помысловъ

о политическомъ вліянії. Трудно ожидать впрочемъ, чтобы католическая церковь въ Китаѣ могла оказаться способной къ такому самоотреченію въ продолженіе сколько-нибудь значительного времени. Во всякомъ случаѣ такого опыта произведено не было. Обвиняемые доминиканцами и лазаристами іезуиты, оденъ которыхъ былъ уничтоженъ или, лучше сказать, временно закрытъ извѣстной буллой папы Клиmentа XI, вынуждены были отказаться отъ выполненія своего проекта. Не станемъ упоминать здѣсь про скандалы и насилия, вслѣдствіе которыхъ китайское правительство рѣшило изгнать изъ предѣловъ Срединнаго Царства всѣхъ вообще миссіонеровъ, какъ іезуитовъ, такъ и лазаристовъ. Допущенные снова въ Китай въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, католические миссіонеры должны быть только проповѣдниками, которымъ строго воспрещено заниматься вопросами, могущими подать по-водѣ къ прежнимъ распрамъ. Настоящія научныя изслѣдованія имъ воспрещены. Немногіе миссіонеры, которымъ, въ виду выказываемыхъ ими блестящихъ способностей, епископы позволяютъ, кромѣ проповѣди, также и другія занятія, могутъ посвящать себя лишь лингвистическимъ и компилятивнымъ работамъ. Несмотря на ограниченное такимъ образомъ поприще дѣятельности, ученыe изъ миссіонеровъ оказываются и оказали уже намъ большія услуги. Не думаю, чтобы слѣдовало сожалѣть о подобномъ ограниченіи. Оно является, пожалуй, даже съ извѣстной точки зрѣнія желательнымъ въ интересахъ самой науки.

Говоря о положеніи труда въ Китаѣ, я упоминаль уже обѣ иллюзіяхъ патера Премара и стремленіяхъ его на-силовать тексты. Подобные факты служать указаніемъ опасности, которой можетъ подвергаться научная истина

со стороны даже самыхъ образованныхъ и наиболѣе искренно преданныхъ наукъ миссионеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ не довольствуются измѣненіемъ очевиднаго смысла какого-либо изъ древне-китайскихъ символовъ. Примѣромъ этому можетъ служить переводъ *И-Кинга*, главной и основной священной китайской книги, сдѣланный въ прошломъ столѣтіи іезуитскимъ патеромъ Регисомъ. Достопочтенный патерь не только плохо перевелъ *И-Кинг*, но, признавъ также неудобными комментаріи, сдѣленные къ этой книгѣ Конфуціемъ, онъ просто на просто замѣнилъ ихъ своими собственными *).

Слѣдуетъ ли приписать такую непозволительную вольность перевода особенностямъ религіознаго воспитанія, полученнаго іезуитскимъ патеромъ. Нѣть: по мнѣнію многихъ знатоковъ китайскаго языка, подобныя же вольности позволяли себѣ и переводчики, не принадлежавшіе къ духовному сословію. Есть такія сочиненія, что для надлежащаго ихъ перевода недостаточно знать языкъ, на которомъ они написаны. Необходимо обладать кромъ того извѣстными предварительными свѣдѣніями, а также большой независимостью ума и характера. Всѣ эти качества вмѣстѣ не всегда встрѣчаются и у переводчиковъ-спеціалистовъ. Тѣмъ рѣже можно встрѣтить ихъ разумѣется у людей, избравшихъ своей спѣcialностью религіозную проповѣдь.

Несмотря на преступность такихъ чрезмѣрно доходившихъ до вольныхъ переводовъ и умышленнаго искаженія китайскихъ священныхъ книгъ, эти грѣхи противъ науки не повели по крайней мѣрѣ къ непосредственному пролитію чьей-либо крови. Къ несчастью, ре-

*) См. предисловіе къ книгѣ, озаглавленной „Vestiges des principaux dogmes chrétiens“, стр. 10, на которую уже дѣлалась ссылка.

лигіозное усердіе місіонеровъ не ограничилось такими, сравнительно еще невинными, увлеченіями. Я говорю теперь о другой группѣ місіонеровъ, гораздо болѣе многочисленной и ставящей себѣ исключительной цѣлью распространеніе христіанской религіи между китайцами. Місіонеры эти, за немногими весьма почтенными исключеніями, являются для Китая истиннымъ бѣдствіемъ. Какъ бы высоко ни было ихъ умственное развитіе, какъ бы хорошо они ни владѣли китайскимъ языкомъ, они жестоко компрометтируютъ въ Срединномъ Царствѣ европейскую цивилизацию. «Все во славу Божію и Его католической апостольской церкви»—вотъ ихъ лозунгъ.

«Мы, разумѣется, французы,—говорилъ мнѣ и генералу Монтобану одинъ изъ нихъ, патеръ Леметръ,—прежде чѣмъ быть французами мы однако, католики». Таковы они все. Въ 1860 году у нашего уполномоченного, барона Гро, былъ старшимъ переводчикомъ Деламарръ, священникъ общинъ місіонеровъ. Злоупотребляя своимъ положеніемъ и довѣріемъ барона Гро, священникъ этотъ, безъ вѣдома и противъ желанія нашего полномочного, включилъ въ китайскій текстъ мирнаго договора статью, которая надѣлала уже много зла и можетъ ежеминутно послужить поводомъ къ войнѣ между Франціей и Китаємъ *). Въ силу этой статьи, китайское правительство приняло на себя обязательство возвратить нынѣшнимъ місіонерамъ имущество, конфискованныя назадъ тому полтораста лѣтъ у изгнанныхъ тогда іезуитовъ. Имущество эти, прошедшия съ тѣхъ поръ уже черезъ нѣсколько рукъ, раздѣлены въ большинствѣ случаевъ между мно-

*) Мнѣ это известно изъ многихъ источниковъ. Между прочимъ я слышалъ это отъ самого Деламарра, ставившаго себѣ въ большую заслугу совершенный имъ подлогъ.

тими владѣльцами. На многихъ конфискованныхъ помѣстьяхъ построены теперь дома, а на нѣкоторыхъ даже храмы, которые успѣли сдѣлаться уже популярными. Въ большинствѣ случаевъ возвращеніе ихъ такъ затруднительно, что китайское правительство, которое хотя и знаетъ о подлогѣ, учиненнымъ аббатомъ Деламарромъ, но все-таки хотѣло бы выполнить принятыхъ на себя обязательства, готово принести какія угодно денежныя жертвы взамѣнъ возврата тѣхъ самыхъ земель, которыми владѣли прежде миссионеры. Я видѣлъ самъ въ Чонгъ-Кингфу, въ се-чуенской области, такую спорную землю, въ обмѣнъ на которую китайское правительство предлагало вдвое болѣе обширный участокъ и кромѣ того деньги, необходимыя, чтобы построить на немъ католическую церковь. Можно было бы подумать, что миссионеры, настаивая на пріобрѣтенныхъ такимъ обманнымъ образомъ правахъ, окажутся по крайней мѣрѣ столь же говорчивыми, какъ и китайское правительство. Нѣть-съ, извините! Они во что бы то ни стало требуютъ себѣ возврата того же самаго клочка земли, на которомъ полтораста лѣтъ тому назадъ совершалось христіанское богослуженіе. Такимъ именно образомъ отвѣтилъ сэ-чуенскій епископъ Дефлешъ на упомянутое уже предложеніе китайскихъ властей. Этимъ объясняются безпорядки и грабежи, отъ которыхъ въ 1862 году христіане въ Чонгъ-Кингѣ сперва пострадали, а потомъ были съ лихвой вознаграждены китайскимъ правительствомъ. Это же было истинной причиной убийства двухъ миссионеровъ *), послан-

---

*) Мабило и другого, имени которого не упомню. Само собой разумѣется, что епископъ Дефлешъ добился, при содѣствіи французского посольства, уплаты значительного вознагражденія также и за смерть этихъ двухъ злополучныхъ священниковъ.

ныхъ упрямымъ епископомъ въ деревню, гдѣ и сами прискорбныя события и строгое подавленіе беспорядковъ довело до высочайшей степени ненависть туземнаго населенія противъ миссіонеровъ.

Въ 1870 году обществу Святого Младенца удалось наконецъ, послѣ многолѣтнихъ безуспѣшныхъ усилий, набрать въ свой пріютъ въ Тиенъ-Цзинѣ нѣсколькихъ дѣтей, покинутыхъ родителями вслѣдствіе бѣдствій, которыми сопровождался необычайно сильный разливъ Желтой рѣки. Управившись немногого съ дѣлами, родители потребовали у миссіонеровъ возвращенія дѣтей, но малютки къ тому времени были уже окрещены, а потому миссіонеры отказались возвратить ихъ въ языческія семьи. Для большей безопасности рѣшено было упрятать этихъ малютокъ куда-нибудь подальше, а потому ихъ секретно отправили въ другую область. Между тѣмъ исчезновеніе дѣтей вызвало рѣзню, въ которой погибли не только миссіонеры, но также и всѣ проживавши въ то время въ Тиенъ-Цзинѣ французы, не исключая и самого консула. «Если-бъ я былъ въ то время въ Тиенъ-Цзинѣ,—говорилъ мнѣ потомъ нингъ-пойскій епископъ Делапласъ (принаадлежавшій къ ордену лазаристовъ, какъ и миссіонеры, завѣдующій тиенъ-цзинскимъ дѣтскимъ пріютомъ),—этого бы навѣрно не случилось» *).

Другой весьма характерный фактъ. Мы въ 1860 году. На зовъ миссіонеровъ Франція послала въ Китай свою

*) Могу присовокупить, что это не было хвастовствомъ со стороны почтенного епископа. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1866 году, ему тоже не хотѣлось вернуть языческимъ родителямъ окрещеннаго уже ребенка, но онъ былъ настолько благороденъ, что, посовѣтовавшись съ нами, отказался отъ своего намѣренія.

армію. Изъ-за нихъ началась война, они одержали побѣду. По крайней мѣрѣ такъ говорили сами миссіонеры, и въ словахъ ихъ было на этотъ разъ больше правды, чѣмъ можно было бы ожидать.. Не довольствуясь одними словами, они хотѣли проявить болѣе осознательнымъ образомъ свое торжество. Повсюду въ Нингъ-по, въ Шанхай, Кантонѣ и самомъ Пекинѣ, щедротами французского правительства и благодаря взысканному съ китайцевъ вознагражденію за военные издержки, воздѣглись христіанскіе храмы, существовавшіе свидѣтельствовать на вѣчныя времена о могуществѣ миссіонеровъ. Кантонскій епископъ Гильеменъ хотѣлъ во что бы то ни стало выстроить соборъ, хотя на это надо было затратить нѣсколько миллионовъ франковъ. Чего ради и для кого нуженъ былъ этотъ соборъ, когда въ Кантонѣ и окрестностяхъ насчитывалось съ грѣхомъ пополамъ всего лишь 200—300 христіанъ? Сображенія эти такъ же мало остановили епископа, какъ не остановилъ его и недостатокъ въ деньгахъ. Подобно прошимъ епископамъ, онъ получилъ сперва на свою долю лишь 100 тысячъ франковъ. «Возложимъ упованіе наше на Господа», сказалъ епископъ. На эти деньги вырыли фундаментъ и торжественно положили первый камень соборного храма. Вице-король согласился принять участіе въ этой торжественной церемоніи. Послѣ закладки первого камня оказалось однако, что другихъ камней для собора не имѣется.

Епископъ обратился тогда къ консулу съ просьбой: «нельзя-ли будетъ получить разрѣшеніе на уборку камней, которые упали съ горы, находящейся неподалеку отъ города и только загромождаютъ дорогу? Этимъ оказана будетъ услуга всему мѣстному населенію». Консулъ

передалъ эту просьбу вице-королю, который и далъ желаемое разрѣшеніе. Оказался затѣмъ недостатокъ въ деньгахъ, но и тутъ горю можно было помочь новой ассигновкой изъ суммъ военной контрибуціи. Вскорѣ обнаружился опять недостатокъ въ камняхъ.

«Если-бъ намъ дозволили брать съ горы камни, которые почти на ней не держатся, тогда бы они перестали падать»? Дозвolenіе на это тоже получено. Потребовалась третья ассигновка и выяснился опять недостатокъ въ камняхъ. «Ахъ, г. консулъ, если бы вы могли выхлопотать намъ разрѣшеніе добывать камень прямо изъ горы! Мы выломали бы самую малость». — «Пусть будетъ по вашему», — сказалъ вице-король, — примите лишь во вниманіе, что на горѣ этой кладбище. Ломайте камень съ должной осторожностью, такъ какъ если кладбищу будетъ угрожать опасность, то это вызоветъ въ народѣ сильное раздраженіе». Работы начались. Оказалось, что камней требуется изрядное количество. Каменоломня врѣзывалась все дальше и дальше въ гору такъ, что наконецъ населеніе города взволновалось и стало роптать. Вице-король предупредилъ объ этомъ епископа. «Стоить-ли обращать вниманіе на такие пустяки», — рѣшилъ Гильеменъ. Работа продолжалась своимъ чередомъ до тѣхъ поръ, пока въ одно прекрасное утро кантонцы не выразили осознательнымъ образомъ своего негодованія противъ христіанъ, которымъ досталось при этомъ слегка на орѣхи.

Можно привести массу подобныхъ примѣровъ. Китаецъ обращается въ христіанство. Онъ отрекается отъ почитанія предковъ и расходовъ, съ которыми сопряжены обряды этого почитанія. «Возврати намъ въ такомъ случаѣ полученное тобою наслѣдство», говорятъ ему братья и другие родственники. Онъ отказывается. Изъ этого

возникаетъ процессъ, въ который хотять вмѣшаться миссіонеры. Имъ въ этомъ отказываютъ. «Это гоненіе противъ католицизма», восклицаетъ журналъ «Annales de la Propagation de la Foi».

Китаецъ совершилъ преступленіе и хочетъ укрыться отъ руки правосудія. Онъ является къ миссіонерамъ и обѣщаетъ креститься. Его встрѣчаютъ съ распостертыми объятіями и даютъ ему то, въ чёмъ онъ въ данную минуту наиболѣе нуждается, т. е. убѣжище. Не принимая въ расчетъ того, что благодать, коснувшаяся сердца язычника, смываетъ съ него всѣ прежніе грѣхи, чиновникъ приказываетъ арестовать преступника. Миссіонеры выставляютъ это опять-таки какъ образчикъ религіозной нетерпимости китайскихъ властей.

Знаете-ли вы, въ чёмъ заключается любимая мечта миссіонеровъ? Ни болѣе, ни менѣе какъ въ пріобрѣтеніи права юрисдикціи надъ китайцами, обратившимися въ христіанство. Они, безъ сомнѣнія, охотно вызвали бы новую войну, если-бы только расчитывали, что удастся включить, хотя бы обманнымъ образомъ, въ мирный договоръ маленький пунктъ, устанавливающій это право. Этой же политикѣ впрочемъ, христіанство и въ Римѣ обязано было первыми своими успѣхами.

Самою пламенной цѣлью стремленій является для миссіонеровъ свѣтская власть во всѣхъ ея формахъ. Они видятъ въ ней не только доказательство успѣха, но и вѣрнѣйшее средство къ достижению такового. За недостаткомъ сущности миссіонеры не пренебрегаютъ даже внѣшними проявленіями власти. Одинъ изъ нихъ, патеръ Деламарръ, рассказывавшій мнѣ объ этомъ лично, усмѣтрѣвъ, что се-чуенскій вице-король принимаетъ его иссѣтьми почестями, которыя предоставлены мандаринамъ

самаго высшаго ранга, пришелъ въ бѣшенство, поколоти-
тиль приставовъ, которымъ поручено было поддерживать
порядокъ во дворцѣ, прошелъ безъ приглашенія черезъ
всѣ парадные дворы и апартаменты и явился къ вице-
королю съ угрозами на устахъ. Онъ утверждаетъ, правда,
что дѣйствовалъ такимъ образомъ въ качествѣ уполномоченнаго французскаго посольства, но чего ради вы-
ступиль онъ въ качествѣ уполномоченнаго? Съ своей
стороны, ченсійскій епископъ и г. Фори, епископъ Куей-
чеву, присвоили себѣ отличительные знаки высшихъ го-
сударственныхъ сановниковъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они
жили. Оба эти епископа путешествовали по своимъ епар-
хіямъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, съ кре-
стами, хоругвями, епископскимъ посохомъ и митрою, съ
парадными пѣвчими въ красномъ облаченіи и вообще со
всю виѣшней пышностью католицизма, къ которой они
присоединили вѣра, громадные зонтики и прочие отли-
чительные знаки правительственной власти въ Китаѣ. Та-
кой образъ дѣйствій возбуждалъ у туземцевъ частію
смѣхъ, частію же раздраженіе. Вообще же, въ первые
два, три года послѣ франко-китайской войны, мис-
сіонеры предъявляли неслыханныя и ни съ чѣмъ не
сообразныя требованія. Замѣчательнѣе всего, что тѣ-же
миссіонеры, когда имъ случается забывать главную цѣль
присутствія ихъ въ Китаѣ, оказываются лично прекрас-
нѣйшими людьми, очень обходительными, услужливыми
и вовсе нетщеславными. Съ истиннымъ удовольствиемъ
признаю, что частныя сношенія мои съ большинствомъ
изъ нихъ были самаго пріятнаго свойства. Это были,
казалось, такие ласковые, вѣжливые, услужливые люди,
что ихъ можно было бы, какъ говорится, допустить безъ
исповѣди прямо къ причастію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ

много толковали о своемъ патріотизѣ, что неудивительно, если посольство мечтало иногда воспользоваться вліяніемъ, которымъ они увѣряютъ, будто пользуются въ странахъ, гдѣ проповѣдывали Евангеліе. Необходимо однако быть съ ними всегда на-сторожѣ. Эти добрые и преданные люди совершенно перерождаются, какъ только въ дѣло вмѣшиваются интересы католицизма или же ихъ религіозныхъ конгрегацій. Они тотчасъ же становятся тогда лживыми, черствыми, скучными эгоистами, которые, для достиженія своихъ собственныхъ или же поставленныхъ имъ цѣлей, не отступаютъ ни передъ чѣмъ и даже охотно пожертвуютъ въ случаѣ надобности *вашей* жизнью. Я никогда не забуду, какъ се-чуенскій епископъ Дефлешъ старался помѣшать моей поѣздкѣ въ эту область и какія штуки устраивалъ онъ со мною, когда я все-таки туда пріѣхалъ. Представьте себѣ только, вѣдь я могъ показать его паствѣ, которая была до тѣхъ поръ ограждена отъ всякаго соблазна, что не всѣ французы ходятъ къ обѣднѣ, преклоняютъ колѣни передъ епископами, лобызаютъ ихъ пастырское кольцо, и т. п. Понятно, что опасеніе такого скандала могло въ теченіе нѣсколькихъ ночей тревожить сонъ почтеннаго епископа *).

Когда всѣ козни, придуманныя чтобы помѣшать моей поѣздкѣ, не удались, и я сталъ приближаться къ границамъ се-чуенской области, тактика мгновенно измѣ-

*) Я былъ однако разъ на обѣднѣ, но не тамъ, гдѣ хотѣли этого миссионеры. Дѣло было въ областной столице Чень-Ту-Фу. При богослуженіи присутствовало тогда по меньшей мѣрѣ 25 тысячъ человѣкъ, разумѣется, не христіанъ, толпившихся въ церкви, во дворѣ, на крыше, однимъ словомъ повсюду. Особенно сильно удивлены были всѣмъ происходившимъ однако не язычники, а оба священно-дѣйствовавшихъ миссионера. Подробности я разскажу быть можетъ впослѣдствіи.

нилась. Меня встречает самимъ предупредительнымъ образомъ миссионеръ, назначенный самимъ епископомъ сопровождать меня повсюду, служить мнѣ проводникомъ и переводчикомъ. Услужливость его доходила до само-отверженія. На самомъ дѣлѣ, однако, у почтенного епископа умыселъ другой тутъ былъ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, епископъ коварно распустилъ слухъ о томъ, будто я юду собирать справки объ убыткахъ, понесенныхъ христіанами во время возстанія, которое было противъ нихъ сдѣлано, и что я намѣренъ побудить китайскія власти къ скорѣйшему наказанію виновныхъ. Миссионеръ, находившійся при мнѣ, служилъ живымъ подтвержденіемъ слуха, распущенаго епископомъ. Такова была истинная цѣль предупредительной его учтивости. Однажды, несмотря на категорической мой отказъ, на всѣ мои предостереженія и принятые мною мѣры предосторожности, я неизвѣстно какимъ образомъ очутился въ сожженной церкви *). Епископъ меня перехитрилъ. Если я вернулся живымъ изъ поѣздки въ его епархію, то во всякомъ случаѣ не по его винѣ. Онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы я сложилъ тамъ свои кости.

Въ заключеніе приведу еще фактъ болѣе существенный, такъ какъ онъ стоилъ жизни тысячамъ туземцевъ. и

*) Понесенные христіанами убытки простирались въ общей сложности до 200 тысячъ франковъ. Епископъ же вы требовалъ за нихъ вознагражденіе въ миллионъ франковъ! Было бы любопытно разузнать, какъ велико состояніе каждой изъ католическихъ религіозныхъ конгрегаций въ Китаѣ, а также прослѣдить источники, изъ которыхъ составились эти состоянія (вознагражденіе за грабежи и убийства, пожертвованія, наслѣдства, барыши на товарахъ, присланыхъ изъ Европы, взамѣнъ денежной субсидіи и т. п.). Въ общей сложности получится, вѣроятно, очень почтенная цифра.

многимъ французамъ, не говоря объ унижениі для французского знамени. Дѣло было на этотъ разъ уже не въ самомъ Китаѣ, а въ Кореѣ. Патеръ Феронъ, недовольный корейскимъ царемъ и его правительствомъ, рѣшился ихъ низвергнуть. Для этого онъ придумалъ захватить ночью сокровища, хранившіяся въ гробницахъ древнихъ корейскихъ царей, и не возвращать ихъ до тѣхъ поръ пока корейцы не согласятся на требуемыя имъ условія. Замыселъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, или, лучше сказать, сдѣлана была къ этому попытка. Пріѣхавъ въ Шангъ-хай, патеръ Феронъ вошелъ въ соглашеніе со шкиперомъ одного португальскаго купеческаго судна, настоящимъ морскимъ разбойникомъ. Экипажъ судна, польстившись на грабежъ, охотно согласился принять участіе въ экспедиції. Однако же экспедиція эта не удалась, послѣ чего миссіонеры, остававшіеся въ Кореѣ, были перевѣшаны. Французское посольство отоспало патера Ферона обратно на родину, но нѣсколько времени спустя, адмираль, командовавшій французской эскадрой въ китайскихъ моряхъ, вѣроятно по настояніямъ миссіонеровъ, захотѣлъ отмстить за казнь ихъ предшественниковъ. Онъ отправился къ берегамъ Кореи, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ уйти восвояси, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Заканчивая на этомъ главу, надѣюсь, что читатель пойметъ причины, заставившія меня ее написать и не заподозрить меня въ какой-либо предвзятой мысли.

ЧАСТЬ IV.

Правительство.

Одно изъ словъ, наиболѣе употребляемыхъ въ разговорѣ у китайцевъ—это *жэнъ*. Въ буквальномъ переводе оно означаетъ человѣчество; но китайцы употребляютъ его также въ другомъ переносномъ смыслѣ, въ которомъ оно означаетъ солидарность. Здѣсь однако слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. *Жэнъ* является не только стремленіемъ къ солидарности, душевнымъ свойствомъ или добродѣтелью, какъ напримѣръ милосердіе, любовь или братство, оно составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютный фактъ, существующій самъ по себѣ. *Жэнъ* обнимаетъ собой не только живущихъ—онъ налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязательства вызывать къ жизни возможно большее число существъ и содѣйствовать жизни этихъ существъ. Какой смыслъ могло бы на самомъ дѣлѣ имѣть *жэнъ*, человѣчество, солидарность въ такой странѣ, гдѣ, вслѣдствіе рѣдкости населенія, люди не видались бы подолгу и были бы едва знакомы другъ съ другомъ. Вспомните китайскіе религіозные принципы, «*Прощедшее и грядущее да будетъ передъ вашими очами, какъ бы въ*

настоящемъ. Въ мірѣ этомъ есть многое такое, что скрыто отъ насъ, но тьмъ не менѣе существуетъ. Весь родъ человѣческій не можетъ быть обнять тѣлеснымъ окомъ, но онъ существуетъ, и на обязанности каждого содѣйствовать болѣе и болѣе его проявленію». Когда же *женъ*, опредѣленный такимъ образомъ, обращается въ реальность, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ всяческаго благополучія. Изъ него естественно проис текаютъ тогда изобиліе, богатство, миръ, свобода и счастье. Когда люди не выполняютъ по отношенію къ нему своего долга, солидарность между ними не прерывается, такъ какъ единство ихъ сущности не уничтожаемо. Но эта солидарность проявляется тогда въ общемъ несогласіи, неравенствѣ, противорѣчіи и злѣ. Неизбѣжныя послѣдствія ихъ: голодъ, нищета, война, рабство и бѣдствія во всѣхъ своихъ видахъ. Неудивительно, что, соединяя такое понятіе со словомъ *женъ*, китайцамъ часто приходится употреблять его въ разговорѣ.

Исключительной основой *женъ* служить единство неба, человѣка и земли, т. е. единство физического міра. Признавая въ силу своихъ философско-религіозныхъ воззрѣній человѣка посредникомъ между небомъ и землею и воплощеніемъ ихъ обоихъ, китайцы по этой причинѣ, быть можетъ, и дали самому этому міровоззрѣнію название человѣчества. *Женъ*, въ качествѣ такого основного принципа, не остался у нихъ однако лишь въ области идей. Китайцы сообразовали съ нимъ всѣ свои учрежденія. Такъ, въ духовномъ порядкѣ поклоненіе небу и предкамъ состоить въ непосредственной связи съ этимъ принципомъ, проявляющимся, въ вещественномъ порядкѣ, заботами ихъ объ осуществленіи союза земли не только со всѣмъ человѣчествомъ вообще, но и съ каждымъ отдель-

нымъ его членомъ въ частности. Семейный очагъ зиждется на вотчинномъ полѣ. Землевладѣніе даеть гражданину политическія права. На этомъ же правѣ и обязанности каждого гражданина находится въ единеніи съ землей, правѣ и обязанности столь же абсолютныхъ, какъ и принципъ, изъ которого они вытекаютъ, покоятся, какъ необходимое слѣдствіе таковыхъ, коллективное обладаніе землей, система собственности, признающая за владѣльцемъ лишь право пользованія землей, естественный переходъ необработанныхъ земель въ государственную собственность и подесятинная система земельного налога, являющаяся какъ бы заключеніемъ и окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ учрежденій. *Jus uti et abuti* римского права считалось бы въ Китаѣ святотатствомъ и преступлениемъ противъ человѣчества. Вольная земля, сохранивъ свободу, стала для людей связующимъ звеномъ и наиболѣе дѣйствительнымъ орудиемъ ихъ солидарности и пріумноженія. Воплотившееся *жизнь* стало камнемъ, на которомъ создалась китайская цивилизациѣ, и эта цивилизациѣ принесла плоды, невѣдомые въ другихъ странахъ.

Въ Срединномъ Царствѣ, подъ покровомъ этой цивилизациѣ, возросло населеніе настолько изумительной густоты, что можно было бы подумать, будто умершіе воскресаютъ тамъ вновь и становятся въ ряды своихъ потомковъ. Этому могущественному росту населенія не только соотвѣтствовало возрастаніе производительности почвы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ имѣлъ также возможность удовлетворять своимъ наиболѣе существеннымъ нравственнымъ потребностямъ въ такой мѣрѣ, до которой не удалось еще достигнуть никакому другому народу. Если главнѣйшая изъ этихъ потребностей—свобода удовлетворяется соотвѣтственно той доли, какую самъ на-

родъ принимаетъ въ управлениі, то надо будеть признать, что китайцы, болѣе чѣмъ кто-либо, сумѣли довести ускользающую отъ нихъ долю управления до самого ничтожнаго минимума. По мѣрѣ того, какъ жеенъ болѣе и болѣе осуществлялся и густота населенія возростала, налогъ на каждого отдѣльного китайца постепенно уменьшался, такъ что онъ составляеть теперь среднимъ числомъ всего лишь какихъ нибудь три франка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ увеличенія числа гражданъ въ административныхъ округахъ, правительственное вліяніе становилось по отношенію къ каждому изъ нихъ менѣе и менѣе ощутительнымъ. О степени проявленія его теперь можно судить уже по тому, что въ Китаѣ приходится на 400 тысячъ гражданъ немногимъ менѣе одного чиновника. Женъ принесъ съ собой поэтому два грандіозныхъ результата. Благодаря правамъ и привилегіямъ, являющимся необходимой принадлежностью основанной на немъ семьи, жеенъ побуждаетъ гражданъ къ сохраненію полнотью всей своей независимости. Точно опредѣляя средства, какими можетъ располагать правительство, жеенъ опредѣляетъ тѣмъ самыемъ размѣры и характеръ правительственной власти такъ, чтобы предупредить съ ея стороны всякія дальнѣйшія посягательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ эту власть въ рамки, въ которыхъ она, въ силу естественного прогресса, обращается почти въ ничто. Женъ, т. е. соціальное политическое и религіозное міровоззрѣніе, составляющее сущность всей китайской цивилизациіи, имѣетъ рѣшающее значеніе съ точки зренія правительственного вмѣшательства или невмѣшательства въ управлениe государствомъ. Дойдя до отдѣла моей программы, въ которомъ надо будетъ изложитъ роль правительственной власти въ Китаѣ, я счелъ поэтому необхо-

димымъ предварительно сказать, нѣсколько словъ о китайскомъ жenъ.

I.

Китайцы не сразу выяснили себѣ надлежащую форму и цѣль своего правительства. Хотя они были вѣрными хранителями ученій, завѣщанныхъ имъ древними мудрецами, и хотя ученія эти должны были привести къ желанному результату, однакоже онъ былъ достигнутъ лишь послѣ многочисленныхъ попытокъ цѣною горькаго опыта. Даже болѣе того. Практическое примѣненіе этихъ ученій требовало такой разсудительности, что въ теченіе многихъ вѣковъ завѣданіе имъ должно было находиться въ рукахъ весьма небольшого числа отдѣльныхъ лицъ, обладавшихъ исключительно мощнымъ умственнымъ развитиемъ. Уставы династіи Чеу *) которая въ периодъ времени между IV и II вѣкомъ до Р. Х., повидимому играла столь важную роль посвятительницы народа въ сущность великой китайской цивилизациі, являются на самомъ дѣлѣ лишь совокупностью законовъ и постановленій, предназначенныхъ къ осуществленію союза человѣчества и отдѣльного человѣка съ землей. Почти всѣ тогдашніе чиновники были вмѣстѣ съ тѣмъ агрономами. Одни изъ нихъ завѣдавали искусственнымъ орошеніемъ полей и заботились не только о содержаніи въ порядкѣ каналовъ и плотинъ, но опредѣляли также время, когда и по скольку слѣдовало орошать каждое поле. Другіе правительственные чиновники, завѣдававшіе посѣвомъ, опредѣляли, какія именно растенія слѣдовало разводить

---

*) Переведенные на французскій языкъ Эд. Бю.

на томъ или другомъ участкѣ земли. Были чиновники, завѣдывавшіе удобреніемъ земли. Они наблюдали за тѣмъ, чтобы удобреніе тщательно собиралось и не пропадало задаромъ, а также указывали способы его сохраненія, приготовленія и употребленія въ дѣло. Нѣкоторымъ чиновникамъ поручено было учреждать въ наименѣи населенныхъ мѣстностяхъ китайской территории военные колоніи и обучать колонистовъ земледѣлію. Нѣть ни одной подробности, относящейся до воздѣлыванья земли, которая не была бы указана самымъ обстоятельнымъ образомъ въ этихъ уставахъ. Прогрессъ, цивилизациѣ, жаждѣ деспотически вызываются къ развитію авторитетомъ правительственной власти. Процессъ посвященія въ цивилизациѣ длится въ теченіе многихъ вѣковъ, но вотъ наконецъ онъ свершился, законченъ. Страна всюду заселена. Земля всюду воздѣлана и одухотворена; животворный ея паръ возносится къ небу вмѣстѣ съ дыханьемъ человѣка.

Великое дѣло свершилось. Да, но тѣмъ временемъ монархъ пріобрѣлъ уже привычку распоряжаться деспотически. Начинается длинный періодъ борьбы противъ деспотизма, прерывавшейся отъ времени до времени торжествомъ реакціонерныхъ стремленій. Лишь въ III и IV столѣтіи христіанской эры борьба эта окончательно привела къ той формѣ правленія, которая существуетъ и теперь въ Китаѣ. Въ теченіе періода испытаній китайскій народъ однако возросъ и возмужалъ. Къ уставамъ Чеу, которые были для него какъ бы открытиемъ свыше, онъ присовокупилъ результаты собственного опыта, подтверждавшіе ихъ истину.

Онъ не только узналъ, какимъ образомъ надлежить вступать въ единеніе съ землей, но выучился также и

управлять собой. Земля дала ему не только жизнь, но и свободу. Онъ думаетъ, сравниваетъ, разсуждаетъ. Мѣсто философскихъ аксиомъ и освященныхъ преданіемъ афоризмовъ древнихъ его мудрецовъ заступаютъ формулы, не посредственно выведенныя изъ опыта все болѣе и болѣе многочисленными сословіемъ китайскихъ ученыхъ. «Порядокъ не обусловливается правительственной властью,— говорятъ они;—общество управляетъ отъ внутреннихъ своихъ слоевъ къ вѣшнимъ.—Семья это государство въ маломъ видѣ; государство же не что иное, какъ союзъ отдѣльныхъ семействъ. Государство есть только общество взаимнаго страхованія. Чѣмъ многочисленнѣе страхователи, тѣмъ меньшему риску подвергается каждый изъ нихъ порознь и тѣмъ дешевле обходится ему самострахованіе. Правительство—только повѣренный общества. Ничто не можетъ быть труднѣе точнаго указанія предѣловъ его власти. Въ сущности, оно обязано лишь охранять народныя учрежденія отъ всякихъ внутреннихъ и вѣшнихъ на нихъ покушеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и само не должно касаться этихъ учрежденій. Правительство не должно мѣшать цивилизаціи, но только удерживать ее на пути, предначертанномъ традиціями и опытами минувшихъ вѣковъ. Правительство, строго сообразующееся съ правилами такого образа дѣйствій, никогда не будетъ имѣть надобности ихъ нарушать. Когда правительство соблюдаетъ эти правила, семьи будутъ умножаться въ числѣ, окажутся въ состояніи улаживать сами свои общинныя и областныя дѣла, а потому правительству незачѣмъ будетъ вмѣшиваться въ таковья. Наилучшее правительство то, которое совсѣмъ не замѣтно». Короче сказать, китайцы считаютъ повидимому правительство какъ нѣчто чуждое, отъ чего прогрессъ

цивилизациі долженъ съ течениемъ времени ихъ совершенно избавить. По крайней мѣрѣ они надѣются, что въ будущемъ роль правительства будетъ еще ничтожнѣе, чѣмъ теперь. Таковъ идеаль ихъ правительства. На слѣдующихъ затѣмъ страницахъ мы увидимъ, до какой степени они приблизились уже къ этому идеалу.

II.

Первымъ, указаніемъ на это можетъ служить число министерствъ, входящихъ въ составъ центрального правительства. Ихъ всего лишь шесть. Перечисленіе этихъ министерствъ дастъ намъ второе, не менѣе существенное указаніе. Въ Китаѣ есть только министерство личнаго состава администраціи, министерства: финансовъ, обычаевъ и обрядовъ (т. е. вмѣстѣ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ), военное, юстиціи и публичныхъ работъ. Перечень этимъ и заканчивается. У нихъ нѣть министерства вѣроисповѣданій, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, изящныхъ искусствъ, почты, торговли, нѣть морского министерства и министерства колоній. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы центральное правительство не имѣло бы органовъ, интересующихся этими отраслями народной жизни, но если такие органы и существуютъ, то лишь въ состояніи ничтожныхъ остатковъ, о которыхъ не стоитъ даже и упоминать. Нѣкоторые изъ нихъ при томъ были бы въ Китаѣ совершенно излишними.

Къ чему было бы, напримѣръ, особое министерство вѣроисповѣданій въ такомъ государствѣ, гдѣ единственной признанной религіей является сама цивилизациія, гдѣ религіозные обряды совершаются или въ семье, какъ при поклоненіи предкамъ, или же всенародно—при четы-

рехъ или пяти ежегодныхъ празднествахъ, на которыхъ долженъ священникъ действовать самъ бодхисаттвъ, другихъ же жрецовъ не имѣется вовсе? При такихъ порядкахъ министерство вѣроисповѣданій распределено, во-первыхъ, по всемъ семьямъ, и, во-вторыхъ, по всемъ министерствамъ, но не сосредоточивается нигдѣ въ одно самостоятельное цѣлое. Что же касается до личныхъ вѣрованій, частныхъ фантазій и капризовъ воображенія, то правительству до нихъ дѣла нѣть. Заниматься ими значило бы ихъ признавать и придавать имъ несоответствующее значение. Никакая религія въ Китаѣ не воспрещена, такъ какъ правительственная власть не можетъ помѣшать существованію суевѣрныхъ стремленій у отдѣльныхъ личностей и не считаетъ себя въ правѣ влѣзать имъ въ душу. Съ другой стороны, однако, казалось несправедливымъ создавать для нихъ особую отрасль администраціи, расходы по содержанію которой ложились бы на всѣхъ. Поэтому въ Китаѣ признается полная свобода вѣроисповѣданій съ однимъ лишь условиемъ, чтобы они не слишкомъ выходили изъ области мечтаній и надеждъ на почву дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ китайскому правительству не разъ уже приходилось конфисковать недвижимыя имущества будистскихъ пагодъ и присоединять эти имущества вновь къ народному достоянію. Въ силу тѣхъ же соображеній правительство считаетъ своимъ долгомъ противодействовать покушеніямъ разныхъ религій распространить свое влияніе также и на мирскія дѣла *). При такихъ условіяхъ, если ми-

*) Для читателя, любопытствующаго знать, во что именно обходятся китайцамъ различныя ихъ суевѣрія и вѣроисповѣданія: тауистская, будистская, мусульманская, христіанская, и т. д., и т. д., прибавлю, что по расчетамъ одного протестантскаго миссіонера (осно-

нистерство въроисповѣданій и было когда-либо въ древности официальнымъ учрежденіемъ, оно давно уже поглощено, если можно такъ выразиться, самой народной массой.

Подобному же процессу поглощенія подверглось также и министерство земледѣлія. Фактъ этотъ, по моему мнѣнію, является блестящимъ свидѣтельствомъ прогресса китайской цивилизациі. Я уже говорилъ, что при династіи Чеу все правительство состояло въ сущности лишь изъ министерства земледѣлія. Теперь отъ этого министерства не осталось больше и слѣда, а между тѣмъ нигдѣ земледѣліе не процвѣтаетъ такъ, какъ въ Китаѣ. Необходимо обратить при этомъ вниманіе на то, что процвѣтаніе земледѣлія обусловливается прежде всего высокимъ развитіемъ въ народѣ чувства справедливости. Я знаю, что повторяюсь, но въ данномъ случаѣ виной этому не я, а сама китайская цивилизациѣ. Какая можетъ быть лучшая для нея похвала, какое болѣе полное доказательство ея внутренней гармоніи, какъ не тотъ фактъ, что во всѣхъ своихъ проявленіяхъ она освѣщается тѣми же лучами, или что всѣ исходящіе отъ нея лучи сливаются въ одинъ общій свѣтъ? «Будьте справедливы къ землѣ. Возвращайте ей то, что она вамъ дала. Преступно было бы тратить попусту остатки того, что вы

ванія которыхъ мнѣ впрочемъ неизвѣстны) расходы на эти суевѣрія и религіозные обряды равняются въ общей сложности почти той же суммѣ, какъ и весь государственный налогъ, т. е. составляютъ среднимъ числомъ три франка на каждого китайца. Сумма эта довольно крупная, но, по правдѣ сказать, она не велика, сравнительно съ той, которую приходится платить вѣрующимъ католикамъ за крестины, похороны, свадьбы, панихиды и т. п. не считая обычного бюджета по министерству въроисповѣданій.

отъ нея взяли. Не бросайте ихъ въ море; не вывозите родную вашу землю за-границу, не забывайте, что она—тѣло человѣчества; слейтесь съ ней воедино, какъ душа сливается съ тѣломъ. Будьте справедливы къ земледѣльцу. Праздношатающимся не слѣдъ отнимать отъ него плодъ его трудовъ, присваивать себѣ сокровища, скопленные въ поляхъ трудовымъ его потомъ. Не прибавляйте къ необходимому гнету труда излишній гнетъ подавляющаго налога. Пусть участки земли, служащіе вамъ для удовольствія, платятъ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и тѣ, на которыхъ произрастаетъ для васъ пища. Тогда человѣчество, жено, принесетъ свои плоды, и оно принесло уже ихъ. Поколѣнія уже умножились. Благодаря густотѣ населенія, земля достигла такого плодородія, о которомъ ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ не осмѣлитсѧ даже мечтать. На одномъ и томъ же полѣ, въ теченіе одного и того же года, урожай слѣдуетъ за урожаемъ, жатва за жатвой! Тамъ, гдѣ назадъ тому тысячу лѣтъ едва могло бы прокормиться нѣсколько человѣкъ, теперь живеть въ изобиліи болѣе 500 душъ. И никто не въ правѣ думать, что достигнуть уже предѣлъ возрастанію численности народа населенія. Человѣчность, единодушіе, справедливость... «Необходимы лишь добрые нравы,—говорилъ Конфуцій,—остальное, сравнительно съ ними, ничто». Дѣйствительно, остальное успѣло въ теченіе многихъ столѣтій внѣдриться въ сердце, голову и во всѣ члены каждого китайца. Не разъ слышишь, что всѣ китайцы рождаются земледѣльцами. Что это у нихъ—атавизмъ? Назовите его такъ, если это вамъ заблагоразсудится. Религія, культура, однимъ словомъ весь жизненный строй находится у китайцевъ тамъ же, гдѣ и жизнь, т. е. въ крови всего

народа. Поэтому то въ Китаѣ не можетъ быть и рѣчи о министерствѣ земледѣлія.

Что касается до министерства народнаго просвѣщенія, то отсутствіе это объясняется иными причинами. Первоначальное образованіе, какъ уже извѣстно, находится совершенно въ частныхъ рукахъ. Дѣти получаютъ это образованіе у себя въ семье, въ школахъ, которыя содержатся при храмахъ предковъ, тамъ где онѣ за-ведены, или же въ многочисленныхъ частныхъ школахъ, открывать которыхъ предоставляетъся всѣмъ и каждому. Семейный культъ поклоненія предкамъ дѣлаетъ первоначальное образованіе положительно необходимымъ для каждого китайца, вслѣдствіе чего тамъ нѣть надобности въ какихъ-бы то ни было особыхъ законахъ и вообще въ правительственномъ вмѣшательствѣ для споспѣществованія первоначальному образованію. Съ другой стороны, въ виду чрезвычайной густоты населенія, правительству нечего заботиться объ учителяхъ, для которыхъ всегда найдется достаточно учениковъ. Богатые родители платить за бѣдныхъ, а потому въ общемъ итогѣ можно сказать, что во всемъ Китаѣ не найдется ребенка, который не ходилъ бы каждый день въ школу аккуратнѣе (къ сожалѣнію), чѣмъ у насъ дѣтямъ удается ходить въ булочную. Я уже указалъ въ нѣсколькихъ слевахъ сущность этого первоначального образованія. Впослѣдствіи я поговорю о немъ подробнѣе въ главѣ, спеціально посвященной первоначальному и высшему образованію въ Китаѣ. Въ ожиданіи, позволю себѣ представить читателю слѣдующее замѣчаніе. Извѣстно, что у китайцевъ письменность идеографическая, т. е. что каждый изъ употребляемыхъ въ ней знаковъ представляетъ не букву, какъ у насъ въ азбукѣ, и даже не слово, а цѣлую

мысль. Обучаясь чтению и письму, ребенокъ наполняетъ свою память не одними словами, но мыслями, которые долженъ объяснять, комментировать и сравнивать другъ съ другомъ, что неминуемо ускоряетъ развитіе его разума.

Сколько разъ былъ я свидѣтелемъ изумленія европейцевъ, когда десяти или двѣнадцати-лѣтніе мальчики подшучивали надъ неуклюжестю ихъ пріемовъ въ работахъ, требовавшихъ силы и ловкости, и когда мальчики эти, показывая, какъ надо взяться за дѣло, давали взрослымъ западнымъ варварамъ настоящіе предметные уроки, причемъ обнаруживали замѣчательную правильность сужденія. Самому мнѣ не разъ случалось, къ величайшему моему удивленію, вести серьезныя бесѣды съ китайскими дѣтьми, приходить въ изумленіе отъ ясности, правильности ихъ отвѣтовъ и разсужденій! Несомнѣнно, что образованіе, которое китайскія дѣти получаютъ въ семье, семейная чтенія и совѣты на двухнедѣльныхъ собраніяхъ, изреченія, написанныя на дощечкахъ, которые вывѣшены всюду на стѣнахъ зданій, вдоль по дорогамъ, на берегахъ каналовъ, у входовъ на мосты, въ пагодахъ, на частныхъ и общественныхъ кладбищахъ, причемъ каждое изреченіе напоминаетъ какую-либо обязанность или мысль, возвышающую умъ и сердце, наконецъ отправленіе обязанностей судебной власти, лежащей на ихъ родителяхъ, все это взятое вмѣстѣ можетъ съ лихвою пояснить такъ поражающее насъ раннее развитіе китайскихъ дѣтей. Однако же письменность, лежащая въ основѣ этой столь цѣлостной системы образованія и воспитанія, не можетъ не быть одной изъ существенныхъ причинъ такого явленія. Этотъ-то именно вопросъ я и хотѣлъ представить на разсмотрѣ-

ніє читателя. Какъ бы то ни было, китайскій народъ обладаетъ замѣчательно большой дозой здраваго смысла и замѣчательно большимъ количествомъ усвоенныхъ отвлеченныхъ идей. Трудно, повидимому, приписать этотъ фактъ чему-либо иному, а не первоначальному образованію въ томъ видѣ, какъ оно понимается въ Китаѣ.

Высшее образованіе въ Срединномъ Царствѣ доступно всѣмъ и каждому, но не всѣ чувствуютъ къ нему одинаковое влечение и не всѣ имѣютъ въ немъ одинаковую надобность. Китайцы считаютъ поэтому несправедливымъ поручить завѣданіе высшимъ образованіемъ правительству, возложивъ на все общество возникающіе отсюда расходы. Правительство въ Китаѣ не завѣдуетъ высшимъ образованіемъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло это настолько важное, что его нельзя было всецѣло предоставить на предусмотрѣніе частныхъ лицъ, полагаясь во всемъ единственно лишь на ихъ инициативу. При такихъ обстоятельствахъ признано было умѣстнымъ возложить заботы объ организаціи высшаго образованія и о преуспѣяніи его въ обществѣ на академію наукъ. Оказывая со своей стороны содѣйствіе академіи, правительство ограничивается лишь уплатой ей сравнительно очень небольшой суммы, необходимой для покрытія административныхъ расходовъ, возникающихъ для академіи изъ возложеній на нее обязанности. Прочіе расходы: на содержаніе университетовъ и т. п. покрываются частью добровольными пожертвованіями, частью же платой, взимаемой съ учащихся, число которыхъ, какъ это и естественно въ столь густомъ населеніи, весьма велико. Инспектора учебныхъ округовъ, директора гимназій и т. п. получаютъ въ сущности жалованье изъ субсидій, уплачиваемыхъ академіи

наукъ центральнымъ правительствомъ. Собственно учебный персоналъ университетовъ и гимназій оплачивается самими учащимися.

При такихъ условіяхъ правительство не особенно расходуется на вѣдомство народного просвѣщенія. За то оно старается поощрять образованіе иными способами, выказывая при этомъ замѣчательную щедрость. Извѣстно уже, что всѣ должностныя лица, не исключая и самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, назначаются изъ ученаго сословія, соотвѣтственно ученымъ степенямъ, пріобрѣтеннымъ ими на экзаменахъ. Ученый, сдавшій лучше всѣхъ экзаменъ на степень доктора наукъ,—имѣеть право жениться на одной изъ дочерей богдыхана. Если у богдыхана нѣть родной дочери въ такомъ возрастѣ, въ которомъ она могла бы выйти замужъ, новопожалованный докторъ женится на дочери одного изъ министровъ, которая предварительно объявляется приемной дочерью богдыхана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тотчась же возводится въ рангъ ministra или вице-короля, посыпается на два или три года въ путешествіе по разнымъ областямъ Китая, а затѣмъ назначается на соотвѣтственную должность. Во время путешествія его всюду встрѣчаютъ съ почестями, приличествующими рангу и достоинству близкаго родственника богдыхана. Онъ можетъ, наравнѣ съ министрами, вице-королями и старшими инспекторами вѣдомства народного просвѣщенія, жить въ роскошныхъ университетскихъ дворцахъ. Прежде всего, однако, возлагается на него обязанность сѣѣздить на поклонъ къ родителямъ, которымъ онъ вручаетъ отъ имени богдыхана почетные знаки отличія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благодарить своихъ родителей за почести, пріобрѣтенные имъ самимъ, bla-

годаря уходу, который они имѣли за нимъ въ дѣтствѣ. Къ счастью или къ несчастью, далеко не всѣ учащіеся могутъ достичнуть степени доктора или даже кандидата, такъ какъ для этого необходимо выдержать очень трудные и строгія испытанія. Точно также далеко не всѣ кандидаты получаютъ казенное мѣсто. Чиновниковъ въ Китаѣ, сравнительно, очень немного, а потому и число свободныхъ вакансій очень ограничено. Ученые, которымъ не удалось пристроиться на государственную службу, возвращаются въ народную массу и содѣйствуютъ поднятію общаго уровня умственнаго развитія въ избираемыхъ ими профессіяхъ.

Не трудно представить себѣ теперь причину, вслѣдствіе которой въ Китаѣ нѣть особаго министерства для изящныхъ искусствъ. Правительство не считаетъ себя въ правѣ даже оказывать имъ официальную поддержку. Несмотря науваженія, которымъ пользуются въ Китаѣ изящныя искусства, и на увлеченіе, съ которымъ относится къ нимъ (особѣнно же къ музыкѣ) ученое сословіе, забота о преуспѣяніи ихъ не входитъ въ число обязанностей правительственной власти. Правда, одинъ изъ первыхъ богдыхановъ нынѣ царствующей династіи пригласилъ французскихъ живописцовъ и устроилъ для нихъ мастерскія въ собственномъ своемъ дворцѣ; но расходы на это покрывались не изъ суммъ государственного казначейства, а изъ собственныхъ доходовъ богдыхана. Въ Срединномъ Царствѣ нѣть никакихъ официальныхъ школъ для обученія изящнымъ искусствамъ, а существующія частныя школы не получаютъ отъ казны никакихъ субсидій. Поддержаніе изящныхъ искусствъ возлагается на тѣхъ, кто чувствуетъ къ этому склонность; признается несправедливымъ требовать, чтобы всѣ осталь-

ные жертвовали на этот предметъ частью своего до-хода. Однако же здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ слу-чаяхъ, выступаетъ на арену многочисленность китай-скаго народа, поставляющая для всѣхъ отраслей искус-ства такое громадное множество любителей, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Китаѣ найдется соотвѣтствѣнно не менѣе музыкантовъ, чѣмъ въ Германіи, не менѣе живописцевъ и рисовальщиковъ, чѣмъ во Франціи или въ Италіи. Каждый китайскій слуга непремѣнно умѣеть играть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ. Почти всѣ рабочіе знакомы съ декоративной живописью, рѣзьбой на деревѣ и скульптурой. Многіе изъ китай-скихъ мостовъ не уступаютъ въ изяществѣ постройки наилучшимъ европейскимъ мостамъ. Китайская система водныхъ путей и оросительныхъ каналовъ можетъ указать на многія замѣчательныя инженерныя сооруженія, превзойти которыя намъ удалось лишь въ самое послѣд-нее время прорыть монсениссаго и другихъ громад-ныхъ туннелей. Я уже говорилъ, что даже въ самыя отдаленные деревушки заходятъ по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ труппы актеровъ, находящія тамъ достаточное число зрителей для театральныхъ своихъ представлений.

Еслибъ мнѣ пришлось говорить о значеніи китай-скаго искусства и вообще о развитіи эстетического чув-ства у китайцевъ, я безъ сомнѣнія не рѣшился бы без-условно выступить защитникомъ китайскихъ порядковъ. Еще менѣе счелъ бы я возможнымъ сравнивать состоя-ніе искусства въ Китаѣ съ тѣмъ уровнемъ, котораго оно достигло въ Европѣ. Замѣчу, впрочемъ, что въ де-коративныхъ искусствахъ Европа за послѣднее время много заимствовала у Китая, и во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью утверждать, что сумма искусства, раз-

литая въ народныхъ массахъ Срединного Царства, окажется несравненно большей, чѣмъ въ Европѣ. Къ такому заключенію можно было прійти уже *à priori*. Дѣйствительно, искусство, по самому своему существу, является чѣмъ-то условнымъ, символическимъ. Возможно-ли послѣ этого, чтобы народъ, который весь сплошь усвоилъ себѣ такую символическую письменность, какъ китайская, могъ не сдѣлаться артистомъ въ душѣ?

Хотите-ли знать, какимъ образомъ китайцы охотнѣе всего проводятъ время, когда желаютъ повеселиться? Нанимаютъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, на берегу рѣки, озера или большого канала хорошенкій павильонъ и ёдутъ туда съ утра съ хорошими пріятелями, захвативъ съ собой кисточки, бумагу и палочку туши. Собравшееся общество завтракаетъ, обѣдаетъ, а въ промежутки забавляется сочиненiemъ стиховъ на заданныя или же избираемыя по произволу темы. Тѣ, кто предпочитаетъ поэзіи музыку, записываются въ члены одного изъ весьма многочисленныхъ въ Китаѣ лирическихъ обществъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, искусство въ Китаѣ стоить не въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и сравненіе китайца съ существомъ низшаго порядка, согбеннымъ надъ землей и не отрывающимся отъ нея своими помыслами, въ высшей степени невѣрно. Кромѣ поэзіи и музыки у китайцевъ есть также и другія развлечения. Самъ вашъ покорнѣйший слуга состоитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, до сихъ поръ еще членомъ одного изъ китайскихъ яхтъ-клубовъ, благодаря одному или двумъ призамъ (въ 8 франковъ стоимостью каждый), пожертвованнымъ мною однажды, когда я прибылъ во время праздника въ самый разгаръ гонки, устроенной на Янъ-це-Кіангъ яхтъ-клубомъ маленькаго прибрежнаго города Ху-Пе.

Пересылка частной корреспонденції предоставляется въ Китаѣ частной же предпріимчивости. Благодаря конкуренціи, всегда существующей или готовой возникнуть среди дѣятельного и многочисленного населенія, тамъ никогда не случается слышать серьезныхъ жалобъ на медленность и неаккуратность доставки писемъ или же на пропажу цѣнныхъ пакетовъ.

Казенные бумаги посылаются съ особыми курьерами, проѣзжающими на перемѣнныхъ верховыхъ лошадяхъ въ невѣроятно короткое время громадная разстоянія. Такъ, мнѣ разсказывали, что въ особенно спѣшныхъ случаяхъ казенные бумаги доходятъ изъ Пекина въ Хань-Кеу или въ Ченъ-ту-Сень, столицу Се-чуенской области менѣе чѣмъ въ пять дней, хотя города эти находятся отъ Пекина въ 400 или 500 миляхъ. Европейцы, живущіе въ Шанхаѣ, не разъ узнавали отъ китайцевъ о событияхъ, совершившихся въ Пекинѣ или Кантонѣ, и только спустя нѣсколько дней извѣстія эти подтверждалась депешами, отправленными нарочно въ Шанхай на пароходѣ. Каждое изъ китайскихъ министерствъ само и разсылаетъ свои бумаги.

«Лучшій изъ министровъ—это весь народъ», говорять китайцы. Изреченіе это кажется особенно важнымъ по отношенію къ министерству торговли. Многочисленность народа свидѣтельствуетъ, что онъ благороденствуетъ. Если народъ благороденствуетъ, то разумѣется, что торговля и промышленность идутъ хорошо, а если они идутъ хорошо, то къ чему же заводить особое министерство торговли? Устройтесь такъ, чтобы населеніе стало у васъ многочисленнымъ. Введите справедливые законы, справедливые легкіе налоги, а затѣмъ, чѣмъ меньше вы станете вмѣшиваться въ дѣла, тѣмъ лучше будетъ и для

васъ, и для народа. Въ виду этихъ соображеній китайцы сочли возможнымъ обойтись безъ министерства торговли. Завѣдываніе таможнями и собираніе статистическихъ данныхъ о ходѣ промышленности и торговли предоставлено министерству финансовъ. Можно было бы возразить на это: «что-жъ, такая система могла быть пригодна до тѣхъ поръ, пока Китай не вступалъ въ торговыя сношения съ иностранными державами. Теперь же, когда правительство боярхана заключило съ этими державами торговые трактаты, оно, пожалуй, не замедлитъ и ощутить потребность въ особомъ министерствѣ торговли». На возраженіе это мнай уже въ сущности отвѣчено. Вспомните только, что каждому китайцу приходится среднимъ числомъ платить въ казну всего лишь около трехъ франковъ налога. При такомъ сравнительно ничтожномъ податномъ обложеніи какой интересъ для страны могутъ представлять торговые договоры? Чьей конкуренціи можетъ она опасаться? Ввозъ какого заграничнаго товара (за исключеніемъ развѣ опу́ма) можетъ оказаться для нея опаснымъ? Какой смыслъ имѣли бы для нея запретительные тарифы? Воззрѣнія китайского правительства разумѣется не всегда согласуются совглядами, принятymi въ Европѣ; но даже и здѣсь въ Европѣ найдется не мало людей, не вполнѣ убѣжденныхъ въ превосходствѣ нашихъ общепринятыхъ взглядовъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ китайское правительство воспрещаетъ вывозъ тѣхъ или другихъ предметовъ первоначальной необходимости. Это можетъ, правда, оказаться стѣснительнымъ для нѣсколькихъ крупныхъ нѣгоціантовъ и спекуляторовъ. Но во всякомъ случаѣ такія мѣры принимаются сравнительно рѣдко, на очень короткое время, и не имѣютъ ничего общаго съ принятою въ Китаѣ

теоріей торговыхъ сдѣлокъ. Европа признала умѣстнымъ навязать Китаю торговые договоры. Признавая, что такие договоры или стѣсняютъ свободу торговли, или же въ противномъ случаѣ совершенно излишни, китайское правительство сперва уклонялось отъ ихъ заключенія; потомъ же, когда его къ этому вынудили, оно воспользовалось договорами какъ средствомъ для увеличенья доходовъ казны. Теперь его упрекаютъ между прочимъ также и въ злоупотреблениіи этимъ средствомъ. Дѣйствительно, до открытія торговыхъ сношеній съ западно-европейскими державами и до заключенія съ ними торговыхъ оборотовъ, пошлины на заграничные товары, получавшіеся изъ Аннама, Сіамского царства и т. п. были вообще ниже тѣхъ, которые взимаются въ настоящее время; однакоже и теперь въ китайскихъ таможняхъ берется съ европейскихъ товаровъ весьма умѣренная пошлина, составляющая для большинства изъ нихъ 5 или 6%, съ объявленной цѣнности. Сравнительно весьма немногіе товары обложены 8—12%, и съ одного лишь опіума взимается 33% стоимости. Несмотря на такія благопріятныя условія, всей Европѣ сообща съ большимъ трудомъ лишь удается продать каждому китайцу на 50 или 55 сантимовъ въ годъ разныхъ бумажныхъ тканей и бездѣлушекъ, тогда какъ самъ Китай продаєтъ каждому французу своихъ произведеній на 3 франка въ годъ. Таковы оказываются на повѣрку барыши отъ пресловутыхъ нашихъ торговыхъ трактатовъ съ Китаемъ. Всѣ усилия нашей дипломаціи, промышленности и торговли разбились о такую бездѣлицу, какой представляется на первый взглядъ цифра въ 3 франка средняго налога, уплачиваемаго въ общей сложности въ годъ каждымъ китайцемъ. Очевидно, что китайцамъ не къ чemu хлопотать о заключеніи выгод-

ныхъ торговыхъ договоровъ съ иностранными державами и обзаводиться для этого особымъ министерствомъ. Они совершенно правильно считаютъ трехфранковый налогъ и многочисленное населеніе наилучшимъ министромъ народнаго благоденствія. Непосредственными результатами дѣятельности этого, ничѣмъ неоплачиваемаго министра является изумительное развитіе внутренней торговли, мѣстнаго производства и мѣстнаго же потребленія, необремененныхъ никакими налогами и не подвергающихся никакимъ случайностямъ, которая зависѣли бы отъ событій, совершающихся въ предѣловъ Китая.

Назадъ тому тридцать лѣть у китайцевъ, такъ сказать, не было вовсе военного флота. Правда, у нихъ имѣлось нѣсколько военныхъ джонокъ различной величины, на обязанности которыхъ лежала охрана китайскаго прибрежья и перевозка войскъ изъ одной области въ другую по рѣкамъ и большимъ каналамъ. Во всякомъ случаѣ, это была только береговая оборонительная флотилія, которая почти даже и не могла выходить въ открытое море. Послѣ неудачныхъ своихъ войнъ съ европейскими державами, китайское правительство поняло недостаточность этой флотиліи; ему стало яснымъ, что, даже въ интересахъ обороны необходимо обзавестись военными судами, которые могли бы поспорить въ скости хода съ современными европейскими крейсерами. Пригласивъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ инженеровъ, китайцы приступили сперва къ сооруженію доковъ и морскихъ арсеналовъ, въ которыхъ дѣйствительно и было построено нѣсколько военныхъ судовъ. Кажется, однако, въ настоящее время китайское правительство пришло къ тому заключенію, что для него выгоднѣе покупать у европейцевъ, въ случаѣ надобности,

готовыя суда, чѣмъ нести постоянные расходы на содержаніе арсеналовъ, въ которыхъ будутъ строиться ежегодно какихъ-нибудь два или три судна. Теперь въ китайскихъ арсеналахъ производятся лишь работы по исправленію судовъ, новыхъ же судовъ тамъ, сколько известно, не строится. Во всякомъ случаѣ, броненосные фрегаты самой усовершенствованной конструкціи, какъ и прежнія джонки, остаются попрежнему въ завѣдываніи военнаго министерства.

Отсутствіе военнаго флота, приспособленнаго къ наступательнымъ дѣйствіямъ, объясняется въ Китаѣ отсутствіемъ заморскихъ колоній. Китай никогда не хотѣлъ обзаводиться такими колоніями. Это было у него систематическое нежеланіе. Всего лишь какихъ-нибудь 200 лѣтъ тому назадъ китайцамъ запрещено было селиться даже на такихъ сосѣднихъ съ прибрежьемъ Срединнаго Царства островахъ, какъ Гайнанъ и острова Чусанскаго архипелага. У китайцевъ были тамъ рыбныя ловли, на время которыхъ они туда прїѣзжали, но постоянныя жилища строить тамъ было воспрещено. Семья и домъ должны были оставаться на материкѣ. Китайское правительство рассматривало эти острова, какъ стратегическіе пункты, гдѣ оно содержало наблюдательныя эскадры. Я долго не могъ узнать истинной причины запрета китайцамъ селиться на этихъ островахъ; мнѣ говорили сперва, будто это дѣжалось во избѣженіе излишнихъ административныхъ расходовъ, но китайцы такъ хорошо умѣютъ обходиться безъ администраторовъ, что подобный отвѣтъ можно было лишь объяснить желаніемъ какихъ-нибудь отвязаться отъ докучливаго любопытства. Впослѣдствіи мнѣ объяснили, будто въ народѣ существуетъ вѣрованіе, что душа послѣ смерти остается тамъ же, гдѣ она жила, поэтому, умирая

не на родинѣ, человѣкъ рискуетъ утратить навѣки связь со своей семьей. Объясненіѳ это казалось мнѣ вѣрнѣе предыдущаго, но все-таки не удовлетворяло меня вполнѣ. Тѣла умершихъ въ Чусанѣ могли бы точно такъ же перевозиться въ Китай, какъ доставляются теперь туда изъ Санть-Франциско китайскіе покойники. Этимъ способомъ китайцы думаютъ заставить душу умершаго послѣдовать за бренной ея оболочкой и вернуться снова въ жилище предковъ. Во всякомъ случаѣ, забота о возвращеніи души на родину является дѣломъ личнаго вкуса и не лежитъ на обязанности правительства. Истинную-же причину интересовавшаго меня факта я узналъ лишь случайно, бесѣдую съ нѣсколькими пріятелями о человѣчествѣ—жизнѣ. «Да,—говорили они,—уѣзжая въ даль отъ родной земли, разрываешь тѣмъ самымъ связь съ человѣчествомъ. Разрывъ этотъ можетъ быть и невѣчнымъ, но, во всякомъ случаѣ, оказывается непосредственнымъ. Очутившись одинъ среди чуждой, невоздѣланной земли, переселенецъ неминуемо скажетъ: «это мое» и такимъ образомъ отлучить себя отъ общенія съ человѣчествомъ. Онъ станетъ отгораживаться отъ туземцевъ, выстроить себѣ крѣпость и сдѣлается изъ чужеземца врагомъ. Онъ забудетъ, что земля не составляетъ ничьей собственности, и что человѣкъ тогда лишь имѣеть право пользоваться ею, когда обрабатываетъ ее самъ».

Большія помѣстья, воздѣльваніе которыхъ возможно лишь въ помощь соотвѣтственныхъ пріемовъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства, пораждаютъ рабство, останавливаютъ приростъ населенія или даже дѣлаютъ страну безлюдной *). Когда установилось такимъ образомъ раз-

*) Замѣчу кстати, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа, по дорогѣ изъ Сены въ Мортфонтенъ, можно встрѣтить совершенно

ногласіе въ основныхъ принципахъ, и когда сердца перестали понимать другъ друга, уста перестаютъ говорить однимъ языкомъ. Скажите, сударь, отчего народы, родственные по происхожденію, стали враждовать другъ съ другомъ? Такъ говорили китайскіе мои пріятели, а тѣмъ временемъ воскресала предо мною история нашихъ европейскихъ колоній: я невольно припоминаль себѣ, какимъ неправымъ путемъ были онѣ пріобрѣтены, сколькихъ жертвъ онѣ стоили, сколько крови было изъ-за нихъ пролито. Когда наконецъ колонистамъ удавалось вытѣснить туземное населеніе и присвоить себѣ его достояніе, сохраняли ли эти колоніи по крайней мѣрѣ единеніе съ родною страной? Нѣть! Однѣ изъ нихъ, тяготясь игомъ метрополії, насильственно свергаютъ его съ себя, защищаются отъ своихъ соотечественниковъ таможенными тарифами и штыками, вслѣдствіе чего дорого стоящіе флоты, оборонявши передъ тѣмъ эти колоніи, могутъ съ минуты на минуту получить предписаніе къ открытію противъ нихъ враждебныхъ дѣйствій. Другія колоніи, выброшенныя словно обломки отъ кораблекрушенія на берегъ едва извѣстнаго материка, съ завистью поглядываютъ другъ на друга. Каждая изъ нихъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы поглотить свою сосѣдку.

Одинъ изъ присутствовавшихъ китайскихъ ученыхъ продолжалъ: «у насъ, сударь, совсѣмъ иная система колонизаций. Мы только размыкаемъ ряды, а не разсыпаемся во все стороны. Мы постепенно расширяемъ свои предѣлы, не утрачивая взаимной связи другъ съ другомъ. Мы не предъявляемъ притязаній на обладаніе

покинутую жителями деревушку изъ 34 домовъ. Земли, принадлежавшія прежде этой деревушкѣ (Neuf Moulin), отошли большою частію къ старинному господскому помѣщью и запущены теперь подъ луга.

землями, которыя нами не заняты, принадлежащая же намъ земля дѣйствительно наша, такъ какъ облита трудовымъ нашимъ потомъ. Мы составляемъ съ ней одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ отечество наше возрастило путемъ увеличенія численности населенія. Сто первоначальныхъ семействъ раздвинули мало-по-малу его предѣлы до горъ Тибета, песковъ пустыни и до морскаго прибрежія. Мы завоевали свою землю и удерживаемъ ее за собою не мечемъ и копьемъ, а плугомъ. Наконецъ, сударь, представлю вамъ еще доводъ, съ котораго, быть можетъ, слѣдовало бы начать: намъ хорошо живется и дома. Поля наши возвращаются съ лихвою дѣламыя на нихъ затраты, и ни одному разсудительному китайцу не придется въ голову, чтобы для Срединнаго Царства было выгодно пожертвовать хотя бы однимъ человѣкомъ или единой сапекой для пріобрѣтенія заморскихъ колоній. Тотъ, кому угодно гоняться за счастьемъ въ чужеземныхъ краяхъ, можетъ дѣлать это за собственный страхъ. Подобная предріятія кажутся намъ совершенно излишними, и мы не ждемъ отъ нихъ ничего путнаго». Такимъ образомъ объяснено было мнѣ систематическое нежеланіе китайского правительства обзаводиться заморскими колоніями. Тѣмъ не менѣе за послѣднія сто или двѣсти лѣтъ общественное мнѣніе въ Китаѣ не держится уже съ прежнею строгостью такого противъ нихъ предубѣжденія.

На всемъ Чусанскомъ архипелагѣ насчитывается теперь болѣе 300 тысячъ жителей. Впрочемъ и этотъ архипелагъ и островъ Гайнань не могутъ рассматриваться въ качествѣ заморскихъ колоній, точно такъ же какъ нельзя, напримѣръ, считать таковыми Гіерскіе острова, островъ Святого Михаила или же Корсику. Формоза лежитъ нѣ-

сколько далъе оть материка; но, если китайское правительство, овладѣвъ ею съ единственной цѣлью разрушить одно изъ самыхъ главныхъ гнѣздъ морского разбоя, удержало за собой означенный островъ—причиной этому была дикость туземнаго населенія, которое высказывало до сихъ поръ полнѣшую неспособность усвоить себѣ какую-либо цивилизацио. Вслѣдствіе этого китайцы не могли передать туземцамъ управление островомъ. Впрочемъ и на азиатскомъ материкѣ Китаю приходилось прибѣгать, ради собственной своей безопасности, къ завоеваніямъ. Безпрерывные набѣги тонкинцевъ, аннамцевъ, корейцевъ и др. пограничныхъ народовъ на китайскую территорію побудили китайское правительство послать къ нимъ военно-земледѣльческія колоніи, пріучившія, съ течениемъ времени, туземцовъ къ осѣдлой жизни и посвятившія ихъ въ основные принципы китайской цивилизациі. Достигнувъ этой цѣли, китайские колонисты вернулись на родину, послѣ чего правительство богдыхана сохранило надъ цивилизованными имъ странами лишь право протектората, оплачиваемое самой ничтожной данью. Подобную же задачу предстоитъ ему разрѣшить въ китайскомъ Туркестанѣ и въ странахъ на сѣверной границѣ Срединнаго Царства. Быть можетъ, дѣло окончится совершеннымъ присоединеніемъ этихъ территорій къ Китаю, если только того пожелаетъ само туземное населеніе *), или же правительство богдыхана предоставить себѣ надъ ними лишь право протектората. Мѣра эта будетъ безъ сомнѣнія принята только въ томъ случаѣ, когда туземные народы въ достаточной степени проявятъ свою спо-

*) Такъ, въ XVII вѣкѣ тугурты, въ числѣ 1.200.000 душъ, переселились на подвластную Китаю пограничную территорію, пройдя для этого разстояніе въ нѣсколько сотъ миль.

собность къ самоуправлению. Какъ бы ни было, Китай содергить тамъ единственно лишь военные колоніи, имѣющія для государственного китайского строя такое же сравнительно ничтожное значеніе, какъ и прежнія военные колоніи въ Тонкинѣ. Изъ всего этого видно, что, даже вникая въ самые отдаленные виды китайской политики, нельзя ожидать, чтобы Срединное Царство измѣнило когда-либо въ вопросѣ о внѣшнихъ колоніяхъ обычный свой образъ дѣйствій и вздумало когда-либо учредить у себя особое министерство колоній *).

Закончивъ обзоръ министерствъ, отсутствующихъ въ Китаѣ, хотя и составляющихъ въ то-же время обычную принадлежность европейскаго правительства, перейду къ разсмотрѣнію имѣющихся тамъ министерствъ и отношенія ихъ къ народу.

III.

Первое мѣсто въ ряду китайскихъ министерствъ занимаетъ министерство личного состава администраціи. Въ глубой древности, когда министерство это было первоначально учреждено, оно называлось гораздо болѣе много-

*) Быть можетъ, не мѣшаетъ при этомъ обратить вниманіе на то, что въ Европѣ иногда отчаяваются въ возможности для Франціи привить нашу цивилизацию африканскимъ арабамъ, а между тѣмъ китайцы успѣли распространить свою цивилизацию не только въ Тонкинѣ, Аннамѣ и Корсѣ, но также и среди многихъ манджурскихъ и татарскихъ племенъ, бывшихъ такими же завзятыми кочевниками и столь же презиравшихъ земледѣліе какъ бедуины, съ которыми они имѣютъ вообще большое сходство во многихъ отношеніяхъ. Болѣе близкое знакомство съ процессомъ усвоенія китайской цивилизациіи кочевниками могло бы оказаться, вѣроятно, для французовъ весьма поучительнымъ.

значительнымъ именемъ министерства народонаселенія. На его обязанности специально лежала забота о томъ, чтобы народонаселеніе возрастало въ численности. Когда, при династії Чеу, правительство состояло почти исключительно изъ министерства земледѣлія, оно сливалось съ этимъ министерствомъ. Въ то время за частными лицами не признавалось еще наследственного права пользованія обрабатываемыми ими земельными участками. Министерство народонаселенія, завѣдывавшее вмѣстѣ съ тѣмъ и сельскимъ хозяйствомъ во всемъ государствѣ, раздвигало границы государства, переселяя народъ на новые мѣста по мѣрѣ того, какъ прежнія земли достигали желаемой степени плодородія. Такая система развитія государственного богатства практикуется еще и до сихъ поръ въ Японіи. Правительственные чиновники-специалисты агрономы практически обучали китайскій народъ земледѣлію. Такимъ образомъ главнѣйшей обязанностью министерства народонаселенія было содѣйствовать возможно большему развитію человѣчества—женѣ—путемъ ознакомленія людей съ надлежащими приемами воздѣльванья земли. Теперь министерство это утратило прежнее значение. Оно стало приходить въ упадокъ съ того самаго времени, когда китайскій народъ равномѣрно разселился на всемъ протяженіи собственного Китая, послѣ чего дальнѣйшее увеличеніе численности народонаселенія могло происходить только путемъ интенсивнаго, а не экстенсивнаго прироста. Тогда самъ китайскій народъ постепенно принялъ на себя обязанности министерства народонаселенія, за которымъ осталось лишь завѣдыванье личнымъ составомъ администраціи. Съ течениемъ времени измѣнились не только обязанности, но даже и наименованія должностныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ оть министерства народонаселенія, обратившагося въ министерство личнаго состава администраціи, отошло также и собираніе статистическихъ свѣдѣній, которое признано было умѣстнымъ поручить министерству финансовъ. Несмотря на все это, министерство личнаго состава администраціи считается до сихъ поръ, въ силу прежнихъ традицій, важнѣйшимъ и самыемъ почетнымъ изъ всѣхъ. Существуютъ впрочемъ два обстоятельства, содѣйствующія сохраненію за нимъ такого почета. Во-первыхъ, министерство это завѣдуетъ замѣщеніемъ государственныхъ должностей, являющихся для большинства ученаго сословія какъ бы официальнымъ признаніемъ научныхъ заслугъ и желанною цѣлью стремленій. Во-вторыхъ, народъ разсматриваетъ министерство личнаго состава администраціи какъ весьма вліятельную судебную инстанцію, черезъ которую проходятъ всѣ жалобы на должностныхъ лицъ.

Говоря о министерствѣ торговли, я упоминалъ уже, что, по мнѣнію китайцевъ, лучшее правительство для народа — это самъ народъ. Переходя теперь къ министерству финансовъ, приходится поневолѣ вспомнить это изреченіе. Богатѣйшее въ мірѣ государство, въ которомъ однѣ воздѣлываемыя земли представляютъ собой цѣнность приблизительно въ двѣ тысячи миллиардовъ франковъ (не принимая въ расчетъ богатствъ, заключающихся въ недрахъ земли или находящихся на ея поверхности), а между тѣмъ у него нѣть никакихъ государственныхъ финансовыхъ! Слыханное ли это дѣло? Безъ сомнѣнія тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ китайское правительство располагаетъ известными финансовыми средствами, но за исключеніемъ поземельного налога, таможенныхъ, соляныхъ и горныхъ пош-

линъ, которые ему приходится раздать тотчасъ же по полученіи, чѣмъ въ сущности остается ему завѣдывать? У китайцевъ нѣтъ государственного долга, государственныхъ заемовъ, государственной ренты, казенныхъ сберегательныхъ кассъ, казенныхъ монополій, нѣтъ государственного банка съ его отдѣленіями и т. п. Поэтому китайское министерство финансовъ состоять всего лишь изъ нѣсколькихъ главныхъ казначеевъ-кассировъ; его умѣстнѣе было бы назвать министерствомъ финансового контроля. Настоящее же завѣданіе финансами страны перешло къ самому народу. Сберегательной кассой и государственнымъ банкомъ Китая сдѣлалась его земля. Каждое поле является какъ бы облигацией государственного казначейства. Это, по моему мнѣнію, наиболѣшее доказательство истиннаго народнаго благосостоянія. Кажется нельзя обвинять въ апатіи или застой народъ, умѣющій такъ хорошо управляться со своимъ кошелькомъ. Не таково было, впрочемъ, мнѣніе юнаго атташе при одномъ изъ европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ. Тотчасъ же по прїездѣ своемъ туда, онъ окинулъ орлинымъ взоромъ положеніе края и разомъ сообразилъ, какъ помочь горю. Онъ видѣлъ передъ собою правительство, безпомощное за отсутствіемъ финансовъ, и народъ, не двигающійся съ мѣста за отсутствіемъ правительства, которое заставило бы его итти. Положеніе это казалось ему изъ рукъ вонъ плохо. Движимый чувствомъ великодушія и состраданія, онъ принялъся за работу и нѣсколько дней спустя представилъ китайскому министерству длинную и весьма доказательную докладную записку, въ которой обстоятельно изложилъ теорію государственныхъ заемовъ и выгоды, которыя могъ бы извлечь изъ нихъ Китай. Его поблагодарили за трудъ, и

дѣло на томъ покончилось. Одинъ изъ китайскихъ ученыхъ, съ которымъ я имѣлъ случай говорить объ этой запискѣ, признался мнѣ однако, что она очень его удивила. «Я не знакомъ съ европейской общественной организацией,—сказалъ онъ, — но у насъ по крайней мѣрѣ заключеніе государственного займа было бы положительно невозможно. У насъ вовсе не въ ходу бессрочные ссуды съ цѣлью постояннаго пользованія процентами. Пріятели даютъ другъ другу взаймы безъ процентовъ, а съ незнакомаго человѣка берутъ иногда и по 30% въ годъ, но займы заключаются всегда лишь на трехлѣтній срокъ. По истеченіи этого срока должникъ возвращаетъ полученную имъ ссуду, если можетъ, когда можетъ и, пожалуй даже, можно сказать, если хочетъ. Тотъ, кто по скучности или недобросовѣстности не платить долговъ, утрачиваетъ на будущее время возможность пользованія кредитомъ. Другой отвѣтственности онъ собственно и не несетъ. Законы у насъ очень строги къ ростовщикамъ и напротивъ того очень снисходительны къ должникамъ. Развѣ могло бы правительство занимать деньги на такихъ условіяхъ и съ уплатой такихъ крупныхъ процентовъ? Откуда взяло бы оно средства къ уплатѣ процентовъ по государственнымъ займамъ, когда оно располагаетъ лишь опредѣленной суммой государственного дохода. Наконецъ, кто бы у насъ далъ ему взаймы денегъ? У насъ нѣть тунеядцевъ. Каждый, у кого есть капиталъ, примѣняетъ его самъ къ дѣлу и получаетъ барышъ, гораздо большій того процента, который могло бы уплатить государственное казначейство. Если у васъ на Западѣ возможны крупные государственные займы,—прибавилъ китаецъ,—то изъ этого надо заключить, что земля и капиталъ сосредоточены у васъ

въ рукахъ небольшого числа людей, которые не могутъ сами пользоваться ими надлежащимъ образомъ. Мысль эта меня, однако, обезпокоиваетъ, возбуждая толпу дальнѣйшихъ соображеній, которыя, признаться сказать, заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобы справедливость дѣйствительно признавалась у васъ на Западѣ закономъ. Быть можетъ, впрочемъ, что я и ошибаюсь, не понимая хорошенько вашихъ порядковъ. Во всякомъ случаѣ я отвѣтилъ вамъ какъ умѣлъ на заданный вами вопросъ. Позвольте мнѣ этимъ и ограничиться».

Такимъ образомъ и здѣсь въ отношеніяхъ между численностью населенія и государственныхъ финансъ китайцы видятъ подтвержденіе могущественного вліянія *жэнъ*, т. е. умноженія и развитія человѣчества. Богатое правительство, по ихъ мнѣнію, служить признакомъ крупнаго землевладѣнія и сравнительно малочисленнаго народонаселенія. Напротивъ того, въ очень богатой странѣ съ чрезвычайно раздробленной собственностью и весьма густымъ населеніемъ, государственные финансы непремѣнно должны быть сравнительно ничтожными. Справедливость этихъ соображеній выясняется между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство богдыхана, находясь, вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ условій, въ затруднительномъ положеніи и ознакомившись уже при помощи европейцевъ съ государственными займами, не могло заключать ихъ внутри страны и вынуждено было прибегать попрежнему къ помощи европейцевъ. Такъ, въ 1868 году, оно, если не ошибаюсь, заключило два государственныхъ займа общей сложностью въ 70—80 миллионовъ франковъ.

Министерство обычаевъ и обрядовъ исполняетъ весьма разнообразныя функции. Прежде всего оно является

можно сказать представителемъ духовной власти китайской цивилизациі. Было время, когда министерство это, дѣйствительно, обладало означенной властью, которая парализована теперь прогрессомъ самой цивилизациі. Министерство обрядовъ завѣдуетъ храмами: Неба, Земли, Грома (электричества) и Свѣта, а также и храмами, посвященными памяти Конфуція. Оно завѣдуетъ торжественными праздниками и распоряжается на нихъ, но не вмѣшиваются въ церемоніи поклоненія предкамъ, хотя эти церемоніи являются, собственно говоря, дальнѣйшимъ развитіемъ и детальнымъ примѣненіемъ основныхъ принциповъ, которые чествуются на означенныхъ праздникахъ. Въ Китаѣ поклоненіе предкамъ имѣеть въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ характеръ народнаго религіознаго культа, который прочно укоренился въ умахъ и держится въ нихъ уже вслѣдствіе того, что согласуется съ общимъ характеромъ китайской цивилизациі и оправдываетъ возлагаемая на него въ этомъ отношеніи надежды. Умноженіе численности населенія, являющееся главнымъ догматомъ этого культа, и послѣдствія, къ которымъ оно привело, настолько упрочили самый культъ, что онъ не нуждается ни въ какой посторонней поддержкѣ. При такихъ обстоятельствахъ министерство обычаевъ и обрядовъ не оказываетъ прямого воздействиія на религіозныя вѣрованія и суевѣрія китайского народа, а потому не имѣеть ничего общаго съ европейскими министерствами вѣроисповѣданій. Оно считаетъ, однако, долгомъ отъ времени до времени напоминать народу философскіе принципы, полезность которыхъ подтверждена сороковѣковымъ опытомъ. Съ этой цѣлью министерство обычаевъ и обрядовъ установило еще въ глубокой древности обязательные манифесты или поуче-

нія, съ которыми должны обращаться къ народу два раза въ мѣсяцъ мандарины или же особо командинуемые для того ученые. Почти всѣ эти манифесты заключаютъ въ себѣ между прочимъ совѣтъ: «остерегайтесь религіозныхъ вѣрованій».

Уваженіе къ старости является въ Китаѣ чѣмъ то въ родѣ религіознаго культа, находящагося въ вѣдѣніи министерства обрядовъ. Старцамъ, начиная съ семидесятилѣтняго возраста, оказываются публичныя официальныя почести. Правительственные чиновники приглашаютъ всѣхъ проживающихъ въ ихъ округѣ старцевъ, какъ богачей такъ и бѣдняковъ, на официальныя пиршества, на которыхъ прислуживаютъ имъ сами. Восьми-десятилѣтнимъ старцамъ оказываются такія же почести сановниками самаго высшаго ранга. Въ этомъ возрастѣ вознаграждаются также особыми знаками отличія услуги, оказанныя обществу людьми, подвизавшимися въ самыхъ скромныхъ сферахъ дѣятельности. Лѣть двадцать тому назадъ жилъ въ одномъ изъ городовъ куи-чонской области христіанинъ, занимавшійся медициной и фармаціей. Онъ пользовался во всемъ околотѣ репутацией прекраснаго дѣтскаго врача, спасъ отъ смерти многихъ дѣтей и между прочимъ ребенка въ семьѣ самого градоначальника. Этотъ врачъ лѣчилъ всегда дѣтей даромъ, а потому отказался также и отъ вознагражденія, которое предлагалъ ему градоначальникъ. Когда врачу исполнилось семьдесятъ лѣть и подошелъ праздникъ старцевъ, градоначальникъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, явился въ лавку того, кому былъ обязанъ исцѣленіемъ своего ребенка. Преклонившись вмѣстѣ со всей своей свитой передъ врачомъ, градоначальникъ передалъ ему почетное свидѣтельство, въ которомъ изъ-

являть свою благодарность и благодарность всего околотка за его деятельность и пригласилъ на торжество въ честь старцевъ, которое должно было состояться двумя недѣлями позже.

Министерство обрядовъ завѣдуетъ также и общественной благотворительностью. Въ случаѣ какихъ-либо народныхъ бѣдствій оно опредѣляетъ, какого рода вспомоществованіе должно быть оказано пострадавшимъ отъ этого бѣдствія округамъ, освобождаетъ ихъ отъ уплаты налоговъ, выдаетъ ссуды деньгами или зерномъ. Въ вѣдѣніи его состоять также запасные хлѣбные магазины и казенные благотворительныя заведенія.

На обязанности этого же министерства лежитъ провозглашеніе и выполненіе законовъ, предписаній и постановленій, которые, вслѣдствіи своего слишкомъ специального или же слишкомъ общаго характера, могли бы быть не поняты народомъ и не приведены въ исполненіе. Наконецъ, какъ уже было сказано, министерство это завѣдуетъ и сношенніями Китая съ иностранными державами.

Что касается до военного министерства, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, я не въ состояніи буду сказать о немъ ничего новаго для читателя. Въ странѣ, цивилизациѣ которой основана на развитіи человѣчества, на умноженіи его численности, т. е. на братствѣ и взаимной солидарности, проявляющихся не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, у народа, для котораго война представляется дѣломъ настолько необычайнымъ, что ему въ высшей степени противно какъ воспоминаніе о ней, такъ и видъ всего, что ее напоминаетъ, чѣмъ можетъ быть, спрашивается, военное министерство въ такой странѣ и у такого народа? Чтобы не стоять въ фор-

мальномъ, насильственномъ вѣчномъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ цивилизації, оно должно быть исключительно лишь министерствомъ народной обороны. Дѣйствительно, китайская армія имѣеть значеніе только оборонительное. Необходимо присовокупить, что войска въ Китаѣ расположены всегда за городомъ и вступают въ города не иначе, какъ по востребованію гражданскихъ властей. Очевидно впрочемъ, что въ настоящее время китайская армія не удовлетворяетъ требованіямъ государственной обороны. Можно было бы задать себѣ вопросъ, не обусловливается ли малая пригодность китайскихъ войскъ своеобразнымъ характеромъ самой китайской цивилизації? Я могъ бы представить по этому поводу нѣкоторыя соображенія, но они будутъ, болѣе на своеемъ мѣстѣ при критическомъ изслѣдованіи китайской цивилизації, которая составить предметъ другой книги.

Еще легче, чѣмъ о военномъ министерствѣ, читатель можетъ составить себѣ понятіе о министерствѣ юстиціи въ Китаѣ. Зная организацію китайской семьи и обширность судебной ея власти, нетрудно представить себѣ, что правительственная судебная власть можетъ проявляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣйствительно, она имѣеть характеръ апелляціонного судопроизводства или же уголовнаго, вѣдающаго исключительно преступленія, подлежащія по закону смертной казни, и потому выходящія за предѣлы семейной юрисдикціи. Лица, изгнанныя изъ семьи, или же по какому-либо случаю оказавшіяся внѣ общенія съ нею, подлежать, какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ, правительственному суду. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе официального китайского судопроизводства, а потому я скажу о немъ лишь нѣсколь-

ко словъ. При китайскихъ судахъ нѣть ни прокуроровъ (исключая случаевъ обвиненія въ убийствѣ,) ни адвокатовъ. Истецъ и отвѣтчикъ должны сами, или чрезъ своихъ повѣренныхъ, изложить какъ можно проще и точнѣе фактическую сторону дѣла. Правительственный чиновникъ, совмѣстно съ своими помощниками, постановляетъ затѣмъ рѣшеніе по совѣсти. Судебные разбирательства производятся гласно, причемъ чиновникъ нерѣдко спраивается съ мнѣніемъ присутствующихъ. Прежде разбирательства дѣла чиновникъ освѣдомляется всегда, рассматривалось ли оно въ семействѣ совѣтѣ и принимаетъ во вниманіе приговоры, постановленные семейственнымъ судомъ.

Въ сводѣ китайскихъ уголовныхъ законовъ значатся всего лишь въ категоріи наказаній: ссылка, тѣлесныя наказанія и смертная казнь съ отягчающими обстоятельствами (казнь отравленіемъ—когда разрѣшается самоубийство; удавленіемъ, отрубленіемъ головы и т. п.). Къ тюремному заключенію никто приговоренъ быть не можетъ. Между тѣмъ въ Китаѣ требуется для полнаго доказательства вины собственное сознаніе подсудимаго, а иногда бываетъ, что несмотря на очевидность вины, преступникъ не хочетъ въ ней сознаться. Такого молодца, разумѣется, опасно было бы оставлять на свободѣ, поэтому его отводятъ въ тюрьму и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заблагоразсудить наконецъ стать пооткровеннѣе. Во всякомъ случаѣ этотъ образъ дѣйствія признается незаконнымъ. Нетрудно представить себѣ, что онъ можетъ приводить иногда къ очень серьезнѣмъ усложненіямъ и злоупотребленіямъ. Какъ бы ни было, въ принципѣ необходимость собственного сознанія долженствовала служить для подсудимаго нѣкоторой гарантіей.

Вообще же китайские уголовные законы отличаются чрезвычайной строгостью. За кражу, совершающую въ третій разъ, а также за однократную кражу на сумму болѣе чѣмъ въ двѣсти франковъ, за изнасилованіе, прелюбодѣяніе и убийство полагается смертная казнь. Никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ не признается. Соучастники въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергаются тому же наказанію, какъ и главные виновники. Самыми тяжкими преступленіями считаются политическія, какъ стремящіяся разрушить общественную солидарность. Главные зачинщики подвергаются смертной казни, зачастую, какъ утверждаютъ, весьма жестокой. Второстепенные участники изгоняются или, лучше сказать, ссылаются въ пріилійскій край *).

Приговоры къ смертной казни представляются во всѣхъ случаяхъ на разсмотрѣніе бодыхана, который, прежде чѣмъ утвердить ихъ, проводить три дня въ постѣ и воздержаніи.

Какъ уже упомянуто, китайские законы не признаютъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Однако же, если убийство совершено было по нечаянности и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ непредумышленного убийства, родственники убитаго могутъ помиловать осужденнаго, взявъ съ него соотвѣтственный выкупъ.

Существуетъ еще постановленіе, цѣлесообразность котораго я выяснить себѣ не могу. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, когда преступленіе не осложняется убийствомъ, законъ дозволяетъ виновному найти для себя замѣstitеля, который и подвергается смертной казні. Само

*) Въ сѣверо-западной части Срединнаго Царства. Это глубокая весьма плодоносная долина, обладающая чрезвычайно мягкимъ климатомъ. Она славится своими дынями.

собой разумѣется, что для этого необходимо согласіе какъ обиженнай стороны, такъ и самого замѣстителя. Отыскать этого послѣдняго сравнительно очень легко. Семья осужденного обращается къ одному изъ закоренѣлыхъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмѣ, и предлагаетъ средство хотя отчасти загладить ущербъ, причиненный преступникомъ его собственной семьѣ. Дѣло улаживается такимъ образомъ къ общему удовольствію, но такой способъ удовлетворять разгнѣванное правосудіе оказывается возможнымъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въ бытность мою въ Пекинѣ совершена была почти у меня на глазахъ смертная казнь надъ китайскимъ офицеромъ, занимавшимъ высокое положеніе въ арміи. Онъ былъ обвиненъ въ изнасилованіи малолѣтней дѣвочки и не получилъ разрѣшенія представить замѣстителя, такъ какъ семья дѣвочки, несмотря на предлагаемое ей большое денежное вознагражденіе, не соглашалась на такую комбинацію. Необходимо присовокупить, что избѣгнувъ смертной казни, осужденный на нее обязанъ во всякомъ случаѣ удалиться въ изгнаніе.

Другою особенностью китайского уголовнаго кодекса является то, что онъ какъ бы узаконяетъ самоубійство. Сенека училъ не только безстрашно встрѣчать смерть, но совѣтовалъ также итти ей иногда на встрѣчу. Добровольная смерть давала, по его словамъ, возможность самому слабому и безсильному изъ людей противостоять кесарю, царствовавшему надъ Римомъ, а слѣдовательнаго надъ всѣмъ міромъ. Сила противодѣйствія такому безпредѣльному могуществу обусловливается убѣжденіемъ въ возможности всегда избавиться отъ гнета деспотизма. Человѣкъ, который воленъ умереть, въ правѣ не считать себя окончательнымъ рабомъ. Очевидно, что въ Китаѣ самоубійство

не должно рассматриваться какъ средство избавленія отъ тираніи. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда не удается выяснить судебнмъ порядкомъ справедливость своихъ требованій, или когда подсудимый, зная свою невинность, не можетъ тѣмъ не менѣе ее доказать, тогда отчаяніе, сознаніе своей правоты и даже самы законъ подсказываютъ несчастливцу самоубійство, какъ послѣднее прибѣжище и какъ вѣрное средство опровергнуть воздвигнутыя противъ него обвиненія. Лишивъ себя жизни передъ воротами дома своего обвинителя или преслѣдователя, онъ можетъ подтвердить этой добровольной смертью истину своихъ заявлений. Противникъ его подвергается тогда судебному преслѣдованію, какъ виновный въ убійствѣ. Заброшенный участокъ земли, принадлежавшій къ церковнымъ имуществамъ одной католической епархіи, былъ распаханъ и воздѣланъ жившимъ по сосѣдству китайцемъ не-христіаниномъ. Когда участокъ этотъ сталъ приносить обильные урожаи, христіане предъявили на него свои права. Законъ оказался однако на сторонѣ земледѣльца и обеспечилъ ему пользованіе спорнымъ участкомъ. Желая поставить на своеимъ, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, христіане принялись всячески преслѣдоввать этого земледѣльца и однажды ночью скосили у него на участкѣ весь хлѣбъ. Земледѣлецъ подалъ на нихъ жалобу, но процессъ, благодаря влиянію, которымъ пользовался въ 1862 году епископъ, замялся. Злополучный китаецъ съ отчаянія перерѣзаль себѣ горло передъ воротами одного изъ христіанскихъ своихъ соотечественниковъ. Это случилось въ монгольской деревушкѣ за Великой Стѣной. Христіанъ арестовали какъ разъ въ тотъ самый день, когда я туда пріѣхалъ.

Могу сообщить и другой поучительный фактъ. Ки-

таецъ, обѣщанный сапеками, встрѣчаетъ на мосту другого китайца, который ихъ отъ него отнимаетъ. «Воръ! отдай мнѣ сапеки!» кричитъ обиженный. Воръ продолжаетъ бѣжать. «Смотри же, воръ! если ты не отдашь мнѣ денегъ, я утоплюсь!» Воръ возвращается сапеки...

Каковы бы ни были странности китайскихъ уголовныхъ законовъ, не слѣдуетъ забывать, что, несмотря на строгость китайского уголовнаго кодекса, число постановляемыхъ смертныхъ приговоровъ въ обыкновенныя времена очень ограниченное. Въ областяхъ съ 25—30 миллионнымъ населеніемъ приговариваются ежегодно къ смерти отъ 12 до 14 человѣкъ. Есть столь же населенные области, въ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ не было постановлено ни одного смертнаго приговора. Не слѣдуетъ также забывать, что казенные суды имѣютъ въ сущности дѣло съ людьми, которые были уже выгнаны изъ семьи, т. е. съ рецидивистами и притомъ самого худшаго разбора.

Сколько проступковъ и даже преступлений прощаетъ семья своему члену, прежде чѣмъ исключить его изъ своей среды! Въ другихъ странахъ человѣкъ, совершившій въ первый разъ преступление, немедленно изгоняется судебнымъ приговоромъ изъ общества и вслѣдствіе этого, иногда роковымъ образомъ, вторично наталкивается на преступление. Въ Китаѣ же этого не случается.

Настоящими народными судебными учрежденіями являются тамъ семейные суды. Въ этихъ судахъ только и можно съ увѣренностью найти истинное, человѣческое правосудіе, задающееся цѣлью своими увѣщаніями, предостереженіями и даже карами, сохранить человѣческому обществу заблудшихся, которые бы были бы навсегда изгнаны безпощаднымъ приговоромъ не родственнаго

правосудія. Семейный судъ, налагая на виновнаго даже и самую строгую свою кару, оставляетъ ему все-таки же открытымъ путь къ раскаянію и исправленію.

Говоря о китайскомъ судопроизводствѣ, надо преимущественно имѣть въ виду семейные суды.

Можно задать себѣ вопросъ: какими законами руководствуются эти суды? Извѣстно, что гражданскій кодексъ въ Китаѣ состоить изъ весьма немногихъ лишь статей, въ которыхъ излагаются и высказываются основные принципы китайского общественнаго строя. Затѣмъ существуетъ еще сводъ уголовныхъ законовъ, которыми руководствуются правительственные суды. Гдѣ же спрашивается правовая почва, на которой зиждется семейный судъ? Что именно сообщаетъ должную силу его приговорамъ? Что заставляетъ имѣть подчиняться? На всѣ эти вопросы можно дать повидимому только одинъ отвѣтъ. Законъ, руководящій главу семейства въ качествѣ судьи,—тотъ самый, который существуетъ въ душѣ каждого человѣка. Сила, заставляющая виновнаго склоняться предъ его приговоромъ, нечто иное, какъ сознаніе правоты этого приговора, которое не можетъ оставаться долгое время сокровеннымъ и для самого виновнаго. Я уже имѣлъ случай говорить объ уваженіи китайцевъ къ семейному совѣту и его рѣшеніямъ. Здѣсь, однако, имѣется нечто большее простого уваженія. Причину этого понять нетрудно. Обыкновенный судъ выслушиваетъ дѣло, обсуждаетъ его и постановляетъ приговоръ. Домашній судъ, прежде чѣмъ объявить приговоръ, выясняетъ его необходимость. Осужденный убѣждается въ своей виновности, прежде чѣмъ будетъ постановленъ касающій его приговоръ. Дремавшая въ немъ совѣсть пробуждается, и онъ признается

постигшую его кару справедливой. Нѣть надобности употреблять противъ него какое-либо принужденіе. Я самъ видѣлъ осужденныхъ, поддерживавшихъ собственно ручно свои ноги для того, чтобы ихъ можно было удобнѣе заковать въ кандалы.

Несомнѣнно, что все это свидѣтельствуетъ о чрезвычайно мощномъ развитіи въ народѣ чувства справедливости. Это нисколько не должно удивлять тѣхъ, кто познакомился съ духомъ китайскихъ учрежденій, въ особенности же съ национальными китайскими обычаями, состоящими въ связи съ семейной юрисдикціей. Кѣмъ то было замѣчено, что каждый человѣкъ въ отдѣльности есть сумма хорошихъ и дурныхъ качествъ своей расы. Признавая наслѣдственность душевныхъ свойствъ, читатель можетъ представить себѣ прочность чувства справедливости, укоренившагося въ душѣ каждого китайца путемъ наслѣдственности, непрерывно дѣйствовавшей въ теченіе столькихъ поколѣній.

Сами китайцы приписываютъ себѣ очень развитое чувство справедливости, но объясняютъ развитіе этого чувства нѣсколько иначе. Объясненіе ихъ, собственно говоря, представляется не болѣе таинственнымъ и метафизическимъ, чѣмъ-то, которое основывается на такъ-называемомъ атавизмѣ. Китайцы говорятъ:

«Когда человѣкъ рождается на свѣтъ, въ немъ можно видѣть только ребенка. Съ годами у него растутъ и развиваются не только члены тѣла, какъ напр. руки и ноги, но и мышленіе. Так же точно и человѣчество. Никто изъ людей не узрить полностью всего человѣчества, а между тѣмъ оно существуетъ. Оно является однимъ цѣлымъ, проявляющимся во множествѣ какъ бы отдѣльныхъ членовъ. Всѣ идеи заключаются въ немъ. Внѣ

его никакихъ идей быть не можетъ, но онъ проявляются лишь послѣдовательно и постепенно, по мѣрѣ его роста и развитія. Желательно возможно полное проявленіе человѣчества, единаго и солидарнаго (*И-жэнъ*) и надо стремиться къ нему всѣми силами, такъ какъ это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможно полнымъ проявленіемъ спра-ведливости. Короче сказать: чѣмъ многочисленнѣе ста-новится народонаселеніе, тѣмъ развитѣе является въ немъ чувство спра-ведливости. Допуская правильность этого взгляда, пришлось бы согласиться, что ни у одного народа нѣтъ такого основательного повода предполагать у себя чувство спра-ведливости весьма развитымъ. Ужъ не поэтому ли китайцы не ощущаютъ потребности въ особомъ министерствѣ юстиції?

Оставляя, однако, въ покоѣ атавизмъ и китайскія фи-лософскія воззрѣнія, необходимо будетъ все-таки признать существующій фактъ. Народъ, среди которого виновный, безъ всякаго принужденія со стороны жандармовъ или полиціи, самъ, добровольно подчиняется наложенной на него карѣ; народъ, у которого неправедно обвиняемый безбоязненно прибѣгааетъ въ крайнихъ случаяхъ къ само-убийству, какъ средству для своего оправданія,—долженъ имѣть весьма возвышенное понятіе о спра-ведливости. Можно объяснить этотъ фактъ также и нѣкоторыми дру-гими соображеніями: китайское законодательство отли-чается чрезвычайной простотой. Оно караетъ лишь нару-шеніе основныхъ законовъ, необходимыхъ для поддержа-нія единства и солидарности между людьми. «Чти отца твоего и мать твою, не убивай, не кради, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай жены ближняго твоего или принад-лежащаго ему поля». Это, собственно говоря, естествен-ное право, чѣмъ и объясняется, быть можетъ, чрезвычай-

ная строгость китайскихъ уголовныхъ законовъ. Что касается до частныхъ сдѣлокъ, то они считаются принадлежащими къ области искусственного, условнаго права. Закону до нихъ нѣть никакого дѣла, и суды не входятъ по нимъ ни въ какія разбирательства.

Недостаточно однако еще, чтобы идея справедливости проявлялась только во взаимныхъ отношеніяхъ между самими людьми. Вся человѣческая дѣятельность должна быть проникнута этой идеей. Справедливость должна царить всюду: надъ растеніемъ, животнымъ, землею, надъ всѣмъ веществомъ. Въ этомъ и заключается миссія совокупнаго единаго человѣка *И-женъ*, чрезъ котораго Небо дѣйствуетъ на Землю и преобразуетъ ее, который служить посредникомъ Неба по отношенію къ физическому миру. Чѣмъ могущественнѣе человѣчество или же чѣмъ многочисленнѣе люди, черезъ посредство которыхъ оно дѣйствуетъ, тѣмъ легче становится для него выполнение этой миссіи.

То, что мнѣ остается сказать по поводу министерства публичныхъ работъ, будетъ послѣднимъ изъ многократныхъ подтвержденій этой истины.

Подавляющая громадность публичныхъ работъ, произведенныхъ въ Китаѣ въ тѣ отдаленные времена, когда создана была система оросительныхъ каналовъ и искусственныхъ водныхъ путей, которыми такъ справедливо гордится Срединное Царство, равно какъ совершившееся въ болѣе близкія къ намъ времена сооруженіе Великой Стѣны, достаточно выясняютъ, какое важное значение имѣло въ древности китайское министерство публичныхъ работъ. Эти же факты свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о громадной роли, выпадавшей при такихъ сооруженіяхъ на долю правительства. Обладая тогда неограни-

ченнымъ правомъ распоряжаться по своему усмотрѣнію народнымъ трудомъ, правительство передвигало, рѣдкое еще въ то время, населеніе съ мѣста на мѣсто и скучивало его въ сосѣдствѣ производившихся работъ. Единственно лишь цѣною совокупныхъ и единовременныхъ усилий цѣлаго народа могли быть достигнуты такие колоссальные результаты, какими являются каналы, протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ миль, и водоемы, представляющіе собою цѣлые озера въ 35 и даже 70 миль въ окружности. Теперь, въ теченіе уже многихъ тысячелѣтій, публичные работы находятся въ томъ же положеніи, какъ и законодательство. Все наиболѣе существенное уже сдѣлано и не должно болѣе дѣлаться вновь. На обязанности правительства лежитъ лишь поддержаніе того, что сдѣлано. Не скажу, чтобы правительство боягдахана во всѣхъ случаяхъ хорошо выполняло эту обязанность, но тѣмъ не менѣе другой обязанности на немъ не лежитъ. Необходимыя для этого публичныя сооруженія выполняются и ремонтируются, смотря по степени своей важности, областными, губернскими или же общинными управлениями, на средства, которыя собираются земскими совѣтами частью по подпискѣ, частью же по раскладкѣ, причемъ берется въ расчетъ степень состоятельности плательщиковъ. Люди малоимущіе освобождаются отъ взносовъ на производство публичныхъ работъ. Многія изъ такихъ работъ, какъ напр. мосты, дороги и т. п. выполняются на средства нѣсколькихъ богачей, удовлетворяющихъ тѣмъ, что имена ихъ будутъ начертаны на одномъ изъ камней сооруженія, возведенаго на ихъ средства. Самыя изумительныя и грандіозныя изъ нынѣшнихъ сооруженій выполняются однако совершенно незамѣтнымъ образомъ частною предприимчивостью. Если

разматривать ихъ во всей совокупности, то никакая изъ прежнихъ, даже наиболѣе колоссальныхъ работы, не можетъ выдержать съ ними сравненія. Самые смѣлые европейскіе инженеры и капиталисты не рѣшились бы и помыслить о чёмъ нибудь подобномъ. Чтобы сказали напримѣръ эти инженеры и капиталисты, еслибъ имъ предложили обратить въ ступенчатыя террасы всѣ горы въ такой огромной странѣ, какъ Срединное Царство? Между тѣмъ эта грандіозная работа безостановочно производится шагъ за шагомъ множествомъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Китаю не пришлось прибѣгать для нея ни къ заключенію государственного займа, ни къ выдачѣ субсидій предпринимателямъ или же къ обезпеченію имъ надлежащаго процента на затраченный капиталъ. Фактъ этотъ объясняется опять-таки могуществомъ совокупнаго человѣчества *И-жено*.

Вследствіе болѣе и болѣе возрастающей густоты населенія и благодаря справедливымъ законамъ, поземельная собственность раздробилась до того, что даже и такія публичныя работы, которыя, при малочисленномъ населеніи, были бы немыслимы или же достижимы лишь при посредствѣ чрезвычайного сосредоточенія усилий, раздробляясь, въ свою очередь, становятся доступными для отдѣльныхъ личностей и выполняются, такъ сказать, между дѣломъ. Каждый ручеекъ, прежде чѣмъ спуститься въ равнину, перехватывается по крайней мѣрѣ разъ двадцать плотинами на склонахъ горы, которая, отъ подошвы и до самой вершины, раздѣлена террасами. И все это выполнено простыми крестьянами! Сѣть городскихъ нашихъ водопроводовъ представляется менѣе частой, чѣмъ сѣть канавокъ, орошающихъ китайскія рисовые поля. Смотря на китайскихъ крестьянъ, которые потихоньку и какъ бы играючи выполняютъ эти

работы, совершенно немыслимая въ другихъ странахъ, я невольно чувствовалъ къ нимъ почтительное удивленіе. Сколько разъ я видѣлъ, какъ они складываютъ камень за камнемъ опорныя стѣны, сооруженіе которыхъ дѣлаетъ почву горныхъ округовъ столь же плодородной, какъ почва самыхъ благодатныхъ долинъ; видѣлъ какъ они собираютъ рисъ и пшеницу въ трещинахъ, гдѣ прежде вили свои гнѣзда хищныя птицы... Я мысленно восклицалъ при этомъ: «вотъ такъ молодцы!» и сознавалъ себя растроганнымъ до глубины души. Я чувствовалъ благодарность къ этимъ китайцамъ за то, что они дѣлали и торжествовалъ вмѣстѣ съ ними надъ побѣженными ими препятствіями.

А между тѣмъ, самымъ чудеснымъ во всемъ этомъ казался мнѣ фактъ, о которомъ свидѣтельствовали самымъ блестящимъ образомъ побѣды, одержанныя частной препримчивостью. Я говорю о постепенной замѣнѣ колективнаго дѣйствія государства частной дѣятельностью лица. Это постепенное замѣщеніе проходитъ черезъ всѣ сферы китайской цивилизациі, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными ея проявленіями, какъ въ области умственныхъ, такъ и вещественныхъ отношеній. Освобожденіе отдельной личности отъ колективнаго общественнаго гнета, независимость и свобода, приобрѣтенные отдельной личностью въ средѣ общей солидарности и благодаря такой солидарности—вотъ, что казалось мнѣ самымъ выдающимся изъ фактовъ, выясненныхъ путемъ изученія отношений китайцевъ къ ихъ государству и правительству. Этотъ грандиозный результатъ кажется мнѣ весьма вѣскимъ подтвержденіемъ справедливости ихъ теоретическихъ взглядовъ.

ЧАСТЬ V.

Семья Уангъ-Мингъ-Це.

I.

Между двумя холмами, образующими Янгъ-пингское ущелье, раскинулась, въ Фо-кіенской области, въ 14 миляхъ къ западу оть Фу-чесу, группа изъ 700 или 800 домовъ, известная подъ названиемъ Уангъ-Мо-Хи. Окрестная мѣстность отличается живописностью видовъ и чрезвычайно здоровымъ климатомъ. Лѣтніе жары тамъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ Фу-чесу. За исключеніемъ ста или полутораста торговцевъ и разныхъ ремесленниковъ, дома которыхъ тѣснятся по берегамъ Та-Шуей-Хи, извивающейся въ глубинѣ долины, остальные жители мѣстечка построились, такъ сказать, въ разбросъ—отдельными хуторами. Пространства между этими хуторами, повсюду почти одинаковыя, заняты полями и садами. Рѣка, чрезъ которую перекинуто множество мостовъ, постоянно перерѣзается судами средней величины и лодками, поддерживающими сообщеніе между многочисленными населенными центрами, черезъ которые она протекаетъ. Многіе изъ этихъ центровъ являются весьма значительными

городами. Холмы, почти до самой своей вершины, воздѣланы и орошены посредствомъ каналовъ, выведенныхъ изъ Та-Шуей-Хи. Каналы эти идутъ по обоимъ склонамъ холмовъ, приблизительно на одной трети ихъ высоты. Водоподъемные машины съ черпаками подымаютъ изъ нихъ воду въ слѣдующій каналъ, расположенный нѣсколько выше, откуда она тѣмъ же порядкомъ переходитъ сперва въ третій, потомъ въ четвертый и пятый каналъ, а затѣмъ течеть обратно внизъ, распределивъ повсюду на своеемъ пути освѣжающую животворную влагу. По окончаніи сезона, въ теченіе котораго поля нуждаются въ большомъ орошеніи, т. е. послѣ того, какъ созрѣть рисъ, работа водоподъемныхъ машинъ становится почти излишней. Дождевая влага и вода горныхъ источниковъ, собираемая въ надлежаще устроенные водоемы, оказываются совершенно достаточными или почти достаточными для орошенія другихъ воздѣлываемыхъ растеній. Съ вершины горъ всѣ оросительные каналы кажутся столькими же серебряными лентами. Соображаясь съ прихотливыми изгибами холмовъ, обусловливающими направление оросительныхъ каналовъ, крестьяне вынуждены были придать своимъ полямъ самая разнообразныя и оригинальныя очертанія. Нѣкоторые изъ этихъ полей какъ будто прицѣплены или подвѣшены къ склонамъ холмовъ. Они держатся на опорныхъ стѣнахъ, выведенныхъ изъ камней, сложенныхъ на-сухо безъ всякаго цемента. Стѣны эти затканы громадными свисшимися внизъ ліанами, корни которыхъ заползли въ расщелины между камнями. Такія поля кажутся издали громадными чашами, устраиваемыми для святой воды въ католическихъ храмахъ, крѣпостными бастіонами или же балконами, которые украшены зеленѣющимися растеніями. Другія поля,

разбросанныя въ беспорядкѣ тамъ и сямъ, напоминаютъ громадныя этажерки, уставленныя вазами, чашами, блюдечками и блюдцами самыхъ разнообразныхъ очертаній. Вода падаетъ повсюду изъ однихъ посудинокъ въ другія тысячами каскадовъ, переливающихся на солнцѣ разноцвѣтными огнями всѣхъ драгоцѣнныхъ камней. Здѣсь на низкихъ террасахъ преобладаетъ нѣжная, веселая зелень рисовыхъ полей или же болѣе темная зелень сахарныхъ плантаций. Въ мѣстахъ менѣе удобныхъ для орошенія посажены хлопчатникъ съ большими жалтоватыми цвѣтами. Далѣе тянутся аллеи апельсиновыхъ деревьевъ со своей строгой и мрачной листвой. Пососѣству съ ними—чайная плантaciя, рѣзко отдѣляющiяся отъ всего остального сѣрымъ фономъ разрыхленной своей почвы.

Рисъ, чай, хлопокъ, сахаръ и апельсины являются главнѣйшими произведеніями мѣстной земледѣльческой промышленности. Земля доставляетъ, однако, тамъ еще много другихъ продуктовъ, въ значительной степени увеличивающихъ богатство населенія. Пальма *), раскидывающая широкимъ вѣромъ свою листву въ шести или восьми метрахъ отъ земли, даетъ прекрасное растительное волокно, замѣняющее китайцамъ пеньку. Другое дерево **) со свилеватой штамбой, искривленными вѣтвями и ржавыми листьями, несмотря на свой злополучный видъ, доставляетъ обильный сборъ сѣмянъ, богатыхъ масломъ. Сѣмена дерева ***), очень похожаго издали на березу или осину, изобилуютъ растительнымъ саломъ. Не слѣдуетъ забывать также о бамбуковомъ тростникѣ, быть можетъ, самомъ полезномъ изъ всѣхъ кустарныхъ растеній и безъ со-

*) *Chamoerops excelsa*.

**) *Dryandra cordata*.

***) *Stillingia sebifera*.

мнѣнія самомъ граціозномъ изъ нихъ. Перистая листва, увѣнчивающая его стволы на высотѣ 8 или 10 метровъ, колеблется при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Тамъ и сямъ виднѣются бананы, группами по пяти или шести штукъ, но они какъ будто предназначаются только для украшенія общей картины и рѣдко лишь приносятъ вкусные плоды. Нельзя сказать, однако же, чтобы на холмахъ Уангъ-Мо-Хи рѣшительно все уже было воздѣлано. Есть и такія высоты, до которыхъ человѣкъ еще не коснулся, такія кручи, которая еще не покорены его рукой. Убранство ихъ взяла на себя сама природа. Весной, начиная съ конца февраля, все это покрывается роскошнѣйшей одеждой. Тогда разцвѣтаютъ пурпурово-розовые и золотисто-желтые азалии, бѣлые гарденіи, голубые клевериты (ломоносы), бѣлые буквицы, глициніи, каперцы, камеліи... Ни одна пядь земли не остается безъ роскошнаго цвѣтка. Въ чудномъ покровѣ, одѣвающемъ холмы, нѣть ни одной грубой заплаты.

Среди этихъ богатыхъ полей и хуторовъ встрѣчаются зачастую рощицы, изъ которыхъ слышатся по утрамъ, по вечерамъ и въ полдень серебристый, густой звонъ колоколовъ, напоминающій колокольный звонъ въ католическихъ церквяхъ. Это колокола двѣнадцати буддистскихъ пагодъ, крыши которыхъ, изъ желтыхъ глазированныхъ черепицъ съ заостренными своими углами, прорѣзаясь кое-гдѣ сквозь листву, рѣзко выдѣляются на голубомъ фонѣ яснаго неба.

Повсюду глубокое молчаніе, котораго не въ силахъ нарушить даже пѣніе птицъ, голоса рабочихъ и отвѣчающее имъ эхо. Голоса и отголоски, пѣніе птицъ и тишина, благоуханіе и яркія краски, все сливается въ общее гармоническое цѣлое, дѣлающее изъ этого ма-

ленькаго уголка настоящій земной рай. Все въасъ здѣсь радуетъ, и веселитъ. Тутъ не слышно оскорбляющаго ухо стука колесь о неровную мостовую, не слышно тяжелыхъ ударовъ молота, нѣть закоптѣлыхъ, вонючихъ фабрикъ, изъ трубъ которыхъ валили бы черныя закоптѣлныя облака дыма. Глазъ, ухо и вообще органы чувствъ, не оскорбляемые никакими рѣзкими непріятными ощущеніями, изощряются до-нельзя. Человѣкъ чутъ что не пріобрѣтаетъ способность видѣть, какъ трава растеть, и, выражаясь словами китайскаго поэта, слышать шорохъ по землѣ отъ тѣни, которую бросаетъ листва, колеблемая вѣтромъ. Нигдѣ жизнь не достигаетъ такой интенсивности, нигдѣ человѣкъ и природа не поняли такъ хорошо другъ друга, нигдѣ не вступили они между собой въ такой тѣсный союзъ.

Немудрено, что эта мѣстность очень нравится жителямъ Фу-Чеу и сосѣднихъ городовъ на цѣлыхъ 30 миль въ окружности. Лѣтомъ они нерѣдко пріѣзжаютъ сюда со своими семьями. У каждой пагоды имѣется для такихъ посѣтителей нѣсколько большихъ и малыхъ павильоновъ. Надо только напинать ихъ заранѣе, такъ какъ любителей на нихъ всегда много. Посѣтители пріѣзжаютъ иной разъ изъ Нингъ-По и даже изъ Шанхая. Пользуясь каналами, они доплываютъ на лодкахъ до самой подошвы холмовъ.

Въ этомъ очаровательномъ уголкѣ земли, живеть, между прочимъ, также и семья Уангъ-Мингъ-Це. Вотъ какимъ образомъ я съ ней познакомился. Это было въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца, тотчасъ же по окончаніи первого сбора чая. Двое мужчинъ работали на чайной плантациі: пололи траву между кустами и подкладывали къ нимъ въ небольшомъ количествѣ удобреніе.

Я глядѣль на нихъ, сидя подъ пальмовымъ деревомъ неподалеку оть мѣста, гдѣ они сложили свои плащи и гдѣ стоялъ громадный оплетеный соломою фаянсовый чайникъ, къ которому они, время оть времени, подходили напиться. Старшій изъ китайцевъ, собираясь пить, обратился ко мнѣ со словами: «младшій братъ не смѣеть предложить вамъ такой плохой напитокъ». — «Благодарю васъ, старшій братецъ, мнѣ было хотѣлось пить, но я уже утолилъ жажду апельсиномъ и не хотѣль бы испортить его вкусъ». «Помилуйте, старый господинъ, чай не испортить собой вкусъ апельсина. Не говорю про этотъ чай, онъ не очень хороши, но я охотно угостиль бы васъ другимъ... А-Пе-А! А-Пе-А! сбѣгай-ка домой и прінеси намъ чаю нынѣшняго сбора».

Домъ былъ всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, а потому А-Пе-А не замедлилъ вернуться съ подносомъ, чашками, котелкомъ горячей воды, жаровней съ горячими углами, чайнымъ ящикомъ и табуреткою, на которой онъ уставилъ все принесенное. Пока вода снова закипѣла, мой собесѣдникъ открылъ ящичекъ и, вынувъ оттуда нѣсколько листьевъ чая, положилъ по небольшой щепоткѣ въ каждую чашку. Затѣмъ, наполнивъ чашки горячей водой и накрывъ каждую блюдечкомъ, онъ сказалъ: «чай еще не совсѣмъ высохъ, но онъ отъ этого только еще вкуснѣе». Нагнувшись ко мнѣ и, какъ бы приглашая удостовѣриться въ этомъ лично, онъ самъ поднесъ чашку къ губамъ, слегка приподнявъ блюдечко и медленно втягивая въ себя влагу. Я послѣдовалъ его примѣру. Чай былъ дѣйствительно превосходенъ: совершенно прозрачный настой блѣдно-золотого цвѣта, столь же душистый какъ чайный цвѣтокъ, производилъ пріятное впечатлѣніе на глазъ и оставлялъ во рту восхити-

тельное, нѣжное вкусовое ощущеніе. Угадывая это, китаецъ спросилъ: «былъ ли я правъ, престарѣлый господинъ!»—«Да, старшій братецъ, вы были совершенно правы: вкусъ апельсина грубъ въ сравненіи съ этимъ».

«Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, сравниваетъ этотъ сортъ чая со щечкой молодой дѣвушки». Я признался, что такая аналогія не приходила мнѣ въ голову и подтвердилъ, что она недурно придумана. «Собираете вы много такого чая»,—спросилъ я.—«Къ сожалѣнію нѣть, сударь. Да и откуда его взять, когда этотъ сортъ набирается изъ едва распустившихся листьевъ. Съ цѣлаго меу *) получается не болѣе фунта».—«Это дѣйствительно немного, но все зависитъ отъ цѣны, какую можно за него выручить».—«Торговцы платятъ намъ не особенно дорого, всего лишь около двухъ связокъ **) за фунтъ. Однако же этотъ первый сборъ не дѣлаетъ почти никакого ущерба слѣдующему сбору, а потому оказывается для насъ чистымъ барышемъ».—«Продали вы ужъ весь чай первого сбора? Нѣть, престарѣлый господинъ, онъ еще не совсѣмъ готовъ. Лишь спустя нѣсколько дней мы отправимъ его на рынокъ, оставивъ себѣ только небольшое количество, чтобы угощать пріятелей».—Вы бы меня очень обязали, сударь, если бы уступили мнѣ фунтъ изъ того количества, которое собираетесь отправить на рынокъ».—«Съ удовольствіемъ, сударь. Старшій братецъ живеть кажется тамъ, въ пагодѣ!» «Да, но позвольте спросить, какъ вы это узнали! Я пріѣхалъ сюда всего лишь третьяго дня. «О! престарѣлый господинъ, у насъ въ маленькихъ деревуш-

*) Пятнадцатая часть гектара.

**) Связка въ 1000 сапекъ составляетъ на французскія деньги около пяти франковъ.

кахъ все узнается мигомъ. Къ тому же вы европеецъ. У насъ думаютъ, что вы прибыли закупать чай». — «Нѣть, я пріѣхалъ только за тѣмъ, чтобы отдохнуть нѣсколько дней въ вашей прекрасной странѣ и надѣюсь часто имѣть удовольствіе встрѣчаться съ вами». — «Я хотѣлъ просить у моего старшаго братца позволеніе сдѣлать ему визитъ». Я съ удовольствіемъ далъ на это свое согласіе и мы разстались.

Недѣлю спустя, утромъ, какъ разъ къ концу завтрака, переводчикъ передалъ мнѣ большую красную визитную карточку, на которой съ подобающей скромностью было написано очень мелкими буквами имя Уангъ-Мингъ-Це. Присланный съ этой карточкой освѣдомлялся: угодно ли будетъ сегодня же посѣщеніе гостей и въ которомъ часу можно будетъ явиться ко мнѣ съ визитомъ. — «Хоть сейчасъ же», сказаль я посланному. Часъ спустя мнѣ доложили о прибытіи двоихъ посѣтителей. Немедленно пригласивъ ихъ войти, я сдѣлалъ самъ на встрѣчу имъ нѣсколько шаговъ. Одинъ изъ гостей, приблизительно шестидесятилѣтній старецъ, былъ мнѣ совершенно незнакомъ, другой — мужчина лѣтъ сорока, не болѣе — былъ несомнѣнно тотъ самый крестьянинъ, который угощалъ меня чаемъ. Я узналъ его безъ труда, несмотря на парадный костюмъ, въ который онъ теперь одѣлся. Оба мои посѣтители были въ длинныхъ халатахъ изъ синей китайки, сверхъ которыхъ наброшены были шелковые плащи фиолетового цвѣта. На обоихъ были войлочные шляпы съ загнутыми вверхъ полями.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и поклоновъ, я подвелъ моихъ гостей къ дивану, на который и пригласилъ ихъ сѣсть, указавъ старшему наиболѣе почетное мѣсто. Они однако отказались наотрѣзъ отъ предложенной чести.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что они размѣстились наконецъ на стульяхъ, послѣ чего, несмотря на всѣ протесты съ ихъ стороны, я взялъ себѣ тоже стулъ и усѣлся везлѣ нихъ, отказавшись отъ удовольствія сидѣть на диванѣ. Наконецъ, послѣ новаго поклона, завязался между нами разговоръ. Старшій изъ гостей сказалъ: «я не хотѣлъ предоставить одному моему сыну всю честь принести вамъ сюда обѣщанный чай и думалъ, что престарѣлый господинъ простить мнѣ такую смѣлость». Я, разумѣется, увѣрилъ старика, что былъ очарованъ его посѣщеніемъ. «Позволю себѣ пояснить», продолжалъ старикъ, что сынъ мой, По-И, давая вамъ обѣщаніе, не зналъ, что нынѣшній сборъ чаю былъ уже проданъ въ то самое утро. Поэтому мы можемъ предложить престарѣлому господину только чай изъ того количества, которое оставляемъ про запасъ для нашихъ друзей», привилъ онъ робко. Я поблагодарилъ его за подарокъ, предложенный столь деликатнымъ образомъ, и разговоръ перешелъ на обыкновенные темы. Я сталъ расхваливать красоту мѣстныхъ пейзажей. Онъ поклонился и спросилъ: «могу ли освѣдомиться у престарѣлого господина, въ какомъ именно счастливомъ возрастѣ онъ пребываетъ?»—«Мнѣ всего лишь тридцать шесть лѣтъ, сударь».—«Скажите на милость! А вѣдь я на видъ даль бы вамъ ровно вдвое *). Я поклонился въ свою очередь.—«А вы, старшій братецъ, много ли счастливыхъ годовъ вы прожили?»—«Мнѣ всего лишь шестьдесятъ два года».—«Трудно было бы дать вамъ на видъ вдвое болѣе этого числа лѣтъ», сказала я, улыбаясь, «несомнѣнно, однако, что вы каже-

*.) Это считается въ Китаѣ величайшимъ комплиментомъ. Тамъ есть пословица „И мо йо синъ, женъ мо йо ку“ (Въ одеждѣ пѣнится болѣе всего новизна, а въ человѣкѣ старость.)

тесь гораздо старѣе этого возраста. Поклонившись сно-
ва, онъ спросилъ: «какъ уважаемое имя престарѣлаго гос-
подина?»—«Мое скромное имя Си».—«Престарѣлый госпо-
динъ вмѣстѣ и родомъ изъ Си» *)?—«Вы угадали, Уангъ-
Мингъ-Це», отвѣчалъ я, улыбаясь этому каламбуру. Онъ
тоже засмѣялся и прибавилъ: «тутъ не было ничего хит-
раго, Си-Лоа-Йе **). Но я еще не знаю, какая страна
была уважаемой вашей родиной?».—«Франція». Оба мои
гостя поклонились. «Какъ здоровье вашихъ родителей,
Си-Лоа-Йе?»—«Они умерли, Уангъ-Сіенъ-Сенъ ***). Они
давно уже умерли?».—«Мы вамъ искренно соболѣзнуемъ,
Си-Лоа-Йе. Отъ того то вѣроятно вы и рѣшились поки-
нуть свою родину?».—«Вы угадали, Уангъ-Сіенъ-Сенъ.
Можно ли въ свою очередь спросить у васъ, счастливѣе
ли вы меня, и все ли еще въ живыхъ ваши родители?»?
—«Отецъ умеръ у меня три года тому назадъ, но мать
еще меня не покидаетъ. Ей уже девяносто два года,
и, благодаря Небу, она совершенно здорова?».—«Большая
у васъ семья, Уангъ-Мингъ-Це?»—«У меня четыре до-
чери, три изъ нихъ старше По-И, а четвертая моло-
же его. Онъ замужемъ и живутъ не въ нашемъ селѣ.
Есть кромѣ того еще младший сынъ, тоже женатый.
Его интересы отдѣлены отъ нашихъ, но онъ живеть со-
всѣмъ по сосѣдству съ нашимъ домомъ. Наконецъ вотъ
у По-И уже шестеро дѣтей». Я поздравилъ ихъ обоихъ.
Тѣмъ временемъ слуга принесъ чай, сигары и нѣсколь-
ко сортовъ разныхъ французскихъ ликеровъ. Все это
было сервировано на маленькихъ столикахъ, размѣщен-

*) Си—первый слогъ моей фамилии по-китайски обозначаетъ западъ.

**) Достопочтенный Си.

***) Господинъ Уангъ.

ныхъ между стульями. Ликеры повидимому понравились гостямъ, но сигары найдены были слишкомъ крѣпкими. Бесѣда приняла между тѣмъ болѣе общій характеръ. Мы разговаривались о Франціи, ея нравахъ, промышленности, желѣзныхъ дорогахъ. По-И, до сихъ поръ почти не открывавшій рта, засыпалъ меня вопросами. Взявъ съ меня обѣщаніе навѣстить ихъ завтрашній день, гости наконецъ откланялись.

На другой день я зашелъ къ нимъ. Мужчины вышли ко мнѣ на встрѣчу и затѣмъ торжественно провели меня въ залу, гдѣ ожидала вся семья, выстроившись по ранжиру въ одну шеренгу. Меня почти насильно усадили на почетное мѣсто, хотя я и клялся, что на него не сяду. Уангъ-Мингъ-Це сѣлъ возлѣ меня, по правую руку, а затѣмъ По-И представилъ мнѣ всѣхъ присутствующихъ. Вотъ его мать, Уангъ-Лай-лай (госпожа Уангъ), и его жена, По-Та-Ніангъ (госпожа По). Онѣ становятся прямо противъ меня и отвѣшиваютъ большой поклонъ, опуская сложенные руки до земли и подымая ихъ затѣмъ до высоты подбородка. Вотъ его старшій сынъ А-Пе, здоровенный восемнадцатилѣтній парень, и старшая дочь По-Куей-Ню (дѣвица По И), скромная и милая шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Оба сдѣлали передо мной «Ко-теу» *). Такими же поклоны нами привѣтствовали меня пятнадцатилѣтній мальчикъ, двѣ дѣвочки: одна двѣнадцати, другая десяти лѣтъ, и наконецъ совсѣмъ крохотный трехъ съ половиной-лѣтній мальчуганъ, на которого всѣ смотрѣли съ улыбкой. Нисколько не смущаясь этимъ, малютка подошелъ ко мнѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ, сталъ передо мной на колѣни, по-

*) Ко-теу—самый почтительный изъ церемониальныхъ китайскихъ поклоновъ.

клонился до земли и поднялся очевидно вполнѣ довольный тѣмъ, что такъ хорошо выполнилъ ту же церемонію, какъ и взрослые.

Подойдя въ свою очередь къ матери и женѣ По-И, я поклонился имъ и, поблагодаривъ дѣтей дружественнымъ жестомъ, усѣлся опять на мѣсто. При этомъ я вспомнилъ, что не видаль еще важнѣйшаго изъ членовъ семьи. «Гдѣ же однако По-Сіенъ-Сень, ваша бабушка? Ужъ не захворала ли она?»—«Она здоровая, Си-Лао-Йе, но только не можетъ долго стоять и немного позамѣшкаться. Вотъ она и пришла». Въ это время дѣйствительно входила въ залу старушка. Ее вель подъ руку младший сынъ Уангъ-Мингъ-Це, который явился также къ отцу, чтобы посмотреть на меня. Она совсѣмъ ужъ согнулась отъ старости и медленно шла, опираясь на палку. Я поспѣшилъ сдѣлать нѣсколько шаговъ на встрѣчу старушкѣ и отвѣсилъ ей самый почетный церемоніальный поклонъ, на который она отвѣтила мнѣ только веселымъ взглядомъ, такъ какъ отъ старости не могла нагибаться. Это дѣйствительно уже совсѣмъ дряхлая старуха. Лицо ея изрыто морщинами, руки дрожать и голова тряется, однако же въ глазахъ, принявшихъ снова обычное старымъ людямъ меланхолическое выражение, все еще много жизни. Сѣдые волосы почтенной старушки украшены тѣми же цветами, какъ и волосы внучекъ. Она держитъ себя съ большимъ достоинствомъ. «Садитесь, сударь,—говорить она мнѣ,—и будьте гостемъ». Всѣ усѣлись снова по мѣстамъ. Тогда, по данному мной знаку, мой служитель принесъ большой ящикъ, изъ которого послѣдовательно вынулъ полишинеля, разныя картинки, нѣсколько пачекъ съ иголками, пачку розовыхъ свѣчъ, связку разноцвѣтныхъ лентъ, волчокъ,

куклу и стереоскопъ. Разнообразіе подарковъ, удовлетворившее самыи различныи вкусы, привело всѣхъ въ восхищеніе. «Знаешь что, бабушка! Отправимъ-ка къ чорту весь церемоніалъ и этикетъ. Престарѣлый господинъ имъ повидимому не особенно дорожитъ». Престарѣлый господинъ дѣйствительно не дорожилъ этикетомъ. Онъ самъ помолодѣлъ и сошелъ со своего трона *). Покинувъ диванъ, онъ подходитъ къ членамъ семьи и объясняетъ имъ употребленіе стереоскопа. Вопросамъ и благодарностямъ неѣть конца. «О, Си-Лао-Йе!» Малютка въ восторгѣ. Волчокъ бойко кружится. Дѣвочки развертываютъ подаренные имъ ленты, но большій всего фуроръ производить стереоскопъ. Европейскія улицы и площади возбуждаютъ всеобщее изумленіе. Особенно же изумляются китайцы нашими пятиэтажными домами. Представьте себѣ, они никакъ не могутъ сообразить, чтобы можно было взбираться на такую высъ, и не понимаютъ, чего ради людямъ приходится жить въ такой тѣснотѣ другъ надъ другомъ. Но вотъ открылись двери и черезъ нихъ вносятъ столъ, уставленный кушаньями. Это настоящій обѣдь. «Что же это вы, Уангъ-Сіенъ Сенъ? Этого вѣдь не было между нами условлено. Какъ же вы хотите, чтобы я теперь ёлъ, когда всего лишь два часа тому назадъ я плотно позавтракалъ?». — «Прошу васъ, Си-Лао-Йе, сдѣлайте милость, понатужьтесь немножко! Старушка Уангъ-Лао-По **), Уангъ-Лай-лай и дѣти исчезаютъ изъ залы. За столомъ настъ всего лишь четверо мужчинъ. Это меня не удивляетъ, и я не дѣлаю никакихъ

*) Диванъ, который считается почетнымъ мѣстомъ, зачастую помѣщается на особомъ помостѣ, приподнятомъ на одну или дѣвъ ступеньки надъ остальнымъ поломъ.

**) Достопочтенная г-жа Уангъ.

кихъ вопросовъ, такъ какъ знаю, что, по крайней мѣрѣ въ присутствіи гостей, не принято, чтобы женщины кушали за однимъ столомъ съ мужчинами. Жена и сынъ По-И остались, однако, въ залѣ, чтобы намъ прислушивать. У моего прибора лежать ложка, ножикъ и вилка, принесенные тѣмъ временемъ моимъ служителемъ.

Обѣдъ хороший, но простой; въ немъ нѣтъ изысканныхъ блюдъ, которыя подаются на торжественныхъ обѣдахъ у богачей и важныхъ мандариновъ. Это обыкновенный крестьянскій праздничный обѣдъ. По серединѣ стола—рыба съ подливкой изъ очень наварной ухи. По обѣимъ сторонамъ миски съ рыбой—жареные утки и цыплята. По четыремъ угламъ стола соотвѣтственно расположены: филе изъ баранины и свинины—разрѣзанныя на маленькие кусочки, блюда съ очень вкусной, сочной лапшой и соусъ изъ бобовъ. Въ промежуткахъ между блюдами разставлено по всему столу множество соленыхъ и сладкихъ закусокъ. Китайцы єдятъ ихъ и передъ обѣдомъ и между кушаньями. Въ числѣ этихъ закусокъ я узналъ шампиньоны, креветокъ, бадиджаны, водоросли, имбирь, маленькие засахаренные лимоны, коба *), гороховый сырь и т. д. Передъ каждымъ изъ настъ—маленькая тарелочка и чашка съ рисомъ вмѣсто хлѣба. Обѣдъ, действительно, былъ очень хороший и всѣ, не исключая меня самого, єли съ большимъ аппетитомъ. Затѣмъ блюда съ кушаньями были убраны и, вмѣсто нихъ, дѣвочки привнесли намъ десертъ, состоявшій изъ апельсиновъ, сушеныхъ плодовъ, конфектъ, пирожковъ, вина и ликера. Вино вызвало у меня невольную гримасу. Это была рисовая водка, которую подаютъ горячей. Я никакъ не

---

*) Метелку особаго сорта тростника.

могъ привыкнуть къ ея запаху. Ликеры пришли съ мнѣ болѣе по вкусу. Одинъ изъ нихъ очень походилъ на курасао.

Обѣдъ кончился. Хотя это и былъ простой праздничный обѣдъ, онъ все-таки тянулся два часа. Мы бесѣдовали послѣ того еще нѣсколько времени. Солнце стояло уже очень низко, когда я наконецъ простился съ новыми моими друзьями.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе шести недѣль, проведенныхъ мной въ Уангъ-Мо-Хи, я видѣлся съ ними каждый день или у нихъ въ домѣ, или въ полѣ. Точно также я встрѣчался съ ними ежедневно и въ слѣдующіе затѣмъ года, когда прїезжалъ отъ времени до времени въ Уангъ-Мо-Хи, чтобы укрыться отъ лѣтнихъ жаровъ. Мнѣ пришлось такимъ образомъ собственными глазами видѣть, какъ они живутъ, работаютъ и веселятся. То, что нельзѧ было выяснить непосредственнымъ наблюденіемъ, мнѣ удалось разузнать изъ дружескихъ отвѣтовъ на вопросы, которые я позволялъ себѣ впослѣдствіи, когда вошелъ въ довѣріе моихъ пріятелей. Все, вмѣстѣ взятое, показалось мнѣ интересной картиной домашняго китайскаго быта, которую я и намѣренъ представить теперь читателю.

II.

Семья Уангъ-Мингъ-Це обладаетъ собственной фамильной исторіей, восходящей до весьма отдаленныхъ временъ. Она начинается назадъ тому восемьсотъ лѣтъ, вмѣстѣ съ исторіей всего округа Уангъ-Мо-Хи. Главныи-шие ея эпизоды извѣстны всѣмъ членамъ семьи. Ихъ напоминаютъ при большихъ семейныхъ празднествахъ, когда прочитываются также старинныя родословныя. По

этимъ родословнымъ, населеніе всего округа безспорно про-
исходить отъ одной супружеской четы, которая нѣкогда
тамъ поселилась. По характеру своему родословныя очень
напоминаютъ генеалогію Іуды, въ первой главѣ евангелія
отъ Св. Матея. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ
лишь, что, за восемьсотъ лѣтъ до настоящаго времени, въ
царствованіе боярхана Юенъ-Фонги, изъ сѣверной династіи
Сонговъ, нѣкто Уангъ пришелъ однажды изъ
страны Шу въ здѣшнюю долину. Мѣстность ему понравилась,
и онъ поселился тамъ на жительство. Тогда рѣка
Ta-Шуей-Хи имѣла во всякомъ случаѣ совсѣмъ иной
видъ, чѣмъ въ настоящее время. Безъ сомнѣнія она текла
и тогда приблизительно тамъ-же, гдѣ течетъ теперь,
но она затопляла отчасти нынѣшніе свои берега и не
имѣла еще никакого наименованія. Можно сказать, по-
жалуй, что она была безжизненна и мертва. Никто не могъ
еще предвидѣть тогда, что воды ея, съ теченіемъ вре-
мени, покинутъ русло свое въ долинѣ, чтобы взобраться
на горы и принять участіе въ трудахъ и радостяхъ
человѣка. Растенія и деревья произрастали тамъ и сямъ
въ беспорядкѣ, представляя притонъ единственно дикимъ
звѣрямъ. Горы обнажались и въ отчаяніи воздымали къ небу
скалистый свой оставъ. Повсюду кругомъ былъ хаосъ, пока
не появился человѣкъ въ лицѣ Уанга и не сжалился надъ
этимъ хаосомъ. Все измѣнилось тогда, какъ бы чудомъ.
Онъ назвалъ рѣку «Великой водою долины» и, облегчивъ
ея стокъ, освободилъ берега ея отъ наводненій. Рѣка стала
его служительницей. Онъ выбралъ участокъ земли, обра-
боталъ его и назвалъ собственнымъ своимъ именемъ. «Да
будетъ это», сказалъ онъ, «отселъ и навсегда землею
Уанговъ. Онъ относился къ землѣ своей такъ, какъ еслибы
она была ему второю женой, и любилъ ее отъ всего

сердца. Въ то время, какъ первая жена рожала ему дѣтей, вторая, т. е. земля, производила въ изобиліи все необходимое для удовлетворенія ихъ нуждъ. Когда дочери его подросли, за ними сватались молодые люди изъ Юе, У-Си и Гао-Цонга, жившіе за горами, и онъ выдалъ за нихъ дочерей замужъ. Когда возмужали его сыновья, онъ указалъ каждому изъ нихъ поле и послалъ ихъ свататься за сестрами своихъ зятьевъ. Такимъ образомъ они поженились. По прошествіи нѣкотораго времени вокругъ Уанга сгруппировались его сыновья, внуки и правнуки, отличавшіеся другъ отъ друга лишь прозвищами, прибавленными къ фамильному имени. Такъ возникли родственныя семьи Уангъ-Тie-Куе, Уангъ-Про-Сень, Уангъ-Ху-Цангъ, и т. д. Такимъ путемъ заселилась и была обработана вся долина. Теперь же горы свидѣтельствуютъ о славѣ Уанга, и земля наполнена его именемъ. На выбранномъ имъ для себя участкѣ, протяженіемъ въ какихънибудь 1200 гектаровъ, живеть по меньшей мѣрѣ 10.000 душъ, которая по мужской линіи почти всѣ ведутъ свой родъ отъ праотца Уанга и законной его супруги.

Можетъ ли кто представить себѣ, какое оживленіе вносить въ пейзажъ присутствіе 10 тысячъ жителей, разбросанныхъ на протяженіи 1200 гектаровъ? Не знаешь просто, какъ и назвать такой пейзажъ. Нѣть! здѣсь не сельская жизнь, какъ понимаютъ ее во Франціи, съ необозримыми полями и деревнями, отдѣленными другъ отъ друга большими незаселенными промежутками. Тутъ нѣть ничего похожаго на деревню, гдѣ не чѣмъ развлечься, нельзя ничего достать и гдѣ, оставшись на зиму, рискуешь умереть отъ скуки. Что же это въ такомъ случаѣ? Городъ? Нѣть, это тоже и не городъ. Здѣсь

нѣть городского шума, лихорадочной и зачастую безплодной дѣятельности, нѣть и городской роскоши, со-прикасающейся съ бѣдностью. Уангъ-Мо-Хи соединяетъ всѣ прелести деревни со всѣми удобствами города. Переенесемся въ окрестности Парижа, между Бельви и Шавиллемъ. Представимъ себѣ, что вмѣсто тамошнихъ роскошныхъ вилль и дачь съ притязаніями на роскошь, стоять скромные одноэтажные чистенькие крестьянскіе домики, бѣлаго или сѣраго цвѣта, крытые красной или синей черепицей, и распредѣлимъ эти домики нѣсколько равномѣрнѣе загородныхъ парижскихъ дачъ. Въ результатѣ получится нѣчто очень похожее на Уангъ-Мо-Хи. Школь тамъ чрезвычайно много: можно сказать, что на каждые пятнадцать домовъ приходится среднимъ числомъ одна школа. Не считая многихъ фамильныхъ библіотекъ, великодушно предоставленныхъ въ общее пользованіе и помѣщающихся въ особыхъ зданіяхъ, которыя посвѣщены памяти предковъ, въ Уангъ-Мо-Хи есть нѣсколько публичныхъ библіотекъ при буддійскихъ пагодахъ. Кромѣ этихъ буддійскихъ пагодъ, въ каждомъ изъ десяти кварталовъ Уангъ-Мо-Хи имѣется особое публичное зданіе. Европейцы называютъ его тоже пагодою, но оно не имѣетъ ничего общаго съ богослуженіемъ. Представьте себѣ большой дворъ, обнесенный съ четырехъ сторонъ стѣнами въ 20 или 25 футъ вышиною. Вдоль трехъ изъ этихъ стѣнъ тянется внутри двора галлерея, каменный полъ которой поднятъ приблизительно на пять футъ надъ землей, а крыша поддерживается колоннами. Вдоль четвертой стѣны идетъ болѣе широкая, тоже крытая галлерея, каменный помостъ которой не такъ высоко приподнятъ надъ землею. Затѣйливая ея крыша, съ направленными вверхъ углами и острыми ребрами, украшена

разными фигурами и терракоты. Изъ этой галлереи, напоминающей собою театральную сцену, имются по обѣ стороны выходы на открытый дворъ, лежащий между нею и возвышенными галлереями. Зданіе это служить для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Три раза въ недѣлю, по утрамъ, собирается тамъ базарь. Середи дня и вечеромъ оно, если не предвидится для него какого-либо особаго употребленія, служить чѣмъ-то въ родѣ клуба, мѣста какихъ угодно публичныхъ собраній. Тамъ справляютъ различные празднества, организуютъ свѣтскія и духовныя процесіи въ память великаго общественнаго дѣятеля или же буддійскаго святого, состоящаго покровителемъ какого нибудь ремесленного цеха. Съ прибытиемъ труппы кочующихъ артистовъ (что случается довольно часто), зданіе немедленно превращается въ театръ. Наконецъ оно служить также каравансераемъ для путешественниковъ, которые почему либо не хотятъ остановиться въ гостиницѣ.

Пагода, стоящая по самой серединѣ Уангъ-Мо-Хи, какъ и слѣдовало ожидать, больше и великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ. Черепица на ней покрыта зеленою глазурью, а стѣны одѣты внутри фарфоровыми плитами, украшенными различными изображеніями. Послѣ всего этого позволительно будетъ спросить: много ли найдется въ Европѣ городовъ, которые были бы въ большей степени, чѣмъ Уангъ-Мо-Хи, снабжены всѣмъ, что можетъ нравиться глазу и удовлетворять умъ. Не хочу скрывать однако, что не все въ этомъ хорошенькомъ уголкѣ земли стоять, если можно такъ выразиться, выше критики. Вглядѣвшись попристальнѣе, можно найти тамъ, безъ сомнѣнія, и многое что непріятное. Хуже всего то, что въ концѣ каждой тропинки, у входа въ поле, врыть въ землю громадный сосудъ, наполненный жидкимъ удоб-

реніемъ. Европейцы, которыхъ страсть къ охотѣ завлекаетъ иногда въ Уангъ-Мо-Хи, жалуются, что тамъ, какъ и повсюду, ничто или почти ничто не обнаруживаетъ присутствія этихъ проклятыхъ посудинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что они не издаются никакого зловонія, такъ какъ ихъ обыкновенно самымъ тщательнымъ образомъ закрываютъ широкими листьями кувшинчика, чтобы по возможности предупредить испареніе. За то тѣмъ легче въ нихъ упасть, когда, увлекшись охотой, не смотришь себѣ подъ ноги. Тѣ, съ кѣмъ случалось такое несчастіе, предпочитаютъ, конечно, о немъ не рассказывать, но хранять его на вѣки въ памяти и никогда не прощають Китаю. Когда кто-либо изъ путешественниковъ, побывавшихъ въ Срединномъ Царствѣ, говорить съ озлобленіемъ о китайскихъ порядкахъ, можете почти навѣрняка утверждать, что ему довелось свалиться въ подобную посудину.

III.

Въ какую именно эпоху исторіи Уангъ-Мо-Хійскаго округа семья Уангъ-Мингъ-Це начала выдѣляться въ особую единицу и какимъ именно образомъ состоитъ она въ связи съ общимъ патріархомъ округа? Вопросъ этотъ было бы нетрудно разрѣшить на основаніи родословныхъ списковъ и семейныхъ лѣтописей. Эти семейные документы считаются настолько достовѣрными, что приведенные въ нихъ факты никогда и ни въ какихъ случаяхъ не подвергаются сомнѣнію. Впрочемъ, даже и строжайшее судебнное слѣдствіе не могло бы подъ нихъ подкопаться. Дѣйствительно, ложь тамъ совершенно не-мыслима. Кто осмѣлился бы поддѣлать метрику, хорошо

извѣстную всѣмъ сосѣдямъ? Къ тому же, развѣ семейные книги любой китайской фамиліи не могутъ быть провѣрены книгами фамиліи, отъ которой она ведеть свой родъ? Нельзя поэтому допустить возможность какой-нибудь невѣрности въ семейной книгѣ. Даже и на судѣ ссылка на нее имѣеть значеніе безспорного документа. Не считая себя въ правѣ быть требовательнѣй судебныхъ учрежденій, мы въ свою очередь тоже удовлетворимся показаніями Уангь-Мингь-Це.

«У моего дѣда,—сказалъ онъ,—было четырнадцать членовъ дѣтей; пятый изъ нихъ былъ мой отецъ. Троє изъ его братьевъ и одна изъ сестеръ были старше его. Старшій и третій сынъ помогали родителямъ, остались земледѣльцами и не покидали отеческаго крова. Второй сынъ учился, чтобы выйти въ мандарины, и не совсѣмъ безуспѣшно, такъ какъ достигъ въ административной карьерѣ до генераль-губернаторства. При выходѣ старшей его сестры въ замужество, моему отцу было всего лишь пятнадцать лѣтъ. Дѣдъ мой былъ тогда далеко не богатъ. Онъ обрабатывалъ въ общей сложности 15 меу, изъ которыхъ всего лишь 7 или 8 принадлежали ему въ собственность. 15 меу въ тѣ времена приносили гораздо меныше дохода, чѣмъ теперь. Подумайте, что это происходило тому назадъ 80 или 90 лѣтъ, когда не всѣ оросительные каналы были прорыты, и долина была сравнительно менѣе населена. Сельское хозяйство велось поэтому не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ и было не такъ доходно, какъ теперь. Видя, что число дѣтей все возрастаетъ, рѣшились обучать мальчиковъ разными ремеслами и отправить ихъ въ городъ на заработки. Такъ поступили какъ разъ для начала и съ моимъ отцомъ. У него было уже въ то время 6 младшихъ братьевъ и се-

стерь. Онъ пожелалъ сдѣлаться плотникомъ, и дѣдъ три года платилъ за обученіе его этому ремеслу. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему пособляли до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ возможность содержать себя самъ. Вскорѣ однако заработка его увеличился настолько, что можно было сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Эти сбереженія отецъ аккуратно приносилъ домой, являясь на двухнедѣльныя семейныя собранія. Трое другихъ братьевъ, подростая, стали поступать такимъ же образомъ. Съ помощью своихъ сыновей дѣду постепенно удалось округлить и расширить свой участокъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширялось также и домашнее хозяйство. Какъ только въ немъ открывалось достаточно занятія еще для одного человѣка, дѣдъ тотчасъ же вызывалъ котораго нибудь сына изъ города. Наконецъ у него остался въ Фу-Чеу только одинъ младшій сынъ. Это теперь одинъ изъ тамошнихъ крупныхъ торговцевъ. Онъ посѣщаетъ наши семейныя празднества и расчитываетъ вскорѣ передать торговыя дѣла двоимъ изъ своихъ сыновей, послѣ чего вернется сюда на постоянное жительство. Онъ давно уже купилъ здѣсь большой участокъ земли и построилъ себѣ тамъ фамильную гробницу. Пока на этомъ участкѣ хозяйствуетъ старшій его сынъ. Ближайшая къ намъ пагода, служащая для околотка и клубомъ, и биржей, построена была на счетъ этого моего дяди, онъ же беретъ на себя половину расходовъ по содержанію одной изъ школъ нашего квартала. Поэтому онъ какъ бы и не оставлялъ родного пепелища. Однако же я вамъ говорю теперь про дядю, между тѣмъ какъ хотѣмъ вести рѣчь о дѣдушкѣ. Такимъ самымъ порядкомъ, сударь, онъ повыдалъ замужъ своихъ дочерей. Хотя и говорятъ, будто дочери ни во что не обходятся семье,

однако на самомъ дѣлѣ нельзя же отпустить ихъ безъ какого-нибудь приданаго. Сыновьямъ своимъ дѣдъ могъ оставить каждому отъ 10 до 12 меу. Съ этого и началъ вести хозяйство мой отецъ. Теперь же, Си-Лао-Йе, если васъ интересуетъ исторія моего прадѣда или даже пра-прадѣда, я могу вамъ разсказать и про нихъ, но все это будетъ приблизительно та же самая пѣсня, лишь съ маленькими варіантами.

Изъ числа моихъ предковъ могу впрочемъ указать на нѣсколькихъ, которыми гордится семья. Одинъ изъ нихъ занималъ должность областнаго сборщика податей и проложилъ на свой счетъ пятый каналъ по лѣвому берегу Та-Шуей-Хи. Я покажу вамъ когда-нибудь надгробный памятникъ, поставленный ему мѣстнымъ населенiemъ у насъ на семейномъ кладбищѣ. Другой достигъ высшихъ ученыхъ степеней и былъ попечителемъ народнаго просвѣщенія въ области Ху-Пе. Одинъ изъ мостовъ на здѣшней рѣкѣ выстроенъ его иждевеніемъ. Богатую свою библиотеку онъ передалъ въ общественное пользованіе и устроилъ при ней школу, обеспечивъ ея существование достаточнымъ вкладомъ. Онъ покоятся тоже на нашемъ семейномъ кладбищѣ, такъ какъ вернулся подъ старость сюда и умеръ въ собственномъ своемъ домѣ, окруженный своими дѣтьми, которыхъ почти всѣ были здѣшними земледѣльцами. Въ нашихъ семейныхъ лѣтописяхъ значится, что на его похоронахъ присутствовало все населеніе Уангъ-Мо-Хи. Можно было бы привести еще кое какихъ предковъ въ такомъ же родѣ, но все это наврядъ ли васъ заинтересуетъ. Къ тому же, кто изъ нашихъ односельчанъ не можетъ похвастаться тѣмъ же? О такихъ предкахъ вспоминаешь съ удовольствиемъ, какъ о пережитыхъ счастливыхъ минутахъ, но вспоми-

нать о такихъ минутахъ пріятно только тому, кто самъ ихъ пережилъ».

— Должно быть, что въ одно изъ предшествовавшихъ существованій, въ которыхъ вы вѣрите, Уангъ-Сіень-Сенъ, я былъ тоже сыномъ какой либо изъ вашихъ ста семей. По крайней мѣрѣ все, что вы рассказываете о своихъ предкахъ, производить на меня такое же впечатлѣніе, какъ еслибы они были моими предками.

— «Почемъ знать, Си-Лао-Йе? Развѣ не братья другъ другу всѣ люди» *)?

— «Очень хорошо сказано, Уангъ-Мингъ-Це. Сдѣлайте милость, продолжайте ваше повѣствованіе. Оставимъ въ покой древнія времена. Расскажите лучше, какимъ образомъ удалось вашему отцу устроить свои дѣла?

— «Я уже вамъ говорилъ, Си-Лао-Йе, что въ семье изъ четырнадцати дѣтей онъ считался по порядку пятымъ. При кончинѣ дѣда у моего отца были уже дѣти, но младшіе его братья и сестры не всѣ еще достигли того возраста, въ которомъ могли бы пристроиться. Раздѣль былъ поэтому невозможенъ. Никто о немъ впрочемъ и не думалъ. Дѣла шли прежнимъ чередомъ съ тою лишь разницей, что хозяйствомъ заправлялъ старшій изъ моихъ дядей. Бабушка, надо сказать, умерла въ скоромъ времени послѣ дѣда. Семья жила попрежнему подъ одной кровлей и ёла, такъ сказать за однимъ столомъ. Оно, знаете, обходилось дешевле, да и легче было поднять молодыхъ подростковъ. Я былъ тогда уже не изъ самыхъ маленькихъ, и помню все такъ же ясно, какъ еслибы это случилось вчера. Двѣ изъ моихъ тетокъ были тогда замужемъ. Мы обыкновенно видѣли

*) Это буквальный переводъ пословицы „Се ха че луй, хіай хіонгъ ти ѹе“. (Proverbes chinois, par M. Paul Perny.)

ихъ лишь на Новый годъ, когда онъ со своими дѣтьми прѣѣзжали погостить у насъ дня два или три. Дядя, вышедшій въ ученые и занимавшій въ другой области административный постъ, получалъ достаточно жалованья для того, чтобы не требовать полностью весь причитавшійся на его долю доходъ съ наслѣдства. Значительную часть этой доли онъ предоставилъ семье. Въ дѣдовскомъ нашемъ домѣ жило тогда пятеро тетокъ да отецъ съ пятью своими братьями. Самъ отецъ и трое изъ его братьевъ были уже женаты. Въ общей сложности у нихъ было девятеро дѣтей, такъ что вся семья состояла изъ двадцати четырехъ душъ, не считая четырехъ годовыхъ рабочихъ: троихъ мужчинъ, помогавшихъ въ полевыхъ работахъ, и одной женщины, занимавшейся домашнимъ хозяйствомъ. До раздѣла семья жила на своихъ двадцатичетырехъ меу очень хорошо. Это продолжалось однако только до тѣхъ поръ, пока тетки не вышли замужъ и пока младшій изъ моихъ дядей не основался въ Фу-Чеу. Нуждаясь въ деньгахъ для торговыхъ оборотовъ, онъ желалъ немедленно получить слѣдующую ему долю наслѣдства.

Мандаринъ, у котораго семья увеличивалась быстрѣе, чѣмъ возрастало его жалованья, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказаться тоже въ пользу раздѣла. Съ другой стороны становилось очевиднымъ, что рано или поздно надо будетъ прибѣгнуть къ раздѣлу. Рѣшено было не откладывать его въ долгій ящикъ, тѣмъ болѣе, что у сосѣдей оказался какъ разъ излишнимъ участокъ земли, и они искали на этотъ участокъ покупателя. Вы сейчасъ увидите, какимъ образомъ обстоятельство это могло облегчить раздѣлъ. Семеро братьевъ начали съ того, что подѣлили отцовское наслѣдство на 8 равныхъ частей. Двѣ изъ этихъ частей съ дѣдовскимъ домомъ

достались по праву старшему брату. Надѣлы купца и мандарина были куплены остальными пятью братьями сообща, съ условиемъ выплатить покупную сумму въ трехлѣтній срокъ, а до тѣхъ поръ платить за этотъ капиталъ обычные у насть проценты. Вмѣстѣ съ тѣмъ пятеро братьевъ арендовали, сообща же, у сосѣдей продажный участокъ, заявивъ имъ о желаніи купить этотъ участокъ и заплатить за него въ условленный срокъ. Потомъ пятеро братьевъ приступили къ новому раздѣлу. Пріобрѣтенная ими сообща земля, въ общей сложности около 40 меу *), была раздѣлена на пять равныхъ участковъ, и каждый изъ братьевъ получилъ по одному такому участку вдобавокъ къ доставшемуся ему по наслѣдству. Тогда принялись строить сообща дома для четырехъ братьевъ, у которыхъ ихъ не было. Какъ только отстраивался домъ на участкѣ, принадлежавшемъ одному изъ братьевъ, онъ и переселялся туда со своей семьей. Всего этого разумѣется нельзя было устроить разомъ. Въ концѣ концовъ у каждого изъ братьевъ оказался собственный домъ, но тѣмъ не менѣе они продолжали хозяйствовать сообща, пока, по прошествіи трехъ лѣтъ, не удалось скопиить столько, сколько требовалось для уплаты за купленную въ долгъ землю. Тогда только и состоялся окончательный раздѣлъ. Впрочемъ и послѣ того главныя хозяйственныя работы производились совмѣстно. Братья оказывали другъ другу взаимную помощь и содѣйствіе, по каждыи изъ нихъ уже жилъ своимъ домомъ, вель свое хозяйство по собственному усмотрѣнію и считалъ получаемый со своихъ полей доходы полной своей собственностью».

---

*) Мей равняется приблизительно 0,07 французского гектара.

— Все это прекрасно, Уангъ-Сиенъ-Сенъ, но что бы стали вы выдѣлать, еслибы соседи не были расположены продать землю, покупка которой пришлась такъ кстати для вашей увеличившейся семьи?

— Что-жъ, Си-Лао-Йе, тутъ неподалеку живутъ родственники, у которыхъ земли меньше, чѣмъ у насъ было тогда, хотя семья у нихъ и больше нашей. Мы жили бы такъ же, какъ и они. Земля вѣдь, если хозяйствовать какъ слѣдуетъ, гораздо щедрѣе и тароватѣй, чѣмъ можно себѣ представить».

— Однако жъ, что стали бы вы дѣлать, еслибы вашъ участокъ земли оказался все-таки же черезезчуръ малымъ?

— «Тогда двое или трое изъ моихъ дядей ушли бы къ родственникамъ въ сосѣднюю, менѣе населенную долину и съ помощью ихъ арендовали бы себѣ тамъ участокъ, который было бы можно рано или поздно купить себѣ въ собственность».

— А еслибы и это не удалось?

— Они отправились бы куда-нибудь дальше. Вотъ и все. Въ другихъ областяхъ, да и въ здѣшней области, есть много мѣстностей вдвое менѣе населенныхъ, чѣмъ здѣшняя. Вы думаете, что ихъ тамъ бы не приняли? Развѣ всѣ, кто работаетъ, не такъ же тѣсно связанъ другъ съ другомъ, какъ члены одной и той же семьи? Да вѣдь и у васъ самихъ, сударь, должно быть поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ такъ же»?

— У насъ, Уангъ-Мингъ-Це, населеніе далеко не такое густое, какъ здѣсь. Къ тому же половина нашихъ земель занята еще лѣсами, пустырями и болотами.

— «И такие порядки существуютъ во всѣхъ вашихъ западныхъ краяхъ»?

— Да, къ сожалѣнію!

— «Вотъ какъ! Тогда не понимаю только, чего ради европейцы постоянно воюютъ съ чужеземными народами, вмѣсто того чтобы употреблять всѣ силы на завоеваніе собственной своей территоріи и на увеличенье въ ней численности населенія?»

Я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, да и что могъ бы я на него отвѣтить? Какъ втолковалъ бы я своему собесѣднику, что характеризующее Европу постоянное военное положеніе, сравнительная малочисленность населенія и безплодіе значительной части территоріи являются слѣдствіями варварскаго нашего законодательства, выгоднаго лишь для относительно небольшого кружка эгоистовъ. Видя, что Уангъ-Мингъ-Це находится на пути такихъ размышеній, которые угрожаютъ привести его къ заключеніямъ, невыгоднымъ для европейской цивилизациі, я поспѣшилъ вернуться къ прежней темѣ разговора.

— Вы сказали, Уангъ-Сіенъ-Сень, что двое вашихъ дядей, покинувшихъ-было здѣшній округъ, давно уже съ тѣхъ порь купили себѣ здѣсь по сосѣдству новые участки земли. Что бы стали они дѣлать, однако, если бы дѣла у нихъ пошли худо?

— «У насъ въ теченіе нѣкотораго времени проданный наследственный участокъ можетъ быть всегда купленъ обратно *). Имъ вернули бы прежніе участки или отвели бы новые такой же цѣнности, какъ и прежніе. Въ слу-

*.) Вообще при продажѣ наследственныхъ участковъ родственникамъ предоставляется преимущество передъ другими покупателями. Это выгодно и для самихъ продавцевъ. Я думаю въ Китаѣ не было примѣра, что бы наследственный участокъ перешелъ когда-нибудь въ чужія руки. Единственнымъ исключеніемъ являются земли, купленныя китайскимъ правительствомъ у владѣльцевъ для устройства европейскихъ кварталовъ въ портахъ, открытыхъ для заграничной торговли.

чай недостатка въ деньгахъ, они могли бы выплатить слѣдующую въ возвратъ покупную сумму не сразу, а постепенными взносами».

— Теперь я понимаю, какъ уложены были у васъ материальные интересы. Мне хотѣлось бы однако узнать, какъ отражается раздѣлъ на семейномъ кульѣ? Прекращается ли съ раздѣломъ такъ же и эта нравственная связь между членами семьи? Вообще, какія отношенія остаются послѣ того между дѣтьми и сохраняется ли у нихъ тогда какая-либо связь съ отцовскимъ домомъ?

— «На это отвѣтить нетрудно, Си-Лао-Йе. Вообще, къ раздѣлу прибѣгаютъ у насъ лишь тогда, когда дѣти уже возмужали и въ состояніи жить каждый своимъ домомъ. Въ большинствѣ случаевъ у нихъ у самихъ тогда есть жены и взрослые дѣти. Каждый можетъ, значитъ, у себя дома выполнять большинство обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ поклоненію предкамъ. Каждый имѣеть на это полное право. По большей части, однако, правомъ этимъ начинаютъ пользоваться лишь послѣ того, какъ умреть кто-либо изъ основателей новой семьи (все равно отецъ или мать). До тѣхъ поръ, а иногда и послѣ того, общія семейныя собранія происходятъ у старѣйшаго изъ братьевъ. Во всякомъ случаѣ, у него обязательно спрavляются ежегодно поминки по родителямъ, особыя семейныя празднества, а также празднества въ честь временъ года. Если у нѣсколькихъ родственныхъ семействъ есть храмъ, специально посвященный поклоненію предкамъ, то всѣ семейныя собранія происходятъ въ этомъ храмѣ. На большія празднества, какъ напримеръ, въ честь Конфуція и великихъ древнихъ мужей, собираются у старѣйшаго въ околоткѣ. Расходы на эти празднества покрываются сравнительно болѣею долей

наслѣдства, достающейся старшему въ родѣ, а также пожертвованіями, которыя на этотъ предметъ дѣлаются отъ времени до времени богатыми членами семьи. Если все это оказывается недостаточнымъ, то каждый изъ членовъ вносить посильную свою лепту. Такъ это дѣжалось и у насъ. Что касается до двоихъ изъ моихъ дядей, купца и ученаго, то когда они оказались не въ состояніи аккуратно присутствовать на семейныхъ празднествахъ, имъ дана была выписка изъ семейной книги, въ которой значилась ихъ родословная до четвертаго предка въ восходящемъ колѣнѣ, а затѣмъ они могли устраиваться какъ знали. Необходимо замѣтить, однако, что они рѣдко лишь упускали случай присутствовать у насъ на важныхъ семейныхъ празднествахъ».

— Благодарю васъ, Уангъ-Сіень-Сенъ. Мнѣ остается сдѣлать вамъ по этому поводу всего лишь еще два вопроса. Судебная власть семьи простирается ли также и на выдѣлившихся изъ нея членовъ, живущихъ въ томъ же околоткѣ или даже въ отдаленномъ округѣ?

— «Безъ сомнѣнія простирается и на нихъ, Си-Лао-Йе; къ кому же стали бы они обращаться, какъ не къ своему семейному суду? Выписка изъ семейной книги дается имъ именно для того, чтобы они могли бы на нее сослаться въ доказательство своей принадлежности къ семье. Развѣ можно допустить, чтобы какой-нибудь родственникъ попалъ на судъ къ мандаринамъ? Это было бы безчестіемъ для всей семьи. Мандарины и законъ, какъ говорится въ пословицѣ, существуютъ не для честныхъ людей».

— Пословица эта совершенно права. Объясните мнѣ теперь, сдѣлайте милость, въ такой ли степени обязательны для родственниковъ, какъ и поклоненіе предкамъ, расходы на буддистскіе обряды, совершаемые у васъ почти

всегда на похоронахъ, а также обязательно ли заказывать въ буддистскихъ пагодахъ молебны за упокой души усопшихъ?

— «Нѣть это считается обязательнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда было предписано при жизни самимъ покойникомъ. Каждый, однако, если можетъ, выполняетъ также и буддистскіе обряды. Это въ сущности такие пустяки, что изъ-за нихъ не стоитъ выдѣляться отъ другихъ, навлекая на себя, притомъ, подозрѣніе въ скупости».

— Судя по вашимъ словамъ, позволительно заключить, что вы не буддистъ».

— «Какъ же могу быть я буддистомъ, Си-Лао-Йе, когда я изучалъ философию. Подобно Учителю *) я считаю возможнымъ быть вполнѣ увѣреннымъ лишь въ томъ, что живу. Я признаю истиннымъ и необходимымъ только такое знаніе, которое знакомить меня съ жизнью. Разумъ мой отказывается отъ всего остального. Однако-жъ я сказалъ бы вамъ неправду, Си-Лао-Йе, еслибы стала увѣрять, что совершенно недоступенъ многимъ суевѣріямъ, которыхъ гораздо древнѣе буддизма, пристроившагося къ нимъ, чтобы лучше эксплоатировать народныя массы. Когда воздѣлываемые растенія страдаютъ отъ дождя или засухи, какъ не пожелать, чтобы погода перемѣнилась! А вѣдь отъ пожеланія до молитвы всего лишь одинъ шагъ. Тогда я, со всѣми своими, пристраиваюсь къ процессіи и вмѣстѣ со всѣми молю небесныхъ духовъ о заступничествѣ. Вы можете быть видѣли у меня дома раскрашенное изображеніе, стоящее надъ кухонной печью. Это изображеніе

(*) Конфуцію.

буддистского святого, которое передается у насъ изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. Я увѣренъ, что наше бабье обращается къ нему отъ времени до времени съ молитвою. Знаю, что отъ этого никакого толку быть не можетъ, но съ этимъ изображеніемъ связано такъ много воспоминаній, что убирать его оттуда казалось бы мнѣ святотатствомъ. Какъ только рождается у насъ ребенокъ, ему обыкновенно навязываютъ на шею старинную мѣдную монету, считающуюся у женщинъ могущественнымъ талисманомъ отъ всѣхъ болѣзней. Вы могли бы сами увидѣть такую монету у младшаго изъ моихъ внуковъ. Ни я, ни мой сынъ этому не противимся. Когда пристраивали еще флигель къ нашему дому, я согласился, чтобы подъ порогомъ зарыли въ землю щепотку соли, нѣсколько зеренъ и лоскутъ красной бумаги, на которой было написано название одной изъ звѣздъ. Говорять, будто это спасаетъ рабочихъ отъ разныхъ напастей и вмѣстѣ съ тѣмъ обеспечиваетъ счастье будущимъ жильцамъ дома. Долженъ признаться, что такія повѣрья мнѣ даже отчасти нравятся. Вы знаете, быть можетъ, что у насъ считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если піонъ цвѣтеть хорошо и обильно и, напротивъ того, дурнымъ, если цвѣтовъ на немъ мало и они плохо распускаются. Разумѣется, во всемъ этомъ нѣть ни на волосъ смысла, а между тѣмъ я каждое утро поглядываю на крупные розовые и ярко-красные цвѣты нашего піона, и послѣ того на цѣлый день сердце мое полно радостью и надеждой. Замѣтили ли вы, Си-Лао-Йе, какъ великолѣпенъ теперь этотъ піонъ? Правда, что у медали есть и оборотная сторона. Еслибъ піонъ вздумалъ дурно цвѣсти, можно было бы невольно прійти въ дурное расположение духа. Я стараюсь впрочемъ, чтобы онъ всегда

цвѣль хорошо. Кромѣ того, всегда можно отыскать нѣсколько благопріятныхъ предзнаменованій, которыя могли бы служить противовѣсомъ дурному предсказанію. Самое существенное заключается въ томъ, чтобы не обращать ни на какое изъ нихъ чрезчурь много вниманія. Такъ вѣдь, сударь?

— Можетъ быть вы и правы, Уангъ-Мингъ-це, но мы съ вами кажется, довольно уже пофилософствовали. Не пора ли теперь вернуться къ своимъ овечкамъ (т. е. къ прежней темѣ разговора). Когда я прерваль васъ своими разспросами, вашъ отецъ и его братья жили уже каждый своимъ домомъ.

— «И сверхъ того выплатили уже всѣ свои общіе долги. Въ три года они отдали сосѣдямъ и двоимъ выдѣлившимся братьямъ около двухъ тысячъ тайелей (16 тысячъ франковъ). Постройка четырехъ домовъ обошлась приблизительно въ 170 тайелей. Замѣтьте, что этотъ расходъ мы покрыли вскорѣ послѣ выхода въ замужество младшей изъ моихъ тетокъ, приданое которой обошлось по крайней мѣрѣ въ 200 тайелей. Немудрено, что отецъ и его братья были тогда въ очень затруднительномъ финансовомъ положеніи. Единственнымъ спасенiemъ для насъ было то, что и послѣ раздѣла они все-таки держались вмѣстѣ. Безъ этого, право не знаю, какъ бы мы и прожили. Въ пятерыхъ семьяхъ считалось уже во всѣхъ вмѣстѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ сорокъ душъ, но изъ нихъ всего лишь семь въ состояніи были работать въ полѣ. Мнѣ было тогда пятнадцать или шестнадцать лѣтъ, но родители надѣялись сдѣлать изъ меня ученаго, поэтому я сидѣлъ за книгами, не принося ни малѣйшей пользы. Остальная же семья, за исключеніемъ семерыхъ мужчинъ, годныхъ къ работѣ, состояла изъ женщинъ и дѣтей. Между тѣмъ земли у насъ было въ общей

сложности 120 меу, а съ такимъ количествомъ семеро рабочихъ управляться не могутъ. Вы скажете, пожалуй, что въ такомъ случаѣ намъ не зачѣмъ было покупать столько земли, но вѣдь слѣдуетъ подумать также и о будущемъ. Каждый годъ прибавлялось у насъ два или три ротика, требовавшихъ пищи. Уменьшить запашку было положительно невозможно. Оставалось одно лишь средство: принять нѣсколькихъ работниковъ съ тѣмъ, чтобы отпустить ихъ впослѣдствіи, когда мальчики въ семьѣ подростутъ и втянутся въ дѣло. Такъ мы и сдѣлали. Вместо одного работника, служившаго у насъ по найму круглый годъ, мы взяли троихъ. У насъ всегда былъ только одинъ буйволъ, а тутъ купили еще и другого. Это облегчило взрослымъ мужчинамъ работы, въ которыхъ требуется преимущественно сила. За то можно было лучше выполнить другія работы, гдѣ необходимо вниманіе и ловкость. Такимъ образомъ, собственно говоря, и хозяйство, и домоводство пошли у насъ лучше прежняго, но выгоды отъ новыхъ помощниковъ обнаружились не сразу. Мы израсходовали за послѣднее время такъ много денегъ, что запасной и оборотный капиталъ у насъ почти совсѣмъ истощился. Прежде чѣмъ земля могла создать его для насъ вновь, должно было пройти не мало времени, а каждый день приносиль съ собою какіе-нибудь неотложные расходы. Мы не заботились, разумѣется, о хлѣбѣ насущномъ, такъ какъ у насъ дома было все свое, но въ такой многочисленной семье, какъ наша, то и дѣло возникали другія потребности, которыхъ нельзя было уже удовлетворить домашними средствами. Не разъ заходила рѣчь о томъ: не лучше ли будетъ, если я прекращу дальнѣйшія занятія наукой? Долженъ сознаться, что, тѣ, кто говорили такимъ образомъ, были совершенно правы. Отцу

жилось, действительно, гораздо тяжелѣе, чѣмъ дядямъ. Нѣкорые изъ нихъ имѣли меньшее число дѣтей, другіе-же встрѣчали въ своихъ дѣтяхъ больше поддержки. У отца-же единственнымъ помощникомъ былъ мой старшій братъ. Отцу приходилось, поэтому, платить сравнительно большую долю жалованья работникамъ. Все это казалось мелочью и не бросалось въ глаза, а между тѣмъ въ общемъ результатѣ изъ тысячи мелочей выростали крупныя затрудненія. Каждый разъ, однако, когда приходилось выдавать деньги на расходы, которые должны были нести сообща отецъ и его братья, мать не дѣлала никакихъ возраженій, потому что мы охотнѣе бы легли въ гробъ, чѣмъ опозорили бы сѣбя не уплативъ своевременно слѣдующей съ насъ доли. Когда же требовались деньги на что-либо другое, она вынимала сапеки изъ своего сундука не иначе, какъ послѣ долгаго причитыванья и ворчанья. Я теперь не могу безъ улыбки вспомнить объ этомъ и представляю себѣ, что дѣла могли бы легко пойти у насъ гораздо хуже, и что наше злополучное положеніе могло бы затянуться тогда надолго. Представьте себѣ, что каждая семья у насъ вздумала бы вести хозяйство отдельно. Никто не могъ бы тогда держать для себя буйвола, потому что на пять хозяйствъ у насъ ихъ было всего лишь два, а безъ буйвола пришлось бы плохо! Тоже и во всемъ остальномъ. Хорошо было и то, что отецъ и четверо братьевъ жили другъ возлѣ друга. Въ нравственномъ отношеніи между всѣми пятью семьями сохранялась такая же тѣсная связь, какъ еслибы всѣ они жили попрежнему подъ однимъ кровомъ. Весьма важно чувствовать вездѣ кругомъ себя поддержку. Разумѣется, еслибы мы разошлись по сторонамъ, то каждый не замедлилъ бы найти себѣ друзей и товарищей, но

все это было бы уже не то. Ужъ одна перемѣна мѣста значить многое. Тутъ приходится мѣнять свои привычки и хорошо знакомые способы хозяйства, а это дается не безъ труда. Здѣсь намъ все легко, потому что ужъ цѣлыхъ 800 лѣтъ, какъ все намъ извѣстно. Здѣсь все говорить намъ о родномъ, напоминаетъ о предкахъ. Вода, которая течеть по полямъ, проведена ими, деревья посажены ими; ихъ храмы, гробницы и даже легенды, рассказываемыя матерями маленьkimъ дѣтямъ, все здѣсь полно родныхъ намъ воспоминаній. Здѣсь мы уже цѣлыхъ 800 лѣтъ у себя дома».

Заканчивая эту часть своего разсказа, Уангъ-Мингъ-Це очевидно пришелъ въ нѣкоторое волненіе. Въ голосѣ его звучало совершенно особое, глубокое чувство. Не стану скрывать, что и я, со своей стороны, чувствовалъ себя тоже растроганнымъ, хотя у меня были на это другія причины. Я только что слышалъ отъ этого крестьянина исторію его семьи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Передо мною прошли послѣдовательныя поколѣнія его предковъ, которые ожили или, лучше сказать, продолжали жить въ его воспоминаніяхъ, а между тѣмъ самъ я долженъ быть сознаться передъ собой, что, несмотря на мою принадлежность къ нашей хваленой цивилизациі, столь высоко возносящейся надъ китайскими порядками, я все-таки не знаю, гдѣ именно почтеть прахъ моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Къ чему умалчивать о томъ, что сознаніе это наполняло мою душу горечью и чуть не заставляло навертываться на глаза слезы. Передъ умственными моими очами возстало въ совершенно новомъ, невѣдомомъ мнѣ до тѣхъ поръ, блескѣ и сіяніи великое имя отчизны. Идея отечества выяснилась мнѣ впервые съ такой глубиной, отчетливостью и высотой

мысли, по сравненію съ которыми прежняя безотчетная, сентиментальная моя привязанность къ ней показалась мнѣ вялой и холодной. Да и можетъ ли на самомъ дѣлѣ существовать отечество и настоящая любовь къ нему тамъ, гдѣ жилья рѣдкаго населенія отдѣлены другъ отъ друга пустырями, никогда не попираемыми ногой человѣка, лѣсами, никогда не оживляемыми его присутствиемъ, степями, которая никогда не были имъ воздѣланы? Можетъ ли быть отечество тамъ, гдѣ нѣть связи между послѣдующими поколѣніями, гдѣ никто не помнить своихъ предковъ, гдѣ разведенныи ими сады сплошь и рядомъ переходять въ чужія руки или просто забрасываются? Можетъ-ли быть родина тамъ, гдѣ у гражданина нѣть собственного угла, а между тѣмъ немногія отдѣльные личности владѣютъ громадными помѣстьями, гдѣ, вслѣдствіе этого, вместо взаимной солидарности между людьми возникаютъ ненависть, отвращеніе и эгоизмъ? Можно-ли говорить о любви къ отечеству тамъ, гдѣ стараются, чтобы рождалось поменьше дѣтей, гдѣ смотрятъ на будущее поколѣніе, какъ на врага?

Если хотите, чтобы у васъ было отечество, уничтожьте пустыни, «распространите поле добра и постарайтесь сузить поле зла, безплодія и смерти» *), изгоните тунеядство изъ вашихъ нравовъ. Пусть населеніе родной вашей земли умножится настолько, чтобы ни одно произнесенное слово не могло бы затеряться, подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ. Пусть каждая глыба земли, обработанная человѣческими руками, принесетъ хлѣбный колось. Упрочте взаимную связь и солидарность между всѣми поколѣніями, даже и самыми отдаленными. Восстановите прошедшее въ своей памяти, въ сердцахъ

*) Мишле, „La Bible de l'humanite“.

вашихъ вѣдрайте будущее. Тогда у васъ будетъ отечество. Оно станетъ живою дѣйствительностью, когда 100 миллионовъ людей будутъ заразъ произносить могучее и сладостное его имя, когда они въ состояніи будуть слышать его зовъ.

Таковы были мысли, волновавшія меня во время молчанія, водворившагося послѣ заключительныхъ словъ Уангъ-Мингъ-Це. Не знаю, чому это и приписать: вліянію ли приближавшагося вечера, краснорѣчію ли послѣднихъ лучей солнца, которое, закатываясь для нась, только лишь восходило въ отдаленной моей родинѣ, или, наконецъ глубокой тишинѣ, постепенно водворившейся около нась и заставлявшей раскрываться сокровеннѣйшіе тайники нашихъ душъ? Достовѣрно лишь, что между этимъ китайскимъ крестьяниномъ и мною возникла, подъ вліяніемъ одного и того же общаго намъ чувства, въ высшей степени могущественная симпатія. Мы глядѣли другъ на друга и, повидимому, онъ угадывалъ мое волненіе. Пусть тѣ, кому никогда не приходилось покидать свою родину, кто не испыталъ, до какой степени ощущается иногда необходимость видѣть и чувствовать ее повсюду, хотя бы даже мысленно и, прибѣгая къ самообольщенію, пусть такие люди, если угодно, смеются надо мной; но была минута, когда мнѣ казалось, что я и этотъ китаецъ, мы бросимся другъ другу въ объятія.

IV.

На другой день я опять зашелъ къ своему пріятелю. Онъ меня уже ждалъ.

— «Идите сюда, идите скорѣе!—радостно кричалъ онъ еще издалека, выбѣгая мнѣ на встрѣчу. —Вы, Си-Лао-Йе, намъ какъ разъ очень нужны!»

— Съ удовольствіемъ готовъ вами служить, Уангъ-Сіенъ-Сень! Скажите пожалуйста, въ чёмъ дѣло?

— «Дѣло идеть о моей внучкѣ. Мы порѣшили выдать ее замужъ и ждемъ васъ чтобы назначить день свадьбы. Вы знаете, что у насъ 1-е, 6-е и 20-е каждого мѣсяца считаются благопріятными днями, но всей семьѣ очень бы хотѣлось, чтобы вы сдѣлали ей честь присутствовать на свадьбѣ, а потому желательно узнать, какой изъ этихъ трехъ дней будетъ для васъ удобнѣе?»

— Жаль, очень жаль, старшій братецъ, но я опасаюсь, что мнѣ наврядъ ли удастся прогодстить до тѣхъ поръ. — Дѣйствительно, мѣсяцъ уже приближался къ концу, а свадьбу, по всѣмъ вѣроятіямъ, нельзя было сыграть раньше второй половины слѣдующаго мѣсяца. Взятый мною отпускъ между тѣмъ истекалъ, и мнѣ надлежало непремѣнно вернуться въ срокъ къ моему посту. Не безъ труда удалось растолковать все это моимъ пріятелямъ. Они были очень огорчены и, сказать по правдѣ, я былъ тоже очень опечаленъ невозможностью выполнить ихъ желаніе.

Очень рѣдко лишь китайская семья вступаетъ въ такую тѣсную дружбу съ чужеземцемъ. Приглашеніе на свадьбу было съ ея стороны такимъ доказательствомъ дружбы и довѣрія, что я былъ тронутъ до глубины души. Одно обстоятельство, впрочемъ, помогло мнѣ устоять противъ ея просьбы и собственнаго моего влечения. Первый отдѣль свадебныхъ празднествъ справляется на дому у родственниковъ жениха, а потому пришлось бы до известной степени навязать меня въ гости незнакомой семье. Къ тому же, мнѣ пришлось бы уѣхать еще на сколькими милями дальше отъ мѣста службы.

Отклонивъ такимъ образомъ приглашеніе, которое,

при другихъ обстоятельствахъ, принялъ бы съ радостью, я воспользовался однако представлявшимся случаемъ, чтобы поговорить съ Уангъ-Мингъ-Це. объ одномъ, давно уже интересовавшемъ меня вопросѣ. Молодыя дѣвушки въ Китаѣ обыкновенно выходятъ очень рано замужъ и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ засиживаются дома, послѣ того, какъ достигнутъ 15-ти или 16-ти лѣтняго возраста. Между тѣмъ Сиу-Лиенъ *) была еще въ невѣстахъ, несмотря на то, что ей скоро уже должно было исполниться семнадцать лѣтъ. Въ Европѣ это не представляло бы ничего удивительного, даже и для дѣвушки, которая обладала бы такою же красотой, такою же нѣжной прелестью и такими же дивными глазками, черными, какъ у всѣхъ обитателей Небесной Имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразительными и нѣжными. Въ Китаѣ же подобный фактъ являлся исключеніемъ, узнать причины котораго побуждало меня не любопытство, а искренняя дружба къ каждому изъ членовъ этой милой семьи. Я не рѣшался до сихъ поръ заводить рѣчи о такомъ щекотливомъ предметѣ, тѣмъ болѣе что въ Китаѣ приличie требуетъ говорить о женщинахъ какъ можно меньше и какъ можно сдержаннѣе. Теперь же поздравляя дѣда съ предстоящею свадьбой, о которой онъ сообщилъ мнѣ самъ, я могъ, не оскорбляя приличій, освѣдомиться о причинахъ, отстрочившихъ такъ долго счастье жениха и невѣсты.—«Дѣйствительно, слѣдовало бы поженить ихъ ужъ два года тому назадъ», отвѣчалъ мнѣ почтенный дѣдъ. «Обѣ семьи готовились какъ разъ тогда сыграть свадьбу и собирались уже назначить для этого подходящій день, когда моя внучка

---

*) Свѣже распустившійся цветокъ күшинчика.

вдругъ захворала и послѣ того долго не могла хоро-
шенько окрѣпнуть. Едва успѣла она выздоровѣть, какъ
у жениха умираетъ бабушка; пришлось опять отложить
свадьбу. Мы и теперь, собственно говоря, поступаемъ
не по закону, потому что слѣдовало соблюдать трауръ
въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ. Думаешь, однако,
что для такихъ простолюдиновъ какъ мы, на которыхъ
никто и вниманія то не обращаетъ, достаточно будетъ
обождать со свадьбой и въ теченіе 300 дней. Духи
предковъ простятъ намъ такое маленькое отступленіе отъ
обычаевъ, и надѣюсь, что на этотъ разъ моя внучка
сдѣлается вскорѣ госпожей Ку-Уангъ-Ше *).—Надѣюсь
на это тоже, Уангъ-Мингъ-Це, тѣмъ болѣе, что моло-
дымъ людямъ должно быть порядкомъ наскучило ожида-
ніе. Видѣлись ли они другъ съ другомъ?—«Въ дѣтствѣ
имъ случалось видѣться, но вотъ уже десять лѣтъ какъ
они не встрѣчались.»—Ни разу не встрѣчались!—«Быть
можетъ, имъ и пришлось за это время разъ или два уви-
дѣть издалека другъ друга».—Вѣдь тогда женихъ, пожа-
луй, не знаетъ въ лицо свою невѣсту, а невѣста въ свою
очередь могла бы не узнать жениха?—«Весьма вѣроятно».

Я и самъ зналъ, что это было очень вѣроятно. Сколь-
ко разъ старался я уяснить себѣ причину такого обы-
чая, тѣмъ болѣе страннаго, что будущимъ супругамъ
не всегда удается свести между собою знакомство, хотя
бы даже въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ большинствѣ слу-
чаевъ они до самой свадьбы не видятъ другъ друга въ
лицо. Чему слѣдовало бы это приписать? избытку ли
предосторожности или же чрезмѣрному равнодушію? Это
оставалось для меня загадкой, объяснить которую было

*) Въ Китаѣ дѣвушка, выходя замужъ, не утрачиваетъ преж-
нюю свою фамилію, а присоединяетъ къ ней только фамилію мужа.

очень желательно. Я рѣшился сдѣлать для этого маленькую попытку.—А что будетъ, дѣдушка, если женихъ и невѣста не понравятся другъ другу?—«Съ какой стати это могло бы случиться, Си-Лао-Йе?»

— Не будемъ говорить о вашей внучкѣ и ея женихѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ я хотѣлъ бы узнать отъ васъ, Уангъ-Мингъ-Це, отчего у китайцевъ воспрещены всѣ сношенія между женихомъ и невѣстой?

— «Да просто потому, Си-Лао-Йе, что иначе и быть не могло. Вамъ извѣстно вѣдь, что наши нравы не допускаютъ внѣ брачнаго смѣшенія половъ и въ то же время запрещаютъ бракъ между близкими родственниками (женихъ и невѣста не должны даже носить одинаковую фамилію). Вы спросите, пожалуй, чего ради не позволяютъ у насъ юношамъ и дѣвицамъ видаться другъ съ другомъ? Думаю, что древніе мудрецы, выработавшіе для насъ законы и нравы, долго обсуждали этотъ вопросъ прежде, чѣмъ принять рѣшеніе, на которомъ остановились. Были ли они правы, или, напротивъ того, сдѣлали ошибку? Нельзя ли было придумать, что либо лучшее? Кто осмѣлится рѣшить такой вопросъ, не сравнивъ предварительно результаты нашихъ порядковъ съ тѣми, которые достигаются въ другихъ системахъ цивилизаций? Вы, Си-Лао-Йе, знакомы и съ нашими порядками и видѣли многое что другое, а потому болѣе способны сдѣлать такое сравненіе.

Обычаи наши къ тому же на практикѣ гораздо гибче, чѣмъ въ теоріи. Принципіальная ихъ строгость хороша въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ ощутительными даже самыя ничтожныя уклоненія отъ установленнаго порядка. Можно поэтому всегда предотвратить нежелаемыя, слишкомъ большія, отклоненія. Въ концѣ кон-

цовъ каждый распоряжается у себя въ семье по собственному своему усмотрѣнію. Никому нѣть дѣла до моихъ домашнихъ порядковъ до тѣхъ порь, пока у меня въ семье не случилось чего-нибудь несовмѣстнаго съ духомъ общепринятыхъ обычаевъ. Вы видѣли, какъ въстрѣтили и приняли всѣ у меня въ домѣ, хотя вы были для семьи не только чужой, но даже чужеземецъ. Долженъ сказать, впрочемъ, что я уже при первой встрѣчѣ зналъ о васъ больше, чѣмъ счѣль умѣстнымъ это выказать. Одинъ изъ моихъ пріятелей служить въ яменѣ N-скаго Таотая, и я навѣль у него о васъ справки тотчасъ же послѣ первого вашего свиданія съ моимъ сыномъ. Развѣ вы не сдѣлали бы того же на моемъ мѣстѣ? Теперь, что касается до жениха и невѣсты, то все же они не до такой степени чужды другъ другу, какъ вы это думаете. Сватъ, безъ котораго у насъ не заключается никакая свадьба *), и разныя кумушки доставляютъ имъ всѣ желаемыя свѣдѣнія. Опять-таки мы полагаемъ, что супружеское счастіе зависитъ главнымъ образомъ отъ воспитанія, полученного женихомъ и невѣстой. Бракъ—дѣло очень серьезное, и мы стараемся по возможности ослабить роль, какую играетъ въ немъ восторженное чувство и воображеніе, мечты котораго такъ часто оказываются обманчивыми. Мы стараемся пріучить своихъ дѣтей къ тому, чтобы они обращали болѣе всего вниманія на характеръ человѣка. На этомъ фундаментѣ должна быть построена и взаимная симпатія между будущими супругами. Что можетъ быть естественнѣе, если они полагаются на насъ въ выборѣ для себя будущаго спутника жизни? Развѣ намъ не извѣстны лучше; чѣмъ

*) Даже и въ семьяхъ, близко знакомыхъ другъ съ другомъ. Китайскіе сваты напоминаютъ бретонскихъ базволаповъ.

нашимъ дѣтямъ, хорошія ихъ качества и недостатки—то, что въ нихъ можетъ нравиться или, напротивъ того, не нравиться другъ другу? Брачные переговоры тянутся у насъ всегда очень долго, и если мы, въ теченіе этого времени, замѣтимъ, что ошиблись, то какая-нибудь народная примѣта: пролетѣвшая такъ или иначе птица, зловѣщее сочетаніе тѣхъ или другихъ буквъ въ именахъ жениха и невѣсты и т. п. дадутъ намъ всегда желанный предлогъ разстроить свадьбу. Еслиъ молодымъ людямъ позволялось видѣться другъ съ другомъ, всѣ наши заботы о соотвѣтственности характеровъ могли бы пойти прахомъ. Что стало бы тогда съ нашимъ принципомъ недопущенія браковъ между родственниками? Все пошло бы тогда вверхъ дномъ!»

— Все же, однако, Уангъ-Мингъ-Це, принимая въ расчетъ воспитаніе, которое вы даете дѣтямъ, такія предосторожности кажутся мнѣ чрезмѣрными.

— «Не слѣдуетъ требовать отъ дѣтей того, что не соотвѣтствуетъ ихъ природѣ и возрасту. Дѣти у насъ, Си-Лао-Йе, вовсе не такие уже святые. Вспомните, что у насъ вступаютъ въ бракъ очень рано. Ожидать для этого, пока молодежь придетъ въ возрастъ разума, признается неумѣстнымъ. Такое промедленіе произвело бы въ нашемъ общественномъ строѣ ужасный беспорядокъ. Многимъ пришлось бы тогда вовсе не вкушать брачной жизни, особенно же дѣвушкамъ, которыхъ, вообще говоря, старѣются скорѣе молодыхъ парней. Что стало бы тогда съ нравственностью, общественнымъ бытомъ и справедливостью? Женившись, мы начинаемъ любить своихъ женъ, которыхъ, въ свою очередь, привязываются къ намъ и, могу сказать, живемъ счастливо. Изъ десяти тысячъ женатыхъ китайцевъ найдется развѣ лишь сто

такихъ, которые не могли бы этого подтвердить. Можете ли сказать мнѣ, Си-Лао-Йе, какой процентъ несчастныхъ супружествъ насчитывается въ странахъ, гдѣ браки заключаются при другихъ условіяхъ? Сколько оказывается тамъ старыхъ дѣвъ и старыхъ холостяковъ?

Си-Лао-Йе не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и не зналъ бы, что на него отвѣтить. Онъ считаетъ за лучшее послѣдовать примѣру своего пріятеля, Уангъ-Мингъ-Це, и передать вопросъ на разрѣшеніе старшаго своего братца—уважаемаго читателя этой книги.

— «Очевидно, впрочемъ, продолжалъ Уангъ-Мингъ-Це, безъ сомнѣнія опасаясь затронуть самолюбіе европейца,—очевидно, что младшій вашъ братъ говорить о томъ, чего хорошенъко не знаетъ. У каждого народа свой особый характеръ, особые нравы и обычай. Весьмаѣроятно, что дѣла идутъ у каждого изъ нихъ не лучше и не хуже чѣмъ у любого другого».

Заключеніе это показалось мнѣ не особенно доказательнымъ, но я умолчалъ объ этомъ, чтобы не вдаваться въ отступленія, которыя и безъ того отвлекли уже насколько отъ предположенной темы. Употребляя снова поговорку, очень понравившуюся моему пріятелю, я сказалъ ему: «не лучше ли будетъ, Уангъ-Сіенъ-Сень, вернуться къ нашимъ овечкамъ?»—Вернемся къ нимъ, Си-Лао-Йе. Впрочемъ семейная исторія, дошедшая уже до того времени, когда она становится собственной моей исторіей, можетъ быть закончена теперь въ иѣсколькоихъ словахъ. Я дважды являлся на публичные экзамены и оба раза не имѣлъ успѣха, но тѣмъ не менѣе, благодаря дядѣ, мнѣ удалось получить мѣсто въ губернской канцеляріи. Это была очень скромная должность, на которой я надѣялся продолжать, не отягощая болѣе родителей; научныя мои

занятія съ тѣмъ, чтобы въ третій разъ попытать счастья на экзаменѣ.

Межу тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Мнѣ стукнуло уже 30 лѣтъ, а предположенія мои такъ и оставались еще невыполненными. Я былъ женатъ, имѣлъ уже четырехъ дѣтей и долженъ былъ чѣмъ-нибудь ихъ кормить. Должностная занятія оставляли мнѣ очень мало свободного времени. Чтобы заработать хотя немного денегъ, вдобавокъ къ получаемому содержанию, пришлось переписывать бумаги. Учиться было положительно некогда. Къ тому же я, признаться, и упалъ духомъ. Еслибъ даже третій экзаменъ и оказался удачнѣе двухъ первыхъ, то все же въ мои года поздненько уже было начинать административную карьеру. Пресмыкаться же всю жизнь въ низшихъ должностяхъ, какъ это дѣлали многіе другіе въ моемъ положеніи, и скиваться по всѣмъ областямъ, сопровождая вездѣ дядю, было мнѣ вовсе не по вкусу. Частенько задавалъ я себѣ вопросъ, не лучше ли бросить службу и вернуться опять къ земледѣлію. Мнѣ было тогда уже сорокъ лѣтъ; а сыну моему По-И должно было скоро исполниться 15. Работая вдвоемъ, думалъ я, мы будемъ въ состояніи нагнать потерянное время. Во всякомъ случаѣ я доставлю тогда сыну занятіе болѣе счастливое и почетное, чѣмъ то, которое было до сихъ порь моимъ собственнымъ. Смерть отца пресѣкла всѣ остававшіяся еще недоразумѣнія. Я порѣшилъ сообща съ братьями вести наше хозяйство. Троє старшихъ моихъ дочерей были уже невѣстами, но я, подъ разными предлогами, откладывалъ ихъ свадьбы. На самомъ дѣлѣ у меня не было денегъ на приданое и въ то же время не хотѣлось въ этомъ сознаться. Съ помощью братьевъ всѣ три свадьбы

были сыграны совершенно приличнымъ образомъ. Послѣ того у меня родилось всего лишь еще двое дѣтей: дочь, которая, теперь нѣсколько лѣтъ какъ уже замужемъ и второй сынъ, самый младшій изъ всѣхъ, вы его у меня видѣли. Онъ тоже женился два года тому назадъ».

— Отчего, несмотря на молодость вашего второго сына, вы его выдѣлили? спросилъ я у своего пріятеля.

— «Я только что хотѣлъ вамъ это объяснить, Си-Лао-Йе. Два года тому назадъ ни я, ни мои братья, ни племянники, никто изъ насъ, однимъ словомъ, не думалъ о раздѣлѣ. У каждой семьи былъ собственный домъ, но мы вели хозяйство сообща. Не скажу, чтобы такое положеніе дѣлъ могло продлиться вѣчно и чтобы оно не представляло никакихъ неудобствъ. Никому, однако, не приходило въ голову его измѣнить. Съ женитьбой моего сына обстоятельства перемѣнились. Характеръ у невѣстки оказался беспокойный и недовѣрчивый. Ей все казалось, будто мужа ея обижаютъ. У насъ есть поговорка: «терпѣливо слушай жену но не слишкомъ вѣрь тому что она тебѣ говоритъ». Младшій мой сынъ былъ напротивъ того расположень во всемъ довѣрять своей женѣ, которая имѣла на него слишкомъ большое вліяніе. Она казалась всегда такою кроткой и послушной, а на самомъ дѣлѣ всегда ставила на свое мѣсто. Даже и по отношенію къ моей женѣ она не выказывала той уступчивости и уваженія, которыхъ мы были въ правѣ отъ нея требовать. Чтобы пособить горю *) оставалось одно лишь средство:

---

*) По буквальному смыслу юридического и нравственного китайского кодекса можно было заключить, что у семьи Уангъ-Мингъ-Це имѣлся еще другой выходъ изъ этого затруднительного положенія. Изъ семи законныхъ поводовъ къ разводу, первымъ и самымъ главнымъ считается въ Китаѣ недостатокъ уваженія со стороны

выселить ее вмѣстѣ съ мужемъ изъ нашего дома. Чтобы устранить всякий поводъ къ недоразумѣніямъ, мы рѣшили выдать имъ соотвѣтственную часть общаго имущества. Раздѣлъ состоялся назадъ тому лишь шесть мѣсяцевъ. Поэтому то, Си-Лао-Йе, младшій мой сынъ не живеть теперь съ нами. Намъ тяжело было принять такое рѣшеніе, но теперь мы очень довольны полученными отъ него результатами. Сынъ часто бываетъ у насъ, и я не имѣю ни малѣйшаго повода упрекнуть его въ чемъ либо. Невѣстка, повидимому, все еще дуется, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, строптивость у нея скоро пройдетъ. Безъ сомнѣнія невѣстка не замедлитъ явиться къ намъ съ повинной, а мы въ свою очередь всячески облегчимъ для нея возможность примиренія. Мы съ женой порядкомъ уже состарились и не можемъ обойтись безъ дѣтей; естественно, что невѣстки должны замѣнить намъ родныхъ дочерей, вышедшихъ замужъ. Что можетъ быть прискорбнѣе убыли въ семье? Какъ счастливы родители, у которыхъ сыновей больше, чѣмъ дочерей!»

— Вы мнѣ, однако, не сказали еще, Уангъ-Мингъ-Це, за кѣмъ замужемъ ваши дочери?

жены къ свекру, или свекрови. Въ текстѣ законовъ не упоминается, однако, объ условіи, которое на практикѣ значительно смягчаетъ примѣненіе этого повода, а именно, о необходимости согласія мужа для того, чтобы разводъ могъ состояться. Существованіе этого условія на самомъ дѣлѣ препятствовало Уангъ-Мингъ-Це воспользоваться представлявшимся поводомъ—отослать жену младшаго сына обратно къ ея родителямъ. Въ сущности, упомянутый поводъ къ разводу имѣть характеръ своего рода гарантіи для жены, когда она недовольна мужемъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ Китаѣ родители сами выбираютъ невѣstu сыну. Въ заключеніе замѣтимъ, что буква закона или стариннаго обычая зачастую не вполнѣ строго примѣняется на практикѣ.

— Я какъ разъ хотѣлъ этимъ закончить мою исторію, Си-Лао-Йе. Двѣ старшихъ дочери вышли у меня за крестьянъ, третья замужемъ за учителемъ, а четвертая—за купцомъ. Онъ прїезжаютъ къ намъ два или три раза въ годъ. Хотя онъ нась и не забываютъ, но все-таки уже потеряны для семьи».

Такова семейная хроника Уангъ-Мингъ-Це. Я въ точности передалъ ее со словъ достопочтенного главы этой семьи и позволилъ себѣ сдѣлать лишь одно маленькое измѣненіе. Вмѣсто того, чтобы прямо обозначать возрастъ кого-либо изъ своихъ домашнихъ, Уангъ-Мингъ-Це, въ большинствѣ случаевъ, пояснялъ мнѣ, что это лицо родилось въ такомъ-то году царствованія такого-то богдыхана. Для китайцевъ, привыкшихъ къ этой системѣ лѣтоисчисленія, она не представляеть повидимому никакихъ неудобствъ, что говорить во всякомъ случаѣ въ пользу хорошаго ихъ знакомства съ национальной своей исторіей. По ихъ мнѣнію, опредѣляя событія частной своей жизни годами царствованія богдыхана, они становятся въ болѣе тѣсную связь съ колективною жизнью той части человѣчества, къ которой непосредственно принадлежать. Ради этой идеи они, безъ сомнѣнія, были бы способны принести и еще большія жертвы.

V.

«Ху менъ хію уень юнь ку сэ, куань чо іонгъ сень пъенъ-те чэ». (Входя въ домъ, не спрашивай о благо-состояніи тѣхъ, кто въ немъ живеть; взглянись въ ихъ лица и узнаешь это самъ).

Познакомившись съ Уангами, я, разумѣется, долженъ

быль сообразоваться съ этимъ национальнымъ китайскимъ правиломъ. Проникшись его мудростю, я добросовѣстнѣйшимъ образомъ старался примѣнить это правило, знакомился со всѣми закоулками въ домѣ и тщательно изучалъ выраженіе лица всѣхъ его обитателей. Повсюду я видѣлъ порядокъ, довольство, благосостояніе и даже счастье, обусловленное сознаніемъ обеспеченностіи не только на завтра, но и на весьма долгое число слѣдующихъ дней. Попади я въ эту семью прямо изъ Франціи, я навѣрное вообразилъ бы себѣ, что она пользуется ежегоднымъ доходомъ въ пять или шесть тысячи франковъ или же владѣть помѣстiemъ въ 30—40 гектаровъ плодородной земли на склонѣ, обращенномъ къ солнцу. Въ данномъ случаѣ, однако, я зналъ, что земли у нихъ было всего лишь 29 меу, т. е. немногимъ меныше двухъ гектаровъ (1,94). Я видѣлъ по сосѣдству много другихъ крестьянскихъ семействъ, жившихъ не хуже Уангъ-Мингъ-Це, а потому благосостояніе этой семьи не представлялось мнѣ особенно удивительнымъ. Съ другой стороны, впрочемъ, чѣмъ болѣе общимъ оказывался этотъ фактъ, тѣмъ болѣе приводилъ онъ меня въ восхищеніе. Чѣмъ болѣе удостовѣрялся я въ благосостояніи моего пріятеля, тѣмъ болѣе удовольствія доставляло мнѣ разлагать это благосостояніе на мельчайшія его подробности и выяснить себѣ его всеобщность. Мнѣ доставляло каждый разъ новое удовольствіе убѣждаться, что во всемъ этомъ не было никакой диковинки, являющейся исключительнымъ достояніемъ отдѣльной семьи или общины, отдѣльного уѣзда или области. Чѣмъ проще и общедоступнѣе казались мнѣ средства, объяснявшія плодородіе китайской почвы и богатство ея воздѣлывателей, тѣмъ желательнѣе было мнѣ убѣдиться въ отсутствіи осо-

быхъ, мѣстныхъ причинъ. Меня учили въ Европѣ, что для воздѣлыванья земли и полученія съ нея дохода, необходимо затрачивать по меньшей мѣрѣ 700—800 франковъ на гектаръ. Лишь съ помощью хитроумныхъ способовъ обработки человѣкъ можетъ добиться отъ нея вознагражденія за свой трудъ, да и это удается ему не всегда. Между тѣмъ въ Китаѣ я удостовѣрился, что, соблюдая всего лишь три очень простыхъ и ничего не-стоящихъ ему условія, первый попавшійся китаецъ, относясь къ землѣ справедливо, доставляя ей воду и удобреніе, можетъ получить отъ нея все, что угодно! Китай доказалъ мнѣ, что, почти безъ всякой затраты капитала, безъ всякой мудрой науки и безъ подавляющей тяжкой работы со стороны человѣка, земля уплачиваетъ ему сторицей за введенное ей зерно, орошенное трудомъ его потомъ. Въ подтвержденіе такого крупнаго и. могу сказать, такого утѣшительного факта, мнѣ кажется, что ни одно доказательство, сколько бы ихъ приведено ни было, не должно быть сочтено излишнимъ. Поэтому я никогда не упускалъ случаевъ собирать такія доказательства, а нигдѣ не представлялось мнѣ къ этому болѣе благопріятнаго случая, какъ въ семействѣ Уанговъ. Состояніе членовъ этого семейства, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, обнѣмавшихъ періодъ въ нѣсколько столѣтій, построено было всегда на мелкомъ землевладѣніи и соответственно мелкомъ хозяйствѣ. Отдельныя семьи въ фамилії Уанговъ никогда не владѣли болѣе, чѣмъ двумя гектарами земли. Разъ лишь Уангамъ пришлось хозяйствничать на девяти гектарахъ, но это былъ исключительный казусъ и къ тому же на девяти гектарахъ хозяйствничало тогда пять семействъ, состоявшихъ изъ 40 душъ. Этотъ весьма важный пунктъ выяснился мнѣ изъ

семейной хроники Уангъ-Мингъ-Це. Къ тому же, прочіє крестьянне, съ которыми мнѣ приходилось до тѣхъ поръ сталкиваться, несмотря на свою вѣжливость, гостепріимство и предупредительность, все же какъ будто нѣсколько менѧ чуждались. Можетъ быть, что большая короткость съ семьей Уанговъ дозволила мнѣ подмѣтить у ея членовъ большія умственныя и нравственные достоинства, чѣмъ у другихъ, или же они и въ самомъ дѣлѣ обладали сравнительно большимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ (такъ какъ глава семьи быль съ высшимъ образованіемъ). Во всякомъ случаѣ, между ними и мною установилась такая симпатія, что никакой вопросъ съ моей стороны не казался имъ пустымъ или нескромнымъ. Они, какъ нельзя лучше, понимали цѣль моихъ разспросовъ и старались облегчить ея достижениe. Я рѣшился поэтому довести дѣло до конца. Въ данную минуту, однако, разспросы мои не переходили за предѣлы любознательности, которая не могла показаться оскорбительной никому изъ китайскихъ крестьянъ. Менѧ особенно интересовали способы веденія хозяйства, которыми Уанги были одолжены своимъ благосостояніемъ. Съ этой точки зрѣнія необходимы для меня подробности представлялись китайцамъ не особенно существенными. Дѣйствительно, въ Китаѣ земледѣліе поставлено всюду въ сравнительно одинаковыя условія, такъ что доля самостоятельного почина, вносимаго въ хозяйство отдельнымъ лицомъ, можетъ, пожалуй, быть признана довольно второстепенной, тогда какъ съ другихъ точекъ зрѣнія она можетъ показаться весьма и очень значительной. Трудно составить себѣ о ней правильное представление, не зная общихъ условій веденія китайского хозяйства,

значительно упрощающихъ дѣло въ каждомъ частномъ случаѣ. Это требуетъ впрочемъ нѣкотораго объясненія.

Тремя главными факторами земледѣльческаго хозяйства въ Китаѣ являются мелкая поземельная собственность, употребленіе воды и особыя свойства удобренія. Факторы эти встрѣчаются всюду, и (позволю себѣ обратить вниманіе читателя на этотъ замѣчательный фактъ) они обусловливаются не случайностью, а вытекаютъ какъ предусмотрѣнное слѣдствіе изъ сознательной идеи, которая съ самой глубокой древности ознакомила съ этими факторами китайскій народъ и пріучила его ими пользоваться. Относительно мелкаго землевладѣнія въ Китаѣ, достаточно будетъ вспомнить, что оно обусловлено тамъ фактомъ принадлежности земли колективно всему народу, вслѣдствіе чего невоздѣлываемая земля отбираются въ казну и отдаются тому, кто пожелаетъ ихъ обрабатывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ налогъ, установленный съ единицы поверхности земельного участка, устраниетъ тунеядцевъ отъ землевладѣнія. Неотчуждаемость и неприкосновенность вотчиннаго поля создаетъ его владѣльцу обеспеченное положеніе и, къ тому же, на всегда устраниетъ возможность поглощенія этого трудового клочка земли крупной собственностью. Принявъ во вниманіе общій характеръ китайскихъ постановленій, облегчающихъ продажу и раздробленіе всей остальной земельной собственности, за исключеніемъ вотчиннаго поля, нельзя не видѣть во всемъ этомъ благоразумныхъ мѣръ предосторожности, направленныхъ къ распространенію мелкаго землевладѣнія и неблагопріятствующихъ крупной земельной собственности *).

*) Китайцамъ никогда не приходило на умъ, чтобы крупная земельная собственность могла быть полезной и приносить обществу

Относительно примѣненія воды къ земледѣлію, мысль законодателя проявляется достаточно явственно въ сооруженіи колоссальнѣйшей и самой изумительной системы оросительныхъ каналовъ. Можно задать себѣ вопросъ: гдѣ могъ этотъ законодатель, за 3000 лѣтъ до нашего времени, когда населеніе Китая состояло всего лишь изъ немногихъ миллионовъ людей, почерпнуть вдохновенное предвидѣніе, побудившее къ созданію такого грандіознаго предпріятія. Эти громадные водоемы, каналы и водостоки, еще и теперь изумляющіе воображеніе, прорыты на протяженіи многихъ тысячъ верстъ безъ сомнѣнія не для того, чтобы орошать необитаемыя пустыни, лѣса и степи. Очевидно, законодатель имѣть въ виду будущій приростъ населенія. Обезпечивъ каждому возможность пользованія землей, онъ хотѣлъ также обеспечить на вѣчныя времена возможность надлежащаго ея воздѣлыванія. Тамъ, гдѣ каждый клочекъ земли можетъ быть орошенъ, онъ поэтому самому можетъ

какія-либо услуги, хотя бы въ качествѣ временнай мѣры. Напротивъ того, китайскіе законодатели были, можно сказать, постоянно озабочены мыслью оградить государство отъ появленія крупныхъ помѣстьевъ, которыхъ, разъ организовавшихъ, угрожали бы постоянной опасностью всему китайскому общественному строю. Было время, когда существовала и въ Китаѣ крупная поземельная собственность, но въ виду упомянутыхъ уже законовъ и постановлений она необходимо должна была имѣть характеръ случайности, долженствовавшей исчезнуть, такъ сказать, сама собою. Если потребовалось еще доказательство, можно было бы сослаться на Японію, цивилизациѣ которой въ главныхъ своихъ чертахъ старалась подражать китайской. Дѣйствительно, въ Японіи крупной по земельной собственности вовсе не было. Лучше, чѣмъ допустить ея существованіе, японцы предпочли оставить подъ лѣсомъ и пустырями всю ту часть территоріи, которую по малочисленности

быть обработанъ. Вода оплодотворяетъ все. При ея со-
дѣйствіи даже песокъ покрывается жатвою. Что за дѣло
до того, что растительный слой тонокъ или даже, что
его вовсе нѣтъ? Тамъ, гдѣ дана возможность орошенія,
можно создать надъ непроницаемой почвой новую почву,
по которой будетъ протекать животворная влага. Если
вода всегда подъ рукою, къ чему глубокія запашки?
Тамъ, гдѣ вода на поверхности, растенію нечего искать
ее въ нѣдрахъ земли. Располагая водой, человѣкъ не
нуждается болѣе въ могущественныхъ, тяжелыхъ и до-
рого стоящихъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Ему не надо
также обзаводиться большимъ количествомъ рабочаго
скота. Вполнѣ достаточно имѣть одного буйвола, дере-
вянную соху, а то и просто заступъ или мотыгу—этимъ
и ограничивается весь арсеналъ земледѣльческихъ ору-
дій при существованіи хорошей системы оросительныхъ
каналовъ. Что можетъ быть дешевле и общедоступнѣе?
Что можетъ служить лучше оправданіемъ затраты уси-
лій, положенныхъ на сооруженіе такой системы?

Стоить только открыть книгу уставовъ династіи Чеу,
царствовавшей за 1200 лѣтъ до Р. Х., чтобы убѣдиться
въ заботливости китайскихъ законодателей о снабженіи

населенія нельзя было подвергнуть интенсивной обработкѣ. Населе-
ніе Японіи было сосредоточено въ определенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ
каждой семье отводился небольшой участокъ земли, чтобы хо-
зяйничать на ней по китайскому способу. Остальная земля счи-
тается государственной собственностью и находится въ вѣдѣніи
микадо и дайміосовъ, которые сберегаютъ ее для будущихъ поко-
лѣній. Японцы думаютъ, что, поступая такимъ образомъ, они не
остаются въ убыткѣ и что интенсивное воздѣльваніе небольшого
участка земли приносить болѣе какъ валового, такъ и чистаго до-
хода, чѣмъ могла бы дать экстенсивная обработка значительно боль-
шой территории.

воздѣлываемыхъ земель надлежашимъ удобреніемъ. Прѣимущественно рекомендуемое удобрение было уже и тогда то самое, которое по настоящее время такъ повсемѣстно, и, можно сказать, такъ исключительно примѣняется въ Китаѣ, что европейцы называютъ его иногда «китайскимъ удобрениемъ».

Въ тѣ отдаленные времена, земли, годныя для воздѣлыванія, имѣли въ Китаѣ еще сравнительно небольшое протяженіе и обрабатывались на счетъ государства, подобно тому, какъ это недавно дѣжалось и въ Японіи. Хозяйство на этихъ земляхъ велось на основаніи предписанія министерства народонаселенія и подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. Тогда имѣлись особые инспектора, завѣдывавшіе колонизаціей края, земледѣльческими работами, орошеніемъ края и т. п. Они указывали колонистамъ, когда именно надлежить вспахивать землю, засѣвать ее, пересаживать молодыя растеніца изъ грядокъ въ поля, пускать на поля воду и сливать ее съ нихъ. Правительственные же чиновники опредѣляли, на какихъ земляхъ слѣдовало что сѣять, какое удобрение слѣдовало давать тому или другому растенію въ томъ или другомъ періодѣ его развитія, причемъ пояснялось также какимъ образомъ надлежало примѣнять самое удобреніе, и т. п. Короче сказать, это былъ періодъ примѣненного ко всему народу практическаго обученія земледѣлію, составляющему теперь благодѣнствіе и славу Китая. Въ Чеу-Ли (книгѣ уставовъ Чеу) содержится много относящихся сюда постановленій и предписаній, собранныхъ по порядку въ особыя главы. О какомъ же удобреніи главнымъ образомъ тамъ идетъ рѣчь? О самомъ обыкновенномъ и самомъ дешевомъ, такъ какъ оно ничего не стоитъ—объ удобреніи, для изготавленія котораго нѣть надобности

ни въ лугахъ, ни въ крупномъ скотѣ—которое производится самимъ человѣкомъ изо дня въ день уже вслѣдствіи самого факта его существованія. Въ глазахъ китайского законодателя это и есть самое драгоценное удобрение. Для примѣненія его и была подготовлена мелкая земельная собственность. Чтобы собирать это удобрение и примѣнять его надлежащимъ образомъ, законодатель считалъ желательнымъ дать каждому человѣку пользованіе участкомъ земли—частицу общаго достоянія. Благодаря одному этому удобрению возсоздается богатство почвы, человѣкъ обезпечиваетъ себѣ хлѣбъ насыщенный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу, немыслимую безъ такого обеспеченія. Съ помощью его человѣчество—женз—можетъ достигнуть неслыханного развитія. Немудрено, что въ Китаѣ относятся къ этому удобрению съ такою внимательностью и такимъ уваженіемъ. Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ заключить, чтобы въ книгѣ уставовъ Чеу не обращалось вниманія на другие сорта удобренія. Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ сортовъ кажутся теперь даже странными, если не принять въ расчетъ громадности тогдашнихъ лѣсовъ и многочисленность обитавшихъ въ нихъ дикихъ звѣрей. «Инспектора земледѣльческихъ работъ», говорится въ Чеу-Ли, «обратить свое вниманіе на хорошую подготовку сѣмянъ съ помощью надлежащихъ удобрений. Зерна, предназначенные для посѣва, должны быть сперва вымочены въ наварѣ изъ бычачьихъ костей, затѣмъ, смотря по тому, будутъ ли ихъ сѣять на красной, черной или бѣлой, плотной, рыхлой или песчанистой почвѣ, ихъ слѣдуетъ опудрить высушеннымъ и измельченнымъ въ порошокъ удобрениемъ быка, барана, козы, собаки, свиньи, лисицы, барсука, оленя» и т. д.

Я могу указать здѣсь только сущность этихъ земле-
дѣльческихъ уставовъ, но не менѣе замѣчательна также
и слогъ, которымъ они написаны. Слогъ этотъ предста-
вляетъ полнѣйшую аналогію съ библейскимъ, которымъ
Всевышній говорилъ Моисею, а Моисей говорилъ своему
народу. Между тѣмъ тутъ дѣло идетъ только о вспомо-
гательныхъ удобреніяхъ, которыя вслѣдствіе своей рѣд-
кости могутъ имѣть лишь незначительное примѣненіе.
Это лишь молочко и кашка для новорожденныхъ. Глав-
ное удобреніе и наиболѣе существенное, которое должно
питать взрослыхъ, отъ которого именно и зависятъ ре-
зультаты будущей жатвы, удобреніе, къ которому авторъ
Чеу-Ли относится съ полнымъ предпочтеніемъ—то самое,
которое у насъ въ Европѣ возбуждаетъ наиболѣе равно-
душія, презрѣнія, отвращенія и ненависти со стороны
крестьянъ, инженеровъ и городскихъ думъ. На него воз-
лагаютъ у насъ ответственность за всѣ на пресвитуп-
ленія, за всѣ грѣхи нашего невѣжества и нашей неспо-
собности. Въ защиту его противъ такого странного осльп-
ленія представляется нашими учеными менѣе всего до-
водовъ. Это столь высоко цѣнимое въ Китаѣ удобреніе
у насъ съ величайшею охотой согласны были бы препрово-
дить въ море, еслибы даже потребовалось затратить для
достиженія такой цѣли многія сотни миллионовъ фран-
ковъ. И никому при этомъ не придетъ въ голову, что съ
нимъ унесена будетъ въ море родная наша земля *).

*) Нѣть ничего удобнѣе, какъ сваливать собственные свои грѣхи
на кого-либо, на что-либо. Затративъ 200 миллионовъ франковъ съ
хвостикомъ, можно было бы выстроить великодѣлный каналъ, отво-
дящій прямо въ Ла-Маншъ всѣ парижскія нечистоты. Послѣ этого
совѣсть будетъ у насъ совершенно спокойна! На самомъ дѣлѣ во-
просъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думають. Если правда, что продукты

«Инспекторы земледельческихъ работъ должны наблюдать за тѣмъ, чтобы не терялось и не затрачивалось безъ нужды даже и малѣйшей частички этого удобренія, такъ какъ въ немъ лежитъ сила и спасеніе народа», говорится въ Чеу-Ли. «Да собираютъ его въ сосуды, гдѣ оно должно бродить въ теченіе 6-ти дней, а затѣмъ употребляйте его въ дѣло, разводя десятью частями воды. Рисъ надо поливать имъ во время произрастанія, не ранѣе и столько разъ, сколько требуется на самомъ дѣлѣ, но не болѣе, такъ какъ слѣдуетъ питать растеніе, а не землю. Излишekъ же удобренія можетъ испариться въ воздухѣ. Гдѣ поля не орошаются, тамъ надо класть удобреніе возлѣ корня растеній въ то время, какъ зародыши начинаютъ пробиваться изъ земли. Если класть удобрение между бороздами, значительная его часть будетъ ис-

---

отхаживатъ мѣстъ угрожаютъ опасностью общественному здравію, то это лишь потому, что мы не умѣемъ, или же не можемъ употреблять ихъ своевременно въ качествѣ удобренія. Если наши земледѣльцы ощутили въ нихъ такую же потребность, какъ напр. китайские крестьяне, еслибы они стали смотрѣть на нихъ какъ на величайшее сокровище и охотно увозить ихъ изъ городовъ, опасность эта исчезла бы сама собой. Соприкасалась съ землей и растеніями, человѣческое удобреніе влечетъ за собой однѣ лишь благодѣтельныя послѣдствія. Я самъ, проживя 10 лѣтъ въ Китаѣ, причемъ 5 лѣтъ были проведены въ мѣстности, где исключительно употреблялось это удобреніе, утверждаю и клянусь, что мое собственное здоровье, по прошествіи этихъ 5 лѣтъ, никакъ отъ него не пострадало и что народъ въ Китаѣ по меньшей мѣрѣ столь же здоровъ и столь же мало подверженъ заразительнымъ болѣзнямъ, какъ и народонаселеніе Европы. Дай Богъ, чтобы свидѣтельство мое было услышано! Если возразятъ, что наши общественные условія не дозволяютъ устроиться иначе, чѣмъ мы дѣлаемъ это теперь, тѣмъ хуже для нашихъ общественныхъ условій, такъ какъ это было бы для нихъ окончательнымъ, неопровергнутымъ обвинительнымъ приговоромъ.

трачена даромъ. Поступая такимъ образомъ съ мудростю и бережливостью, израсходуютъ мало удобрений, получать обильныя жатвы, и люди будутъ счастливы.

Въ съверныхъ областяхъ, гдѣ зимой не снимаются жатвы, избытокъ удобрений надо высушить, дабы смыть съ землей и, сдѣлавъ изъ него кирпичъ, перевести въ южные области.

Очевидно нельзя выскажать въ болѣе точныхъ выраженіяхъ законъ правильнаго круговорота, строго соблюдаемый въ Китаѣ въ теченіе столькихъ вѣковъ. Единственно лишь благодаря соблюдению этого закона, китайское государство пережило въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ столько другихъ народовъ, о которыхъ остались у насъ лишь воспоминанія, и можетъ еще теперь успешно бореться съ военнымъ и промышленнымъ могуществомъ нашей цивилизованной Европы.

Въ законодательствѣ, составленномъ для Китая древними его мудрецами, имѣлось въ виду сдѣлать землю, воду и удобрение общими достояніемъ. Цѣль эта до такой степени вошла въ сознаніе всего народа, что теперь въ Китаѣ не найдется въ сущности клочка земли, на которомъ она не была бы достигнута. Западные народы считали возможнымъ основать государственное свое единство на политическихъ договорахъ, на существованіи естественныхъ границъ, на сходствѣ языка, нравовъ и т. п. Мы знаемъ, однако, всю цѣну такихъ государственныхъ основъ, знаемъ какъ они перемѣщаются и какъ, въ случаѣ надобности, игнорируются. Китай построилъ государственное свое единство на справедливости, на неразрывной связи между землей и воздѣлывающимъ ее человѣчествомъ.

Признаюсь, что не могу удержаться отъ улыбки, когда

мнѣ говорять о проектахъ завоеванія и раздѣла китайскаго царства. Чтобы завоевать Китай я знаю лишь одно средство: это ввести у себя такие же порядки, какъ въ Китаѣ, но тогда мы прежде всего завоюемъ для себя родную свою страну, и всѣ государственные наши подраздѣленія, вместо того чтобы служить причинами раздора, сольются въ одно великое цѣлое,—въ объединенное человѣчество, котораго ничто не преодолѣть.

VI.

Спѣшу теперь же указать громадность результатовъ, полученныхъ при выполненіи только что разсмотрѣнной нами программы. Главнымъ и самымъ непосредственнымъ изъ нихъ было чрезвычайное развитіе мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Дѣйствительно, оно въ Китаѣ еще распространеннѣе мелкаго землевладѣнія. Въ Срединномъ Царствѣ можно еще и теперь встрѣтить немногихъ богачей, обладающихъ помѣстьями въ 30, 50 и даже въ 300 гектаровъ, тогда какъ на всемъ протяженіи собственного Китая не найдется воздѣлываемаго участка, протяженіе котораго превышало бы 10—12 гектаровъ. Необходимо довольствоваться однимъ лишь констатированіемъ этого факта, не вдаваясь въ обсужденіе выгодныхъ или же невыгодныхъ его сторонъ, о которыхъ и безъ того было говорено многое. Надо полагать впрочемъ, что мелкое земледѣльческое хозяйство обладаетъ весьма выдающимися преимуществами, такъ какъ, въ Китаѣ ему отдаютъ предпочтеніе передъ крупнымъ даже и тамъ, гдѣ условія кажутся болѣе благопріятными этому послѣднему. Однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ преимуществъ мелкаго хозяйства было, если не

совершенное уничтожение, то по крайней мѣрѣ чрезвычайное сокращеніе полей, на которыхъ воздѣлывался кормъ для скота, взамѣнъ чего оказалось возможнымъ соотвѣтственно расширить поля для воздѣлыванія продуктовъ, непосредственно потребляемыхъ въ пищу человѣкомъ. Необходимо сдѣлать при этомъ, однако, оговорку. Вообще полагаютъ, будто въ Китаѣ очень мало крупнаго рабочаго и убойнаго скота, что обусловливается будто бы недостаткомъ луговъ и выгоновъ. Предположеніе это совершенно ошибочно. Дѣйствительно, въ Китаѣ мало быковъ и лошадей, но за то число буйволовъ очень велико. Меня нисколько бы не удивило, еслибы оно оказалось сравнительно больше числа быковъ и лошадей во Франціи, такъ какъ для вспахиванья и орошенія каждыхъ трехъ гектаровъ въ Китаѣ держать среднимъ счетомъ одного буйвола *). Фактъ этотъ, кажущійся на первый взглядъ совершенно несомнѣннымъ съ отсутствиемъ выгоновъ, прекрасно объясняется, какъ мы увидимъ сейчасъ, существующей въ Срединномъ Царствѣ системой мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Пока мы удовлетворимся лишь ссылкой на означенный фактъ, дозволяющій утверждать, что, не измѣняя своей хозяйственной системѣ, Китай могъ бы, еслибы это оказалось необходимымъ, содержать несравненно большее количество убойнаго скота, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Если въ Срединномъ Царствѣ откармливается сравнительно мало скота, то это слѣдуетъ приписать,

*) Если бы во Франціи водворилось мелкое земледѣльческое хозяйство по китайскому образцу, то въ ней пришлось бы держать болѣе шестнадцати миллионовъ головъ крупнаго рабочаго скота. Между тѣмъ численность этого скота доходить теперь лишь до тринадцати миллионовъ головъ.

во-первыхъ, тому обстоятельству, что количество мяса, равноцѣнное въ питательномъ отношеніи данному количеству риса или пшеницы, обходится гораздо дороже этихъ и вообще какихъ угодно другихъ растительныхъ продуктовъ *). Къ тому же китайцы далеко не такъ убѣждены какъ мы въ необходимости ежедневно употреблять въ пищу большое количество мяса. Наконецъ они сумѣли воспользоваться своими водоемами, рѣками и каналами для размноженія рыбы, разведеніемъ и выкармливаньемъ которой они занимаются въ широкихъ размѣрахъ, точно также какъ свиноводствомъ и птицеводствомъ. Такимъ образомъ имъ удается обеспечить себѣ необходимое количество мясной пищи болѣе дешевымъ способомъ, чѣмъ при разведеніи крупнаго скота. Необходимо замѣтить также, что главнымъ воздѣлывааемымъ продуктомъ въ Китаѣ является рисъ, вслѣдствіе чего при выборѣ рабочаго скота пришлось по необходимости остановиться на буйволѣ, мясо котораго очень невкусно. Нельзя также умолчать объ уваженіи и привязанности, которая обыкновенно питаютъ китайцы къ животнымъ, помогающимъ имъ въ работѣ. Этихъ животныхъ лишь въ рѣдкомъ случаѣ посылаютъ на бойню; за ними лучше ухаживаютъ, чѣмъ въ Европѣ, и обращаются съ ними ласковѣе. Это тѣмъ естественнѣе и легче, что у каждой китайской семьи имѣется всего лишь одинъ буйволъ или быкъ. На него смотрять, какъ на доброго товарища, а онъ со своей стороны благодарить по-своему за такое хорошее обхожденіе усердіемъ, съ которымъ работаетъ. Уничтоженіе выгоновъ не вле-

*) См. Отчетъ, представленный министерству земледѣлія директоромъ земледѣльческаго департамента, Е. Тиссераномъ, по походу международной вѣнской выставки 1873 года.

четь поэтому за собой ровно никакихъ неудобствъ. Нельзя приписывать ему сравнительный недостатокъ говядины въ нормальной китайской кухнѣ. Напротивъ того, китайская система мелкаго земледѣльческаго хозяйства могла бы содѣйствовать значительному увеличенію производства убойнаго скота, если бы обнаружилась въ этомъ потребность и еслибы не существовало иныхъ средствъ къ удовлетворенію таковой *).

Кромѣ уничтоженія выгоновъ, мелкое земледѣльческое хозяйство доставило Китаю много другихъ существенныхъ выгодъ. Оно дозволило ввести такое разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній и достигнуть такого высокаго качества продуктовъ, о какомъ нельзя было и мечтать въ крупномъ хозяйствѣ. Разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній, каждый сортъ которыхъ требуетъ за собой особаго ухода и такихъ попеченій, которыя совершенно не вяжутся съ приемами крупнаго хозяйства, доставляютъ въ мелкомъ хозяйствѣ не только сравнительно большие барышы, но также и болѣе равномѣрное распределеніе труда. На всемъ протяженіи Китая насчитывается не менѣе семидесяти главныхъ воздѣлываемыхъ растеній, а въ каждомъ отдельномъ хозяйстве, которое ведется на двухъ или трехъ гектарахъ, число такихъ

---

*) Мы говоримъ здѣсь лишь о крупномъ убойномъ скотѣ. Что касается до овецъ, то ихъ совершенно не держать въ нѣкоторыхъ областяхъ. За то въ другихъ областяхъ, где на горахъ сохранились еще кое-какія пастбища, можно встрѣтить и овцеводство. Иногда, но въ рѣдкихъ случаяхъ, выкармливаютъ овецъ также въ хатвяхъ и на пожняхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что овца оказывается для этого гораздо менѣе пригодной, чѣмъ быкъ. Кромѣ того овцы дурно разводятся въ низменныхъ и жаркихъ округахъ южнаго Китая. Мясо ихъ лѣтомъ считается тоже вреднымъ для употребленія въ пищу.

растеній простирается отъ 8 до 10 и болѣе *). Это, собственно говоря, не земледѣліе, а садоводство. Говорить, что Китай настоящій садъ, и это въ дѣйствительности справедливо. Надо прибавить только, что не найдешь другого сада, который воздѣльвался бы лучше и давалъ болѣе громадный доходъ. Рисъ приносить тамъ отъ 3.500 до 10.000 килограммовъ съ гектара **), пшеница — отъ 15 до 50 и даже 60 гектолитровъ; чай же и шелковица даютъ отъ восьми до десяти тысячъ франковъ съ гектара. Столъ же благодарнымъ оказывается разведеніе сахарного тростника, воскового дерева (*ligustrum*), на которомъ живетъ насѣкомое, доставляющее самый бѣлый и самый дорогой сортъ извѣстнаго намъ воска. Весьма выгодны дубовые плантациі, на которыхъ выкармливаютъ особые сорта шелковичнаго червя, доставляющаго только лишь въ двухъ областяхъ Китая сорокъ тысячъ тюковъ шелка въ годъ, а также насажденія лакового дерева, смола котораго безъ всякаго дальнѣйшаго приготовленія употребляется какъ лучшій и прекраснѣйшій лакъ въ мірѣ, и т. д., и т. д. Я указываю тутъ, разумѣется, прямо валовой доходъ. Но какимъ образомъ, спрашивается, можно было бы опредѣлить чистый доходъ съ того или другого рода воздѣльваемыхъ растеній? какъ опредѣлить стоимость работы, потраченной на двѣ или три штуки пальмъ, пару деревъ, доставляющихъ сало, нѣсколько десятковъ кв. футъ поля, засаженнаго бобами, и нѣсколько кв. футъ грядокъ съ кра-

*) Въ запискѣ о земледѣльческой географіи Китая, помещенной въ бюллетеѣ Географического общества за 1868 годъ, перечислены эти 70 главнѣйшихъ воздѣльваемыхъ растеній.

**) Какъ напр. въ равнинѣ Чень-Ту, въ Сэ-Чуенѣ и многихъ другихъ мѣстностахъ.

сильными растеніями? Самая мысль о такомъ точномъ разсчетѣ представляется смѣшной. Можно вообразить себѣ, пожалуй, апельсинные деревья, которые въ дѣйствительности стоять отдалено, сосредоточенными вмѣстѣ, и разсчитать, сколько гектаровъ было бы ими въ такомъ случаѣ занято. Мне приходилось иногда дѣлать эти разсчеты, чтобы дать какое-нибудь понятіе о взаимномъ отношеніи между различными воздѣлываемыми растеніями, но судить по одному растенію о доходѣ, который можно было бы получить съ цѣлаго гектара, засаженного такими растеніями, точно такъ же нерационально, какъ было бы нерациональна попытка опредѣлить чистый доходъ, получаемый съ этого одного растенія. Дѣло въ томъ, что тысяча деревъ, произрастающихъ вмѣстѣ, дадутъ гораздо меньшій валовой доходъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эти деревья разбросаны небольшими группами, особенно же когда каждая изъ такихъ группъ принадлежитъ другому хозяину. Чѣмъ меньше деревъ, тѣмъ лучше ухаживаются за каждымъ. Тутъ повторяется слѣдовательно фактъ, о которомъ мы упоминали уже, говоря о положеніи буйвола въ китайской семье.

Определить, во что обходится тотъ или другой продуктъ самому хозяину было бы еще труднѣе. Какъ разсчитать цѣнность такихъ безконечно малыхъ величинъ, какъ иѣсколько мгновеній, потребовавшихся на сборъ ягодъ масличного дерева, какъ двѣ или три минуты, израсходованныя на то, чтобы вылить ложку жидкаго удобренія у какого-нибудь стебелька риса или пшеницы. Можно ли оцѣнить такія неоцѣнимыя вещи, какъ усердіе и любовь, вложенные въ ту или другую работу? Въ сущности, все сводится къ одному и тому же: можно любить одну овечку, но нельзя такимъ же образомъ любить цѣлое

стадо. Липа, растущая у дверей моего дома, дороже для меня сотни липъ въ лѣсу. Отчего китайцамъ такъ хорошо дается разведеніе дубового шелковичнаго червя, попытки къ акклиматизаціи котораго у насъ производятся вотъ уже 24 лѣтъ безъ всякаго успѣха? Оттого, что каждая семья воспитываетъ у себя лишь небольшое количества этихъ червей. Какъ удается китайцамъ сберегать воздѣлываемыя ими растенія отъ ржавчины, тли, павилики и др. паразитовъ, многіе изъ которыхъ теперь у нихъ совершенно истреблены? Посредствомъ тщательнаго ухода за каждымъ отдѣльнымъ растеніемъ. Допустимъ однако, что удалось бы въ точности разсчитать время, расходуемое такимъ образомъ по мелочамъ. Но въ такомъ случаѣ, во что оцѣнить самое это время? Большая часть работы производится членами семьи. О времени, которымъ она располагаетъ для работы, можно сказать то же, что и объ удобреніи: его не покупать стать! Время для работы получается у людей уже вслѣдствіе самого факта ихъ существованія. Рабочихъ со стороны обыкновенно вовсе не нанимаютъ, а если и приходится ихъ нанимать, то въ такомъ маломъ количествѣ и за такую дешевую плату, что трудно было бы разсчитать, какая доля изъ нея приходится на тотъ или другой сортъ воздѣлываемыхъ растеній. Единственнымъ средствомъ къ опредѣленію выгодности различныхъ отраслей какого-либо земледѣльческаго хозяйства въ Китаѣ является опредѣленіе чистаго дохода со всего хозяйства, которое приходится рассматривать какъ одно нераздѣльное цѣлое. Доходность какой-либо отдѣльной отрасли можетъ быть исчислена лишь приблизительно, соображаясь съ ея значеніемъ въ общей системѣ хозяйства. Дѣйствительно, земледѣліе не то, что ремесленный трудъ: крестьянинъ.

не можетъ съ выгодою специализировать свой трудъ и свое производство. Извѣстныя работы должны быть выполнены къ определенному времени. Что-же, спрашивается, дѣлать въ промежутокъ между ними? Еслибъ китаецъ сталъ воздѣлывать одинъ только рисъ или сахарный тростникъ, то, по снятіи жатвы, какое употребленье нашелъ бы онъ для своего времени и своего участка земли? Неужели одно воздѣлываемое растеніе должно было бы покрывать всѣ расходы по семейному и хозяйственному бюджету? А если вдругъ на него случится неурожай? «Нѣтъ! это слишкомъ рисковано!» отвѣчаетъ китайцу мелкое земледѣльческое хозяйство. «Возьмись за меня, и я открою тебѣ тайну не терять попусту ни одной минуты, ни одной пяди земли. Возьмись за меня, и я обезпечу тебѣ впятро большій доходъ съ поля, увеличу плодородіе его настолько, что ты въ состояніи будешь продавать произведенія его вдесятеро дешевле». Китай послѣдовалъ этому совѣту и не имѣлъ повода раскаиваться. Система китайского хозяйства не дозволяетъ, правда, разсчитать, во что именно обходится гарнецъ рису или фунтъ сахару, но, благодаря этой системѣ, всѣ земледѣльческие продукты тамъ очень дешевы и, несмотря на то, почти каждая крестьянская семья живеть въ такомъ же довольствѣ, какъ и семья моего пріятеля Уангъ-Мингъ-Це. Между прочимъ, вы можете купить въ Китаѣ шелкъ по такой дешевой цѣнѣ, что наши французскіе шелководы, несмотря на далекое разстояніе, сочтутъ себя въ опасности и стануть ходатайствовать объ огражденіи ихъ интересовъ покровительственными пошлинами.

Способы, употребляемые въ мелкомъ хозяйствѣ и обусловливающіе его успѣшность, слишкомъ извѣстны для того, чтобы ихъ стоило описывать. Одинъ изъ нихъ

заслуживает впрочемъ, чтобы о немъ было упомянуто особо: это пересадка воздѣлываемыхъ растеній. Гдѣ-нибудь въ уголкѣ сада, на солнечной сторонѣ, въ мѣстѣ, защищенному отъ сильныхъ вѣтровъ заборомъ или же стѣною дома, отводится для этого небольшой участокъ, который, въ случаѣ надобности, тщательно удобряется перегноемъ. На немъ устраиваютъ грядки такъ, чтобы ихъ можно было бы прикрыть рамами или же соломенными циновками, когда это потребуется для защиты молодыхъ растеній отъ холода. Въ Китаѣ прибѣгаютъ къ такой искусственной защитѣ въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ зимы бываютъ долгія и холодныя. Въ приготовленные такимъ образомъ грядки высѣваютъ въ разбросъ (но очень густо) воздѣлываемые растенія, а когда они достигнутъ нѣкотораго развитія, ихъ пересаживаютъ изъ грядокъ на поле, гдѣ они уже окончательно вызрѣваютъ. Часть своего существованія растенія эти проводятъ слѣдовательно на маленькомъ участкѣ всего лишь въ нѣсколько квадратныхъ метровъ. Такимъ образомъ они занимаютъ поле въ теченіе соотвѣтственно болѣе короткаго времени, вслѣдствіе чего съ данного поля можно, въ теченіе одного сезона, получить нѣсколько урожаевъ. Въ этомъ заключается главная цѣль пересаживанья, или лучше сказать извѣстнаго подъ этимъ именемъ способа воздѣлыванія, въ которомъ пересаживание является лишь однимъ изъ приемовъ. Кроме того достигаются этимъ путемъ и многіе другіе полезные результаты.

Тѣ, кто хоть сколько-нибудь занимался садоводствомъ, знаютъ, что растеніе, вообще говоря, будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще пересаживали его въ молодости. Вместо одного корня у него развивается обыкновенно множество боковыхъ корней, которые, распространяясь

въ горизонтальномъ направлениі, сообщаютъ растеню большую устойчивость, вслѣдствіе чего оно менѣе страдаетъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Къ тому же эти корни, находясь близъ поверхности почвы, лучше всасываютъ въ себя питательные соки, доставляемые туда водою, воздухомъ и разными удобреніями, предлагаемыми человѣкомъ. Пересаженное растеніе развѣтвляется гораздо скорѣе и даетъ отъ себя гораздо больше отпрысковъ. Если пересадка произведена такъ, чтобы можно было имѣть къ каждому растенію свободный доступъ для надлежащаго за нимъ ухода (а это именно и достигается пересадкой), то нѣтъ чудесъ, которые были бы невозможны для такого способа воздѣлыванія. Отъ одного зерна пшеницы удавалось получить при этомъ до шестидесяти колосьевъ *). Люцерна даетъ иногда съ нѣсколькихъ кустовъ, вмѣсто одного спона, двѣнадцать и даже четырнадцать споновъ. Мелкое земледѣльческое хозяйство сдержало, даже съ лихвою, всѣ свои обѣщанія. Оно не

---

*) Растенія, остающіяся долго въ разсадникѣ, плохо кустятся, если не будутъ приняты особыя мѣры предосторожности. Къ тому же у нихъ проявляется наклонность блекнуть и чахнуть. Чтобы противодѣйствовать ей, китайцы смачиваютъ всегда передъ посѣвомъ зерно въ жидкому удобреніи, которое всасывается оболочками зерна и укрѣпляетъ сѣмянодоли, питающія молодое растеніице. Вслѣдствіе этого получаются болѣе здоровые и сильные всходы. Такимъ же образомъ смачиваютъ жидкимъ удобреніемъ и корни пересаживаемыхъ растеній. Соблюдая эти предосторожности, можно пересаживать рисовую и пшеничную растеніца, достигшія уже вышины 15 — 20 сантиметровъ. Это нисколько не мѣшаетъ имъ куститься, и давать новые отростки. Въ сѣверныхъ областяхъ Китая, крестьяне, вмѣсто того чтобы разводить молодыя растеніца въ особыхъ патомникахъ, зачастую покупаютъ изъ южныхъ областей готовую разсаду.

только упятерило число урожаевъ, получаемыхъ съ даннаго поля, но въ такой же степени увеличило и каждый отдельный урожай. Кромѣ того получается сбереженіе и въ сѣмянахъ. На гектаръ достаточно употребить нѣсколько литровъ зерна, вместо двухъ съ половиной гектолитровъ, которые затрачиваются при обыкновенномъ способѣ посѣва. Это еще не все. Если при мелкомъ хозяйствѣ гектаръ приносить столько же, сколько получается въ крупномъ хозяйствѣ съ десяти или даже двадцати гектаровъ, то, съ уменьшеніемъ запаски, оно дозволяетъ кромѣ того уменьшить и количество рабочаго скота. Столъ же благопріятно отражается оно и на упрощеніи земледѣльческихъ орудій, которому содѣйствовало уже введеніе искусственного орошенія. Если прибавить къ перечисленнымъ здѣсь земледѣльческимъ орудіямъ лейку и сажальный коль, получимъ весь инвентарь такихъ орудій. Этимъ, однако, не ограничиваются еще благодѣянія китайской системы мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Располагая по произволу водой и удобреніемъ, которыя у него всегда подъ рукой, понятно, что китайскій крестьянинъ мало интересуется хитроумными системами плодосмѣнности, разсчитанными на то, чтобы, истощивъ землю, дать ей нѣкоторый отдыkhъ, а затѣмъ вытянуть изъ нея опять возможно большее число соковъ. Китайцу незачѣмъ прибѣгать къ такимъ хитростямъ, ему не къ чему мудрить. Мѣсто всего этого заступаетъ искренняя преданность и справедливость, съ которыми онъ относится къ землѣ. За то и она воздаетъ ему по заслугамъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ одни и тѣ же поля приносятъ дважды въ годъ одинаково богатые урожаи риса или пшеницы. Другія растенія, столь же источающія почву, смѣняютъ другъ друга

на этихъ поляхъ черезъ каждыя 6 недѣль, а между тѣмъ послѣ всякой жатвы человѣкъ находитъ свою землю такой же покорной и тароватой, какъ прежде. За его глубокую къ ней преданность она отдается ему такъ всецѣло и беззавѣтно, какъ никогда женщина не отдается своему возлюбленному.

Мелкое земледѣльческое хозяйство, а въ особенности примѣняемая въ немъ система пересаживанья растеній, оказываютъ китайцамъ еще одну услугу, дозволяя имъ воздѣлывать нѣкоторыя однолѣтнія растенія, принадлежащиа, собственно говоря, болѣе теплому климату. Въ этомъ, собственно говоря, тоже нѣть никакой хитрости. Достаточно пригнать время посѣва этихъ нѣжныхъ растеній такъ, чтобы ко времени ихъ пересаживанья *) весна принесла съ собою такое количество теплоты и свѣта, которое требуется для ихъ цвѣтенія и плодоношенія. Этотъ метеорологический моментъ опредѣляетъ ихъ мѣсто въ ряду посѣвовъ, смѣняющихся на одномъ и томъ же участкѣ земли. Въ результатѣ получается настоящій сѣвооборотъ, зависящій однако единственno лишь отъ климатическихъ, но не отъ почвенныхъ условій и, кромѣ того, имѣющій исключительною цѣлью распространить полосу воздѣлыванья нѣжныхъ растеній на одинъ или два градуса съвернѣе естественного предѣла. Въ качествѣ наиболѣе замѣчательного примѣра можно привести пшеницу, воздѣлываемую теперь въ Монголіи. Страна эта отличается долгими и холодными зимами, когда морозы доходятъ зачастую до 30°. Лѣто

*) Замѣтимъ кстати, что китайцы раздѣляютъ климаты не по температурамъ, а по степенямъ освѣщенія. У нихъ есть климатъ въ 13, $13\frac{1}{2}$, 14, $14\frac{1}{2}$, 15 и болѣе часовъ, соотвѣтственно продолжительности наибольшаго въ нихъ дня.

бываетъ тамъ, правда, жаркое, но очень короткое, такъ что картофель вымерзаетъ еще въ сентябрь мѣсяцъ. При такихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ тамъ до сихъ поръ могли успѣшно рости только травы безбрежныхъ какъ море монгольскихъ степей, да нѣкоторыя породы деревьевъ, попадавшіяся на болѣе удобныхъ для того мѣстностяхъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ можно было еще встрѣтить кое-гдѣ въ Монголіи поля, засѣянныя овсомъ или другими яровыми хлѣбами, но во всей странѣ не было рѣшительно ни одного пшеничного растеніца. Съ тѣхъ поръ, по теченію весьма немногочисленныхъ тамъ ручьевъ и рѣчекъ, осѣло болѣе многочисленное населеніе. Мелкое, интенсивное хозяйство стало примѣнять обычные свои способы воздѣльванья растеній и, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Великой Стѣны, гдѣ это хозяйство достигаетъ болѣе полнаго своего развитія, созрѣваетъ теперь уже пшеница, пересаживаемая въ концѣ мая въ поля изъ питомниковъ. Другое растеніе — травянистый хлопокъ, который вообще не переходитъ за 36 или 37° сѣв. шир. разводится въ Манджуріи сѣвернѣе 40° *). Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать. Говоря теперь о климатическихъ условіяхъ, я долженъ воспользоваться случаемъ, чтобы отвѣтить на возраженіе, которое мнѣ не разъ доводилось слышать. Я могу предположить поэтому, что оно могло возникнуть также и въ умѣ читателя. «Въ Китаѣ,

---

*) Подобнымъ же образомъ заставляютъ у насъ вырывать арбузы, дыни, сладкіе пататы и т. п. въ сѣверной полосѣ умѣренного пояса.

въдь, точно такъ же, какъ и въ Европѣ, падаетъ съ неба зачастую градъ», говорили мнѣ некоторые изъ моихъ знакомыхъ, «и если ваши китайцы не закрываютъ своихъ полей дождевыми зонтами, то мы не видимъ, какимъ образомъ мелкое интенсивное хозяйство могло бы спасти ихъ отъ градобитія».

Несмотря на всю кажущуюся серьезность этого возраженія, методы китайского хозяйства позволяютъ отвѣтить на него вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Относительно существующихъ въ Китаѣ благопріятныхъ климатическихъ условій я не стану вдаваться въ объясненія причинъ, научное объясненіе которыхъ для меня недоступно, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не рѣшаюсь предположить, чтобы китайцы могли заключить съ Провидѣніемъ какой-либо особый договоръ, обезпечивающій для нихъ благорасторонніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ. Я долженъ, слѣдовательно, ограничиться указаніемъ на то, что въ Китаѣ погода далеко не такъ капризна, какъ у насъ *). Не только времена года, но даже и болѣе мелкія ихъ подраздѣленія выказываютъ въ Китаѣ, относительно времени своего наступленія, несравненно большую правильность. Китаецъ знаетъ, какъ нельзя лучше, напередъ, въ какой именно день ему придется замѣнить свою одежду болѣе легкой или болѣе теплой. Извѣстно заранѣе, сколько разъ будетъ итти дождь весною и осенью.

---

*) Иезуитскій патеръ Лебукъ, написавшій въ 1880 году книгу, озаглавленную „Vie de Monseigneur Dubard“ (Житіе епископа Дюбара), дѣлаетъ по поводу погоды въ Китаѣ такое же замѣчаніе; прибавляя, однако, что за послѣднее десятилѣтіе въ общемъ ея ходѣ стали замѣчаться, повидимому, довольно значительныя уклоненія отъ правильности.

Расчеты эти въ очень рѣдкихъ лишь случаяхъ оказываются ошибочными.

Самая страшная изъ климатическихъ бѣдствій для Китая — это засухи. Онѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ зимнихъ снѣговъ. Когда на тибетскихъ горныхъ высяхъ, откуда берутъ начало обѣ громадныя рѣки, орошающія Китай, скопится мало снѣга, или же когда снѣга эти растаютъ слишкомъ быстро — всѣ мелкія рѣчки и каналы оросительной системы Срединнаго Царства вскорѣ пересыхаютъ. Странѣ угрожаетъ тогда неминуемый голодъ, если только не выпадутъ, такъ сказать, сверхкомплектные дожди. Никакого средства къ предотвращенію засухи китайцы придумать не могли. Наводненія, причиняемыя также тибетскими снѣгами, когда они скопляются въ слишкомъ большихъ количествахъ или же таютъ слишкомъ быстро, дѣлаютъ сравнительно менѣе зла, несмотря на опустошенія, которыя они производятъ среди такого густого населенія какъ китайское. Имъ противодѣйствуютъ до извѣстной степени каналы, обширные водоемы и воздигнутыя вдоль рѣкъ береговыя плотины. Къ тому же, какъ только спадетъ вода, крестьяне приводятъ въ порядокъ свои поля и засаживаютъ ихъ вновь молодыми растеніями, выписанными изъ мѣстъ, не пострадавшихъ отъ наводненія. Въ нѣсколько дней слѣды произведенныхъ имъ опустошеній изглаживаются какъ бы волшебствомъ, къ величайшему изумленію присутствующихъ европейцевъ. Сильные дожди почти никогда не бываютъ настолько продолжительными, чтобы причинить большіе убытки земледѣльцамъ. Обыкновенно дождевая вода не застаивается на поляхъ, а благополучно стекаетъ съ нихъ по отводнымъ каналамъ и рѣчкамъ. Что касается до раннихъ и позднихъ морозовъ, а также до града, то

китайцы не защищают отъ нихъ своихъ полей соломенными циновками или покрышками, употребляемыми въ садоводствѣ для грядъ и парниковъ. Безъ сомнѣнія они сдѣлали бы это, еслибъ упомянутыя метеорологическая явленія случались въ Китаѣ такъ же часто, какъ въ Европѣ. При существующихъ, однако, тамъ условіяхъ они стараются исправить вредъ, причиненный градомъ, подсадкой новыхъ растеній изъ питомниковъ, т. е. тѣмъ же способомъ, который употребляется у нихъ, чтобы загладить опустошенія, причиненные наводненіемъ.

VII.

Вода, земля и удобрѣніе, съ одной стороны, время, пространство, климатъ и сельско-хозяйственный орудія съ другой—таково богатое наслѣдіе, оставленное предками китайского народа своимъ потомкамъ. Весьма важно обратить вниманіе на то, что въ Китаѣ человѣкъ не зависитъ отъ этихъ общихъ естественныхъ условій, съ которыми въ другихъ странахъ ему приходится скорѣе считаться, чѣмъ употреблять на свою пользу, которая такъ часто дѣлаютъ его своимъ рабомъ и жертвой. Китаецъ же, дѣйствительно, подчинилъ ихъ своей власти. Вода въ своемъ теченіи соображается съ его потребностями, онъ дѣлаетъ съ землей то, что ему благоразсудится, онъ смѣется надъ климатомъ, время для него ничто, онъ наполняетъ пространство и почти уничтожилъ необходимость въ орудіяхъ производства *).

*) Съ какими-нибудь пятидесятью франками, считая въ томъ числѣ и уплачиваемый нормальный налогъ, можно въ Китаѣ обработать и засѣять поле, достаточное для содержанія семьи изъ двухъ

Всѣ эти препятствія исчезли. Никогда человѣку не удалось одержать болѣе блестящей побѣды. Общество, вдохновленное основавшими его мудрецами, подготовило эту побѣду, съ этой именно цѣлью оно и предоставило себѣ коллективное право собственности надъ землей, обеспечивъ каждому возможность пользованія ею. Для этого то оно, поборовъ свое отвращеніе, и держало въ такой чести удѣреніе, возбуждающее въ насъ лишь презрѣніе. Нигдѣ общество не сдѣлало столько для отдельного лица, нигдѣ отдельная личность не обязана ему въ такой степени своимъ существованіемъ и свободой. Но всѣмъ этимъ не исчерпываются еще заслуги общества.

Какъ уже упомянуто въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, трудъ считается у китайцевъ не наказаніемъ, а священнымъ долгомъ, на который небо благословило человѣческий родъ. Мы видѣли къ тому же, что механическое, мышечное усиление, составляющее дѣйствительно тягостный трудъ, сведено въ работѣ китайского крестьянина къ сравнительно ничтожнымъ размѣрамъ. Да и можетъ развѣ какой-либо трудъ быть тягостнымъ для того, кто увѣренъ, что воспользуется его плодами и знаетъ, что плоды эти не будутъ отняты у него богачемъ тунеядцемъ или же превратностями погоды? Въ условіяхъ, въ которыхъ находится китайскій земледѣлецъ, трудъ его принимаетъ совершенно иной, болѣе интеллектуальный характеръ. Онъ становится не столько механической работой, сколько дѣломъ, требующимъ вниманія, разумнаго ухода, ловкости, смѣтки и даже изящнаго вкуса. Избавившись отъ

или трехъ человѣкъ. Я уже говорилъ и объясню еще впослѣдствіи, что вопросъ объ орудіяхъ, потребныхъ для ремесленного производства, разрѣшенъ въ Китаѣ такимъ же образомъ, какъ и вопросъ о земледѣльческихъ орудіяхъ.

утомительного физического труда и не менѣе тягостныхъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, китайскій крестьянинъ сдѣлался артистомъ и до извѣстной степени даже ученымъ. Никто не могъ бы уловить съ большою точностью физиологический моментъ наиболѣе удобный для пересаживанья риса, никто не въ состояніи былъ бы такъ хорошо угадать нужды пшеничнаго растеніца. Опрятность у него на поляхъ доведена до кокетства. Чтобы корнеплодныя растенія могло примѣниться къ условіямъ обычной въ Китаѣ мелкой запашки, земледѣлецъ измѣнилъ ихъ форму, передѣлалъ ихъ по своему вкусу, какъ передѣлывается ваятель находящійся у него въ рукахъ комокъ глины. Корневища изъ длинныхъ сдѣлались короткими, толстыми, шарообразными, изумляющими своей громадностью. Китайскій крестьянинъ привель въ домашнее состояніе многія растенія, остающіяся для насъ еще дикими. Онъ заставилъ ихъ производить съѣдобные листья, плоды или корни *).

Переходя затѣмъ къ животнымъ, замѣтимъ, что онъ смягчилъ характеръ буйвола, сдѣлавшагося такимъ же покорнымъ и смирнымъ, какъ нашъ домашній быкъ. Онъ обратилъ въ домашнее состояніе насѣкомыхъ, казавшихся къ тому менѣе всего пригодными: бабочку обыкновенного шелковичнаго червя, которую мы отъ него заимствовали, и бабочку дубового шелковичнаго червя, которой мы до сихъ поръ не сумѣли воспользоваться, восковую кошениль, такую же мелкую и хрупкую какъ тля, живущая на розахъ, но еще менѣе замѣтную въ теченіе одного

*) Такъ, одинъ изъ видовъ болотнаго тростника доставляетъ китайцамъ столовую овощь на подобіе спаржи или козельца. Точно такъ же китайцы воздѣлываютъ и употребляютъ въ пищу корни кувшинчика, мясистые плоды *trapa bicornis* и. т. д.

изъ періодовъ своего существованія, Китаецъ заставилъ всѣхъ этихъ дѣтей воздуха *), какъ онъ ихъ называетъ, платить ему дань, ежегодная цѣнность которой составляеть многія сотни миллионовъ франковъ. Вотъ что предлагаетъ отдѣльная личность обществу въ возвратъ за полученные отъ него благодѣянія. Дѣйствительно, всѣ эти побѣды, одерживаемыя ежедневно, принадлежать всецѣло инициативѣ отдѣльной личности, являются плодами его терпѣнія, наблюдательности, доброй воли и тщательнаго изслѣдованія. Коллективное общество, несмотря на все свое могущество, оказалось бы тутъ безсильнымъ. Ему надлежало исполнить давно уже законченныя теперь колоссальная работы, требовавшія громаднаго напряженія силъ. Остающіяся теперь работы требуютъ только искусства и смѣтливости, и вотъ они то и выпадаютъ на долю отдѣльной личности. Мы видимъ здѣсь рѣзкую грань между сферами коллективнаго и частнаго труда. Теперь коллективное общество, видимая и дѣятельная роль котораго снизошла до строго необходимаго минимума, какъ бы совершенно стушевывается. Напротивъ того, въ сферѣ частнаго труда является въполномъ блескѣ торжество человѣка надъ вещью, возвышеніе отдѣльной личности не надъ обществомъ, но въ обществѣ и чрезъ его посредство. Я имѣлъ уже случай указать на эту, повидимому единственную въ мірѣ, эволюцію, а теперь представляю читателю обстоятельное ея доказательство равно какъ и способъ, которымъ она произошла.

Китаецъ является артистомъ не только по отношенію къ земледѣльческой своей промышленности. Возь-

---

*) Тіеннъ-сэ, что значитъ въ буквальномъ переводе дѣти неба.

мемъ напримѣръ весь округъ Уангъ-Мо-Хи. Скажите на милость, можно ли гдѣ-нибудь найти болѣе гармоническое сочетаніе природы съ дѣломъ рукъ человѣческихъ? Вотъ передъ нами домъ Уангъ-Мингъ-Це. Развѣ не чувствуете вы между нимъ и всѣмъ, что его окружаетъ, такого тѣснаго согласованія, которое какъ бы исключаетъ возможность отдалить даже мысленно одинъ предметъ отъ другого? Домъ стоять на склонѣ холма, какъ разъ на своемъ мѣстѣ, и построенъ именно такъ, какъ слѣдовало. Тотъ, кто его строилъ, не ошибся въ своихъ расчетахъ. Домъ этотъ можетъ, какъ говорится, и себя показать и людей посмотрѣть. Онъ стоитъ среди маленькой группы изъ пяти или шести нѣсколько меньшихъ домиковъ, не далѣе какъ въ ста шагахъ отъ каждого изъ нихъ, и очевидно можетъ быть только мирнымъ и гостепримнымъ жилищемъ, вполнѣ достойнымъ его обитателей, съ которыми мы имѣли уже случай познакомиться. Наружный его видъ до такой степени соответствуетъ ихъ характеру, что мнѣ было бы ужасно тяжело на душѣ, еслибы соответствіе это въ дѣйствительности не подтвердилось. Еслибы эта ферма была моя, я не промѣнялъ бы ее ни на что въ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ одной изъсосѣднихъ фермъ. Обитатели ея не лишены известнаго образованія. Глава семьи даже ученый, всѣ много читали и хорошо знакомы со своими національными поэтическими произведеніями.

Китайцы обожаютъ цвѣты и употребляютъ ихъ всюду. Они открыли между цвѣтами и живыми существами множество аналогій. Не рѣшаюсь сообщать съ какимъ цвѣткомъ сравнили они вашего покорнѣйшаго слугу. Что же сказать о почетѣ, которымъ пользуются у нихъ звѣзды? Отъ театра китайцы безъ ума. Вамъ, можетъ быть, уже

известно, что полишинель, петрушка и арлекинъ заимствованы европейцами, у китайцевъ *). Сколько разъ мнѣ самому случалось на нихъ засматриваться! Маленькия дѣти въ Китаѣ знакомы съ баснями, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ вѣковъ. Хотите знать заголовки нѣкорыхъ изъ нихъ? «Кошка и мышь», «Слѣпой и хромой», «Два приятеля», «Заяцъ и черепаха», «Осель въ львиной шкурѣ», «Черепаха и двѣ утки», Устрица и двое прохожихъ» и т. п. Васъ это удивляетъ, читатель? Вы можетъ быть думали, что басни эти изобрѣтены у насъ? А китайскіе разсказы про добрыхъ и злыхъ волшебницъ, про эльфовъ, подземныхъ духовъ и т. п. Послушавши ихъ, только и остается воскликнуть вмѣсть съ Соломономъ, что нѣть ничего новаго подъ луной! Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ, существуютъ, повидимому, и эти повѣрья. Откуда они взялись? Изъ Китая, Индіи или же изъ Европы? Этого никто не знаетъ, да не къ чему особенно и любопытствовать. Такія же точно соображенія приходятъ на умъ по поводу народныхъ китайскихъ сказокъ. Еслибъ позволило мѣсто, я познакомилъ бы васъ съ одною изъ нихъ, которая представляетъ разительное сходство съ похождѣніями Али-Бабы и сорока разбойниковъ въ арабскихъ сказкахъ изъ «Тысячи и одной ночи». За то возьму на себя смѣлость познакомить васъ съ одной изъ китайскихъ легендъ.

Надо вамъ сказать прежде всего, что для китайскаго уха звонъ металла обладаетъ совершенно особымъ очарованьемъ. Китайцамъ слышится дивная симфонія въ звуки гонга. Когда ударять въ самую середину этого оглуши-

*) См. „Путешествіе лорда Маркэтна въ Китай“, а также Dennys'a „Social life in China“ и т. д.

тельного для насъ инструмента, то звуковыя волны распространяются отъ центра къ окружности по кругамъ разной величины и разнаго тембра, соотвѣтственно выковкѣ, которая придана была мастеромъ этому инструменту. Китайцы восторгаются этими звуками и прислушиваются къ нимъ даже тогда, когда они исчезли и разсѣялись въ воздухѣ, въ которомъ, рано или поздно, должны разсѣяться всѣ формы и всѣ звуки, всѣ люди и всѣ вещи. Колокольный звонъ дѣйствуетъ на нихъ подобнымъ же образомъ, но еще могущественнѣе возбуждая въ нихъ еще болѣе серьезное настроеніе. Когда съ высоты башенъ, на которыхъ помѣщаются колокола, раздается ихъ звонъ, медленно ударъ за ударомъ разносящейся въ пространствѣ, мысль вздымается вмѣстѣ съ нимъ и возносится также надъ земною юдолю. Душа чувствуетъ себя взволнованной и потрясенной какими то смутными, таинственными воспоминаніями. Она, такъ сказать, не прислушивается уже къ музыкальнымъ аккордамъ, а какъ бы стремится разгадать таинственные созвучія этихъ воспоминаній съ собственной ея сущностью. Китайцы чувствуютъ все это и, подобно большинству народовъ употребляютъ колокола для выраженія религіозныхъ своихъ чувствъ.

Празднества ихъ народнаго религіознаго культа чувствуются между прочимъ и колокольнымъ звономъ. Чтобы указать высокое назначеніе своихъ колоколовъ, китайцы украшаютъ ихъ выпуклыми или врѣзанными надписями, напоминающими важныя историческія события. Самые большия и вмѣстѣ съ тѣмъ самые знаменитые въ Китаѣ колокола находятся въ Кантонѣ и въ Пекинѣ. Двое изъ пекинскихъ колоколовъ имѣютъ не менѣе 18—20 футъ вышины. Колокола эти покрыты сплошь историческими

надписями, и когда ударяютъ въ нихъ по случаю большихъ празднествъ въ честь человѣчества, какъ напримѣръ въ день Нового года, въ праздникъ Земли, Земледѣлія, и т. п., звонъ ихъ имѣть совершенно опредѣленное значеніе. Это звучать надписи, отлитыя въ бронзѣ. Въ нихъ говорить могучій голосъ предковъ совершенно внятно для китайцевъ. Къ несчастію даже и къ самымъ чистымъ поэтическимъ миѳамъ легко примѣшиваются разныя суеты. Такъ, въ народѣ ходить повѣрье, будто человѣкъ, или по крайней мѣрѣ человѣческая кровь, въ сплавѣ съ колокольнымъ металломъ, обеспечиваютъ успѣшность отливки и придаетъ кококоламъ большую звучность и музыкальность. О какомъ таинственномъ союзѣ между настоящимъ и прошедшимъ символически свидѣтельствуетъ эта кровавая жертва? Это могли бы вѣроятно объяснить лишь немногіе даже изъ китайскихъ учёныхъ. Какъ бы ни было, съ этими повѣрьями связана слѣдующая легенда.

Богдыханъ Юнгъ-Ло, третій изъ династіи Миновъ, царствовавшій съ 1403 по 1425 года нашей эры, страстно любилъ колокола. Онъ приказалъ отлить пять громадныхъ колоколовъ, наименѣй изъ которыхъ вѣсилъ болѣе 75,000 килограммъ. Отливка первого колокола, башню для котораго только что построилъ богдыханъ, поручена было мандарину Хуангъ-Ю. Первая попытка отлить колоколъ не удалась. Вторая, произведенная спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тоже не увенчалась успѣхомъ. Оба раза металлъ оказался весь въ пузыряхъ и дыряхъ. Раздраженный богдыханъ объявилъ, что въ случаѣ третьей неудачи прикажетъ отрубить голову виновному мандарину. Разумѣется на эту угрозу не стоило обращать серьезного вниманія. Мало ли что можетъ сказать раздраженный богдыханъ! Къ тому же богдыханъ этотъ

былъ въ нормальномъ состояніи мудрымъ государемъ. Онъ велѣлъ уничтожить сочиненія по алхимії, вводившія народъ въ заблужденіе, и кассировлъ монашескіе обѣты всѣхъ бонзовъ, удалившихся въ монастырь прежде сорокалѣтняго возроста. Самъ Юнгъ-Ло очень уважалъ науку и ученыхъ, а потому нельзя было опасаться, чтобы онъ вспомнилъ о своей угрозѣ и вздумалъ привести ее въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе достопочтенный мандаринъ Хуангъ-Ю могъ легко впасть въ немилость. Во всякомъ случаѣ, опасеніе новой неудачи, долженствовавшей compromеттировать еще болѣе его репутацію, являлось достаточнымъ поводомъ къ грусти, которую онъ не въ силахъ былъ скрывать.

У мандарина была дочь, которую онъ очень любилъ. Дѣвушкѣ, прелестной какъ первый цвѣтокъ квитоваго дерева, всего лишь было шестнадцать лѣтъ отъ роду. Дѣвушка эта, Куэ, видя, что отецъ ея грустить, постаралась разузнать причину печального его настроенія. Узнавъ въ чёмъ дѣло, она, не задумываясь долго, пошла къ знаменитому въ то время астрологу освѣдомиться, чѣмъ именно были обусловлены первыя двѣ неудачи въ отливкѣ колоколовъ и какъ предотвратить третью неудачу. Астрологъ отвѣтилъ, что и въ третій разъ отливка будетъ такъ же безуспѣшна, какъ оба предшествовавшія раза, если только въ колокольный металль не будетъ примѣшана кровь дѣвственницы. Опасаясь, что боязнь выполнить свою угрозу, Куэ страшно перепугалась и, чтобы спасти отца, рѣшилась принести себя въ жертву.

Получивъ отъ мандарина разрѣшеніе присутствовать при отливкѣ колокола, дѣвушка бросилась въ потокъ расплавленного металла. Катастрофу эту описываютъ слѣдующимъ образомъ: «Когда расплавленный металль устрем-

мился въ приготовленную для него форму, среди окружающихъ водворилось мертвое молчаніе. У всѣхъ присутствовавшихъ замеръ духъ и въ стѣсненной груди остановилось біеніе сердца. Внезапно Куэ ринулась съ своего почетнаго мѣста въ свистѣвшій и кипѣвшій огненно-жидкій металль, восклицая: «Дѣлаю это для отца!» Тщетно одинъ изъ присутствовавшихъ старался ее удержать. Ему удалось только схватить ее за ножку, да и та выскользнула, такъ что въ рукахъ остался одинъ башмачекъ. Обезумѣвшій отъ горя отецъ хотѣлъ послѣдовать примѣру дочери, но его успѣли остановить и отвести домой въ состояніи полнаго умопомѣшательства. Предсказаніе астролога однако же подтвердились. Никогда еще до того времени не удавалось отлитъ такого прекраснаго колокола. За то отъ бѣдняжніи Куэ не осталось и слѣда. Вся она цѣликомъ вошла въ составъ колокольнаго металла. Съ того самаго раза, какъ только начали звонить въ этотъ колоколъ, у него, вслѣдъ за громкимъ мощнымъ первымъ звукомъ, слышится всегда еще второй звукъ: жалобный и протяжный, нѣжный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный глубокой скорби,—словно стонъ умирающей дѣвушки. Въ немъ ясно слышится слова «ціэ, ціэ!» т. е. «башмачекъ, башмачекъ!» Это бѣдняжка Куэ просить, чтобы ей возвратили ея башмачекъ.

Такова легенда о колоколѣ, извѣстная почти каждому китайцу. Въ Фо-Киенѣ вамъ ее разскажутъ въ каждомъ сельскомъ или городскомъ домѣ, въ которомъ вамъ заблагорассудится о ней освѣдомиться. Легенды о драконахъ пользуются однако въ Китаѣ еще большей популярностью.

Чтобы пересказать всѣ эти легенды, потребовалась бы цѣлая книга, а между тѣмъ трудно выбрать какую-либо

одну изъ нихъ, не упоминая объ остальныхъ. Чѣмъ руководствоваться при такомъ выборѣ? Отдать ли предпочтеніе тѣмъ легендамъ, гдѣ замѣчается сходство съ халдейскими, персидскими, египетскими и греческими миѳами, или же тѣмъ, которые напоминаютъ католическая, римская, древне-саксонскія и т. п. преданія?

Есть китайскіе драконы, которые стерегутъ клады, подобно юрской Вуиврѣ и дракону Золотого Руна; есть и такие, которые пожираютъ людей, подобно злому Гивру въ гербѣ города Милана, змѣю, поражаемому св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ и мецскому Граули. Есть драконы, враждующіе съ солнцемъ и луной. Драконовъ этихъ, причиняющихъ затменія, китайцы прогоняютъ ударами въ гонгъ, подобно тому, какъ римляне прогоняли ихъ трубными звуками. Наконецъ, у китайцевъ имѣется и добрый драконъ, подобный змію, служившему, по еврейскимъ и древне-галльскимъ преданіямъ, символомъ жизни. Онъ является символомъ единаго, совокупнаго человѣка, рассматриваемаго какъ божество, атрибуты котораго символически изображаются змѣинымъ его туловищемъ, крыльями и карбункуломъ или державой на его головѣ. Вдаваться въ подробности завлекло бы меня уже слишкомъ далеко, такъ какъ, сопоставляя китайскіе миѳы съ самыми поэтическими миѳами другихъ народовъ, я имѣль только въ виду показать, что, по части воображенія, китайцы, эти земледѣльцы по преимуществу, не уступаютъ народамъ, отличающимся самой богатой фантазіей. Несомнѣнно, что въ сферѣ воображенія, искусства и поэзіи есть много другихъ сторонъ, на которыхъ я въ данномъ случаѣ не останавливался, но позволительно надѣяться, что сказанного мною будетъ вполнѣ достаточно для простого очерка крестьянскаго быта въ Срединномъ

Царствѣ. Мы знаемъ теперь, что именно въ этомъ быту, опредѣляющемъ положеніе и состояніе семьи Уангъ-Мингъ-Це, зависить отъ общественныхъ, экономическихъ и физическихъ мѣстныхъ условій, намъ извѣстно како-вой является, подъ вліяніемъ этихъ условій, личная дѣя-тельность земледѣльца. Нѣсколько словъ и цифръ объяснять намъ все остальное. Это будетъ, собственно го-воря, подробное исчисленіе, документальный перечень получаемыхъ семьей доходовъ.

VIII.

Участокъ, обрабатываемый семьей Уангъ-Мингъ-Це, состоить изъ 29 меу (1,94 гектара), принадлежащихъ ей въ собственность. Изъ этого числа 11 меу расположены въ долинѣ, а 18 лежать на холмѣ *). Земля въ долинѣ вся орошается посредствомъ каналовъ и стоить не менѣе 400 франковъ за меу. На холмѣ всего лишь 5 меу не орошаются непосредственно, а только съ по-мощью ручной поливки. Остальные 13 меу засажены чай-

---

*) Это отношеніе между количествами земли, находящимися въ долинѣ и на холмѣ, нѣсколько уклоняется отъ нормального для мѣстности, гдѣ лежитъ Уангъ-Мо-Хи. Округъ этотъ и весь вообще Фо-Кіенъ, собственно говоря, страна гористая, такъ что долины тамъ занимаютъ сравнительно малое протяженіе. Въ большинствѣ другихъ сосѣднихъ округовъ преобладаютъ за то равнины или же широкія долины. Не безполезно, быть можетъ, замѣтить, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ земля первого сорта, на которой рисъ даетъ урожай отъ 3500 до 4500 килограммъ съ гектара, поку-пается среднимъ числомъ по 6000 — 6500 франковъ за гектарь, тогда какъ за гектарь земли второго сорта, съ котораго собирается всего лишь отъ 1800 до 2500 килограммъ рису, платить отъ 4 до 5 тысячъ франковъ. Въ Уангъ-Мо-Хи и на холмахъ почти вся земля принадлежитъ къ одному изъ этихъ двухъ сортовъ.

ными кустами, и цѣнность ихъ зависитъ отъ возраста этихъ насажденій. Чайные плантациі даютъ полный сборъ лишь на четвертомъ году. Въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ съ нихъ не получается никакого дохода, а на восьмомъ году обыкновенно приходится замѣнять устарѣвшіе кусты новыми, молодыми. Въ немногихъ лишь случаяхъ оставляютъ чайные кусты до десятаго года, если этому благопріятствуетъ почва. Изъ 13 меу, засаженныхъ чайными кустами, два стоять по 210 франковъ, три по 360, другіе три по 390, еще три по 420 и два послѣдніхъ по 480 франковъ. Такимъ образомъ вся чайная плантациі представляетъ собой цѣнность въ 4890 франковъ, а всѣ 29 меу въ участкѣ Уангъ-Мингъ-Це—10.790 франковъ.

Читатель найдетъ въ концѣ книги всѣ подробности, относящіяся до земледѣльческаго хозяйства на этомъ участкѣ, до способовъ обработки каждого поля и до получаемаго съ него дохода, расчитанного по вѣсу и цѣнности каждого урожая. Необходимо однако повторить здѣсь сдѣланное уже мною въ одномъ мѣстѣ замѣчаніе. Подобно всѣмъ китайскимъ крестьянамъ, Уангъ-Мингъ-Це не ограничиваются продажей добываемыхъ ими сырыхъ продуктовъ. Они стараются по возможности ихъ предварительно обработать. Они не всегда перегоняютъ сами второй сортъ риса, изъ котораго въ Китаѣ выдѣливается водка, такъ какъ фабрикація спиртныхъ напитковъ у нихъ по сосѣдству, равно какъ и во многихъ округахъ, производится въ крупныхъ размѣрахъ заводскими способами. Имъ выгоднѣе поэтому продавать свой рисъ прямо на водочный заводъ. Это однако исключительный случай. Они сами выдѣливаютъ масло и сахаръ, сами прядутъ пеньку, хлопокъ и шелкъ. Что прикажете дѣлать?

Никто не ознакомил ихъ съ увлекательными теоріями западно-европейской политической экономіи. Не вѣдая самыхъ основныхъ ея принциповъ, они не имѣютъ надлежащаго понятія о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ раздѣленія труда. Правда, что мы, съ помощью нашихъ машинъ и прессовъ, нагрѣваемыхъ паромъ, добываемъ со ста килограммъ сурѣпнаго зерна 30 килограммъ масла, тогда какъ китайцы выжимаютъ на своихъ маслобойняхъ, приводимыхъ въ дѣйствіе буйволомъ, всего какихъ нибудь 25 и не болѣе 28 килограммъ. Хромая такимъ образомъ по части политической экономіи, китайцы прекрасно знаютъ свою общественную экономію. Если промышленные производства стоять у китайцевъ на болѣе низкой степени развитія чѣмъ у насъ, за то въ земледѣліи они значительно насъ перещеголяли. Къ тому же у нихъ имѣется во всемъ этомъ своего рода расчетъ. Удерживая по возможности промышленность въ деревнѣ, они сохраняютъ тамъ рабочія руки, въ которыхъ, въ страдное время, могъ бы оказаться недостатокъ, еслибы онѣ были сосредоточены на большихъ фабрикахъ и заводахъ. При этомъ избѣгаются также безработицы, которыми отъ времени до времени страдаютъ всѣ производства, обособившіяся отъ земли. Какъ бы ни было, при китайской системѣ хозяйства гектарь, засѣянный сурѣпой, даетъ 2250 килограммъ зерна, тогда какъ при нашей системѣ съ него получается всего лишь 1400 или 1500 килограммъ. Въ концѣ концовъ китайцы оказываются въ барышахъ, такъ какъ у нихъ выходъ масла съ гектара оказывается на 100 килограммъ больше, чѣмъ у насъ. Земледѣліе называютъ первою изъ всѣхъ отраслей промышленности. Надо добывать въ Китаѣ, чтобы убѣдиться, до какой степени это справед-

ливо. Мы привели уже этому одинъ примѣръ и можемъ, не выходя отъ Уангъ-Мингъ-Це, отыскать еще и другой—въ сахарномъ производствѣ. Два, поворачиваемые буйволомъ жернова, раздавливающіе сахарный тростникъ, три котла для варки, сгущенія и очистки сока, переливаемаго изъ одного котла въ другой, и печь, отапливаемая соломой, вотъ вамъ всѣ аппараты китайскаго сахарного завода. Яичный бѣлокъ для очищепія сока и нѣкоторое количество извести, содѣйствующей очищепію и кристаллизациі сахара, представляютъ собою единственныя, употребляемыя при этомъ производствѣ, химическія принадлежности. Понятно, что такими допотопными способами нельзя получить изъ ста килограммъ тростника болѣе пяти килограммъ сахару. Процентъ этотъ тѣмъ ничтожнѣе, что китайскій сахарный тростникъ чрезвычайно сладокъ. Говорять, что на Гваделупѣ, употребляя химическое удобреніе, выращиваютъ тростникъ, содержащій до 18% сахару *).

Не могу навѣрное сказать, сколько процентовъ сахару содержится въ китайскомъ тростнике. Знаю только, что ни въ одной изъ посѣщенныхъ мною тропическихъ странъ мнѣ не случалось отвѣдывать болѣе сладкаго. Весьма вѣроятно, что упомянутый уже мною китайскій способъ добыванія сахара оставляетъ значительное его количество въ выжимкахъ, идущихъ на кормъ животнымъ. Несмотря на это, съ каждого меу сахарной плантациі получается 230 килогр. свѣтло-коричневаго сахара, напоминающаго цвѣтомъ кофе, сильно разбавленный молокомъ. Съ гектара должно получиться по этому расчету около 3400 килогр. Между тѣмъ на Антильскихъ

---

*) Les engrais chimiques (химическія удобрепія) G. Ville.
21*

островахъ и о-вѣ Соединенія (Réunion), получается при употреблении обыкновенного фермерскаго удобренія, не болѣе 2800—3000 килогр. сахара съ гектара. Такимъ образомъ и здѣсь совершенство приемовъ земледѣльческаго хозяйства вознаграждается съ лихвой несовершенство приемовъ промышленнаго производства и оставляетъ въ рукахъ земледѣльца сравнительно большій барышъ, который въ концѣ концовъ идетъ въ пользу самой землѣ. Цѣна сахара въ Китаѣ, составляющая всего лишь 25 сантимовъ за килограммъ, настолько ничтожна, что значительное количество китайскаго сахара вывозится въ Индию и Калифорнію. Въ 1861 году вывезено было изъ двухъ лишь портовыхъ городовъ Кантона и Св-Теу 27000 килогр. сахару. Бѣлый сахаръ стоять немного дороже, а именно около 35 сантимовъ за килограммъ.

Позволительно было бы задать вопросъ, отчего китайцы не могутъ достигнуть такого же совершенства въ области промышленнаго труда, какого они достигли уже въ земледѣліи? Теоретически это для нихъ было бы вполнѣ возможно, но только лишь въ случаѣ, если дорогостоящія могущественные паровыя машины были бы въ состояніи ужиться съ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, мелкой поземельной собственностью и всѣми китайскими порядками. Возможность этого на практикѣ далеко еще не выяснена, и это большое счастье для Европы, такъ какъ, еслибы китайцы убѣдились въ умѣстности преобразовать свою промышленность на европейскій образецъ, то передъ европейцами оказалась бы слѣдующая дилемма: пришлось бы или погибнуть въ неравной борьбѣ или же, надѣливъ Китай усовершенствованными способами промышленнаго производства, надо было

бы заимствовать въ свою счерь китайскіе земледѣльческіе, экономические и соціальные порядки. Быть можетъ не мѣшало бы заблаговременно подумать объ этомъ заимствованіи. Я уже какъ то упоминалъ объ этомъ, но дѣло настолько важно, что не грѣхъ напомнить вторично.

Не къ чemu, однако, преждевременно тревожиться: китайцы народъ очень консервативный и не падкій на нововведенія. Кромѣ того самыи способъ ихъ земледѣльческаго хозяйства, потребности этого хозяйства и доставляемые имъ барыши—обеспечиваютъ ихъ отъ увлечения производствами, которыи могли бы отрывать рабочія руки отъ земледѣлія. Возьмемъ напримѣръ воздѣлываніе чая. Сборъ чая сравнивали часто со сборомъ винограда въ юго-западной Европѣ. Сравненіе это совершенно вѣрно какъ съ точки зреінія доставляемыхъ выгода, такъ и по отношенію къ обстоятельствамъ, сопровождающимъ этотъ сборъ. Вся разница въ томъ, что, напримѣръ, во Франціи виноградныи лозы иногда совершенно погибаютъ, такъ что владѣльцы виноградниковъ, доведенные и разоренные въ конецъ, бросаютъ воздѣлываніе этого растенія. Въ Китаѣ нѣтъ ни морозовъ, ни филоксеры, которые уничтожали бы сборы чая. Угрожающія ему опасности таковы, что, дѣйствуя энергически и быстро, человѣкъ можетъ ихъ предотвратить, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени.

Сырая и холодная погода, обусловливая медленный ходъ растительныхъ процессовъ и неравномѣрное развитіе листьевъ, понижаетъ достоинство, а слѣдовательно и цѣнность чая. Къ тому же самыи сборъ идетъ медленнѣе и обходится дороже, такъ какъ необходимое по нормальному расчету число рабочихъ заподряжено заранѣе и должно во всякомъ случаѣ получить условленную плату.

Сырая и жаркая погода, при которой растительность развивается съ быстротою молніи, точно также чрезвычайно опасна. Тогда уже приходится не собирать чай, а спасать его съ возможною поспѣшностью отъ чрезмѣрнаго развитія, при которомъ листъ становится жесткимъ и непригоднымъ для рыночной продажи. Какъ бы ни было велико число рабочихъ, въ нихъ постоянно оказывается тогда недостатокъ. Можно сказать, впрочемъ, что и при нормальныхъ условіяхъ сбора (происходящаго въ четыре приема) во второй его половинѣ никогда не ощущается избытка въ рабочихъ рукахъ. Эта вторая половина сбора, доставляющая самое большое количество чая, имѣеть особенно важное значеніе не только для Китая, но также для Европы и для Америки. Смѣю увѣрить, что, въ виду важности обеспечить успѣхъ этого сбора, китайцы не усумнились бы пожертвовать интересами любой отрасли промышленности, какъ бы она ни обѣщала быть выгодной. Къ тому же, еслибы они этого не дѣлали, что сталось бы тогда съ потребителями чая въ Англіи, Россіи и Соединенныхъ Штатахъ и со всѣми обществами воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаются въ Лондонѣ пароходы съ чаемъ новаго сбора. Тому изъ нихъ, который опередить всѣ остальные хотя бы на половину корпуса, выплачивается премія въ 500 тысячъ франковъ. Тѣмъ временемъ на другомъ полушаріи всѣ заняты сборомъ чайныхъ листьевъ. Мужчины и женщины, дѣти и старцы, юноши и молодыя девушки—разсыпаются по холмамъ, причемъ мужчины и женщины работаютъ однако всегда на отдельныхъ участкахъ. Зачастую мѣстное населеніе оказывается недостаточнымъ. Къ нему на подмогу являются тогда жители соседнихъ равнинъ и долинъ, ко-

торымъ приходится иногда уходить изъ дому мили за четыре.

Какъ уже сказано, мужчины и женщины работаютъ отдельно. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать при этомъ маленькую оговорку. Чайные плантациіи невелики, хотя обыкновенно онѣ немногого обширнѣе, чѣмъ плантациіи моихъ пріятелей Уангъ-Мингъ-Це. Работая на сосѣднихъ плантацияхъ, нетрудно обмѣняться взглядомъ, словомъ или даже цвѣткомъ. Иногда въ обѣденное время, во время отдыха подъ открытымъ небомъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью развѣистаго Ли-чи, вниманіе всѣхъ привлекаютъ звуки туземной гитары, служащія аккомпаниментомъ пѣнію. Съ первыхъ же аккордовъ всѣ узнаютъ любимое китай ское Синь-фа. Пѣвица смолкла, и все общество возвращается снова къ работѣ. Время это для китайцевъ имѣеть такое же значеніе, какое имѣеть для насъ время собирания винограда. Къ тому же оно совпадаетъ съ работами на рисовыхъ поляхъ. Въ сѣверномъ Китаѣ оканчивается тогда молотьба пшеницы, а въ южныхъ пашутъ земли подъ рисъ или занимаются уже пересадкой молодыхъ рисовыхъ растеніицъ въ поля. Черпаки водоподъемныхъ машинъ всюду въ движеніи. Вода плещется, брызжетъ, шумитъ и бѣжитъ повсюду. Какъ голы, печальны и пусты наши сельскіе пейзажи сравнительно съ такими картинами. Желательно было бы посмотретьъ на богача, который осмѣлился бы въ Китаѣ присвоить себѣ родникъ и провести изъ него воду подземными трубами въ свой собственный прудъ, оставляя безъ воды поля, подъ которыми идутъ эти трубы *). Вода такъ же

*) Въ іюнѣ 1885 г. нѣсколько сотъ гектаровъ земляники въ окрестностяхъ Ссо совершенно выгорѣли отъ засухи, а между тѣмъ

необходима для жизни какъ солнце, земля и воздухъ. Никто не въ правѣ сказать: «она моя». Вода должна быть общимъ достояніемъ. Сознаніе этого глубоко корениится въ китайскомъ народѣ. Сельскій сторожъ, которому поручено крестьянской управой распредѣлять воду по оросительнымъ канавкамъ, никогда не имѣеть случая подмѣтить даже и малѣйшаго злоупотребленія. Волостная управа, которой приходилось бы пресѣкать такія злоупотребленія, за неимѣніемъ повода къ этому, заботится лишь о содержаніи въ порядкѣ оросительныхъ каналовъ. Расходы на это покрываются взносами съ землевладѣльцевъ, уплачивающихъ ежегодно по два сантима съ каждого меу.

Внезапно раздается ударъ въ гонгъ; изъ-за холма появляется на крутой тропинкѣ торжественная процессія. Послѣ удара въ гонгъ слышатся протяжные клики глашатаевъ, идущихъ впереди. За глашатаями слѣдуютъ оруженосцы, полицейскіе стражники, виднѣются опахала, мандаринскій почетный зонтикъ и самъ мандаринъ. Это губернаторъ или градоначальникъ ближайшаго города. Крестьяне тотчасъ же окружаютъ его. Ставъ на какое-нибудь возвышеніе, онъ держитъ имъ рѣчъ о землѣ, общей матери человѣческаго рода, говорить о служеніи ей, обязательномъ для каждого, и увѣщеваетъ добросовѣстно относиться къ этому служенію. Онъ говорить о рисѣ, пшеницѣ, кукурузѣ, сорго, просѣ и вообще о хлѣбномъ зернѣ, какъ о символѣ мира и единенія между людьми. Вслѣдъ затѣмъ онъ передаетъ наилучшимъ землевладѣльцамъ, на которыхъ ему уже было указано или тутъ же указывается присутствующими, заслуженные ими знаки

вода текла по трубамъ всего лишь въ нѣсколькихъ футахъ ниже поверхности полей, которая бы ей слѣдовала орошать.

отличія—большіе куски шелковой ткани съ именемъ удостоившихся награды и соотвѣтствующей надписью. Эти знаки отличія вывѣшиваются въ парадной комнатѣ дома и составляютъ не малую гордость для всей семьи. Наконецъ мандаринъ удаляется. Крестьяне условливаются сообща, когда именно устроить празднество въ честь отличившихся сотоварищѣй и отвести ихъ съ торжествомъ въ пагоду буддійского святого, покровительствующаго земледѣлію. Этотъ святой, считающійся покровителемъ *пяти зеренъ*, одинъ и тотъ же на всемъ протяженіи Китая.

У чайныхъ плантаций есть также свой особый, покровительствующій имъ святой. Весь сборъ чая состоить, собственно говоря, изъ четырехъ послѣдовательныхъ сбровъ. По окончаніи третьяго изъ нихъ устраивается пиршество во дворахъ и галлереяхъ пагоды, посвященной чайному святому, а иногда, за недостаткомъ мяста, даже и въ окружающихъ улицахъ. Столы и стѣны украшаются при этомъ гирляндами, цветами и плодами.

Каждый изъ участвующихъ проходить въ торжественной процессіи мимо статуи святого и предлагаетъ ему чашку чая нового сбора. Праздникъ этотъ заканчивается, какъ и всѣ прочія китайскія празднства, театральнымъ представлениемъ и пирушкой.

Я позволилъ себѣ немного увлечься сборомъ чая въ надеждѣ, что читатель мнѣ это извинитъ. Къ причинамъ, долженствующимъ, по моему мнѣнію, уберечь китайцевъ отъ нарушенія вѣрности землѣ, присоединяется еще очарованіе, окружающее тамъ земледѣльческія работы. Какія узы могутъ быть надежнѣе и прочнѣе удовольствія, здоровья и богатства, обеспечиваемыхъ земледѣліемъ въ несравненно большей степени, чѣмъ любою другой отраслью труда?

Заканчивая главу о земледельческомъ хозяйствѣ Уангъ-Мингъ-Це и отсылая желающихъ ознакомиться съ дальнѣйшими подробностями къ приложеніямъ, помѣщеннымъ въ концѣ книги, считаю необходимымъ, однако, выставить здѣсь на видъ общіе результаты этого хозяйства.

Поля, находящіяся въ долинѣ, приносятъ въ общей сложности доходъ въ 1971 франкъ. Затѣмъ съ чайныхъ плантаций Уангъ-Мингъ-Це получаетъ 3033 франка, а съ остальныхъ нагорныхъ полей—1365 франковъ. Весь же валовой его доходъ достигаетъ почтенной суммы въ 6369 франковъ.

Франкъ не можетъ, однако, служить правильной монетной единицею для Китая и Европы, такъ какъ представлять въ нихъ далеко не одну и ту же цѣнность. Умѣстно поэтому привести также и вѣсъ продуктовъ, собранныхъ съ полей. Оказывается, что Уангъ-Мингъ-Це получили: 9910 килогр. рису, 2100 килогр. пшеницы, 1604 килогр. чая, 300 килогр. крупныхъ бобовъ, 160 килогр. кукурузы, 291 килогр. масла, 180 килогр. гречи, 230 килогр. сахару, 180 килогр. табаку, 5000 килогр. ямса, 9600 килогр. рѣпы, 15000 килогр. капусты, 80 штуки бумажной ткани, 9720 килогр. клевера, 1095 килогр. маслобойныхъ выжимокъ, 1200 килогр. стеблей и листьевъ сорго, сои и сахарного тростника на кормъ скоту, 15.000 килогр. рисовой и пшеничной соломы, кукурузныхъ стеблей, бобовины, гречаной соломы (не всегда принимавшихся въ соображеніе при разсчетѣ денежнной стоимости урожаевъ), а также нѣкоторое количество плодовъ, овощей и т. п. Все это собрано въ одинъ годъ съ земельного участка, поверхностью въ 1 гектарь и 94 ара, т. е. менѣе чѣмъ въдвѣ десятины.

Сравнивая результаты воздѣлыванія различныхъ растеній, нѣкоторые читатели могли бы, пожалуй, спросить, отчего Уангъ-Мингъ-Це не отдаетъ предпочтенія болѣе выгоднымъ, какъ напр. чаю и ямсу? Никто не принуждалъ вѣдь его воздѣлывать также и всѣ прочія растенія, доставлявшія ему сравнительно меньшій доходъ. На это Уангъ-Мингъ-Це могъ бы прежде всего отвѣтить, что наиболѣе лучшее средство къ сохраненію надлежащей цѣны какому-нибудь продукту — не посыпать этотъ продуктъ въ избыткѣ на рынокъ, а потому не воздѣлывать его въ слишкомъ большомъ количествѣ. Разумѣется онъ прибавилъ бы къ этому, что разнообразіе воздѣлываемыхъ растеній даетъ его семье работу круглый годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо лучше обезпечиваетъ отъ неблагопріятныхъ случайностей, зависящихъ какъ отъ погоды, такъ и отъ состоянія рынковъ, чѣмъ воздѣлыванье какого-либо одного продукта на всемъ участкѣ, а въ особенности, если принять въ расчетъ, что, по снятіи жатвы, пришлось бы замѣнить прежнее воздѣлываемое растеніе новымъ, для которого потребуется изменить соотвѣтственный образомъ сельско-хозяйственныя принадлежности. Онъ сослался бы на пословицу: «не сади всѣ яйца въ одну корзинку». Къ сожалѣнію, у насъ въ Европѣ пословица эта далеко не пользуется такимъ авторитетомъ какъ въ Китаѣ. Можетъ быть также онъ присовокупилъ бы, что не видить ничего доброго, великодушнаго, справедливаго, человѣчнаго и, наконецъ, даже выгоднаго въ конкуренціи между друзьями и со-сѣдями, которая разстроила бы только сельско-хозяйственные порядки, выработанные многовѣковымъ опытомъ и усвоенные всѣми.

Кромъ перечисленныхъ уже полевыхъ продуктовъ, семья Уанговъ получаетъ еще со скотнаго двора и съ птицеводства доходъ въ 773 франка *).

Взявъ въ общей сложности всѣ доходы, получаемые семьей Уангъ-Мингъ-Це съ крестьянского своего хозяйства, найдемъ, что они простираются до 7142 франковъ. Разсмотримъ теперь каковы ея расходы.

IX.

Первое мѣсто между ними слѣдуетъ отвести поземельному налогу, падающему почти полностью на поля, которые лежать въ долинѣ или равнинѣ. Поля, засѣваемыя рисомъ или же пригодныя для этого, т. е. земли, которые могутъ быть орошены, оплачиваются нѣсколько большімъ налогомъ. Если они засѣяны рисомъ, налогъ взимается частью натурой, частью же деньгами **). Во всякомъ случаѣ, поземельный налогъ не превышаетъ въ общей сложности 1 франка 13 сантимовъ съ меу и взимается лишь разъ въ годъ съ первого урожая. Если урожай этотъ ниже посредственнаго, правительство нерѣдко дѣлаетъ скидку съ налога даже и въ томъ случаѣ, когда слѣдующія затѣмы жатвы оказываются болѣе удовлетворительными. За свои 11 меу въ долинѣ Уангъ-Мингъ-Це платить 12 франковъ 65 сантимовъ. Налогъ съ нагорной земли сравнительно ничтоженъ и составляетъ менѣе 5 сантимовъ съ меу. Вся сумма уплачиваемаго поземельного налога составляетъ такимъ образомъ лишь 13 фр. 65 сант.

*) См. приложеніе.

**) Въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ вмѣсто риса воздѣлывается пшеница, просо, кукуруза и т. п., налогъ взимается также на половину натурой, на половину деньгами.

Затѣмъ слѣдуетъ содержаніе въ порядкѣ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей, какъ-то: земледѣльческихъ орудій, мельницы, маслобойни, приборовъ для фабрикаціи чая, прядильныхъ и ткацкихъ станковъ, аппаратовъ для сахарного производства, и т. п. Капиталъ, затраченный на эти принадлежности, простирается въ общей сложности до 578 фр. Отчисляя 10% на ремонтъ *) найдемъ, что содержаніе сельско-хозяйственныхъ принадлежностей въ порядкѣ должно обходиться среднимъ числомъ ежегодно въ 58 франковъ.

Для обсѣмненія полей употреблено было 130 килогр. рису на 26 меу (считая по 5 килогр. на меу). Здѣсь принять во вниманіе и второй посѣвъ. Такъ какъ за 60 килогр. рису илатится 8 фр., то эти 130 килогр. обошлись 17 фр. Затѣмъ 70 килогр. пшеницы для 14 меу (тоже по 5 килогр. на меу) стоили 9 фр., при цѣнѣ 8 фр. за 60 килогр. Остальный сѣмяна не стоитъ перечислять отдельно. Вообще они огуломъ обошлись дешевле 20 фр. Всего же на сѣмяна затрачено 46 фр.

Переходя къ удобренію, замѣтимъ, что не всѣ растенія одинаково требовательны на этотъ счетъ. Растенія, отъ которыхъ желательно получить много листьевъ, какъ напр. кормовая сорго и соя, а также табакъ и разные сорта капусты нуждаются въ 800 килогр. удобренія на каждое меу. Хлѣба и вообще зерновые растенія удовлетворяются нѣсколько меньшимъ количествомъ обыкновенного удобренія, но за то для нихъ прибавляется нѣкоторое количество минеральныхъ удобрений, какъ напр. золы, извести, ила со дна каналовъ и т. п. Для сахарного тростника, кромѣ 800 ки-

---

*) См. приложеніе.

логр. обыкновенного удобрения, прибавляютъ 300 килогр. золы. Для кукурузы, гречихи и гороха кладутъ на мезу 500 килогр. удобрения и 150 килогр. золы. Для хлопка требуется лишь 300 килогр., а для пшеницы, посаженной по снятіи клевера, 200 килогр. удобрения; подъ рисъ кладется 600 килогр. удобрения и 150 килогр. золы на каждый мезу. По расчетамъ самого Уангъ-Мингъ-Це, ему приходится ежегодно затрачивать на всѣ свои поля до 30.000 килогр. удобрения и 10.000 килогр. золы. И то и другое производится у него дома и не было зачтено въ доходъ, а потому не можетъ быть выведено и въ расходъ. Необходимо принять въ соображеніе лишь то количество золы и удобрения, которое покупается на сторонѣ. 10.000 килогр. удобрения производится самою семьей, наемными рабочими и домашнимъ скотомъ, а 5 тысячъ килогр. золы получается изъ печей или изготавливается изъ разныхъ отбросковъ, какъ напр. старыхъ тряпокъ, костей и т. п., сожигаемыхъ въ закрытыхъ сосудахъ. Двадцать тысячъ килогр. удобрения приходится покупать по 5 фр. за 600 килогр. что составить за все количество 166 фр., а 5000 килогр. недостающей золы обходится въ 60 фр. (считая по 12 фр. за 600 килогр.). Такимъ образомъ весь расходъ на удобрение составляетъ 226 франковъ. Удобрение привозится на особо-устроенныхъ для этого судахъ изъ сосѣдняго города и даже изъ Фу-Чеу.

Потребная для хозяйства наемная работа слагается изъ двухъ годовыхъ рабочихъ, которымъ платять по 100 фр. каждому, служанки, нанятой за 40 фр. въ годъ, и 60 добавочныхъ наемныхъ рабочихъ дней, причемъ поденную плату взрослыхъ и малолѣтнихъ работниковъ можно положимъ круглымъ числомъ въ 26 сант. въ день,

а въ общей сложной въ 15 фр. Плата за трудъ составить такимъ образомъ 225 фр., разумѣется не прини-
мая въ расчетъ работу самой семьи и содѣйствіесосѣ-
дей, которымъ Уанги, при случаѣ, оказывають подобныя
же услуги.

Главнымъ расходомъ является пропитаніе семьи,
стоимость котораго въ общей сложности доходитъ до
1589 фр. *). Раздѣливъ эту сумму на 14 членовъ семьи, по-
лучимъ для каждого изъ нихъ годичный расходъ въ 116 фр.
За эту сумму на каждого приходится ежедневно, кромѣ
вина, сахара, соли, чая, жира, масла и кухоннаго ото-
пленія, 1071 килогр. риса, пшеницы и сушеныхъ ово-
щей, 227 гр. мяса или рыбы, 245 гр. свѣжихъ или
соленыхъ овощей и грибовъ, а всего 1543 килогр. на
каждую порцію. При этомъ надо однако принять во
вниманіе, съ одной стороны, что въ семье, кромѣ взро-
стыхъ имѣются также старики и дѣти, а съ другой сто-
роны, что изъ этого же числа отпускается 60 обѣдовъ
наемнымъ рабочимъ. Кромѣ того, приходится зачастую
кормить гостей, такъ какъ семья очень гостепримная.
Въ областахъ внутренняго Китая, въ урожайный годъ,
расходъ на пищу составляетъ не болѣе 100 фр. съ
человѣка.

Содержаніе домашняго скота, считая одинъ прокормъ,
обходится 552 фр. 20 сант. **).

При этомъ еще двѣ статьи расхода упущены по
незнанію, куда именно ихъ отнести. Одна изъ нихъ
касается приготовленія чая. За исключеніемъ первого
сбора такъ-называемаго цвѣточнаго чая, который су-

*) См. приложеніе.

**) См. приложеніе.

шится просто на вольномъ воздухѣ, всѣ прочіе сорта слегка прожариваются. Въ урожайный годъ требуется для высушки 48 килогр. чаю не менѣе 18 килогр. угля. Уангъ-Мингъ-Це собираетъ 1546 килогр. чаю и, следовательно, затрачиваетъ 576 килогр. древеснаго угля, за который платитъ 57 фр., считая по 6 фр. за 60 килогр. Кромѣ того не упомянуть расходъ въ 55 фр. на покупку 12 маленькихъ поросятъ, которые откармливались въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и были затѣмъ проданы.

Надо принять также во вниманіе расходъ на ремонтъ и содержаніе въ порядкѣ жилыхъ и нежилыхъ строеній. Жилой домъ Уангъ-Мингъ-Це состоять изъ трехъ корпусовъ, изъ которыхъ одинъ—главный—соединяетъ середины двухъ остальныхъ, расположенныхъ параллельно другъ другу, такъ что въ общей сложности получается нечто въ родѣ Н. Домъ построенъ посрединѣ двора, обнесенного стѣной.

О китайцахъ говорять, что, въ числѣ многихъ другихъ своихъ странностей, они начинаютъ постройку домовъ обыкновенно съ крыши. Въ сущности тутъ неѣть ничего страннаго, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться, разсмотрѣвъ причины, побуждающія китайцевъ строить свои дома такимъ образомъ. Стѣны у нихъ складываются безъ фундамента. Утрамбовавъ хорошенъко землю, возводятъ прямо на ней стѣны, укладывая въ первый слой широкія плиты. Затѣмъ кладка продолжается кирпичами на ребро, въ родѣ того какъ строятся дѣтскими домики изъ костей домино. Нижнія клѣтки до половины заполняются кирпичами, чтобы придать стѣнамъ большую устойчивость, но во всякомъ случаѣ опереть крышу на такія легкія стѣны нельзя. Такой способъ постройки обладаетъ двумя важными преимуществами: во-

первыхъ, онъ обходится очень дешево, а во-вторыхъ, не позволяет сырости проникать изъ земли по стѣнамъ внутрь дома. Что касается до крыши, то её устанавливаютъ на деревянныхъ столбахъ, подъ каждымъ изъ которыхъ выводится небольшой фундаментъ (глубиной въ 3 или 4 фута). Чтобы не портить стѣнъ при рытьѣ ямъ, необходимыхъ для фундамента и при установкѣ самой крыши, постройка дома начинается всегда съ этой послѣдней. Въ каждомъ изъ корпусовъ имѣется по пяти комнатъ въ 8 метровъ длины и 5 метровъ ширины. Полы кладутся сверхъ бетонной заливки, на кирпичномъ цоколѣ въ 30 или 40 сантиметровъ высоты. Стѣны, отдѣляющія одну комнату отъ другой, складываются изъ пусто-тѣлыхъ кирпичей; сквозь эти кирпичи пропускаютъ бамбуковые трости, оконечности которыхъ задѣлываются въ пазы деревянныхъ стоекъ, вслѣдствіе чего постройка, несмотря на свою легкость, оказывается очень прочной. Снаружи весь домъ имѣеть по фасаду 33 метра въ длину и приблизительно столько же въ глубину. Онъ обращенъ на сѣверъ и на югъ по слѣдующей причинѣ: въ каждомъ изъ корпусовъ имѣются двери и окна лишь съ одной стороны. Они выходятъ во дворъ и обращены по возможности на югъ. Окна не прорѣзаются въ стѣнахъ, какъ это дѣлается у насъ. Стѣна, въ которой предполагается устроить окна, выводится лишь до подоконниковъ, оттуда же до самой крыши все пространство выполняется окнами и дверьми, въ промежуткахъ между которыми устанавливаются деревянные щиты. Вместо оконныхъ стеколь употребляется особымъ образомъ приготовленная бумага или же шлифованныя устричные раковины, доведенные до такой тонины, что просвѣчиваются. Крыша, тянется во-

кругъ всего двора, образуя веранду, подъ которой семья проводить большую часть дня.

Описанный мною домъ Уангъ-Мингъ-Це обошелся въ 3200 фр. Ремонтъ его и содержаніе въ порядкѣ обходится не болѣе 150 фр. въ годъ.

Перечисляя всѣ статьи расхода мы нашли, что земельный налогъ составляетъ 13 фр. 65 сант., ремонтъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей—58 фр., расходъ на сѣмяна—146 фр., на удобреніе—226 фр., наемный трудъ—225 фр., прокормленіе людей—1589 фр., прокормленіе домашнихъ животныхъ—552 фр., древесный уголь для просушки чаю—57 фр., покупка поросятъ—55 фр., ремонтъ построекъ—150 фр. Итого въ общей сложности—2988 фр. Вычтя эту сумму изъ валового дохода въ 7142 фр., получили бы чистый доходъ въ 4154 фр.

— «Вы забываете, однако, о домашней утвари, обѣ одеждѣ и т. п.»!...—Обождите немногого, старшій братецъ.

X.

Если вы думаете, читатель, что мнѣ легко было проникнуть во внутренніе, семейные апартаменты и составить инвентарь носильному и постельному бѣллю, а также содержимому шкафовъ и буфетовъ, то вы жестоко ошибаетесь. Даже и во Франціи подобное любопытство считается не вполнѣ пристойнымъ, не говоря уже о Китаѣ. У достопочтенныхъ Уангъ-Мингъ-Це двери гостиной были открыты для меня настежь. Точно также я имѣлъ свободный доступъ во всѣ амбары и сараи, въ другіе же апартаменты мнѣ не доводилось и заглядывать. Я долго затруднялся даже высказать мучившее меня желаніе ихъ осмотрѣть и послѣ долгихъ колебаній рѣшился на-

конецъ это сдѣлать. «Я спрошу объ этомъ матушку», отвѣчалъ мнѣ Уангъ-Мингъ-Це. По всѣмъ вѣроятіемъ для разрѣшенія такого важнаго дѣла пришлось сбратъ семейный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ почтенной старушки. Быть можетъ также надо было кое-что прибрать и привести въ порядокъ. Во всякомъ случаѣ лишь по прошествіи трехъ дней сама г-жа Уангъ, въ качествѣ завѣдующей департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, заявила, что мнѣ разрѣшается осмотрѣть также и малыя комнаты. Мы тотчасъ же и приступили къ осмотру. Я поочередно освидѣтельствовалъ всѣ комнаты, не исключая также и кухни. Все время, пока продолжался осмотръ, мнѣ такъ и казалось, что я въ Лотарингіи, у какого-нибудь богатаго землевладѣльца наканунѣ свадьбы кого-нибудь изъ его дѣтей. Разница замѣчалась лишь въ немногихъ мелочныхъ подробностяхъ. Мебель, домашняя утварь и полы, тамъ где они не были покрыты цыновками, блестали своею чистотой. Дверцы шкафовъ были полуотворены такъ, что сквозь нихъ можно было видеть все, что стояло на полкахъ. Не будемъ однако забѣгать впередъ и постараемся изложить въ порядкѣ результаты осмотра.

Домъ, какъ уже упомянуто, расположень фасадомъ на сѣверъ и югъ. Окна и двери выходятъ на югъ, такъ какъ вѣтры съ юга считаются благопріятными для здорорья. Впрочемъ при постойкѣ дома руководствовались не однимъ лишь этимъ соображеніемъ, а посовѣтывались также съ Фонгъ-Шуей. Что такое въ сущности эта Фонгъ-Шуей? Чтобы объяснить это были написаны цѣлые томы, которые однако ничего не разяснили. признаюсь, что я самъ лично не могу хорошенько растолковывать ея значенія. Сколько можно судить, это нѣчто въ

родѣ геомантической системы, основанной на наблюденияхъ, которые, по крайней мѣрѣ намъ европейцамъ, должны казаться имѣющими эмпирическій характеръ. Наблюденія эти касаются извѣстныхъ топографическихъ условій, которыхъ надо соблюдать при выборѣ мѣста для постройки дома, сооруженія гробницы и т. п. Выполняя эти условія получаешьъ всѣ шансы на то, чтобы жить счастливо. Если-же, напротивъ того, приходится въ новомъ домѣ испытать цѣлый рядъ бѣдствій или неудачъ, то это приписывается невыполненню означенныхъ условій. Такъ, напримѣръ, необходимо, чтобы вѣтеръ, *фонгъ*, съ извѣстныхъ странъ свѣта, не задерживался передъ домомъ какимъ-либо препятствіемъ, какъ напримѣръ холмомъ или вообще какимъ-либо возвышениемъ, тогда какъ, напротивъ того, слѣдуетъ не допускать до дома другіе вѣтры, вліяющіе неблагопріятно. Точно также не слѣдуетъ, чтобы струя текучей воды (*шуй*) шла ближе извѣстнаго разстоянія въ направленіи параллельномъ фасаду дома. Если мѣстные условія какой-нибудь долины, равнины или холма не удовлетворяютъ требованіемъ Фонгъ-Шуей, то жители сооружаютъ на общей счетъ башню, высота которой расчитывается извѣстнымъ образомъ такъ, чтобы парализовать вліяніе неблагопріятныхъ вѣтровъ. Необходимо также при постройкѣ дома избѣгать сосѣдства другихъ зданій или возвышенностей, откуда можно было бы смотрѣть во внутрь двора, и т. п. Кромѣ всего этого, въ Фонгъ-Шуей содержится много другихъ правилъ, совокупность которыхъ составляетъ чуть не цѣлую науку, имѣющую своихъ специалистовъ-знатоковъ, съ которыми всегда при случаѣ и совѣтуются. Читатель скажетъ, пожалуй, что все это одно ребячество и суевіе. Какъ знать? Во всякомъ случаѣ Уангъ-

Мингъ-Це, человѣкъ неглупый, счѣль умѣстнымъ сообразоваться съ этими повѣріями и не полагаетъ, чтобы они были лишены всякаго основанія.

Большія ворота, ведущія во дворъ, днемъ всегда открыты, но позади ихъ установленъ большой деревянный подвижной щитъ, служащій какъ-бы ширмой отъ нескромныхъ взоровъ. Дворъ, очень чистый, вымощенъ большими гранитными плитами. Веранда, на которой семья проводить почти цѣлый день, меблирована нѣсколькими стульями и двумя деревянными лакированными столами. Тамъ же стоить и ткацкій столикъ. Колонки, поддерживающія кровлю веранды, а также и деревянная отдѣлка внутри и снаружи, все это покрыто превосходнымъ красно-бурымъ лакомъ. Средній корпусъ дома выше боковыхъ. Въ немъ помѣщается гостиная, которая по праздникамъ преобразуется въ залъ предковъ. Вправо отъ нея лежать комнаты бабушки и старшей дочки По-И, которая всегда ей прислуживаетъ. Влѣво идутъ комнаты самого Уангъ-Мингъ-Це, г-жи Уангъ и двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Оттуда, поворачивая назадъ во дворъ, можно пройти въ лѣвый флигель. Въ первой комнатѣ живеть самъ По-И съ женой. Тамъ же стоить и кроватка маленькаго ребенка, а во второй комнатѣ спятъ трое старшихъ мальчиковъ. Въ правомъ флигелѣ жилъ прежде По-Сенъ со своей молодой женой; теперь же флигель пустой и даже безъ мебели. Онъ станеть опять жилымъ, когда женится старшій сынъ По-И. Выходящія на сѣверъ половины обоихъ флигелей заключаютъ въ себѣ амбары, помѣщенія для маслобойни и сельско-хозяйственныхъ орудій, кухню и комнату для служанки. Наемные рабочіе ночуютъ у себя дома.

Входя въ гостиную или парадный залъ, видишь прямо пе-

редь собой у задней стѣны длинный столикъ съ двумя курильницами, двумя большими вазами и двумя оловянными подсвѣчниками. Кромѣ того на немъ стоять нѣсколько вазъ съ цвѣтами и нѣсколько растеній въ горшкахъ. Надъ столомъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ шкафъ въ родѣ этажерки, содержащій въ себѣ лакированныя дощечки съ именами предковъ. Онъ открывается лишь при торжественныхъ слу чаяхъ. По обѣ стороны шкафа висятъ таблицы изъ пре восходной красной бумаги, на которыхъ начертаны китайскими буквами стихи, поучительные изреченія и правила нравственности. Вдоль стола идетъ помостъ, поднятый на одну ступеньку надъ поломъ. На этомъ помостѣ диванъ или, лучше сказать, кушетка съ бамбуковыми сидѣньями. Вдоль лѣвой поперечной стѣны поставленъ большой парадный сундукъ съ семейными архивами, а напротивъ него, у правой поперечной стѣны, книжный шкафъ, по обѣ стороны которыхъ размѣщены картины (преимущественно цвѣты и пейзажи). Возлѣ дивана стоять, съ каждой его стороны, по серединѣ комнаты, два кресла, отдѣленные маленькимъ столикомъ на одной ножкѣ. Между обѣими парами креселъ помѣщается большой четыреугольный квадратный столъ. Вся эта мебель изъ черного дерева. Возлѣ стѣнъ и вездѣ, гдѣ остается свободное мѣсто, расположены простые стулья изъ лакированного дерева. Поль устланъ большою цыновкой. Мебель, находящаяся въ этой гостиной и спальняхъ, стоить въ общей сложности 1844 фр. *).

Въ кухнѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе прикрѣпленное надъ печью, большое раскрашенное изображеніе, представляющее старика и старуху въ сидячемъ

* См. приложеніе № 1.

положеніи. Это буддистскіе геніи—покровители кухни, или, лучше сказать, домашняго очага, первымъ зачаткомъ котораго была всегда кухня. По китайскимъ простонароднымъ повѣріямъ кухонные духи покровительствуютъ дому и членамъ живущей въ ней семьи. Вечеромъ, въ двадцать третій день послѣдняго мѣсяца въ году, они покидаютъ землю и восходятъ на небо дать отчетъ великому Устроителю вселенной о поведеніи всѣхъ, состоявшихъ подъ ихъ охраной, и возвращаются къ исполненію своихъ обязанностей лишь въ ночь первого дня Новаго года. Повѣріе это представляетъ большую аналогію со многими традиціями западно-европейскихъ народовъ, исповѣдующихъ католицизмъ. За время отсутствія добрыхъ геніевъ приводятъ кухню въ порядокъ, замѣняютъ старое закоптѣвшее ихъ изображеніе новымъ и тушать всѣ огни въ домѣ. Утромъ, въ первый день Новаго года, приготовляются праздновать ихъ возвращеніе ровно къ двумъ часамъ ночи. Многіе не ложатся спать до самаго этого времени: тогда разводятъ на кухонномъ очагѣ новый огонь и готовятъ первый обѣдъ въ Новомъ году. Прежде чѣмъ отвѣдать этого обѣда, предлагаютъ его вернувшимся съ неба домашнимъ духамъ. Такое вниманіе является тѣмъ болѣе заслуженнымъ, что эти добрые геніи приносятъ съ неба китайскимъ дѣтямъ множество подарковъ, ожидаемыхъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ дѣти ждутъ у насъ подарковъ на Рождество или на Пасху. Мебель въ кухнѣ и въ комнатѣ служанки стоить въ общей сложности 381 фр., что съ вышеприведенными 1844 фр. составить всего 2225 фр. Считая 10% съ этой суммы на ремонтъ мебели и содержаніе ея въ порядкѣ, найдемъ, что чистый доходъ семьи, опредѣленный нами,

въ 4154 фр., долженъ быть уменьшень на 222 фр. и окажется равнымъ всего лишь 3932 фр.

XI.

— Госпожа Уангъ,—сказалъ я женѣ моего пріятеля,—еслибъ похвала человѣка, мало опытнаго въ хозяйствѣ, могла имѣть какой-либо вѣсъ въ вашихъ глазахъ, я бы сказалъ вамъ, что въ жизнь свою не видаль дома въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ у васъ. Г-жа Уангъ отвѣчала мнѣ улыбкой, свидѣтельствовавшей, что и въ Китаѣ хозяйкамъ нравятся подобные комплементы.—Однако же,—прибавилъ я,—у васъ въ шкарахъ (г-жа Уангъ бросила на меня при этомъ взглядъ изподлобья)... я видѣлъ въ шкарахъ множество вещей, съ употребленіемъ которыхъ хотѣлъ бы познакомиться. Тамъ было, напримѣръ...

— «Я очень хорошо понимаю, Си-Лао-Йе, что вы просто-на-просто хотите составить всему у насъ въ домѣ подробный инвентарь».—Вы угадали это, г-жа Уангъ.—«Въ такомъ случаѣ, Си-Лао-Йе, надо спросить разрѣшенія у бабушки». Г-жа Уангъ ушла, и вместо нея вернулась сама бабушка.—«Дочь сказала мнѣ, Си-Лао-Йе, что вы хотите осмотрѣть все въ нашихъ шкарахъ?»— Да, сударыня, если только это васъ не очень беспокоитъ.—«Особеннаго беспокойства тутъ не будетъ, кромѣ того, что дѣтямъ придется поработать, но они для васъ сдѣлаютъ это охотно». При этихъ словахъ она постучала въ полъ своей клюкой. Всѣ домашніе тотчасъ же сбѣжались на этотъ зовъ.—«Вотъ видите ли», сказала она, «Си-Лао-Йе хочетъ узнать всю нашу подноготную. Увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ выполните его желаніе». Г-жа Уангъ объяс-

нила тогда, въ чёмъ заключалась моя просьба. Г-жа По-И расхохоталась, Сіу-Ліенъ тоже. Двѣ младшихъ ея сестренки и братъя, не исключая и трехлѣтняго мальчугана, послѣдовали примѣру старшой сестры. «Какъ, Си-Лао-Йе, вы хотите пересчитать весь нашъ домашній скарбъ!»—Если вамъ угодно будетъ на это согласиться, господа.—«Неужто-же, Си-Лао-Йе, вы будете осматривать всѣ наши платья?»—Съ вашего дозволенія, многоуважаемая дѣвица Сіу-Ліенъ.—«Неужели, Си-Лао-Йе, вы въ самомъ дѣлѣ хстите, Си-Лао-Йе?...—Разумѣется, дурнушка *).—«Неузто, Ти-Лао-Йе?»—И ты туда же, шалунъ? Убирайся по добру по здоровому! Всѣ выбѣжали изъ комнаты, смѣясь какъ сумасшедши. Служанка тотчасъ-же подмела поль веранды, и всѣ домашніе стали выносить туда содержимое своихъ сундуковъ и шкаловъ. Бѣлье и платья раскладывались сперва на полу, но вскорѣ мяста тамъ болѣе не оказалось. Шалуны дѣти принялись тогда выкладывать свой скарбъ у моихъ ногъ, мнѣ на колѣни, на плечи и даже на голову. Я превратился въ настоящаго старьевщика. Это словцо, употребленное мной въ видѣ протesta, навело ихъ на мысль. Каждый собралъ свое имущество въ особый узелъ. Маленькая Хонгъ-Ю **) вышла на середину въ качествѣ оцѣнщика и приступила къ аукціонной продажѣ всего домашняго скорба своей семьи. Торговля шла очень бойко, причемъ Уангъ-Мингъ-Це, По-И, или которая нибудь изъ замужнихъ женщинъ не дозволяли покупщикамъ особенно зарываться. Такимъ образомъ составленіе инвентаря носильного платья сопровождалось весел

*) У-кіао, это была кличка, которой дразнили въ семье одну изъ девочекъ, кстати, очень хорошенькую.

**) Рубинъ.

лыми шутками и безпрерывнымъ смѣхомъ дѣтей и взрослыхъ, не исключая и вашего покорнѣйшаго слуги. Не скрываю, что въ теченіе этого времени моя напускная важность и обычный декорумъ отчасти пострадали, но зато и мнѣ, и всѣмъ остальнымъ было очень весело.

Не стану приводить здѣсь подробностей аукціона, читатель найдетъ ихъ въ приложеніяхъ. Ограничусь только огульными результатами. Мужской гардеробъ оцѣненъ былъ въ 1152 фр., а женскій въ 1527 фр. и 50 сант. Вычтя изъ этой суммы стоимость карманныхъ часовъ и драгоцѣнностей, равняющуюся 462 фр. и полагая, что дорогія платья изнашиваются не такъ скоро, какъ дешевыя, думаю, что семья Уанговъ должна ежегодно расходовать на свой гардеробъ четвертую часть его стоимости, т. е. приблизительно 500 фр. Скинувъ эту сумму съ цифры чистаго дохода, получимъ, что онъ, вмѣсто 3932 фр. составить всего лишь 3432 фр.

Уангъ-Мингъ-Це учитъ самъ маленькихъ дѣтей своей семьи, къ которымъ во время уроковъ присоединяется еще нѣсколько дѣтей изъсосѣднихъ домовъ. Такимъ образомъ семье не приходится нести обычныхъ затратъ на школьнаго учителя. Кромѣ предметовъ, входящихъ обыкновенно въ программу первоначального образованія, Уангъ-Мингъ-Це занимается со всѣми учениками также и рисованіемъ.

Статья чрезвычайныхъ расходовъ семьи является одной изъ самыхъ интересныхъ. Подъ эту рубрику подходитъ расходы на религіозные обряды, на развлечения и на врачей, что уже само по себѣ позволяетъ составить нѣкоторое понятіе о физическомъ, нравственномъ и духовномъ состояніи цѣлаго народа. Слѣдяя поговоркѣ: mens sana in corpore sano, (здравый духъ въ здравомъ тѣлѣ), отведемъ первое мѣсто расходамъ на излѣченіе

болѣзней. Кромѣ того случая, когда хворала Сіу-Ліенъ, семья Уангъ-Мингъ-Це вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ ни разу не обращалась къ врачу. Ей приходилось только адресоваться при рожденіи дѣтей къ повивальнымъ бабкамъ.

— Значить у васъ нѣть враговъ,—сказалъ я Уангъ-Мингъ-Це.

— «Я васъ не понимаю· хорошошенько», Си-Лао-Йе.

— Да вѣдь здѣшній народъ приписываетъ большинство болѣзней чьей-нибудь враждѣ и ненависти.

— «Учитель говорить объ этомъ иначе, Си-Лао-Йе, онъ говорить, что все человѣчество въ совокупности можетъ рассматриваться какъ одинъ человѣкъ, который, если все у него въ порядкѣ, закаленъ отъ всякихъ болѣзней, не боится ни холоду, ни жары и успѣшно противодѣйствуетъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, если только всѣ органы его здоровы. Въ тотъ день, когда вдоворится наконецъ вполнѣ миръ и согласіе между людьми, человѣчеству незачѣмъ будетъ уже бояться болѣзней. Физическая болѣзни суть только слѣдствія нравственныхъ болѣзней, несправедливости и вражды, раздѣляющихъ еще людей на противоположные лагери. Вотъ что сказалъ Конфуцій».

Я со своей стороны подумалъ, что Конфуцій можетъ быть со своей точки зрѣнія, пожалуй, и правъ, но что, по всѣмъ вѣроятіямъ, самый родъ занятій семьи Уангъ-Мингъ-Це долженъ благотворно дѣйствовать на состояніе здоровья ея членовъ. Всѣмъ известно, что сельско-хозяйственные полевые работы содѣйствуютъ развитію физической силы и ловкости. Можно было бы упрекнуть, однако, наши европейскіе способы земледѣлія въ томъ, что они развиваютъ только мускулы и вовсе

не содействуют умственному развитию. Китайская система мелкого интенсивного хозяйства не заслуживает этого упрека. Разнообразие встречающихся въ ней работы и соображений до чрезвычайности напрягает умственную деятельность. Напряжение это не только постоянно поддерживается — оно, кроме того, оказывается въ высшей степени разнообразнымъ. Чемъ болѣе число воздѣлываемыхъ растеній, тѣмъ сложнѣе уходъ за ними. Каждый сортъ растенія имѣть свои особенности, которые должны быть приняты въ расчетъ. Кроме того, въ мелкомъ хозяйствѣ приходится обращать вниманіе на каждое растеніе въ отдельности. Такъ, напримѣръ, какое-нибудь растеніе имѣть нездоровыи видъ, тогда какъ сосѣднее находится въ цветущемъ положеніи. Можетъ быть, на это растеніе напали какія-нибудь насѣкомыя или же оно страдаетъ отъ худосочія? Размысливая и отыскивая причину, человѣкъ находитъ средство помочь больному растенію и, спасая его, помогаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самому себѣ сохранить необходимое равновѣсіе между различными отправленіями своего организма, равновѣсія, безъ которого организмъ разслабляется, расшатывается и утрачиваетъ способность сопротивляться болѣзнетворнымъ причинамъ. Такъ-называемыя нервныя болѣзни въ Китаѣ очень рѣдки. Онѣ встречаются тамъ развѣ лишь между курильщиками опiumа.

Я говорилъ здѣсь только о вліяніи полевыхъ работъ въ китайской системѣ сельского хозяйства, но связанные съ нею домашнія, промышленные производства, въ свою очередь, тоже необходимо способствуютъ повышенію средняго уровня умственного развитія въ народѣ. Никто изъ путешественниковъ не отрицаетъ въ китайцахъ понятливости и чрезвычайной легкости, съ какой они выучи-

каются всякимъ ремесламъ. Развѣ не можетъ китайская система хозяйства служить объясненiemъ даже и этого столь замѣчательного факта? Говорять же, что человѣкъ, воздѣлывая и улучшая землю, воздѣлываетъ и улучшаетъ самого себя!

Статья расходовъ на религіозные обряды и празднества является у семьи Уангъ-Мингъ-Це довольно сложной. Изъ главы о положеніи труда въ Китаѣ читателю уже извѣстно, что нигдѣ въ одно и то же время не исповѣдуютъ заразъ столько религій, какъ въ Китаѣ. Во-первыхъ, всѣ исповѣдуютъ тамъ великую религію прогресса透过 посредство труда, основанную на объединеніи неба, земли и человѣка. Обряды этой религіи являются лишь символическими воплощеніями ея принциповъ. Это скорѣе философія, чѣмъ религія въ искаженномъ теперь къ несчастію смыслѣ этого слова. Кромѣ этой философской религіи имѣется еще вытекающая изъ нея же религія предковъ, являющаяся какъ бы частнымъ примѣненiemъ общихъ философскихъ принциповъ къ каждой отдельной семье.

Праздники и торжества, состоящія въ связи съ этими двумя главными основными китайскими религіями, уже и сами по себѣ довольно многочисленны и доставляютъ достаточно дней для отдыха. Не считая праздниковъ въ дни солнцестоянія и равноденствія, въ память предковъ, Конфуція и другихъ великихъ мужей, не считая ежемѣсячныхъ и двухмѣсячныхъ семейныхъ собраній, учрежденныхъ съ цѣлью возбуждать и поддерживать самую чистую и наиболѣе истинную сторону религіознаго китайского чувства, можно сказать, что каждый мѣсяцъ въ году означается какимъ-нибудь празднествомъ или торжествомъ, состоящимъ въ связи съ обѣими этими на-

родными религіями. Такъ, напримѣръ, въ первомъ мѣсяцѣ, кромѣ религіозныхъ, гражданскихъ и семейныхъ празднествъ въ честь Новаго года, у китайцевъ бываетъ торжественная процессія въ честь весны, праздникъ небеснаго дракона и ночной праздникъ съ фонарями. Во второмъ мѣсяцѣ справляются поминки въ память усопшихъ; въ третьемъ—память добрыхъ домашнихъ духовъ; въ четвертомъ—праздникъ дѣтей; въ пятомъ—праздникъ водяного дракона; въ шестомъ — праздникъ звѣзды млечнаго пути, который вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ женщинъ. Потомъ идутъ празднества въ честь луны, престарѣлого возраста, празднества въ честь пагодъ, благодарственные молебны послѣ сбора разныхъ воздѣлываемыхъ растеній, и т. п. Я перечислилъ только нѣкоторые праздники; чтобы описать хотя наиболѣе интересные потребовался бы цѣлый томъ. Ко всему этому необходимо прибавить еще особыя празднества разныхъ ремесленныхъ цеховъ и корпорацій, а также годовщины, справляемыя сословіемъ ученыхъ, и т. п. Въ дѣйствительности у китайцевъ имѣется больше, чѣмъ у какогонибудь другого народа дней, такихъ которые посвящаются воспоминанію о національномъ единствѣ и упроченію этого единства. При всѣхъ этихъ торжествахъ не обращается вниманія на различіе сословій, чиновъ, состояній или же вѣроисповѣданій. Участіе въ нихъ не возбраняется никому. Отыскивая символическое значеніе этихъ празднествъ, найдемъ, что въ нихъ воплощается идея и духъ солидарности всего человѣчества.

Кромѣ этихъ общихъ празднествъ имѣются еще обряды и празднества второстепенныхъ религій, являющихся выраженіемъ частныхъ вѣрованій, которыхъ въ Китаѣ не столько соединяютъ людей, сколько разъединя-

няютъ ихъ другъ отъ друга. Я говорилъ уже въ одной изъ предшествовавшихъ главъ объ этихъ религіяхъ и не намѣренъ теперь возвращаться къ нимъ вторично. Уангъ-Мингъ-Це и его семья считаются буддистами, но въ дѣйствительности они въ такой же степени буддисты, въ какой многіе европейцы номинально считаются католиками или протестантами. Это не мѣшаетъ имъ аккуратно вносить свою лепту при сборѣ пожертвованій на содержаніе пагодъ и другія нужды буддистскаго вѣроисповѣданія. Какъ бы ни было, расходы на буддистскіе религіозные обряды, на поклоненіе предкамъ и большіе національныя торжества оказываются, относительно, довольно умѣренными. Протестантскій миссіонеръ Ятсь считаетъ, что каждый китаецъ затрачиваетъ на это 3—4 франка въ годъ. Для семьи Уангъ-Мингъ-Це разсчетъ этотъ довольно вѣренъ, вслѣдствіе чего расходъ на религіозные обряды можно опредѣлить для нея въ 50 франковъ.

Театръ и разныя другія удовольствія обходятся ей вчетверо дороже, а именно въ 200 франковъ, включая сюда угощеніе пріятелей, взносы въ складчину на общественные пиршства и театральныя представленія, даваемыя пріѣзжими артистами. Затѣмъ, семья Уангъ-Мингъ-Це дѣлаетъ ежегодно добровольный взносъ въ 30 франковъ на покрытіе расходовъ на содержаніе мостовъ, тропинокъ и общественныхъ пагодъ *). Три выше-приведенные суммы, взятыя вмѣстѣ, составлять 280 фр., вычтя которые изъ 3435 фр., получить окончательный чистый доходъ въ 3155 фр.

---

*) Содержаніе каналовъ оплачивается, какъ было уже упомянуто, особо.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтить, что въ данномъ случаѣ не были приняты въ расчетъ проценты съ капитальной стоимости имущества. Въ Европѣ всякая ответность, имѣющая нѣкоторое притязаніе на точность, неминуемо должна была бы вычесть эти проценты изъ чистаго дохода. Въ Китаѣ думаютъ иначе. Тамъ не знаютъ людей, живущихъ доходами со своего капитала, подобно тому, какъ неизвѣстна тамъ и сама операций помѣщенія таковыхъ, съ цѣлью полученія на нихъ процентовъ. Капиталъ приобрѣтаетъ тамъ цѣну настолько, насколько онъ оказывается производительнымъ, ассуды имѣютъ для заемодавца въ дѣйствительности характеръ участія въ предпріятіи должника и притомъ участія съ ограниченной ответственностью. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что процентъ поссудамъ оказывается и очень высокимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйственно выплачивается. Неудивительно также, что заемъ и заемодавцы такъ снисходительны къ несчастнымъ банкротамъ. Къ тому же займы заключаются всегда на короткіе сроки, а вслѣдствіе высокой нормы процента, должникъ заинтересованъ въ гораздо большей степени чѣмъ заемодавецъ въ скоромъ возвращеніи ссуды. Человѣкъ, живущій доходами съ капитала, бессрочно помѣщенаго имъ на проценты, былъ бы въ Китаѣ явленіемъ совершенно необыкновеннымъ. Короче сказать, капиталъ, въ видѣ орудія производства, земли или денегъ имѣть въ Срединномъ Царствѣ цѣнность лишь для того, кто работаетъ имъ самъ. Ни одному китайцу не приходила въ голову фикція предполагать, будто капиталъ самъ-посебѣ обладаетъ производительной способностью. Никто тамъ не воображаетъ себя въ одномъ лицѣ заемодавцемъ и должникомъ, владыкой и рабомъ своего капитала. По-

этому то Уангъ-Мингъ-Це не соглашался на отчисление процентовъ со своего капитала отъ полученной имъ чистой прибыли. На мои возраженія онъ отвѣчалъ.

— «Что бы стать я дѣлать здѣсь съ капиталомъ? У насъ нѣтъ государственного банка, который сталъ бы принимать вклады и давать на нихъ проценты, нѣтъ людей, которые стали бы охотно занимать деньги, чтобы зарабатывать для меня проценты. Необходимо, чтобы я самъ или вмѣстѣ съ дѣтьми орудовалъ своимъ капиталомъ. Вслѣдствіе разныхъ превратностей судьбы я не могъ обзавестись большою семьей, но По-И, у которого уже теперь шестеро дѣтей, надѣюсь, не остановится на этой цифрѣ. До поры до времени мы отдаемъ лишнія наши сбереженія одному изъ моихъ братьевъ, купцу въ Фу-Чеу, который употребляетъ ихъ въ торговыхъ своихъ оборотахъ. Мы состоимъ теперь участниками въ его торговлѣ, но вскорѣ должны будемъ вытребовать часть своего капитала обратно, такъ какъ самимъ понадобятся деньги, чтобы выдать замужъ Сіу-Ліенъ. Вскорѣ затѣмъ потребуется женить старшаго моего внука, и намъ придется подумать о томъ, чтобы расширить хозяйство, прикупивъ гдѣ-нибудь пососѣдству еще кусочекъ земли. Вы скажете, пожалуй, что мы все-таки оказываемся кредиторами и должниками по отношенію другъ къ другу. На самомъ же дѣлѣ мы только работаемъ другъ для друга. Когда наконецъ года заставятъ меня удалиться на покой, мои дѣти станутъ въ свою очередь работать для меня. Вѣдь работалъ же я для нихъ. Это будетъ, значитъ, совершенно правильная комбинація».

— И притомъ, Уангъ-Мингъ-Це, весьма простая и благотворная по своимъ послѣдствіямъ.

XII.

День начинается у моихъ пріятелей, Уангъ-Мингъ-Це, на разсвѣтѣ. Первымъ встаетъ всегда По-И. Разбудивъ старшихъ дѣтей и служителей, онъ возвращается къ себѣ. Нѣсколько мгновеній спустя раздаются у него и его отца три удара въ полъ. Дѣти являются тогда къ нимъ для оказанія необходимыхъ услугъ, но прежде чѣмъ войти ожидаютъ новаго сигнала. Тогда они являются привѣтствовать родителей, подаютъ имъ чай, помогаютъ одѣться, умыться, и т. д. *). Затѣмъ супруги обращаются другъ къ другу и взаимно обмѣниваются большими поклономъ. Такимъ образомъ начинается день.

Первый утренній завтракъ состоять изъ риса, капусты или другихъ, заготовленныхъ въ прокъ овощей, маленькихъ соленныхъ рыбокъ и раковъ, а также горохового сыра подъ соусомъ, изъ ячменя и бобовъ **). Питьемъ служить чай, который подается обыкновенно къ концу завтрака, а не во время Ѣды. Въ полдень сервируютъ второй завтракъ, который отличается отъ утренняго лишь тѣмъ, что овощи подаются свѣжія, варенія въ жирѣ или гороховомъ маслѣ. Къ тому же и самыя порціи больше, чѣмъ при утреннемъ завтракѣ. Еще обильнѣе обѣдъ, который бываетъ около четырехъ часовъ пополудни. Кромѣ овощей и закусокъ, къ обѣду подается нѣчто въ родѣ горохового вермишеля, поджаренного въ жирѣ, а также маленькие хлѣбцы изъ пшеничной или

*) Въ Китаѣ поцѣлуи между родителями и дѣтьми не употребительны.

**) Соусъ этотъ, называемый соей, хорошо известенъ теперь уже и въ Европѣ.

рисовой муки. Ужинают китайцы въ семь часовъ вечера. Ужинъ у нихъ такой же, какъ полдникъ, но за ужиномъ каждому полагается еще небольшая порція водки. Къ завтраку, обѣду и ужину всегда подаются разнообразныя закуски, какъ напримѣръ: маринованныя водоросли, грибы, осьминоги, и т. п. Водоросли часто являются за столомъ въ качествѣ особенного блюда. Кромѣ всего этого каждому предоставляется ѿсть сколько угодно плодовъ, соотвѣтствующихъ времени года.

Лѣтомъ китайскіе мои пріатели ёдятъ еще пятый разъ, между утреннимъ завтракомъ и полдникомъ, а именно въ 9 часовъ утра. Самое меню тоже отчасти измѣняется. Въ 9 часовъ утра, кромѣ овощей, подаются нѣчто въ родѣ размазни, сваренной изъ пшеничныхъ зеренъ. Въ полдень и за ужиномъ добавляются къ обычнымъ блюдамъ свинину или утятину. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается также и порція водки. Въ праздничные дни пища значительно улучшается. Кромѣ увеличенныхъ мясныхъ порцій, добавляется еще десертъ, состоящий изъ пирожного, конфектъ, фруктоваго варенья, и т. п. Хозяева и слуги ёдятъ одновременно, хотя и за особыми столами, и получаютъ одинаковыя блюда.

Насытившись, каждый занимается своимъ дѣломъ. Обыкновенно женщины не работаютъ на поляхъ, хотя есть области, въ которыхъ имъ это и случается дѣлать, покрайней мѣрѣ въ нѣкорыхъ округахъ. Какъ бы ни было, въ Уангъ-Мохайскомъ округѣ онѣ не выходятъ изъ дома и изъ саду. Исключениемъ является лишь страдное время собиранія чая. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы женщины сидѣли тамъ сложа руки. Для нихъ находится не мало работы и притомъ очень утомительной. Онѣ, наравнѣ съ мужчинами, обрабатываютъ зерна,

занимаются высушиваніемъ, обдиркой, бѣленіемъ риса, обращаютъ зерна въ муку, и т. п. Дабы составить себѣ понятіе объ этихъ работахъ, надо принять во вниманіе, что на высушку 915 килогр. рису передъ уборкой его въ амбаръ надо затратить цѣлый рабочій день. Обдирка 180 килогр. рису требуетъ также цѣлаго рабочаго дня.

Сушеніе, соленіе, маринованіе и вообще заготовленіе въ прокъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ лежитъ также на женщинахъ, а это работа не малая. Надо принять въ расчетъ также хлопоты по кухнѣ, стирку бѣлья, содержаніе въ чистотѣ цѣлаго дома, уходъ за свиньями и за домашней птицей. Всѣ это дѣлаютъ у моего пріятеля двѣ замужнія женщины и молодая дѣвушка, которымъ помогаетъ служанка, а иногда, по окончаніи полевыхъ работъ, также и мужчины. Какъ только является свободное время, женщинамъ приходится очищать хлопокъ, заниматься пряжей или тканьемъ. У молодыхъ дѣвушекъ есть всегда также разныя мелкія работы, свойственныя ихъ полу: какое-нибудь шитьѣ, вышиванье и т. п. Имъ случается даже иногда изготавливать такія работы на продажу, причемъ заработанныя деньги поступаютъ имъ въ полную собственность. Часть одежды для членовъ семьи изготавливается также женщинами. Когда мужчинамъ нечего дѣлать ни въ полѣ, ни дома по хозяйству, какъ это бываетъ напримѣръ въ долгіе зимніе вечера, они плетутъ соломенные или веревочные лапти, которыхъ такое громадное количество изнашивается въ Китаѣ, или же вяжутъ на продажу рыболовные сѣти. Заработка эти обыкновенно также не поступаетъ въ общую кассу. Уангъ и его жена завѣдуютъ всѣмъ хозяйствомъ. Кромѣ управлениія домомъ, г-жа Уангъ исполняетъ еще обязанности министра финансовъ:

деньги все у нея на рукахъ. Самымъ высшимъ значениемъ въ семье пользуется, однако, старуха—мать Уанга, лишь два года тому назадъ официально передовѣрившая свою власть сыну и невѣсткѣ. Не далъе какъ въ 1865 г. она еще сама управляла домомъ, по крайней мѣрѣ номинально, и передала свои полномочія какъ разъ въ тотъ день, когда праздновалась девятидесятая годовщина ея рождения. На праздникъ присутствовали все сосѣди, а также друзья и родственники, прибывшіе даже изъ Фучеу, чтобы поздравить старушку и выразить ей свое поченіе. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы торжественно заявить, что удаляется на покой. Съ тѣхъ поръ, она дѣйствительно ни во что не входитъ, но ее все-таки же не забываютъ. Все о ней заботятся, каждый старается смягчить уваженіемъ и угодливостью доживаемые ею послѣдніе годы.

Старушка была еще въ живыхъ въ 1869 году, когда, передъ отѣзdomъ изъ Китая, я прощался съ этой семьей, гдѣ встрѣтилъ такой сердечный и радушный пріемъ. У старииковъ и дѣтей три года значать многое. Старая бабушка еще больше согнулась и одряхла, но за все это время она ни разу не хворала. Уангъ-Мингъ-Цѣ и По-И со своими женами пользовались также все три года прекраснымъ здоровьемъ. Сіу-Ліенъ давно покинула родительскій домъ. Она вышла замужъ и была уже матерью двоихъ дѣтей. Старшій изъ ея братьевъ, А-Пе, тоже женился и былъ уже отцомъ толстаго мальчугана, котораго я видѣлъ собственными глазами. Другіе малолѣтніе члены семьи тоже подросли. Чэнъ, второй сынъ По-И, сталъ уже настоящимъ мужчиной. Дурнушечка и маленькая Рубинъ превратились во взрослыхъ дѣвушекъ. Даже прежній шалунъ, А-Сэнъ, совсѣмъ перемѣнился и

сдѣлался такимъ скромнымъ, что какъ будто вовсе меня не узнавалъ. За то у него оказался новый десятимѣсячный братецъ, большие глаза которого смотрѣли на меня очень смѣло и пристально.

Хозяйство Уангъ-Мингъ-Це тоже нѣсколько измѣнилось. Къ участку земли прикупили еще дюжину меу, вслѣдствіе чего пришлось принанять одного работника, мѣсто которого скоро заступить, однако, Чэнъ.

Какіе счастливые часы провелъ я среди этихъ прекрасныхъ людей! Какія пріятныя воспоминанія оставили они во мнѣ. Отчего, однако, всякий разъ воспоминанія эти возбуждаютъ у меня въ умѣ другія печальные мысли? Отчего тамъ, въ Китаѣ, такъ много благоденствія, комфорта, счастія и спокойной увѣренности въ будущемъ? Отчего у насъ такая необеспеченность, неувѣренность въ будущемъ, такая бѣдность?

Можно было бы отвѣтить на это, что благоденствію Уанговъ много помогаютъ чайные плантанціи; но развѣ у насъ во Франціи нѣть виноградной лозы, шелковицы, масличного дерева, свекловицы, табаку и множества другихъ растеній, которыя, при хорошемъ воздѣлываніи, могли бы оказаться столь же доходными какъ и чайное дерево? Развѣ у насъ не было марены, которую, при болѣе разумномъ уходѣ, можно было бы, вѣроятно, отстоять противъ конкуренціи фабричныхъ красильныхъ, продуктовъ?

Можно сказать, пожалуй, что Уанги живутъ въ странѣ, гдѣ за годъ можно снять съ одного поля пять урожаевъ. Безспорно! Но съ другой стороны у нихъ живеть, на пространствѣ менѣе чѣмъ въ два гектара, семья въ 14 душъ. Еслибы было даже доказано, что въ нашемъ климатѣ можно снять съ поля только одинъ урожай,

все-таки же во Франції по этому разсчету могло бы жить 70 миллионовъ душъ. Впрочемъ допущеніе возможности одного лишь урожая въ годъ совершенно произвольно. Садовники наши снимаютъ съ грядъ гораздо большее число урожаевъ. Допустивъ же только два урожая съ каждого участка, получимъ, что Франція могла бы прокормить населеніе въ 140 миллионовъ душъ.

Можно было бы сдѣлать также и другія возраженія, какъ напримѣръ указать на чрезвычайную умѣренность китайского налога, являющуюся столь рѣзкой противоположностью съ подавляющими требованиями нашего государственного бюджета. Могутъ сослаться также на изолированное положеніе Китая и выгоды, которыя оно доставляетъ, дозволяя странѣ обходиться безъ заграничныхъ войнъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождая туземную промышленность отъ иностранной конкуренціи.

Всѣ такія и подобныя имъ возраженія уже предусмотрѣны въ этой книгѣ. Не къ чему себя обманывать. Если умѣренность налога въ Китаѣ является одной изъ причинъ народнаго благосостоянія, она не единственная и въ особенности далеко не самая непосредственная его причина. На самомъ дѣлѣ, гораздо правильнѣе будетъ признать народное благоденствіе въ Китаѣ окончательнымъ результатомъ всего китайскаго общественнаго и государственнаго строя и, прежде всего, самой системы податнаго обложенія и землевладѣнія. Благодаря этой системѣ, ложащейся всѣмъ своимъ гнетомъ на тунеядство, бесплодіе и смерть, вся земля въ Китаѣ воздѣлывается, а народонаселеніе достигло такой неслыханной въ Европѣ густоты. Благодаря этой системѣ, освобождающей отъ налога всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, а также благодаря неслыханнымъ размѣрамъ внутренняго потреб-

ленія, должно было, въ свою очередь, возрасти также и производство до такихъ размѣровъ, однимъ изъ образчиковъ котораго, хотя и не самымъ выдающимся, является хозяйство семьи Уангъ-Мингъ-Це. Благодаря этой системѣ опредѣленнаго разъ навсегда налога и существующимъ въ Китаѣ условіямъ землевладѣнія, крестьянинъ, которому не приходится платить, по мѣрѣ улучшенія своего хозяйства, все болѣе и болѣе высокую ренту, обращается самъ въ собственника, что служить для него еще большимъ поощреніемъ къ труду, т. е. къ производству. Наконецъ, благодаря той же системѣ налога и землевладѣнія, пробудились въ Срединномъ Царствѣ всѣ силы природы и человѣка и, пробудившись, объединились въ неслыханно могучую жизнь.

Распредѣленный поголовно налогъ составляетъ среднимъ числомъ едва лишь три франка на душу. При поzemельномъ распредѣленіи онъ составить не болѣе пяти франковъ съ гектара. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что съ нагорныхъ земель взимается не болѣе 75 сантимовъ съ гектара, хотя онъ даютъ такой же доходъ, какъ и земли въ равнинѣ. Неужели вы думаете, что китайскому правительству было бы трудно увеличить налогъ на одинъ или на два франка съ гектара, особенно же съ нагорныхъ земель? Развѣ китайские крестьяне, въ родѣ Уангъ-Мингъ-Це, получающаго болѣе 3000 франковъ чистаго дохода менѣе чѣмъ съ двухъ гектаровъ земли, не могли бы безъ всякаго для себя ущерба согласиться на такое ничтожное увеличеніе налога? Китайское правительство, повидимому, не замышляло еще ничего подобнаго. Это слѣдуетъ приписать илиуваженію, которое оно питаетъ къ труду, или же нежеланію измѣнять въ чемъ бы то ни было древнія государственные учрежденія. Быть мо-

жеть также, что правительство богдыхана считаетъ какъ бы случайными обязательства, возникающія для него изъ сношеній съ Европой. Во всякомъ случаѣ оно, для покрытия чрезвычайныхъ своихъ расходовъ, прибѣгало къ временнымъ чрезвычайнымъ же мѣрамъ, сводившимся къ налогу съ богатыхъ людей, въ особенности же съ людей, занимающихся торговлей и промышленностью. Когда, однако, выяснится для китайского правительства неизбѣжность означеннаго увеличенія расходовъ, когда въ этомъ убѣдятся также ученое сословіе и народъ, неужели вы думаете, что нельзя будетъ увеличить тоже и государственные доходы на какихъ-нибудь двѣстѣ или триста миллионовъ франковъ, что въ такихъ мѣстностяхъ какъ Уангъ-Мо-Хи будетъ равносильно добавочному налогу въ сорокъ или пятьдесятъ сантимовъ на душу? Ошибочно поэтому полагать, будто, въ случаѣ иного географическаго положенія, Китаю пришлось бы обзавѣстись также иными учрежденіями, или что нынѣшніе китайскіе порядки неминуемо должны будутъ претерпѣть коренные измѣненія, вслѣдствіе уставовившихся сношеній съ Европой. Напротивъ того, порядки эти именно и позволяютъ китайскому государственному строю оказаться на уровнѣ всѣхъ требованій, которыя могутъ быть къ нему предъявлены.

Относительно торговой и промышленной заграничной конкуренціи необходимо замѣтить, что внутренніе китайскіе рынки ограждены отъ нея не изолированнымъ положеніемъ страны, которое къ тому же является далеко не такъ полнымъ, какъ это обыкновенно думаютъ въ Европѣ. Несравненно лучше, чѣмъ таможнями, защищаются эти рынки—даже и отъ вооруженныхъ попытокъ проникнуть на нихъ — обиліемъ, дешевизной и разно-

образіемъ туземнаго производства, а также чрезвычайной густотой населения. Европейскіе товары не могутъ проникнуть въ Китай просто потому, что Китай самъ переполненъ и товарами, и людьми. Это опять-таки обуславливается китайскими учрежденіями, въ особенности же китайской системой налога и землевладѣнія. Возникшій предо мною вопросъ такъ и остается поэтому безъ ответа. Отчего теперь во Франціи не 70 миллионовъ жителей? Отчего народонаселеніе ея не достигнетъ со временемъ до 140 миллионовъ?

Собственно говоря, между европейцами и китайцами нѣть существеннаго различія. Развѣ основный принципъ китайской цивилизациі не тотъ самый, на которомъ построены всѣ прочія величія цивилизациі и религіозныя вѣрованія? Развѣ этимъ основнымъ принципомъ и догматомъ не оказывается всюду взаимная солидарность и единеніе? Вся разница въ томъ, что у китайцевъ этотъ принципъ получилъ болѣе обширное практическое значеніе, что они подчинили ему и сообразовали съ нимъ весь свой законъ, всѣ свои порядки.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Подробности земледельческого хозяйства на участкѣ Уангъ-Мингъ-Це и доходовъ, получаемыхъ съ этого участка.

Въ долинѣ рисъ является главнымъ воздѣлываемымъ растеніемъ. Имъ засаживается все поле. Ежегодно получаются двѣ жатвы. Рисъ первого сбора, или обыкновенный рисъ, высаживаются въ поле въ маѣ мѣсяцѣ, а жнуть въ началѣ юля. Онъ даетъ среднимъ числомъ урожай въ 380 килогр. съ меу. Рисъ второго сбора, изъ котораго гонится водка, высаживается въ поле въ юль мѣсяцѣ, а созрѣваетъ въ октябрь. Урожай его достигаетъ до 400 килогр. съ меу, но рыночная цѣна на него нѣсколько ниже, чѣмъ на рисъ первого сбора. Со своихъ 11 меу долинной земли Уангъ-Мингъ-Це получаетъ 4180 килогр. рису первого сбора, стоящаго 8 фр. за пикуль въ 60 килогр. *) и 4400 килогр. рису второго сбора, по 7 фр. за пикуль, т. е. въ общей сложности приблизительно 1070 фр. за рисъ въ зернѣ и, кромѣ того, 6500 килогр. рисовой соломы, стоимостью въ 60 фр.

*) Дороговизна эта объясняется сосѣдствомъ морскаго прибрежья. Далѣе, внутрь страны, цѣна на рисъ не превышаетъ 6—7 фр. за пикуль.

Снявъ вторую жатву, наскоро вспахивають бывшее подъ нимъ поле плугомъ и, раздѣливъ его на четыре равныхъ участка, сѣютъ на одномъ изъ нихъ рѣпу, а на другомъ—бобы, на третій высаживаютъ изъ питомника капусту, а на четвертый—сурѣпу. Всѣ эти растенія сѣются и высаживаются правильными рядами и въ надлежащемъ разстояніи другъ отъ друга. Десять или двѣнадцать дней спустя, помѣщаются между ними, также рядами, обыкновенный или же черный клеверъ, который высѣвается также, соблюдая надлежащее разстояніе между отдельными растеніями. Слѣдуетъ замѣтить, что каждое сѣмя предварительно смачиваютъ навозной жижей и высѣваютъ его лишь когда оно начнетъ проростать.

Рѣпа, принадлежащая къ очень крупному сорту, рождается на каждомъ меу въ количествѣ 2600 килогр., цѣною по одному франку за пикуль, такъ что весь урожай съ $2\frac{3}{4}$ меу можно оцѣнить въ 110 фр. Крупныхъ бобовъ получается съ каждого меу 120 килогр., по 11 фр. за пикуль, а со всего засѣяннаго ими участка—525 килогр., стоимостью въ 60 фр. Капусты собирается съ меу 4000 килогр., по 95 сант. за пикуль, а съ отведеннаго для нея участка—11000 килогр., стоящихъ 174 фр. Сурѣпнаго зерна рождается съ каждого меу 150 килогр., а съ $2\frac{3}{4}$ меу—418 килогр., изъ которыхъ выжимается 104 килогр. масла, цѣною въ 22 фр. за пикуль, т. е. въ общей сложности 38 франковъ. Кроме того получается 310 килогр. избоины, которая продается какъ удобрение и кормъ для скота по $8\frac{1}{2}$ фр. за пикуль, что составить 43 фр., а вмѣстѣ съ 38 фр., вырученными за масло, дасть 81 фр. со всего участка засѣяннаго сурѣпой. Вообще же третій урожай съ 11 меу долиннаго поля можно оцѣнить въ 425 фр.

Клеверъ сѣется главнымъ образомъ для того, чтобы зарыть его потомъ въ землю въ качествѣ зеленаго удобрения, весьма улучшающаго качество почвы. Значительную часть клевера скашиваютъ, впрочемъ, на сено, идущее на кормъ скоту. Китайскія хозяїки умѣютъ также изъ ростковъ молодого клевера приготовлять отличную столовую овошь, которую солятъ и заготовляютъ

въ прокъ. Большая часть клевера употребляется, однако, какъ удобреніе для нагорныхъ земель. Разсчитывая весь сборъ клевера такъ, какъ еслибы онъ употреблялся на сѣно, найдемъ, что при урожаѣ въ 540 килогр. съ меу или 5940 килогр. со всего долиннаго участка, онъ представляетъ цѣнность въ 120 фр. за сѣно и 5 фр. за сѣмяна, а всего 125 фр.

Упомянутыя растенія неодновременно высаживаются изъ питомниковъ въ поле и созрѣваютъ тоже неодновременно. Уходъ за ними, равно какъ и уборка ихъ, не требуетъ чрезвычайныхъ усилий со стороны семьи и го-довыхъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, капуста и рѣпа могутъ оставаться въ полѣ неопределеннное время. Особенно торопиться съ ихъ уборкой нечего. Во всякомъ случаѣ ихъ не замѣняютъ тотчасъ же другими растеніями, такъ какъ необходимо, чтобы всѣ 11 меу были совершенно свободны къ первымъ числамъ февраля мѣсяца. Тогда, чтобы размягчить землю,пускаютъ на поле воду, а когда она стечетъ, запахиваютъ клеверъ въ землю плугомъ. Два или три дня спустя, вторично вспахиваютъ землю и высаживаютъ изъ питомника растенія, долженствующія дать съ долиннаго участка пятый сборъ.

Изъ числа 11 меу, 7 обыкновенно засаживаютъ пшеницей (а иногда ячменемъ), а четыре—мелкими бобами или же чаще горохомъ. Въ рисовыхъ округахъ, какъ напримѣръ въ округѣ Уангъ-Мо-Хи, пшеница родится хуже, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ округахъ, гдѣ она воздѣлывается по преимуществу. Тамъ она нерѣдко приносить 300 и даже болѣе килогр. съ меу. Здѣсь же, быть можетъ вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, заставляющихъ ее слишкомъ быстро итти въ колось и созрѣвать, пшеница даетъ урожай не болѣе какъ въ 150 килогр. съ меу, продающихся по той же цѣнѣ, какъ и рись первого сбора, т. е. по 8 фр. за пикуль *). На первый взглядъ это кажется страннымъ, такъ какъ пшеница питательнѣе риса, но дѣло въ томъ, что населеніе южныхъ округовъ

*) Цѣна эта тоже высока.

болѣе привыкло къ рису, а потому тамъ пшеница, на которую существуетъ постоянный спросъ лишь въ сѣверныхъ округахъ, находить менѣе покупателей. Со всѣхъ семи меу получается пшеницы на 140 фр. и кромѣ того на 30 фр. соломы. Я долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы упомянуть объ одной операци, которую я совсѣмъ упустилъ изъ виду, говоря о подгото-
вленіи зеренъ къ посѣву. Всѣ хлѣбныя зерна предварительно посыпаются порошкомъ, состоящимъ изъ изве-
сти и золы, и вываливаются въ этомъ порошкѣ, убиваю-
щемъ яички и зародыши паразитовъ, въ особенности же головни.

Китайскій горохъ (или такъ-называемая соя) обратилъ уже на себя вниманіе европейскихъ агрономовъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ его начали воздѣлывать въ западной Европѣ, гдѣ отдаютъ полную справедли-
вость какъ самому гороху, который, по содержанію азо-
тистаго вещества, не уступаетъ мясу, такъ и остаю-
щейся отъ него соломѣ, являющейся очень цѣннымъ кормомъ для скота. Въ Китаѣ горохъ этотъ идетъ частью на выдѣлку особаго масла, частью же на изгото-
вленіе вермишеля и горохового сыра, который въ большомъ употреблениі у китайцевъ. Масла въ этомъ горохѣ срав-
нительно немногого, по крайней мѣрѣ его нельзя извлечь болѣе 17%, но за то выжимки продаются по очень высо-
кой цѣнѣ. Съ меу получается 153 килогр. сои, что соста-
вить съ 4 меу 612 килогр. гороху, которые даютъ 104 килогр. масла, стоимостью въ 48 фр. (по 45 сант. за килогр.) и 500 килогр. выжимокъ, цѣнностью въ 53 фр. ($8\frac{1}{2}$ фр. за пикуль). Прибавивъ сюда еще 20 фр. за гороховую солому, получимъ въ общей сложности 121 фр. Вообще же пятый сборъ съ долиннаго поля (при воздѣ-
лываніи пшеницы и гороха) можетъ быть оцѣненъ въ 291 фр.

Всѣ пять урожаевъ, снятые съ 11 меу долинной земли, представляютъ въ совокупности цѣнность въ 1971 фр.

По уборкѣ гороха и пшеницы, снова тотчасъ же пу-

скаютъ на поле воду и, передъ посадкой тамъ риса, дважды пропахиваютъ поле плугомъ.

Воздѣлываніе нагорныхъ земель сравнительно сложнѣе. Уангъ-Мингъ-Це владѣютъ тамъ 18-ю меу, изъ числа которыхъ 13 заняты чайной плантацией. Изъ этихъ 13 меу два засажены лишь однолѣтними, а два — двухлѣтними кустами, съ которыхъ еще не собираютъ чай. Чтобы получить съ нихъ какой-нибудь доходъ, воздѣлываютъ въ промежуткѣ между чайными кустами другія растенія. Затѣмъ три меу съ трехлѣтними чайными кустами даютъ половинный сборъ чаю, но съ нихъ получается также половинный сборъ хлопка или кукурузы. На пяти остальныхъ меу чайной плантации, дающихъ полный сборъ, воздѣлывается исключительно лишь драгоценный чайный кустарникъ. Мы прежде всего имѣемъ и займемся. Собирание чая производится въ четыре приема. Первый сборъ дѣлается съ возможной поспѣшностью, когда почки начинаютъ зеленѣть. Получаемый при этомъ чай, называемый чаемъ изъ почекъ, очень уважается китайцами, которые платятъ за него до 9 фр. за фунтъ въ 600 гр., но съ меу его получается всего лишь 1 фунтъ. Второй сборъ чаю имѣеть болѣе существенное значеніе. Онъ производится спустя 20 или 25 дней послѣ первого и доставляетъ съ каждого меу отъ 120 до 130 килогр. чаю, продающагося по 150 фр. за пикуль. На эту сборъ воздѣлыватели чая и возлагаютъ главнымъ образомъ свои надежды. Совершенного неурожая при немъ къ счастью никогда не бываетъ. Нѣсколько дней спустя приступаютъ къ третьему сбору, доставляющему съ каждого меу 61 килогр., стоимостью 71 фр. за пикуль.

Наконецъ, четвертый и послѣдний сборъ по осени даетъ еще 37 килогр. чаю съ меу, но чай этотъ продается лишь по 60 фр. за пикуль. На плантациіи Уангъ-Мингъ-Це съ пяти меу, дающихъ полный, и съ трехъ меу, дающихъ лишь половинный сборъ, получается всего: При 1-мъ сборѣ 58 килогр. по 9 фр. за 600 гр. . . . . 58 фр „ 2-мъ „ 910 „ „ 150 „ „ 60 килогр. . . 2265 „

" 3-мъ "	396	"	70	"	60	"	470	"
" 4-мъ "	240	"	60	"	60	"	240	"

Итого . . . 3033 фр.

Пять меу нагорной земли, пригодные для орошения, и такое же протяженіе чайной плантаціи, слишкомъ молодой еще для сбора съ нея чаю, можно было бы употребить для воздѣлыванія тѣхъ же растеній, какъ и въ долинѣ. Уангъ-Мингъ-Це отвелъ отъ двухъ меу воду: на одномъ онъ развѣлъ садъ, а на другомъ носадилъ ямсъ. Третье меу занято подъ сахарнымъ тростникомъ. Эти три меу оказываются фактически изъятыми изъ обыкновенного хозяйства и съвооборота, такъ какъ на нихъ воздѣлываются болѣе чѣмъ въ теченіе года одни и тѣ же растенія. Мы упомянемъ о нихъ впослѣдствіи, а передъ тѣмъ разсмотримъ хозяйство на двухъ орошаемыхъ меу, воздѣлываемыхъ также какъ и долинныя поля.

На этихъ двухъ меу сажаютъ сперва обыкновенный рисъ, дающій на нихъ урожай немногимъ менѣшій, чѣмъ въ долинѣ, а именно всего лишь 365 килогр. съ меу. По снятіи его, нагорное поле не засаживаются, однако, опять рисомъ, который могъ бы итти для водочного производства. Правительство и общественное мнѣніе въ Китаѣ смотрѣтъ благосклоннѣе на воздѣлываніе болѣе необходимыхъ продуктовъ. Земледѣльцы, расчитывающіе удостоиться награды и заслужить общее уваженіе, ограничиваютъ поэтому воздѣлываніе менѣе полезныхъ продуктовъ известными предѣлами. Вместо риса, перегоняемаго на водку, сажаютъ на холмахъ такъ-называемый горный рисъ, требующій къ тому же гораздо менѣше воды, что заслуживаетъ быть принятымъ во вниманіе, такъ какъ, въ это время года, воды въ оросительныхъ каналахъ гораздо менѣше. Съ меу получается лишь 300 килогр. горнаго рису, но онъ продается по той же цѣнѣ, какъ и обыкновенный рисъ, вслѣдствіе чего за оба урожая получается съ двухъ меу 177 фр. (т. е. 1330 килогр. рису по 8 фр. за пикуль). Послѣ риса засаживаются поле сурѣпой, дающей съ двухъ меу 300 килогр. сѣмени или

же 75 килогр. масла, по 37 сант. за килогр., и 215 килогр. выжимокъ, по $8\frac{1}{2}$ фр. за пикуль, а всего въ общей сложности 51 фр. 75 сант. Затѣмъ съ этихъ же двѣхъ меу снимается 1080 килогр. клевера, стоимостью въ 23 фр., и 300 килогр. пшеницы, стоимостью въ 45 фр. (включая сюда и солому). Цѣнность всѣхъ пяти урожаевъ на этихъ двухъ меу можетъ быть такимъ образомъ опредѣлена въ 296 фр.

Пять меу, непригодныхъ для орошения, раздѣлены на три поля, изъ которыхъ въ одномъ два меу, а въ двухъ остальныхъ по одному. Въ первомъ полѣ сѣютъ рядами и въ ямкахъ зерна хлопчатника или, если надо поторопиться, высаживаютъ туда молодыя растенія изъ питомника. Хлопчатникъ остается въ полѣ цѣлыхъ четыре мѣсяца, съ начала мая и до начала сентября. Кромѣ того, чтобы подготовить поле подъ хлопокъ, нельзя ничего высѣвать на немъ послѣ пятой жатвы, а когда хлопокъ созрѣеть, то на отведенномъ для него участкѣ уже слишкомъ поздно сажать обыкновенные воздѣльываемые растенія. Хлопчатникъ поэтому самъ по себѣ довольно неудобенъ съ точки зрѣнія земледѣльческаго хозяйства и еслибъ продавать хлопокъ сырьемъ, то отъ него получалось бы мало барыша. Дѣло принимаетъ совершенно иной характеръ, когда хлопокъ перерабатываются дома. Онъ даетъ тогда по вечерамъ работу какъ женщинамъ, занимающимся очисткой его отъ сѣянья и превращенiemъ въ пряжу, такъ и мужчинамъ, превращающимъ эту пряжу въ ткань. Съ каждого меу хлопчатника получается около 90 килогр. сырцеваго хлопка и, слѣдовательно, 60 килогр. очищенаго хлопка (по 70 сант. за килогр.) и 27 килогр. зеренъ (по 25 сант. за килогр.), не считая 90 килогр. соломы, стоимостью въ одинъ фр. Такимъ образомъ, съ трехъ меу получилось бы всего только немногимъ болѣе 129 фр. Превративъ же 180 килогр. очищенаго хлопка въ бумажную ткань, Уангъ-Мингъ-Це получаютъ 80 штукъ тканей, стоимостью каждая по 2 фр. 25 сант., а 80 килогр. зеренъ даютъ 8 килогр. масла, цѣною по 45 сант. за килогр., и 70 килогр. выжимокъ, продающихся по $7\frac{1}{2}$ фр. за пикуль, такъ что въ общей слож-

ности хлопокъ приносить хозяйству доходъ въ 257 фр. 60 сант.

За три или четыре дня передъ тѣмъ, какъ начинаютъ раскрываться головки хлопчатника, засѣваютъ въ промежуткахъ между растеніями гречу, тоже рядами и въ ямкахъ. Ряды эти далеко отстоять другъ отъ друга и за молодой гречей нельзя имѣть надлежащаго ухода до тѣхъ поръ, пока не окончится сборъ хлопка. При такихъ обстоятельствахъ съ меу получается не болѣе 60 килогр. гречи, стоимостью въ 5 фр., и, кромѣ того, на 1 фр. гречаной соломы, что составить съ трехъ меу всего лишь 18 фр. Послѣ гречи высѣваютъ клеверъ, котораго получается съ трехъ меу 1620 килогр., стоимостью въ 35 фр. Послѣ клевера высѣвается пшеница, которая даетъ съ трехъ меу 450 килогр., цѣнностью въ 66 фр. (вмѣстѣ съ соломой).

На одномъ изъ двухъ другихъ меу получается сперва 180 килогр. табачныхъ листьевъ, по 60 сант. килогр., т. е. 108 фр. 60 сант.; потомъ 4000 килогр. листьевъ и стеблей кормового сорго, по 2 фр. за пикуль, т. е. 132 фр. Затѣмъ 2600 килогр. рѣпы, по 1 фр. за пикуль—43 фр., 540 килогр. клеверу, стоимостью 11 фр. и, наконецъ, 150 килогр. пшеницы, цѣнностью въ 20 фр.

Съ послѣдняго меу получается 160 килогр. кукурузы (по 6 фр. за пикуль)—на 16 фр., 4000 килогр. листьевъ и стеблей сорго, по 2 фр. 20 сант. за пикуль—145 фр., 4000 килогр. капусты (95 сант. за пикуль) — 62 фр., 540 килогр. клеверу—11 фр. и 150 килогр. пшеницы—20 фр. Остаются затѣмъ три меу подъ ямсомъ, сахарнымъ тростникомъ и садомъ. Ямсы даютъ съ меу 5000 килогр., продающихся по 4 фр. за пикуль, что составить съ каждого меу 333 фр., но онъ занимаетъ поле въ продолженіе цѣлыхъ почти двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого годичный доходъ съ меу подъ ямсомъ можно принять всего лишь въ 166 съ половиною франковъ.

Сахарный тростникъ требуетъ особаго удобренія. Одинъ обыкновенный навозъ для него не годится, такъ какъ даетъ слишкомъ малое процентное содержаніе са-

хара. Поэтому сахарные плантации попеременно употребляют то навозомъ, то золой, причемъ. преимущество отдают золѣ, приготовленной изъ морскихъ травъ (которые при сожиганіи складываются въ кучу и заваливаются землей, такъ что сожиганіе ихъ происходит какъ бы въ закрытомъ сосудѣ). При такихъ условіяхъ и достаточномъ орошеніи съ одного мѣса плантации получается 4600 килограмм. тростника, дающаго 250 килограмм. сахару, на сумму 57 фр. 50 сант. (считая по 25 сантимовъ за килогр.). Положивъ цѣнность остатковъ отъ производства, равной 8 франкамъ, получимъ въ общей сложности доходъ въ 65 фр. и 50 сант.

Въ саду и на окраинахъ полей у моего пріятеля растутъ семь пальмъ, доставляющихъ пеньку, четыре апельсинныхъ дерева, шесть деревьевъ, доставляющихъ сало, три масличныхъ дерева и, кромѣ того, маленькая бамбуковая рощица. Пальмы даютъ ему материалъ для пряжи, за которую выручается 16 фр. Съ четырехъ апельсинныхъ деревъ получается отъ 1200 до 1300 апельсиновъ, цѣною въ 6 фр., считая по 50 сант. за сотню. Деревья, съ которыхъ получается сало, даютъ 60 килогр. зеренъ, представляющихъ цѣнность въ 6 фр. (по 10 сант. за килогр.). Три масличныхъ дерева приносятъ 35 килогр. ягодъ, т. е. 3 фр. 50 сант. (тоже по 10 сант. за килогр.). Бамбуковая рощица даетъ ежегодный доходъ въ 10 фр., частью въ видѣ камыша, служащаго для приготовленія разныхъ орудій и мебели, частью же въ молодыхъ росткахъ, употребляемыхъ какъ овощь. Такимъ образомъ доходъ съ сада и отдельно растущихъ деревьевъ простирается въ общей сложности до 31 фр. 50 сант., кромѣ нѣкотораго количества плодовъ и овощей для домашняго обихода, не вошедшихъ въ этотъ разсчетъ.

Плоды сального и масличного деревьевъ имѣются въ слишкомъ маломъ количествѣ для того, чтобы ихъ стоило перерабатывать дома, а потому ихъ отправляютъ на рынокъ.

Семья Уанговъ, какъ уже сказано, получаетъ доходы не съ одного лишь воздѣлыванія полей. Она держить

буйвола; но такъ какъ для него въ ея собственномъ хо-
зяйствѣ нѣть работы на круглый годъ, то буйволъ этотъ
отдается въ наемъ выдѣлившемуся изъ семьи младшему
сыну и двумъ или тремъ сосѣдямъ. Въ теченіе 140 дней
въ году буйволъ, зарабатывая своимъ хозяевамъ по полу-
тора франка въ день, выручаетъ 210 фр. Еще значи-
тельный доходъ съ птичьяго двора и съ выкармливанія
поросятъ. Въ промежуткахъ между уборкой воздѣлывае-
мыхъ растеній и посадкой новыхъ выпускаютъ на поля
поросятъ, утокъ, куръ, которые находять себѣ тамъ
обильную пищу, особенно же послѣ того, какъ была пу-
щена вода. За поросятами и домашней птицей уха-
живаются женщины и молодыя дѣвушки, которыя отлично
выучиваются этому дѣлу. Никто лучше г-жи Уангъ не
умѣеть составлять и разнообразить, соотвѣтственно вре-
мени года, мѣсиво для поросятъ. Г-жа По-И съ неподра-
жаемымъ искусствомъ отличаетъ хорошія яйца отъ бол-
туновъ и приготовляетъ кормъ для цыплятъ. Поросятъ
Уангъ-Мингъ-Це дома не выводить. Это особая спеціаль-
ность. Чтобы не вырождалась раса туземныхъ свиней, ко-
торыя не очень крупны ростомъ, но рано развиваются и
быстро жирѣютъ, приходится иногда выписывать изда-
лека борововъ. Къ тому же въ мелкомъ хозяйствѣ было
бы неудобно выкармливать заразъ всѣхъ новорожден-
ныхъ поросятъ даже и отъ одной свиньи. Несравненно
проще и выгоднѣе отдѣлять въ данномъ случаѣ выкар-
мливаніе отъ производства. Уанги, какъ и прочие со
сѣдніе земледѣльцы, выкармливаютъ поросятъ четыре
раза въ годъ, каждый разъ по три поросенка. Поку-
паютъ поросятъ въ возрастѣ 6 или 7 недѣль и продаютъ
ихъ черезъ три мѣсяца уже откормленными. При по-
купкѣ поросенокъ вѣситъ 15 — 16 килогр. и стоить
всего лишь 4 фр. 60 сант., а при продажѣ онъ вѣситъ
112 килогр. и стоить 32 фр. 50 сант. (по 29 сант. за
килогр.). За двѣнадцать штукъ откормленныхъ поросятъ
Уанги выручаютъ поэтому 390 фр. Поросятъ никогда
не откармливаютъ до максимума ожирѣнія. Это обошлось
бы слишкомъ дорого и не окупило бы расходовъ по произ-
водству добавочнаго вѣса.

У г-жи Уангъ двѣ козы, которых ежегодно приносят по парѣ козлять. Эти козлята продаются въ четырехмесячномъ возрастѣ по 5 фр. за штуку, что составить 20 фр. за четырехъ.

Птичій дворъ, на которомъ постоянно держится дюжина куръ и штукъ 20 утокъ, ежегодно доставляетъ 150 цыплятъ и молодыхъ утокъ, стоящихъ 45 фр. (по 30 сант. за штуку). Кроме того, съ него получается 2000 куриныхъ яицъ на 58 фр. (по 35 сант. дюжина) и 1500 утиныхъ яицъ на 50 фр. (считая по 40 сант. за дюжину). Такимъ образомъ, скотный и птичій дворъ доставляютъ Уангамъ доходъ въ 773 фр. Нечего и говорить, что куры и цыплята на китайскихъ рынкахъ не такъ appetитны какъ наши и гораздо легковѣснѣе. Курица не вѣситъ тамъ болѣе полутора фунтовъ. Китайцы гонятся болѣе всего за дешевизной, а производство второго фунта мяса обходится гораздо дороже, чѣмъ производство первого. Если цыпленокъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 фунта стоить 30—35 сант., то при вѣсѣ въ $2\frac{1}{2}$ —3 ф. онъ обойдется не менѣе 78—80 сант. Чтобы пріобрѣсти откормленныхъ куръ и цыплятъ, вѣсомъ въ 5—6 фунт., надо ихъ предварительно заказать или же купить у торговца, знакомаго съ требованиями своего клиента. Однако же, въ большихъ городахъ, на рынкахъ, нерѣдко встречаются куры въ 3 или 4 фунта вѣсомъ.

Продукты птичьяго двора отправляются на рынокъ самими хозяевами или же уступаются на мѣстѣ скupщикамъ, которые потомъ перепродаютъ ихъ на рынки. Въ большинствѣ случаевъ скupщики довольствуются сравнительно ничтожнымъ барышомъ. Они покупаютъ поросль и козъ по рыночной цѣнѣ, расчитывая только фунтъ въ 18 унцій, вмѣсто 16. Точно также на каждую дюжину яицъ хозяйка прибавляетъ имъ двѣ штуки лишнихъ. Въ большихъ городахъ перекупщики получаютъ, впрочемъ, гораздо большіе барыши.

Подробный инвентарь сельско-хозяйственныхъ орудій.

1 большая водокачальная машина съ приводомъ для буйвола, зачастую одолжаемаясосѣдямъ, стоитъ 58 фр.; 1 такая же машина меньшей величины для двухъ рабочихъ—32 фр., 1 плугъ—15 фр., 1 деревянная борона—12 фр., 2 большихъ желѣзныхъ грабель (по 2 фр. штука)—4 фр., 5 ручныхъ двоезубыхъ мотыгъ (по $1\frac{1}{2}$ фр. штука)— $7\frac{1}{2}$ фр., 2 большихъ мотыги съ 4 зубьями (по $2\frac{1}{2}$ фр.)—5 фр., 2 серпа (по $2\frac{1}{2}$ фр.)—5 фр., 1 ящикъ для вымолачиванія риса—15 фр., 4 ведра для носки удобренія (по 5 фр. за пару)—10 фр., 4 такихъ же ведра меньшей величины (по 4 фр. за пару)—8 фр., 2 большихъ ложки для удобренія (по $1\frac{1}{2}$ фр. за штуку)—3 фр., 2 такихъ же малыхъ ложки (по 1 фр. 10 сант.)—2 фр. 20 сант., 3 большія глиняныя вазы для удобренія (по 7 фр. за штуку)—21 фр., 2 деревянныя лопаты (по 2 фр.)—4 фр., 2 молотильныхъ цѣпа для пшеницы (по 2 фр. 25 сант.)—4 фр. 50 сант., 2 коромысла для ведеръ (по 1 фр. 25 сант.)—2 фр. 50 сант. Итого земледѣльческихъ орудій на 208 фр. 70 сант. Затѣмъ для подготовленія и помола зеренъ имѣются еще слѣдующія орудія: 1 деревянная мельница для обдирки риса—10 фр. *), 1 ручная вѣялка—12 фр., 2 сита (по 1 фр. 25 сант.)—2 фр. 50 сант., 1 мукомольная мельница съ каменными жерновами—18 фр., ступа съ пестомъ—15 фр. Всего въ общей сложности на 57 фр. 50 сант. Для изготавленія чая употребляются: 4 кирпичныя печи (по 12 фр.)—48 фр., 4 желѣзныхъ противня (по 6 фр.)—24 фр., 50 цыновокъ для просушки чая (по 1 фр.)—50 фр., 4 маленькия деревянныя лопаточки для переворачиванія чайныхъ листьевъ (по 25 сант.)—1 фр. Всего же на 123 фр.

Для обработки хлопка и для выдѣлки бумажныхъ

*) Буйоловый приводъ къ ней тотъ же, какъ и для водокачальной машины.

тканей служать: 1 машинка для очистки хлопка отъ сѣмянъ—9 фр., 2 самопрялки (по 3 фр.)—6 фр., 1 ткацкій станокъ—28 фр. Всего же на 40 фр.

Кромѣ того въ хозяйствѣ Уанговъ имѣется: 1 мельница для сурѣпы—18 фр., прессъ для выжиманія масла—40 фр., 1 мельница для выдавливанія сока изъ сахарного тростника (съ каменнымъ бѣгуномъ)—40 фр., 3 котла (по 7 фр.)—21 фр. и 2 желѣзныя ложки (по 3 фр.)—6 фр. Всего на 125 фр.

Я чуть было не забылъ про соломорѣзку (сѣчку), стоящую 20 фр., и 4 чана (по 3 фр. за штуку) для приготовленія корма скоту, общую стоимостью въ 12 фр.

Цѣнность всѣхъ перечисленныхъ здѣсь хозяйственныхъ орудій и принадлежностей составляетъ въ общей сложности 578 фр. 20 сант. Содержаніе ихъ въ порядкѣ должно ежегодно обходитьсь, среднимъ числомъ въ 10% съ этой суммы, т. е. въ 58 фр.

Расходы на пищу семьи и домашнихъ.

Главнѣйшія статьи расходовъ слѣдующія: 5 килогр. рису (по 8 фр. за пикуль)—664 фр., 250 килогр. пшеницы (по той же цѣнѣ)—32 фр., 150 килогр. горохасои для приготовленія вермишели и сыра *ту-гу* (считая по 18 сант. за килогр., какъ если бы горохъ шель на приготовленіе масла)—27 фр., соленой капусты и рѣпы 800 килогр. на 18 фр. (среднимъ числомъ по 1 фр. за пикуль), сушеныхъ овощей 100 килогр. на 28 фр. (по 20 фр. за пикуль), мелкихъ бобовъ, бадижановъ и т. п. 500 килогр. (по 4 фр. за пикуль)—34 фр., морскихъ водорослей 180 килогр. (по 15 фр. за пикуль)—45 фр., сушеної и соленої рыбы, креветокъ, раковъ, ракушекъ и т. п. 420 килогр. (по 27 фр. за пикуль)—189 фр., свѣжей рыбы 400 килогр. (по $4\frac{1}{2}$ фр. за пикуль)—30 фр., свѣжей свинины 110 килогр. (по 34 сант. за килогр.)—32 фр., соленої свинины и ветчины 50 килогр. (по 1 фр. за килогр.)—50 фр., бара-

нины и козьяго мяса 40 килогр. (по 25 сант. за килогр.)—8 фр., куръ и утокъ 150 штукъ (по 30 сант. за штуку)—45 фр., свиного сала 120 килогр. (по 75 сант. за килогр.)—90 фр., куриныхъ яицъ 450 штукъ (по 25 сант. дюжина)—14 фр. 15 сант., сушеныхъ грибовъ 60 килогр.—20 фр., масла 200 килогр., употребляемаго въ пишу и для освѣщенія (по 45 сант. за килогр.)—90 фр., соли 120 килогр. (считая сюда и ту, которая скармливается скоту по 3 фр. за пикуль)—6 фр., чаю 60 килогр.—70 фр., сахару 90 килогр. (по 25 сант. за килогр.)— $22\frac{1}{2}$ фр., водки 100 килогр. (по $10\frac{1}{2}$ фр. за пикуль)—17 фр., соломы для отопленія кухни—50 фр.; плоды и ликеры домашняго производства въ счетъ не включены. Затѣмъ вся сумма расходовъ по этой статьѣ составляетъ 1589 фр.

Прокормлѣніе домашняго скота и птицы.

Кормъ буйволу даютъ въ разныя времена года различный, но всегда мѣсиво. Солома, клеверъ, сушеное или свѣжее сорго, рѣпа, избоина—все это мелко рубится и смѣшивается съ небольшимъ количествомъ воды и соли. Въ теченіе года буйволъ съѣдаетъ 6500 килогр. рисовой соломы (по 65 сант. за пикуль)—60 фр. 20 сант., 2000 килогр. клеверу (по 1 фр. 20 сант. за пикуль)—39 фр. 60 сант., 5000 килогр. рѣпы (1 фр. за пикуль)—83 фр. 70 сант., 1000 килогр. кормовой сои (по 2 фр. 20 сант. за пикуль)—33 фр. 70 сант., 450 килогр. избоины (по $8\frac{1}{2}$ фр. за пикуль)—63 фр. 75 сант. Всего же кормъ его стоитъ 311 фр. 20 сант., не считая 3000 и даже болѣе килогр. разныхъ отбросовъ, рисовой и пшеничной мякины, отрубей, мелкихъ зеренъ и т. п.

Поросыта съѣдають тоже въ видѣ мѣсива 1590 килогр. рѣпы, на 25 фр., 450 килогр. избоины, на 63 фр. 75 сант., 1500 килогр. сорго и выжимокъ сахарного тростника (по 2 фр. 20 сант. за пикуль)—55 фр. Всего же кормъ ихъ обходится въ 143 фр., также не принимая

въ расчетъ громадной массы разныхъ отбросовъ, мякины, отрубей, мелкихъ зеренъ, остатковъ отъ овощей, обрѣзковъ ямса, и т. п., въсомъ въ общей сложности не менѣе 4000 килогр.

Курамъ и цыплятамъ значительная часть корма дается также въ видѣ мѣсива. На нихъ полагается 120 килогр. гречи или пшеницы нисшаго сорта (по 5 фр. за пикуль) — 10 фр., 100 килогр. избоины — 15 фр., 100 килогр. крупныхъ бобовъ (по 11 фр. за пикуль) — 19 фр., 100 килогр. кукурузы (по 6 фр. за пикуль) — 10 фр., 250 килогр. рису (по 8 фр. за пикуль) — 33 фр., 180 килогр. ямса (по 4 фр. за пикуль) — 12 фр. Всего же въ общей сложности 98 фр., тоже не считая 400 или 500 килогр. разныхъ отбросовъ, подбираемыхъ ими въ полѣ.

Что касается до козъ, то полукаемое отъ нихъ молоко потребляется полностью дома. Уангъ-Мингъ-Це считаетъ, что молоко это равноцѣнно стоимости корма, съѣдаемаго козами. Правильнѣе было бы сказать, что содержаніе ихъ вовсе не было принято въ расчетъ. Это фантазія г-жи По-И, которая непремѣнно хотѣла кормить дѣтей молокомъ. Продовольствіе же домашней птицы и скота, за исключеніемъ козъ, составляетъ въ общей сложности 552 фр. 20 сант.

Инвентарь мебели.

Длинный столъ въ залѣ стоитъ 45 фр. Четыреугольный столъ — 36 фр. Шкафъ надъ длиннымъ столомъ — 60 фр. Китайскія вазы, подсвѣчники и цвѣточныя вазы — 70 фр. Сундукъ для архива — 30 фр. Книжный шкафъ — 30 фр., 4 кресла и 2 столика — 110 фр., 10 штукъ разныхъ стульевъ и табуретовъ — 40 фр., а всего 421 фр. Въ другихъ комнатахъ имѣются 3 большихъ кровати по 138 фр. — 314 фр., 3 дѣтскихъ кровати по 30 фр. — 60 фр. и 1 маленькая кроватка — 10 фр. Всѣ эти кровати съ камышевыми плетенками, сверхъ которыхъ кладутъ тюфяки или, лучше сказать, одѣяла, такъ какъ въ

Китаѣ не употребляютъ такихъ тюфяковъ какъ у насъ. Мѣсто ихъ заступаютъ толстыя ватныя одѣяла. На каждую кровать полагается два такихъ одѣяла. Они стоять по 20 фр. штука для большихъ кроватей и по 12 фр. штука для маленькихъ, что составить 240 фр. для всѣхъ 8 кроватей. Въ жаркое время года, вмѣсто того чтобы ложиться прямо на тюфякъ, покрываютъ его тонкой цыновкой. Для каждой кровати полагается 1 цыновка, стоимостью отъ 1 до 2 фр., что составить для 8 кроватей приблизительно 12 фр. Китайцы и китаянки спать обыкновенно въ исподнемъ бѣльѣ. Каждая кровать снабжена также пологомъ. Для трехъ большихъ кроватей пологъ стоить по 20 фр. штука, а для 4 меньшихъ по 12 фр. Считая за пологъ дѣтской кроватки всего лишь 6 фр., получимъ за всѣ 8 пологовъ — 114 фр. Вообще кровати съ постелями и пологомъ стоять въ совокупности 790 фр. Это немного дорого, но китайцы считаютъ кровать, послѣ гроба, самой важной мебелью. Богачи заводятъ себѣ гробы и кровати цѣнностью въ нѣсколько тысячъ франковъ.

За кроватями слѣдуютъ 4 шкафа въ комнатахъ старушки Уангъ-Лай-лай, ея внучки Сіу-Ліенъ, самого Уангъ-Мингъ-Це и По-И. Первый изъ нихъ стоить 50 фр., два другихъ — 40 и 36 фр., а послѣдній — 20 фр. Кромѣ того есть еще 8 сундуковъ камфарного дерева и кожанныхъ чемодановъ по 10 — 12 фр. штука, общею стоимостью въ 90 фр. Три большихъ круглыхъ стола и 1 четыреугольный столъ, цѣною всего въ 65 фр. Четыре большихъ умывальныхъ стола съ оловянными и фарфоровыми приборами. Первые изъ нихъ стоять по 35 фр., а вторые по 15. Стоимость всѣхъ четырехъ умывальныхъ столовъ 100 фр. Туалетные принадлежности трехъ дамъ и молодой дѣвушки стоять для каждой среднимъ числомъ по 10 фр., а для всѣхъ — 40 фр.; 4 зеркала (по 3 фр.) — 12 фр. Сверхъ того въ этихъ 4 комнатахъ имѣется 2 большихъ кресла и 10 стульевъ, общей цѣной въ 120 фр.; 8 маленькихъ оловянныхъ подсвѣчниковъ, по $2\frac{1}{2}$ фр., и 2 мѣдные лампы по 6 фр. въ общей сложности 30 фр. Вся мебель тамъ изъ бѣлаго лакированного дерева.

Въ другихъ дѣтскихъ комнатахъ, кромѣ кроватей, имѣется въ каждой лишь 2 скамьи по 2 фр., сундукъ въ 5 фр. и 1 умывальный столикъ съ гарнитурой изъ самаго плохого фарфора, стоящій не болѣе 6 фр. Общая цѣнность мебели въ этихъ двухъ комнатахъ не превышаетъ такимъ образомъ 30 фр.

Всего же стоимость всей перечисленной до сихъ поръ мебели простирается до 1844 фр.

Въ комнатѣ служанки стоитъ кровать съ одѣялами, цыновкой и пологомъ, цѣнностью въ 50 фр., сундукъ въ 5 фр., умывальный столикъ въ 6 фр. и двѣ скамьи по 2 фр. Въ общей сложности мебели тамъ наберется на 65 фр.

За этимъ слѣдуетъ инвентарь кухонной мебели и принадлежностей: 1 кирпичная печь съ пятью очагами—50 фр., 5 жѣлѣзныхъ котловъ по 3 фр.—15 фр., 6 жѣлѣзныхъ кастрюль по 1 фр.—6 фр., 3 большихъ мѣдныхъ ложки, чтобы размѣшивать рисъ, по 2 фр.—6 фр., 6 маленькихъ мѣдныхъ ложекъ по 25 сант.—1 фр. 50 сант., еще 6 маленькихъ ложекъ по 20 сант.—1 фр. 20 сант., 3 жѣлѣзныхъ лопатки по 1 фр. 50 сант.—4 фр. 50 сант., 2 щипцовъ по 1 фр. 25 сант., 2 фр. 50 сант., 5 крышекъ для котловъ по 2 фр.—10 фр., 4 большихъ глиняныхъ сосуда для воды по 8 фр.—32 фр., 6 большихъ горшковъ для консервовъ по 7 фр.—42 фр., 2 кухонныхъ шкафа по 16 фр.—32 фр., 2 стола по 5 фр.—10 фр., 1 чурбанъ для рубки мяса—6 фр., 50 простыхъ чашекъ—3 фр., 50 фарфоровыхъ тарелокъ—6 фр., 20 блюдъ—6 фр., 20 мисокъ—7 фр., 30 меньшихъ мисокъ—8 фр., 40 чайныхъ чашекъ съ крышками и блюдечками— $6\frac{1}{2}$ фр., 40 маленькихъ чашекъ для водки—2 фр., 50 фарфоровыхъ ложекъ— $2\frac{1}{2}$ фр., 40 паръ деревянныхъ мисочекъ— $1\frac{1}{2}$ фр., 40 паръ бамбуковыхъ мисочекъ—75 сант., 2 большихъ кухонныхъ ножа по 1 фр. 25 сант.—2 фр. 50 сант., 6 бамбуковыхъ корзинъ по 1 фр. 10 сант.—6 фр. 60 сант., 6 ведеръ по 3 фр.—18 фр., 4 меньшихъ ведра по 2 фр. 40 сант.—9 фр. 60 сант., 6 деревянныхъ лакированныхъ мисокъ по 2 фр.—12 фр., 4 скамьи по 1 фр. 50 сант.—6 фр. и 4

бамбуковыхъ стула по 60 сант.—2 фр. 40 сант. Кухон-
ная мебель и принадлежности стоять въ общей слож-
ности 316 фр.

Инвентарь одежды.

Мужской гардеробъ состоять изъ 3 парадныхъ касто-
ровыхъ шляпъ съ кистями изъ красного шелка, шнурами
и на атласной подкладкѣ по 8 фр.—24 фр., 3 простыхъ
валеныхъ шляпъ по 2 фр.—6 фр., 5 войлочныхъ кол-
паковъ по 65 сант.—3 фр. 75 сант., 5 атласныхъ кол-
паковъ на подкладкѣ съ красными шелковыми кистями
по 2 фр. 25 сант.—11 фр. 25 сант., 5 атласныхъ вор-
отниковъ на подкладкѣ по 1 фр. 85 сант.—6 фр.
25 сант., 20 рубахъ изъ бумажной ткани по 2 фр.—40 фр.
(Это, собственно говоря, маленькая рубашка въ родѣ
курточки.) 20 панталонъ изъ бумажной ткани по 1 фр.
75 сант.—35 фр., 5 паръ стеганныхъ гамашъ на ватѣ, на-
дѣвающихся сверхъ панталонъ, по 6 фр.—30 фр., 4 боль-
шихъ рабочихъ передника, въ родѣ юбокъ, по 6 фр.—
24 фр., 4 пары брюкъ изъ толстой ткани для работы зимой
по 7 фр.—28 фр., 4 большихъ плаща (*ма-куа*) на ватѣ
по 12 фр.—48 фр., 3 стеганныхъ халата на ватѣ для
взрослыхъ по 22 фр.—66 фр., 2 такихъ же халата для
мальчика по 16 фр.—32 фр., 6 большихъ халатовъ изъ
бумажной матеріи по 11 фр.—66 фр., 3 маленькихъ ха-
лата по 9 фр.—27 фр., 3 халата изъ голубой шелковой
матеріи по 40 фр.—120 фр., 3 суконныхъ накидки и
пелеринки (*ма-куа*) по 12 фр.—36 фр., 3 пары шелковыхъ
гамашъ по 7 фр.—21 фр., 3 большихъ шелковыхъ по-
яса по $4\frac{1}{2}$ фр.—13 фр. 50 сант., 6 бумажныхъ поясовъ
по 2 фр.—12 фр., 3 суконныхъ накидки на барашковомъ
мѣху по 36 фр.—108 фр., 3 казакина на мѣху по 21
фр.—63 фр., 3 большихъ жилета по 9 фр.—27 фр., 3
такихъ же меньшей величины по 6 фр.—18 фр., 20 паръ
чулокъ, сшитыхъ изъ бумажной ткани, по 1 фр.
25 сант.—25 фр., 10 паръ обыкновенныхъ башмаковъ изъ

толстой шелковой тафты по 3 фр. 40 сант.—34 фр., 5 паръ атласныхъ башмаковъ на подкладкѣ по 5 фр.—25 фр., 10 паръ кожаныхъ башмаковъ разной величины по 2 фр.—20 фр., 4 дождевыхъ зонта изъ бумаги, пропитанной масломъ, по 2 фр. 80 сант.—11 фр. 20 сант., 3 рабочихъ ватерпруфа изъ пальмовой пеньки по 6 фр.—18 фр., 2 пары серебрянныхъ часовъ по 72 фр. пара (китайцы почти никогда не покупаютъ часы по-штуочно, имъ продаютъ часы парами въ особыхъ для того футлярахъ)—144 фр., 6 вѣровъ по 75 сант.—4 фр. 50 сант. Веего же на 1152 фр. 45 сант.

Гардеробъ трехъ дамъ и трехъ молодыхъ девушки состоять: изъ трехъ серебрянныхъ шпилекъ для волосъ по 70 фр. 50 сант.—22 фр. 50 сант., 3-хъ такихъ же шпилекъ меньшей величины по 3 фр. 20 сант.—9 фр. 60 сант., 2-хъ шпилекъ съ нефритовыми головками по 12 фр.—24 фр., 5-ти серебрянныхъ колецъ, стоящихъ 50 фр., 4-хъ паръ серебрянныхъ серегъ по 9 фр.—36 фр., 6-ти серебрянныхъ браслетовъ, общей стоимостью въ 110 фр., 2-хъ паръ нефритовыхъ серегъ по 15 фр.—30 фр., 2-хъ нефритовыхъ браслетовъ—40 фр., 3-хъ шиньоновъ по $3\frac{1}{2}$ фр.—10 фр. 50 сант., 30 штукъ искусственныхъ цветовъ—20 фр., 6 атласныхъ чепчиковъ разной величины по 3 фр.—18 фр., 24 рубашекъ бумажной ткани по 2 фр.—48 фр., 24 такихъ же панталонъ по $1\frac{1}{2}$ фр.—36 фр., 10 юбокъ по 5 фр.—50 фр., 4 шелковыхъ плаща по 10 фр.—40 фр., 4 шелковыхъ платьевъ по 36 фр.—144 фр., 3 болѣе нарядныхъ платьевъ по 50 фр.—150 фр., 6 нарядныхъ шелковыхъ поясовъ по 10 фр.—60 фр., 4 шелковыхъ панталонъ на ватѣ для взрослыхъ по 14 фр.—56 фр., 2 меньшихъ панталонъ по 9 фр.—18 фр., 4 плаща изъ бумажной ткани на ватѣ по 10 фр.—40 фр., 4 шелковыхъ платьевъ на ватѣ по 45 фр.—180 фр., 4 шелковыхъ кофты для взрослыхъ по 11 фр.—44 фр., 2 такихъ же маленькихъ кофты по 7 фр.—14 фр., 3 очень нарядныхъ шелковыхъ кофты на барашковомъ мячу по 24 фр.—72 фр., 4 большихъ ватерпруфа изъ бумажной ткани по 10 фр.—40 фр., 12 передниковъ по 50 сант.—6 фр., 6 домашнихъ шел-

ковыхъ передниковъ по 4 фр.—24 фр., 15 паръ башмаковъ по 2 фр. 50 сант.—37 фр. 50 сант., 6 паръ болѣе нарядныхъ башмаковъ по 4 фр.—24 фр., 4 дождевыхъ зонтовъ по 2 фр. 50 сант.—10 фр., 6 простыхъ вѣровъ по 25 сант.—1 фр. 50 сант., 4 болѣе нарядныхъ по 2 фр. 50 сант.—10 фр. Одежда маленькаго ребенка въ общей сложности стоить 50 фр. Все же вмѣстѣ составить 1527 фр. 60 сант., а прибавивъ сюда стоимость мужскаго гардероба въ 1152 фр. 45 сант., получимъ для всей семьи стоимость одежды въ 2680 фр.
